ЧИТ.ЗАЛ

ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2005

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.maik.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2005

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2005 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2005

О векторе распространения "колесничных" культур эпохи бронзы
Матвеев Ю. П. 5

К изучению хронологии колхидской культуры
Скаков А. Ю. 16

Фортификации саргатской культуры (по материалам Рафайловского городища)
Матвеева Н. П. 25

О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый)
Перерва Е. В. 36

Археоастрономический аспект при реконструкции мировоззрения древнего населения
Потемкина Т. М. 45

Проблемы изучения древней керамики

К 75-летию Александра Афанасьевича Бобринского
Цетлин Ю. Б., Волкова Е. В. 61

Современное состояние и некоторые задачи изучения древней керамики
Цетлин Ю. Б. 69

Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I–II Хвалынских могильников
Васильева И. Н. 76

Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья
Салугина Н. П. 85

Технологические особенности древнейшей керамики каширских городищ раннего железного века
Лопатина О. А. 93

Хронология позднесредневековой керамики бассейна Верхней Оки
Болдин И. В. 100

Публикации

П-образные храмы II тысячелетия до н.э. на Центральном побережье Перу
Башилов В. А. 113

Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского Музея (Майнц)
Кулаков В. И. 123

Две "хазарские" надписи из Юго-Западного Крыма
Виноградов А. Ю., Комар А. В. 128

Изображения на средневековой керамике как источник по военному делу (находки из Азербайджана)
Ахмедов С. А., Джафарова Э. Б. 133

К изучению южнорусских колодцев X–XIII вв.
Моргунов Ю. Ю. 141

История науки

К 100-летию со дня рождения С. В. Киселева

Сергей Владимирович Киселев (1905–1962 гг.)
Мерперт Н. Я. 149

Сергей Владимирович Киселев (1905–1962 гг.) и Лидия Алексеевна Евтюхова (1903–1974 гг.)
Кызласов Л. Р. 156

Критика и библиография

А.А. Масленников. Древние земляные пограничко-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003
Колтухов С. Г. 161

А.В. Курбатов. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. СПб. Петербургское Востоковедение, 2004
Осипов Д. О. 165

Вестник археологии, антропологии и этнографии
Дроздов Н. И. 169

Хроника

XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Москва, 2004)
Козенкова В. И., Албегова З. Х. 172

Современные направления в радиоуглеродном датировании археологических объектов (Обзор трудов конференций 2002–2003 гг.)
Кузьмин Я. В. 177

К юбилею Марины Глебовны Мошковой
Яблонский Л. Т. 182

Александр Владимирович Виноградов
Формозов А. А., Яблонский Л. Т. 186

Памяти Карла Фредрика Мейнандера (1916–2004)
Кузьминых С. В. 189

Список сокращений 192

Сдано в набор 11.04.2005 г. Подписано к печати 16.06.2005 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 22.3 тыс. Уч.-изд. л. 25.4 Бум. л. 12.0
Тираж 911 экз. Зак. 419

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 3, 2005

Concerning the direction of spreading of the Bronze Age "chariot cultures"
Matveev Yu. P. 5

Investigation of the Colchis culture chronology
Skakov A. Yu. 16

Fortifications of Sargatka culture (materials from the hillfort Rafailovo)
Matveeva N. P. 25

Concerning scalping among the Sarmatians (according to the data from the cemetery Novy)
Pererva E. V. 36

Archaeoastronomic aspect in reconstructing ancient population's world-outlook
Potemkina T. M. 45

Problems of ancient ceramics investigations

Commemorating the 75th anniversary of Aleksandr Afanas'evich Bobrinsky
Tsetlin Yu. B., Volkova E. V. 61

The present state of study on ancient ceramics and some research problems
Tsetlin Yu. B. 69

Comparative technological analysis of clay vessels from the cemeteries S'ezzhee and Khvalynsk I and II
Vasil'eva I. N. 76

Repin-khutor type's pottery technology from Pit-grave culture burials in the Volga-Urals region
Salugina N. P. 85

Technological features of the earliest pottery from the Early Iron Age hillforts (Kashira district of Moscow region)
Lopatina O. A. 93

The late medieval Russian pottery (the Upper Oka basin)
Boldin I. V. 100

Publications

U-shaped temples of the II millennium BC on the Central Peru coast
Bashilov V. A. 113

The Baltic zone fibulae with circular elements from Fundkopien of Römisch-Germanischen Zentralmuseum in Mainz
Kulakov V. I. 123

Two Khazarian inscriptions from South-West Crimea
Vinogradov A. Yu., Komar A. V. 128

Figurative representations on medieval pottery as a source of information on warfare (the finds from Azerbaijan)
Akhmedov S. A., Djafarova E. B. 133

Concerning investigations of South Russian wells of the 10th–13th cc.
Morgunov Yu. Yu. 141

History of science
In commemoration of the 10th anniversary of S.V. Kiselev

Sergej Vladimirovich Kiselev (1905–1962)
Merpert N. Ya. 149

Sergej Vladimirovich Kiselev (1905–1962) and Lidiya Alekseevna Evtyukhova (1903–1974)
Kyzlasov L. R. 156

Critics and bibliography

A.A. Maslennikov. Ancient earthen border defensive fortifications in Eastern Crimea. Moscow, 2003
Koltukhov S. G. 161

A.A. Kurbatov. Tanning production in Tver' in 13th–15th cc. St-Petersburg, 2004
Osipov D. O. 165

The journal "Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii"
Drozdov N. I. 169

Chronicle

XXIII Krupnov colloquium on the archaeology of the North Caucasus (Moscow, 2004)
Kozenkova V. I., Albegova Z. Kh. 172

Modern trends in radiocarbon dating of archaeological objects.
(Review of the proceedings of the conferences held in 2002–2003)
Kuzmin Ya. V. 177

Commemorating the jubilee of Marina Glebovna Moshkova
Yablonsky L. T. 182

Aleksandr Vladimirovich Vinogradov
Formozov A. A., Yablonsky L. T. 186

In memory of Carl Fredrik Meinander (1916–2004)
Kuzminykh S. V. 189

List of abbreviations 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 5–15

О ВЕКТОРЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ "КОЛЕСНИЧНЫХ" КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ*

© 2005 г. Ю. П. Матвеев

Воронежский государственный университет

Элитарные воинские захоронения начала эпохи поздней бронзы впервые были обнаружены в Покровских курганах. Выявление синташтинских и позже потаповских захоронений легло в основу идеи о распространении инновационных процессов этой эпохи с востока. Предлагается следующая пространственно-временная модель культурогенеза: синташтинская культура → потаповская "культура" → покровская "культура" → срубная культура (Васильев и др., 1999. С. 14–37). Соответственно предполагается тот же вектор распространения колесниц и колесничного оснащения: "передача первичного культурного импульса эпохи боевых колесниц происходила из Зауралья на запад" (Отрощенко, 1998. С. 56).

Воинские захоронения Подонья, в том числе с колесничной атрибутикой, при таком подходе интерпретируются как более поздние – "покровские", "потаповские" или тоже "покровские", но отражающие процесс возврата обогатившихся на востоке медью и цивилизованностью абашевцев назад (Горбунов, 1990. С. 13–17; Синюк, 1996. С. 206). Немаловажна и убежденность в их специфичности, малочисленности и узости пространственных и временных границ.

Для прояснения ситуации следует прежде всего определиться в вопросе количественного соотношения колесничных захоронений лесостепного Подонья и Зауралья (рис. 1). Сейчас в Подонье известно более 20 захоронений с псалиями или их деталями, символизирующими колесницу (таблица). Почти все они ограблены еще в древности.

В погребении 1/4 Новоусманского могильника (Пряхин, Матвеев, 1979. С. 71–78) псалиев не было, но там находились полные костяки двух лошадей (определение И.Е. Кузьминой ЗИ РАН), расположение которых по отношению к покойному и инвентарю предполагает присутствие самой колесницы. Однако приведенный перечень далеко не отражает действительное количество колесничных погребений на данной территории. Известно большое число абашевских и отдельных захоронений переходного типа, ("покровских"), с могильными ямами, соответствующими параметрам колесничных захоронений, но без псалиев. Обычно они ограблены в еще большей степени. Есть такие захоронения и в могильниках, где кость не сохраняется из-за особенностей грунта. Судя по присутствию в большинстве из них предметов вооружения, это явно воинские погребения. Возможно, часть из них – захоронения пеших воинов. Но размер могильных ям (6–8 м^2 и более), расположение умерших у стен, наличие остатков деревянных изделий, не связанных с перекрытием, поразному организованными жертвоприношениями лошади позволяет предположить, что среди них есть и захоронения воинов-колесничих. В их далеко не полный список входят: Скорняково; Введенка, 1/1, 1/3; Чурилово-1, 1/1, 5/1; Чурилово-2, 1/3, 1/6; Б. Ясырки 1/1, 2/1, 4/1, 5/2; Левобережный Березовский 1/5, 2/1, 8/2, 10/1; Шишовка 1/2, 1/3, 1/4; Софьино 1/1, 3/1, 6/1; Подгорное-1, 1/1; Усманский курган 1/4; Новоусманский 1/1; Ширяево 1/3; Орлиное болото 2/1; Павловск-1, 57/2; Павловск-2, III/1; Селезни-1, 1/1, 2/5; Графская 15/8; Радченское 1/1; Нижняя Ведуга 1/2. Примечательно, что именно одно из этих погребений, Ширяево 1/3, В.В. Отрощенко считает классическим "склепом колесничего" (1996. С. 14–16). Судя по обрядности, к ним относятся и около двух десятков погребений Подклетненского могильника, ограбленных практически полностью, разрушенное погребение с копьем и ножами из Ильменского могильника (Пряхин, Матвеев, 1988. Рис. 55, *89*), погребение с копьем из Тюнинского могильника (Пряхин, 1977. С. 26), захоронение с кинжалом из недавно разграбленного кургана у с. Нечаевка под Воронежем (Пряхин, Саврасов, 1999. С. 73) и др.

Следует отметить и тот факт, что курганные древности Лесостепного Подонья исследованы пока в очень ограниченном объеме. В Воронежской области до 1960–1970-х годов были известны лишь единичные курганы, раскопанные преимущественно еще до революции. Но и в период наиболее интенсивных исследований курганов в 1970–1980-е гг. бóльшая их часть раскапывалась в степных районах, где колесничные захоронения пока не идентифицированы. В Липецкой и Тамбовской областях общее число всех исследованных курганов не превышает трех-четырех десятков. Но именно здесь выявлено наибольшее чис-

*Тезисное изложение положений настоящей статьи опубликовано ранее (Матвеев, 2003).

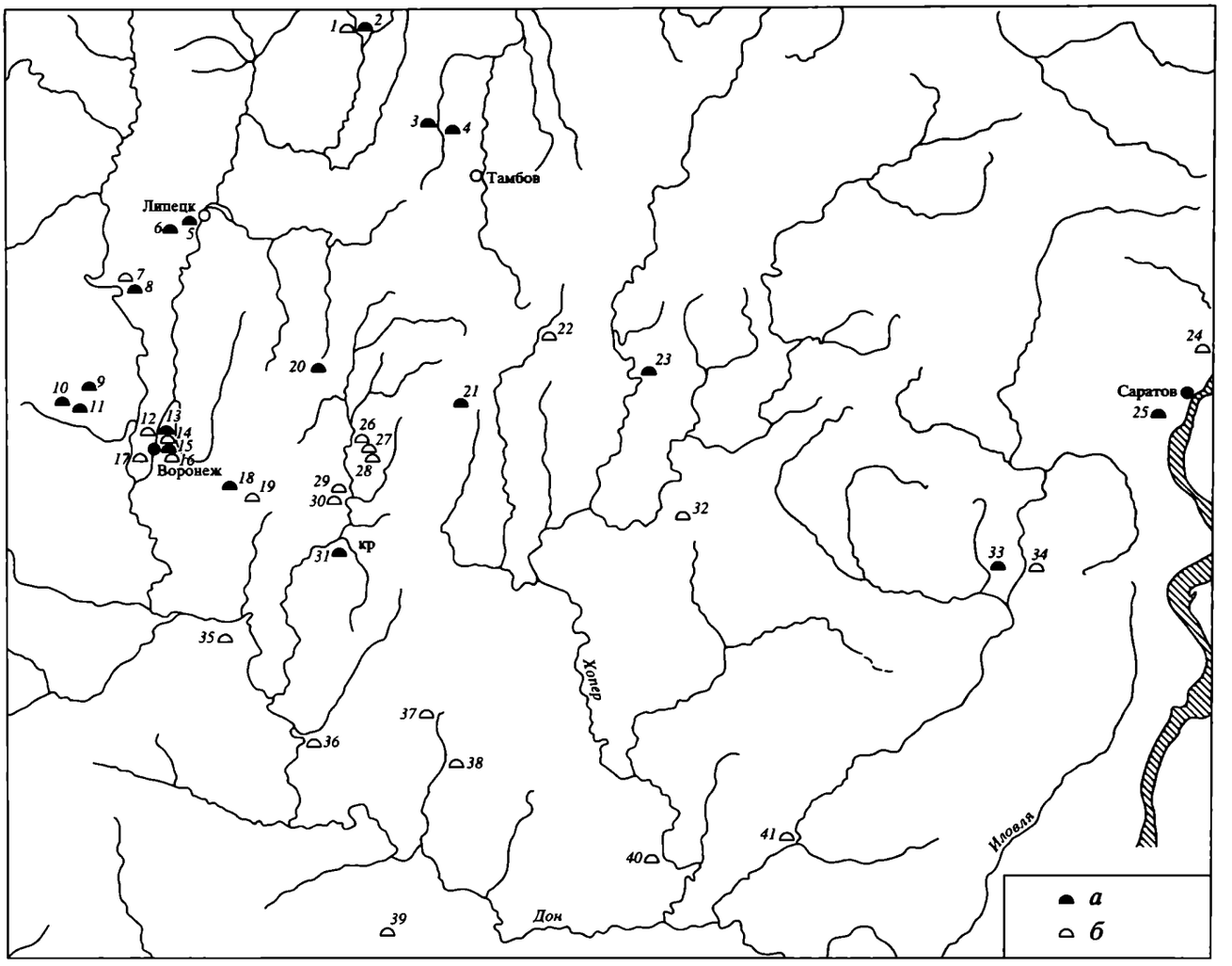


Рис. 1. Карта расположения абашевских колесничных и воинских захоронений в могильниках и отдельных курганах Доно-Волжского междуречья. *1* – Первомайский; *2* – Староюрьевский; *3* – Селезневский-1; *4*-Селезневский-2; *5* – Филатовский курган; *6* – Б. Плавица. *7* – Тюнинский; *8* – Введенский курган; *9* – Б. Трещевка; *10* – Кондрашовский; *11* – Богоявленский; *12* – Северный Бор; *13* – Новоусманский; *14* – Орлиное Болото; *15* – Софьинский; *16* – Усманский курган; *17* – Подклетненский; *18* – Кондашкинский курган; *19* – Красный Лог; *20* – Плясоватский; *21* – Пичаевский; *22* – Графский; *23* – Власовский-1; *24* – Максимовский; *25* – Золотая Гора; *26* – Б. Ясырки; *27* – Чуриловский-1; *28* – Чуриловский-2; *29* – Левобережный Березовский; *30* – Шишовский; *31* – Красное-1; *32* – Ильменский; *33* – Баранниковский-1; *34* – Линевский; *35* – Петровский; *36* – Павловский-2; *37* – Подгоренский-1; *38* – Пиряевский; *39* – Радченский; *40* – Слашевский; *41* – Сидоры; *а* – курганы и могильники с колесничными захоронениями; *б* – курганы и могильники с воинскими захоронениями.

ло захоронений с псалиями (Филатовка, Большая Плавица, Староюрьево, Пичаево, Селезни 1 и 2) В Курской, Орловской, на севере Белгородской областей, раскопки курганов эпохи бронзы практически вообще не проводились и не проводятся. Между тем даже на Брянщине известны находки абашевского оружия в разрушенных и разграбленных памятниках (Тихонов, 1973. Рис. 1, *8*, *9*). Но и имеющихся данных достаточно для констатации того факта, что в лесостепном Подонье и прилегающих районах располагается мощный массив памятников, фиксирующих развитую традицию захоронений с колесничной атрибутикой. Учитывая, что "покровские" памятники такого рода в Поволжье, при любых подходах к их интерпретации, являются родственными, этот массив по меньшей мере не уступает по масштабам синташтинскому. Сам по себе этот показатель не является аргументом в пользу каких-либо приоритетов абашевской общности или доно-волжской абашевской культуры (ДВАК), в частности, но важен для понимания масштабности и значимости этого культурного явления.

Колесницы впервые были зафиксированы по отпечаткам колес в захоронениях Синташтинского могильника. Они и объявляются своего рода архетипом, а все остальные – производными. Но это утверждение, лежащее в основе гипотезы о распространении колесничной традиции из Зауралья, не подкрепляется ни сопоставлением с памятниками других территорий, ни анализом стратиграфии, сопровождающего инвентаря, и проч. Вряд ли

Погребения колесничих с территории Доно-Волжской лесостепи

Могильник	Курган, погребение	Размер мог. ямы	Сосуд	Нож	Стрелы	Копье	Пряжка	Шило, стрекало	Лопатка	Булава, молот	Жезл	Лошадь
Баранниково	1/2	3.6 × 2.2	2	1						1		+
Богоявленское	1/3	4 × 2.6	3									+
Б. Плавица	1/2	3.2 × 1.7	4			1	1				+	+
Введенка	1/2	3.5 × 2.6		3	1		1					
Власовка	16/4		5	1	8		1		1	1		
Кондрашевка	1/1		1					1				
Кондрашкинский	1/1	2.2 × 1.5	1	1	25	1	1		1	Тесло, топор		+
Красный 1	1/2	3.6 × 2.5	1		1		1					+
Новоусманский	1/4	4.6 × 3		1	2		1	1				+
Пичаево	1/1	3.6 × 2.2	1						1		+	+
Плясоватка	1			1	12		1					+
Селезни-1	1/2	4.5 × 2	2	1	6			1		1		
Селезни-2	1/1	4.2 × 4.2	3	2	14			4		2		
	1/2	4.1 × 3.1	2	2	4			2		1		
	1/3	4.8 × 2.8	3		2	1	1	2				
	1/4	4.5 × 2.5	3	1	13		2	1		2		
Софьино	4/1	3/9 × 2.4	3		1			1		1		+
Староюрьево	2/1	3.7 × 3.0	3	1	3							
Филатовка	1/1		11	1	4		3		1			+
	1/3											+
	1/4		3		6		1		1			+

можно принять в качестве аргумента в пользу хронологического приоритета колесничных захоронений Синташты замечание об устойчивости ранней синташтинской погребальной обрядности, при которой в могилу помещались сами лошади или их чучела (Черленок, 2000. С. 346). Сходная обрядность скорее свидетельствует лишь о хронологической близости захоронений. При колесничных захоронениях Подонья кости лошади могут находиться в жертвенниках в насыпи курганов, на перекрытиях могильных ям, черепа лошадей могли быть захоронены в отдельных материковых ямах по соседству с могилой (Плясоватка, Софьино). Полные костяки лошадей встречены в упомянутом выше погребении Новоусманского могильника, судя по наконечникам стрел еще катакомбного облика, одном из наиболее ранних, при Баранниковском захоронении. Неустойчивость обрядности, проявляющаяся и во многом другом, скорее свидетельствует о том, что именно в Подонье происходит становление этой погребальной традиции, и о том, что здесь представлены разные стадии ее развития.

Сторонниками гипотезы восточного импульса игнорируется тот факт, что и колесный транспорт и, возможно, сами колесницы, существовали в западном ареале задолго до появления синташтинского комплекса. И лошади, и повозки хорошо известны уже по меньшей мере носителям ямной культуры и широко распространены в катакомбной общности. Некоторыми исследователями предполагается наличие в катакомбной общности и самих боевых колесниц (Пустовалов, 1998. С. 306–313). Не все разделяют это положение, но наличие колесниц в наследующей катакомбные традиции КМК, сомнений не вызывает (Отрощенко, 2001. С. 77). При явных свидетельствах катакомбно-КМК-абашевского взаимодействия постулат о проникновении идеи боевой колесницы из Зауралья, представляется весьма сомнительным.

Уже высказывалось предположение о том, что появление боевой колесницы увязывается с территорией Восточной Европы (Пеннер, 2004. С. 88, 89). Концентрация более ранних колесничных захоронений в Доно-Волжской лесостепи напротив расположенных по краю лесной зоны насыщенных оружием сейминско-турбинских памятников в известной степени позволяет объяснить причины этого явления (Матвеев, 1991).

С позиций общего анализа культурно-исторической ситуации в Евразийской степи и лесостепи на рубеже средней и поздней бронзы скорее можно говорить об определяющем влиянии западного импульса на сложение культур Волго-Уралья. К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина, выделяя новокумакский горизонт (сейчас – памятники синташтинско-петровского культурного облика), однозначно указывали на наличие мощного западного импульса (1977). В привнесении синташтинцами традиций сооружения укрепленных поселений и использования колесниц из районов Поволжья и Подонья убежден Н.В. Виноградов (2003. С. 264, 265). Не только Зауралье, но и Поволжье, по мнению ряда исследователей, в общем-то, периферия гораздо более развитых обществ Северного Причерноморья эпохи средней бронзы. Некоторыми исследователями реконструируется развитая, чуть ли не классовая, социальная структура катакомбного общества. Возможно, что здесь присутствует элемент модернизации, но весьма высокий уровень социально-экономического развития и социальной стратификации у населения катакомбного мира несомненен. Соседство же и самое тесное взаимодействие абашевского населения с катакомбным на территории Доно-Волжского междуречья достаточно очевидно. (Матвеев, 1998). Но речь идет о распространении на восток не только социальных, хозяйственных, технических и иных новаций, но и самого населения, более развитого в экономическом, военном и социальном плане с территории Днепро-Донского и Доно-Волжского бассейнов. Это направление "хорошо документировано проявлениями западных новаций в археологических памятниках Заволжья и позволяет говорить о прямом проникновении сюда носителей катакомбных, абашевской и воронежской культур" (Пятых, 2000. С. 18–21). Предположение о том, что какое-то население в Зауралье самостоятельно достигло тех же высот технического и социального прогресса, что и в западном регионе, не имеет серьезной аргументации и противоречит мнению самих исследователей петровских и синташтинских древностей о мощном влиянии абашевского компонента на их сложение. Тезис же об определяющем влиянии абашевского компонента на становление культурного комплекса Синташты основывается и на анализе общих процессов культурогенеза рассматриваемого периода и на сумме археологических фактов, не допускающих двойственного толкования. Синташтинский вещевой комплекс – абашевский (исключая часть керамики, о чем ниже). В металле это те же копья, тесла, восходящие еще к катакомбным, характерные подвески в 1.5 оборота, отдельные пластинчатые орудия, ножи с подромбической расковкой черенка и намеченным перекрестием, и др. Для ножей полифункционального назначения Зауралья вообще отмечаются западные истоки (Нелин, 2000). Каменные изделия представлены булавами, аналогичными абашевским, восходящим к катакомбным прототипам; черешковыми и с усеченным основанием абашевскими наконечниками стрел. Идентичны абашевским костяные "лопаточки". Сами исследователи Синташты неоднократно подчеркивали, что "наиболее важная роль в завершении сложения Синташты, безусловно, принадлежит абашевскому компоненту" (Зданович, 1996. С. 60). Нельзя согласиться лишь со словами "в завершении", так как Синташта без изначально присутствующего абашевского компонента просто невозможна. Этот же компонент заявлен культурообразующим и для петровской культуры, которая одно время рассматривалась как вторая основная составляющая синташты (Зданович, 1988. С. 139).

Но для понимания сути синташтинского феномена и его соотношения с абашевской общностью недостаточно констатации присутствия некого абстрактного абашевского компонента. Необходимо четко определить его конкретную культурную принадлежность. Отдельные исследователи считают возможным применять термин "абашевская" лишь для средневолжской абашевской культуры, с оговорками – для уральской. Под абашевским компонентом в Синташте обычно и подразумевается или "исконный" – средневолжский, или уральский. Но даже при самом поверхностном анализе становится очевидным, что элементы средневолжской абашевской культуры в Синташте представлены минимально. Синташтинские захоронения отличаются от средневолжских по обрядности, особенно размерами могильных ям. Мало общего со средневолжской имеет и синташтинская керамика (исключая остроребериые сосудики, о чем ниже). В средневолжской культуре нет колесничных захоронений, псалиев и иной колесничной атрибутики, металлического оружия. Исключение составляет Пепкинский курган, но его скорее следует рассматривать в контексте памятников ДВАК, что является предметом особого рассмотрения. Создается впечатление, что средневолжская абашевская культура со специфичными, богатыми украшениями женскими захоронениями, является своеобразным лесным изолятором абашевской матриархальной архаики, не принимавшим значимого участия в бурных процессах эпохи (Беседин, 1998). Нельзя не согласиться с С.В. Кузьминых, который считает, что предложенная О.В. Кузьминой и В.С. Горбуновым идея "реанимации первородства средневолжского абашева", не имеет сколько-нибудь серьезной аргументации (Кузьминых, 1999. С. 14).

В уральской абашевской культуре захоронения с колесничной атрибутикой известны, но весьма редки (Васюткин и др., 1985. С. 82). Судя по обрядности и инвентарю, они синхронны синташтинским и скорее всего отражают контакты с

этим культурным образованием. Собственно уральская абашевская погребальная обрядность отличается от синташтинской. Уральский компонент присутствует в синташтинской керамике, но не является определяющим.

Некоторыми исследователями за скобки абашева, и в культурном и в хронологическом аспектах, вопреки всей совокупности имеющихся данных, выводятся памятники доно-волжской абашевской культуры. Соответственно с этих позиций возможность участия ДВАК в формировании Синташты просто не рассматривается. Однако по обрядности крупные могильные ямы, преобладание скорченного на левом боку положения умерших (Епимахов, 2002. С 46), часто ориентированных в северном направлении, колесничные захоронения Синташты ближе всего именно доно-волжским. Некерамический вещевой комплекс Синташты в целом практически не отличим от доно-волжского абашевского. Таким образом при постулировании версии синташтинского происхождения колесничной обрядности и инвентаря следует признать производной от Синташты и ДВАК в целом. Однако абашевские культуры или в целом связываются своим происхождением с культурами шнуровой керамики или, для ДВАК, с репинской культурой (по А.Д. Пряхину и А.Т. Синюку). В любом случае не вызывает сомнений автохтонность населения ДВАК для территории восточноевропейской лесостепи. Предположение о наличии на севере лесостепи очень ранних памятников этой культуры, которые соотносились А.Д. Пряхиным с протоабашевскими, в последнее время получает все больше подтверждений. Это Мельгуновское поселение (Екимов, 2003) с грунтовыми захоронениями, грунтовой могильник на Ксизовском поселении, выявленный в 2003 г. и др. Такого рода материалы не фиксируют ни элементов средневолжского или уральского абашева, ни тем более Синташты. Присутствие кованых, и литых (рисунок 2, *1*, *3*) наконечников копий, металлических боевых топоров, ножей-кинжалов, каменных топоров, булав и ряда других изделий в ДВАК развитого этапа никак не предполагает восточного их происхождения и тем более появления нового населения. Все они хорошо известны в соседних, частично синхронных культурных образованиях: культурах шнуровой керамики, катакомбной общности, на сейминско-турбинских памятниках.

Единство изделий из колесничных захоронений Подонья и Синташты в принципе и не отрицается (Отрощенко, 1998), речь идет об их происхождении. В связи с этим наиболее показательно наличие в Синташте изделий неабашевского происхождения, которые могли попасть туда через носителей доно-волжской абашевской культуры. В первую очередь это относится к костяным пряжкам (Епимахов, 2002. Рис. 18, *17*; 24, *5* и др.). Заимствование их у КМК и последующее распространение и модификация в доно-волжском абашеве достаточно очевидны (Матвеев, 1996; Литвиненко, 1996). В досинташтинских памятниках Южного Урала и Зауралья, в средневолжском и уральском абашеве они отсутствуют. В.В. Отрощенко, исследователь, прекрасно владеющий материалом и отлично понимающий доказательную силу такого рода "мелочей", вынужден был во спасение гипотезы "восточного импульса" предположить вероятность их самостоятельного изобретения в колесничных культурах (1998), с чем, конечно же, трудно согласиться. То же относится к костяным пряслицам, появляющимся еще в энеолите Закавказья, известным позже в катакомбных и абашевских памятниках и привнесенных в Зауралье, очевидно, опять-таки абашевцами (Матвеев, Добрынин, 2003). В.И. Беседин, специально анализировавший поселенческий материал, делает вывод о "продвижении носителей доно-волжских традиций далеко на восток, в Зауралье, Синташту, Аркаим и более слабом обратном импульсе уральской абашевской культуры" (2000. С. 59).

Констатируя практически полное совпадение некерамического инвентаря колесничных захоронений Подонья и Синташты, нельзя не остановиться и на различиях. В Синташте представлены практически все предметы, присутствующие в волго-донском абашеве, но не наоборот. Так, в синташтинских комплексах присутствуют бронзовые наконечники дротиков и наконечники стрел, гарпуны. Есть различия и между изделиями одного и того же функционального назначения. Синташтинские топоры отличаются от собственно абашевских и имеют бойки на обухе. Отдельные украшения синташтинского облика появятся в Подонье только в памятниках переходного периода или в раннесрубных вместе с другими петровскими или алакульскими проявлениями. Что-то объясняется достаточно просто: изобилие металла, что-то требует более глубокого анализа. Важно другое – эти факты опять-таки свидетельствуют в пользу западного и именно доно-волжского абашевского импульса. В противном случае – массового прихода или возвращения крупного массива населения в доно-волжском абашеве, как его не переименовывай, такого рода элементы обязательно бы присутствовали.

Особое место при сопоставлении рассматриваемых культурных явлений занимают костяные псалии. При выяснении хронологических приоритетов и, следовательно, направления вектора распространения инновационных процессов, большая технологическая и декоративная простота синташтинских псалиев является для ряда исследователей фактически основным аргументом в пользу востока. Но по меньшей мере синхронность псалиев староюрьевского и синташтинского типа со всей очевидностью фиксируется их неоднократной взаимовстречаемостью в одних и тех же ком-

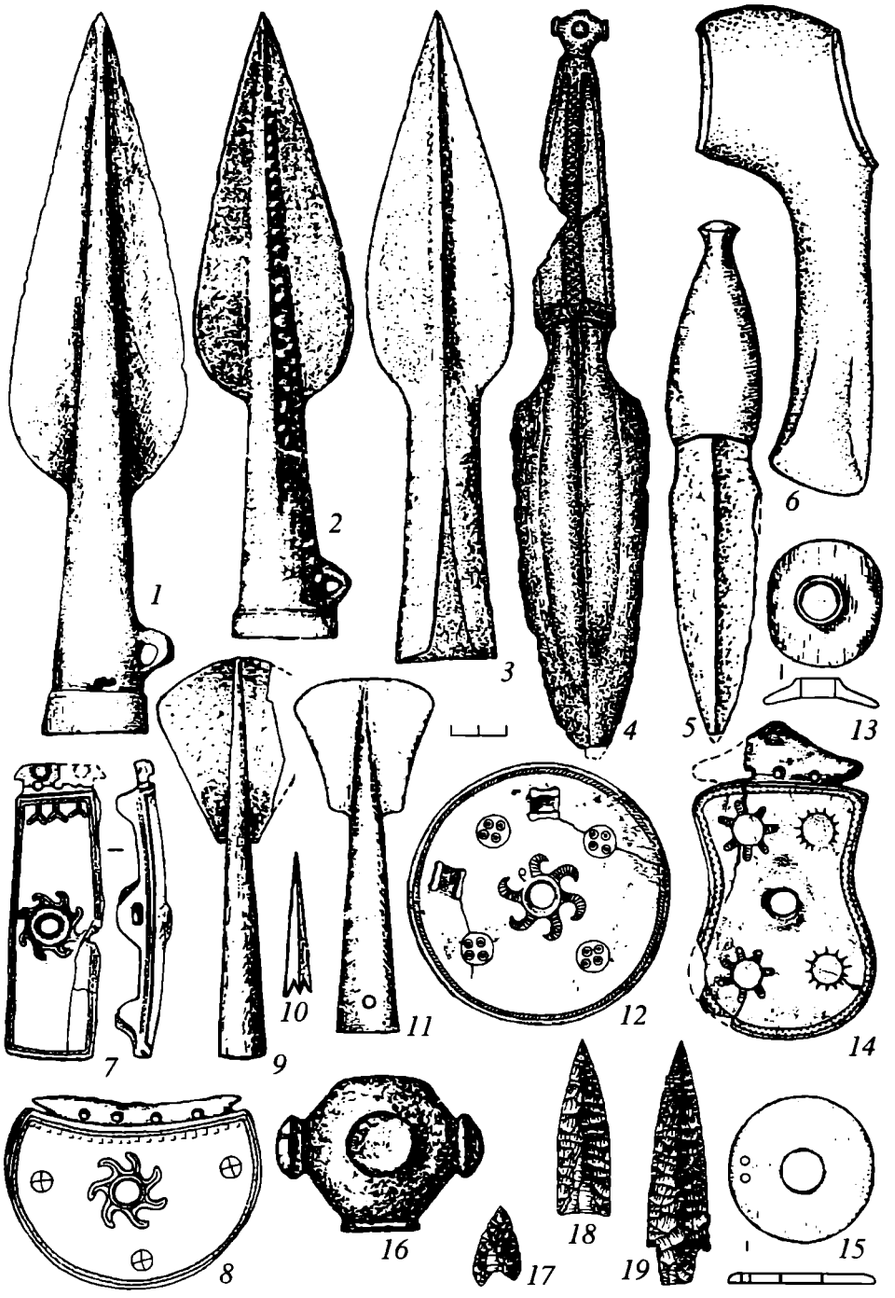


Рис. 2. Материалы колесничных захоронений лесостепного Подонья. *1* – Большая Плавица, 1/2; *2, 12, 15* – Селезни-2, 1/3; *3, 6* – Кондашкинский курган, 1/1; 4 – Нечаевка (?), разр. кург.; *5, 13, 17* – Новая Усмань, 1/4; *7–8* – Красный-1, 1/2; *9, 16* – Власовка, 16/4; *10* – Л. Березовский, 10/1; *11* – Пичаево, 1/1; *14* – Селезни-2, 3/4, *18, 19* – Чурилово-2, 1/6.

плексах в Поволжье (Пряхин, Беседин, 1997). Более того, псалии с монолитными шипами были хорошо известны и в Подонье, о чем свидетельствуют находки из Отрожки и Софьино. Причем софьинский комплекс отнюдь не "покровский", а типичный доно-волжский, как и кондрашовский, где псалий имеет и монолитные, и вставные шипы (Пряхин, Матвеев, 1988. Рис. 52, *5, 6*; Усачук, Пустовойт, 2004. С. 57, 58). Не наблюдается привнесение синташтинских псалиев и на стадии трансформации доно-волжской абашевской культуры в срубную или, по иной версии, нашествие или возврат покровцев. Об этом красноречиво свидетельствуют, в частности, материалы исследованного в 2003 г. кургана в могильнике Красный-1. Здесь в комплексе погребения 1/2 с "покровским" сосудом наряду с псалиями староюрьевского типа (рис. 2, *8*) находилась псалии, уже изготовленные из стенки трубчатой кости (рис. 2, *7*), а не синташтинские. Единый стиль орнаментации обеих пар подчеркивает преемственность и сохранение местных абашевских традиций.

Богато декорированные псалии староюрьевского типа лесостепного Подонья не являются парадными, использовавшимися для парадных или ритуальных колесниц, что предполагается для та-

кого рода изделий Волго-Уралья (Дремов, 2003. С. 79, 80). Они достаточно массивны и прочны, почти все изношены до предела, носят следы поломок и ремонтов, очень часто найдены по одному. Не производит впечатления парадного и оружие из колесничных захоронений. Основное отличие староюрьевских псалиев от синташтинских не столько в декоре и наличии вставных шипов, сколько в технологии изготовления, обусловленной исходным материалом. Щитки староюрьевских изготовлены из плоских тазовых (?) костей, что не позволяло сделать достаточное количество монолитных шипов. Синташтинские – чаще из эпифизов крупных трубчатых костей, когда щиток изготовлялся из торцевой части, а прочные монолитные шипы из стенок. Площадь щитка оказывалась меньшей. Орнамент на псалиях, конечно же, не был отражением лишь эстетических представлений. Однако в условиях дальнего и длительного военного похода главным становится функциональное назначение, быстрота и простота изготовления псалиев, а не их сакральное оформление. Ничего нового изобретать не требовалось: упрощенная технология изготовления псалиев с монолитными шипами населению ДВАК, как видно из приведенных примеров, была известна. Можно предположить, что древнейшие деревянные псалии также имели монолитные шипы.

В целом абашевская обрядность и материальная культура Синташты достаточно резко диссонируют с разнотипной, в том числе и не абашевской керамикой. Для понимания этого феномена обратим внимание на то, что керамическая посуда самим этим населением, скорее всего, не воспринималась как погребальный инвентарь. "Инвентарем" было ее содержание, следовательно, емкость могла быть и не традиционной абашевской, а инокультурной. Это, однако, не распространялось на специфично погребальную посуду. Именно поэтому остроребериые сосудики, предмет явно культового назначения, и в Синташте (Генинг и др., 1992. Рис. 46, *4*; 139, *7*) и в Потаповке (Васильев и др., 1994. Рис. 19, *6*), и на других памятниках этого круга – обычно собственно абашевские. Обращает внимание тот факт, что при машинной обработке морфологических показателей остроребериых сосудиков абашевской общности, проведенной В.И. Бесединым, синташтинский, из погребения С1/1, оказался в одной группе с доно-волжскими (Беседин, 1998. С. 55. Рис. 6). Именно последние, по его мнению, представляют наиболее "чистый" абашевский тип. Примечательно, что и на Дону, во Власовском комплексе наряду с уральскими абашевскими сосудами и сосудом с синташтинскими чертами присутствует остроребериый сосудик собственно ДВАК (Прях ин, Беседин, 2001. Рис. 29, *6*).

Очевидно, в случае с Синташтинским феноменом мы сталкиваемся с не совсем обычной для эпохи бронзы, но хорошо известной для более поздних эпох ситуацией, когда происходит миграция не всего населения, или части, представленной всеми слоями и поло-возрастными группами, а только военных отрядов. Эти отряды надолго, а то и навсегда (для данного поколения) отрывались от основной массы собственных соплеменников. Присутствие неабашевской керамики, исключая ритуальную, в абашевских по иным культурным показателям комплексах – свидетельство того, что здесь происходит не взаимоассимиляция демографически полноценных культур, а скорее пополнение дефицита собственных, "единокультурных" женщин за счет местных. Естественно, что в орбиту хозяйственной и иной деятельности включаются и другие представители различных культурных образований, "присоединенные" по дороге или на месте, включая представительниц территориально близких средневолжской и уральской абашевской культур. Таким образом, синташтинские памятники отражают не уже сложившуюся археологическую культуру в традиционном ее понимании, а конгломерат традиций, которые органически сольются только при образовании алакульской культуры. Фактически тот же вывод делает Е.Е. Кузьмина: "Памятники синташтинского типа не соответствуют базовому понятию археологической культуры... Синтез разнокультурных и разноэтничных элементов демонстрируют только памятники петровского типа, которые могут рассматриваться как ранний этап андроновской культуры..." (2003. С. 76).

Особо следует отметить, что все абашевские элементы и доно-волжские, в частности представленные в Синташте, принадлежат вполне сложившимся культурам. То есть продвижение абшевцев на восток с территории Подонья и сложение средневолжской и уральской абашевских культур (по А.Д. Пряхину) или иные подвижки любого другого абашевского населения, формирующие абашевскую общность, если они имели место, относятся к более раннему хронологическому срезу. Проникновение воинских отрядов в Зауралье и формирование памятников типа Синташты – явление более позднее.

Поскольку местной культурной базы Синташта не имеет, вполне очевидно, что гипотеза "первичного культурного импульса" с востока имеет право на существование лишь при версии возвращения абашевцев назад. Но отсюда следует, что первичен все же западный, абашевский импульс. Поскольку средневолжский или уральский абашевский пласт не содержит более ранних по отношению к Синташте колесничных комплексов и последняя предстает в уже сложившемся виде, вполне логично предположить, что и колесничная традиция была привнесена с этим первичным импульсом оттуда, где она уже существовала, т.е. с территории лесостепного Подонья. Но такой

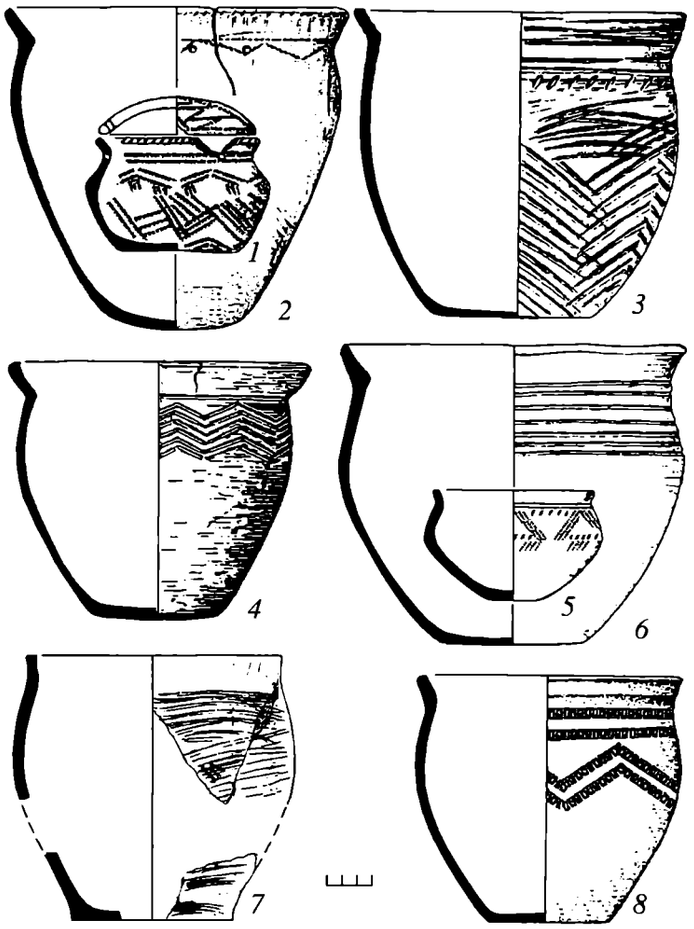


Рис. 3. Керамика доно-волжской абашевской культуры (*1–6*) и переходного (покровского) типа (*7, 8*) из воинских захоронений Подонья. *1* – Селезни-2, 1/2; *2, 3* – Селезни-2, 1/4; *4* – Богоявленское, 1/3; *5, 6* – Софьино, 4/1; *7* – Красный-1, 1/2; *8* – Левобережный Березовский, 10/1.

подход, не только убирающий ненужное звено "абашевской регрессии", и но способствующий окончательной демифологизации Синташты и Аркаима, посягает уже и на один из краеугольных камней современной мифологии археологии бронзы – учение об особо выдающемся очаге культурогенеза.

Есть и другая сторона проблемы. Если и предположить сколько-нибудь массовое возвращение абашевцев, то совершенно не ясно когда, куда и в каком собственно абашевском, "потаповском", "покровском" виде они возвращаются. Предлагаемые для разрешения очевидных неувязок различные версии подвижек крупных массивов абшевского населения умозрительны и фактическим материалом не подтверждаются. На Среднем Дону не фиксируется ни уход населения доноволжской или "донской абашевской культуры", ни его возвращение в виде "покровской абашевской" (Синюк, Козмирчук, 1995), ни в виде просто "покровской" культуры, так как нет ни лакун, ни перерывов в развитии. Те средневолжские, уральские и синташтинские проявления, затрагивающие главным образом керамику, которые присутствуют в ДВАК, несопоставимы со свидетельствами сколько-нибудь масштабной миграции или регрессии. Это проявления нормальных взаимоотношений родственных культур, что можно наблюдать на примере любой археологической общности. Если и можно говорить о возвращении, то не массовом, а лишь некоторых воинов и отдельных групп их метисированных потомков (Потаповка?).

Из изложенного очевидно, что позитивное решение затронутых проблем возможно лишь при выяснении реального хронологического соотношения абшевских (в том числе и между абашевскими культурами), покровских, синташтинских, потаповских и петровских древностей. Несмотря на крайнюю запутанность данного вопроса, можно отметить появление позитивных концепций, основанных уже не на субъективных мнениях, а на данных стратиграфии и сопоставительного анализа материала.

Анализ синташтинских памятников Южного Приуралья позволил аргументировать тезис о формировании петровской культуры на базе синташтинской (Ткачев, 1998; 2003). Сама же синташта определяется сочетанием катакомбных, абашевских, и в меньшей степени других элементов. Следует, однако, отметить, что катакомбные памятники Южного Приуралья крайне немногочисленны и не совсем катакомбные. Катакомбные черты, присутствующие в синташте, восприняты скорее всего опять-таки через доно-волжское абашево, которое в свою очередь восприняло их или у среднедонской катакомбной культуры или, по пути, у катакомбных/посткатакомбных групп населения Поволжья. Абашевский компонент представлен, по мнению автора, главным образом уральской абашевской культурой, но не отрицается проявление традиций других культур общности.

При рассмотрении проблематики абашевско-покровского блока памятников главным препятствием для их адекватной интерпретации является не столько их дефицит, сколько терминологическая неразбериха и нежелание отказаться от груза устаревших гипотез и ошибочных положений (полтавкинская основа срубной культуры, бережновский горизонт, синкретические абашевско-срубные памятники, и т.п.), от которых, кстати говоря, отказались и сами их авторы. Естественно, сколько-нибудь развернутый анализ данной проблемы в рамках статьи невозможен. Ограничусь лишь изложением основных подходов к ее решению. Прежде всего, следует определиться с существованием в Верхнем и Среднем Подонье двух генетически взаимосвязанных, но хронологически дистанцированных культурных явлений: собственно местной абашевской культуры и памятников "покровского" типа (рис. 3). Понимание последних затруднено тем, что их с достаточным основа-

нием можно рассматривать и как финально абашевские, и как переходные, и как раннесрубные. Специфика переходного периода в условиях не резкой смены культуры, а ее трансформации в том и заключается, что, будучи достаточно протяженным во времени, он отражает постепенное "вымывание" одной культурной традиции, в данном случае абашевской, и нарастание другой – срубной. При этом в разных проявлениях материальной и духовной культуры эти процессы несинхронны. Выделение памятников, фиксирующих разные стадии этого процесса, т.е. в разной степени "абашевских" и "срубных", в самостоятельную "покровскую" культуру, привело в итоге к тому, что в представлении исследователей, плохо знакомых с донским абашевом, в нее вошли и собственно доно-волжские абашевские, и большая часть срубных памятников Поволжья. Этим, а также спорностью предания статуса культуры памятникам переходного типа и обусловлено скептическое отношение к термину "покровская культура" со стороны исследователей ДВАК. Более уместным представляется термин "покровский горизонт", или "покровский тип" памятников, о чем собственно первоначально и шла речь при дифференциации срубных памятников Нижнего Поволжья.

Все три абашевских культуры в своем классическом проявлении синхронны. Об этом свидетельствует взаимовстречаемость керамики, единство основных металлических изделий, наличие остроребериых сосудиков и многое другое. Суждения о более позднем по отношению к другим абашевским культурам возрасте ДВАК, основаны прежде всего на "срубной" позе и ориентировке умерших и восходят к несуществующему "бережновскому горизонту", якобы предшествовавшему покровским памятникам в Поволжье. Но такая обрядность скорее всего воспринята у позднекатакомбного среднедонского населения (Матвеев, 1998) и синхронизируется с положением на спине. Кстати, положение на левом боку, не столь уж редко и для средневолжской абашевской культуры, что, однако, не служит основой для их покровской атрибутации. "Синкретических" же абашевско-срубных памятников не существует, так как сейчас совершенно ясно, что нет собственно срубных памятников, синхронных абашевским.

"Покровские" памятники Поволжья и Подонья – единое явление. Но в Подонье они более "чистые", так как имеют практически единственную культурную основу – абашевскую. Проникновение ДВАК в Поволжье происходит на развитой ее стадии и никак не связано с более ранним процессом формирования абашевской общности (по А.Д. Пряхину). Более того, некоторые наблюдения позволяют предположить, что плотное освоение этого региона населением ДВАК шло в основном уже после скоротечного прорыва ее воинских отрядов в Зауралье. "Существенное влияние" абашевцев на "покровскую культуру" признается и самим автором последней – Н.М. Маловым (2003. С. 195), правда, без уточнения, о каких абашевцах идет речь. В Заволжье пришлое население ДВАК взаимодействовало с местным поздне/посткатакомбным, позднеполтавкинским (?), уральским и средневолжским абашевским населением, что и определило известную специфику переходных памятников этого региона. Вполне возможно, что именно протекавшие здесь ассимилятивные процессы послужили детонатором срубного культурогенеза, на чем, собственно, настаивает Н.М. Малов. Но этот процесс охватил весь Доно-Волжский регион (покровская срубная культура по В.В. Отрощенко), а не только Поволжье.

При понимании разграничения абашевских и "покровских" древностей Подонья появляется возможность установить их реальное хронологическое соотношение с Синташтой и петровской культурой. Как отмечено выше, в Синташте присутствуют те абашевские изделия, которые характерны для развитой ДВАК, в том числе остроребериые сосудики, и характерные горшки (например, Епимахов, 2002. Рис. 15, *4*). В свою очередь синташтинские проявления в ДВАК, сводящиеся к отдельным керамическим сосудам, отмечены опять-таки в ее памятниках развитого облика, а отнюдь не в "покровских". В кургане 31 Подклетненского могильника зафиксировано перекрывание разрушенного, но, судя по параметрам и наконечниками стрел, воинского погребения ДВАК захоронением с керамикой синташтинского типа. Как отмечено выше, в погребении колесничего во Власовском могильнике, где погребенный лежит на спине, наряду с керамикой с синташтинскими чертами присутствует типичнейший остроребериый сосудик ДВАК, а отнюдь не дериват подобной керамики, как в памятниках "покровского" горизонта (Матвеев, 1999. Рис. 4, *3*). Показательны материалы Филатовского кургана, рассматривающиеся некоторыми исследователями как единый "покровский" комплекс. Но, во-первых, его захоронения не одновременны. В погребениях же с псалиями этого кургана, какие-либо "покровские" (по Н.М. Малову) черты полностью отсутствуют. "Покровская абашевская культура", по А.Т. Синюку, отнюдь не тождественна "покровской" Н.М. Малова. Термин, предложенный А.Т. Синюком, скорее соответствует развитому этапу ДВАК в ее традиционном понимании. Но данные захоронения не содержат и синташтинской посуды. В них представлены сосуды ДВАК, уральской и средневолжской абашевской культур. Наиболее показательны в плане культурной атрибутации, как уже указывалось, остроребериые сосудики (Пряхин, Беседин, 2001. Рис. 28, *12*; 31, *5*), т.е. при признании участия уральской абашевской культуры в формировании Синташ-

ты следует признать и то, что и колесничные захоронения Филатовки и другие синхронные и более ранние воинские захоронения ДВАК, но без уральских элементов, старше синташты в целом, что не исключает их частичную синхронизацию. Переходные памятники "покровского" горизонта, более поздние стратиграфические позиции которых по отношению к ДВАК давно выяснены, в целом синхронизируются с концом синташты – петровской культурой.

Абашевское население, освоившее лесостепные и частично степные пространства Доно-Волжского междуречья, представляет все свидетельства социальных и технических инноваций, собственных, унаследованных у предшествующего населения, или воспринятых у соседних культурных образований. Представления о том, что они могли подвергнуться цивилизаторскому воздействию полудиких, по сравнению с ними, племен Зауралья, которых к тому же сами до этого цивилизовали, никак не соответствуют ни историческим реалиям эпохи, ни конкретным археологическим фактам. Более того, возможно, что военные экспедиции абашевцев имели не только восточное, но и западное направление. Располагая уникальным для того времени боевым средством – колесницей, оружием ближнего (топоры), среднего (копья), и дальнего боя (лук), они являлись самой грозной военной силой на данной территории. Можно согласиться с тем, что "синташтинско-абашевский пласт не обрывается на Дону ...проявляясь также в синхронных памятниках ... Карпатского бассейна и Балканского полуострова" (Отрощенко, 1998. С. 56), при одной очевидной оговорке: не в Синташте его начало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беседин В.И. Остроребериые сосуды абашевской общности // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1998.

Беседин В.И. Абашевские древности: тенденции интерпретации в свете анализа керамики // Взаимодействие и развитие древних культур Южного пограничья Европы и Азии. Мат. междунар. науч. конф. Саратов, 2000.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье // Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья II тыс. до н.э.). Самара, 1999.

Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в южном Зауралье. Челябинск, 2003.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Уфа, 1990.

Дремов И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.

Екимов Ю.Г. Протоабашевский керамический комплекс поселения Мельгуново-3 (к вопросу об истоках абашевских древностей) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат. междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.

Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Зданович Г.Б. Абашевская культура и синташтинский очаг культурогенеза // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тез. докл. конф. Тамбов, 1996.

Кузьмина Е.Е. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат. междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах эпохи бронзы Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг.) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.

Литвиненко Р.А. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Тез. докл. и мат. конф. Воронеж, 1996.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.

Матвеев Ю.П. Воинские погребения эпохи средней бронзы. Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев, 1991.

Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы донецко-волжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Тез. докл. и мат. конф. Воронеж, 1996.

Матвеев Ю.П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.

Матвеев Ю.П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.

Матвеев Ю.П. Колесничная традиция и абашевская общность // Проблеми гирничої археології. Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ, 2003.

Матвеев Ю.П., Добрынин А.В. Костяные пряслица в памятниках абашевского ареала // Доно-донецкий регион в эпоху средней бронзы. Воронеж, 2003.

Нелин Д.В. Об эволюции ножей-кинжалов эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000.

Отрощенко В.В. О происхождении и распространении склепов колесничих // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Ч. 2. Воронеж, 1996.

Отрощенко В.В. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи. Київ, 2001.

Пеннер С. Щитковые псалии из Микен и их северо-восточные аналогии // Псалии. Донецк, 2004.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Хронологическая и культурная интерпретация дисковидных псалиев с шипами из Нижнего Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Мат. междунар. конф. Саратов, 1997.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Остроребериые абашевские сосудики Доно-Волжского региона (по материалам погребальных памятников) // Доно-Волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области // Древние культуры Поволжья. Куйбышев, 1979.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988

Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Новая находка кинжала с металлической рукоятью // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.

Пустовалов С.Ж. Некоторые проблемы изучения колесного транспорта эпохи бронзы // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье, 1998.

Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. 2000. № 4.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоариев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург, 1998.

Ткачев В.В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы (по материалам погребальных памятников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.

Тихонов Б.Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона // Проблемы советской археологии. М., 1973.

Усачук А.Н., Пустовойт О.В. Псалии первого Кондрашевского кургана // Псалии. Донецк, 2004.

Черленок Е.А. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана // Рождение Европы. Stratum plus. СПб.; Одесса; Кишинев; Бухарест, 2000. Вып. 2.

Concerning the direction of spreading of the Bronze Age "chariot cultures"

Yu. P. Matveev

Summary

The author discusses the widely accepted version of Timber-grave (Srubnaya) culture genesis: Sintashta culture – the sites of Potapovka type – Pokrovka culture – Timber-grave culture, and, accordingly, the most popular direction, in which the battle chariots spread. Taking into account the cultural and historical situation at the turn of the Middle and the Late Bronze Age, it seems to be more correct to make stress on the impetus from the west in formation of the cultures of the Volga-Urals region. As for the Sintashta phenomenon, we deal with the situation unusual for the Bronze Age, but quite routine for the later epochs, when not the whole population migrated, or a part of it represented by all social, age and gender groups, but military detachments only. In the forest-steppe area of the Don basin and adjacent territories a whole mass of chariot burials attributed to Abashevo culture are known. The author claims closeness of Sintashta burial rite and material culture and that of Abashevo culture of the Don-Volga region. It is supposed that the chariot burials of the Don-Volga Abashevo culture preceded Sintashta associations as a whole, though they could have been partly coeval. The transitional sites of Pokrovka horizon are generally synchronous with Sintashta final stage – Petrovka culture. The Abashevo groups settled forest-steppe and partly steppe regions of the Don-Volga interfluve; they demonstrate the whole repertoire of social and technical innovations, both of their own or inherited from their predecessors or borrowed from adjacent cultural units. The ideas concerning the civilizing influence exerted over the Abashevo population by the Transuralian tribes (that had undergone the civilizing influence of Abashevo culture before) do not correspond nor to the historical reality of the epoch, nor to the concrete archaeological data.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 16–24

К ИЗУЧЕНИЮ ХРОНОЛОГИИ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2005 г. А. Ю. Скаков

Институт археологии РАН, Москва

На фоне значительных успехов, достигнутых в последние десятилетия при изучении кобанской культуры, становится все более заметным недостаточное внимание отечественных исследователей к синхронным ей памятникам колхидской культуры Западного Закавказья. В тех же случаях, когда колхидские древности попадают в поле зрения российских ученых, используемый ими набор памятников крайне невелик (Иванчик, 2001). Привлекая в ряде случаев недостоверные комплексы и не учитывая такие памятники, как, к примеру, могильники Центральной Колхиды, мы оказываемся вынуждены опираться на хронологические схемы, предложенные учеными Южного Кавказа, лишаясь возможности критического анализа этих построений[1].

Между тем для памятников колхидской культуры традиционно существуют две схемы относительной и абсолютной хронологии – "длинная" и "короткая". "Длинная" хронология была наиболее детально обоснована Д.Л. Коридзе (1965) на основании анализа состава кладов. Им было выделено шесть хронологических периодов, датирующихся XVI–XIV, XIII–XII, XII–XI, XI–X, X–VIII, VIII–VII вв. до н.э. (табл. 1)

Согласно Д.Л. Коридзе, большинство "классических" колхидских кладов с орнаментированными топорами и богатым инвентарем датируются в широких рамках X–VIII вв. до н.э., и только клады из Лайлаши, Цагери и Цхинвали относятся к XI–X вв. до н.э. Таким образом, Д.Л. Коридзе предложил очень дробную хронологическую схему для памятников второй половины II тыс. до н.э., т.е. для периода формирования колхидской культуры и основных типов характерного для нее бронзового инвентаря. Памятники колхидской культуры эпохи ее расцвета практически остались за рамками периодизации Д.Л. Коридзе, получив очень широкую датировку.

Хронологическая схема Д.Л. Коридзе была уточнена Л.С. Сахаровой (1966) и А.Т. Рамишвили (1974). По Л.С. Сахаровой, клады из Цагери, Окуреши, Лухвано, Лайлаши, Сурмуши и Ходжи с уже сложившимися типами топоров относятся к XII–VIII вв. до н.э. Таким образом, памятники "классической" колхидской бронзы получили у Л.С. Сахаровой еще более широкую датировку, чем у Д.Л. Коридзе. Предложенные А.Т. Рамишвили коррективы хронологической схемы Д.Л. Коридзе незначительны и касаются преимущественно ранних этапов развития колхидской культуры.

В последнее время "длинная" хронология получила поддержку со стороны А.И. Иванчика (Иванчик, 2001). Само по себе обращение исследователя к памятникам Закавказья для их синхронизации с предскифскими и раннескифскими и выявления связей между степным миром, Предкавказьем и Закавказьем можно только приветствовать. Но такое исследование требует, на наш взгляд, максимально полного владения материалом и предварительной работы по его классификации. К сожалению, о монографии А.И. Иванчика этого сказать нельзя.

Наши критические замечания в адрес работы А.И. Иванчика уже были изложены (Вальчак, Скаков, 2003; Скаков, Эрлих, в печати) и получили поддержку со стороны ряда исследователей (Кулланда и др., 2003. С. 166). Одновременно с нами критические оценки построений А.И. Иванчика были высказаны и другими учеными (Дударев, 2001а; 2001б; 2002; 2003а; 2003б; Яблонский, 2003. С. 74). Так, по словам Л.Т. Яблонского, "А.И. Иванчику не удалось избежать досадных ошибок в построении и системе аргументации собственной хронологической концепции археологического материала, в способах его подачи". Более того, методы использования А.И. Иванчиком данных археологии были подвергнуты критике еще после появления первых его статей на эту тему (Погребова и др., 1998. С. 84, 85). Основной порок исследования А.И. Иванчика мы видим в недостаточном владении археологическим материалом, когда из множества археологических памятников автором используются только наиболее репрезентативные (табл. 2).

Кроме того, ученый практически не владеет типологическим методом и приведенные им аналогии древним изделиям являются, зачастую, или слишком общими, или более чем отдаленными. Так, в отношении предметов из Приморского А.И. Иванчик ограничивается общим замечанием о наличии "близких соответствий им в памятниках Кобанской культуры той же эпохи" (2001.

[1] Статья подготовлена на основании доклада, прочитанного на XXIII Крупновских чтениях по археологии Северного Кавказа (Москва) в марте 2004 г. (Скаков, 2004).

Таблица 1. Хронология колхидских кладов по Д.Л. Коридзе

Датировка (вв.)	Памятники
XVIII–XVI	Уреки
XVI–XIV	Квишари, Пиленково, Гагра, Пицунда, Лыхны, Эрге, Чорохи, Кобулети, Лайлаши, Эрге (Земо-Кочо), Мелекедури, Дими, Парцханаканеви, Гора
XIII–XII	Зенити (2 находки 1935 г.), Сасирети, Дигоми, Орду, Удэ
XII–XI	Вакиджвари, Шрома, Артвин, Кара-дере, Чаисубани, Бобоквати, Зенити (1926 г.), Цихисдзири-Самеба, Макванети, Опшквити, Сакара, Земо-Симонети, Дарквети, Лайлаши (ГЭ), Теловани
IX–X	Эрге, Лайлаши, Цхинвали, Ахалкалаки, Бежатубани, Цагери, Гутури, Диди Вани, Бугеули, Тхмори, Тагилони
X–VIII	Окуреши, Квишари, Лухвано, Переви, Цоиси, Лесичине, Сурмуши, Хеви, Синатле, Мехчис-Цихе, Оджоли, Чала, Джвари, Дгнориса, Калвата, окрестности Батуми (1914 г.), Тола, Сапудзвреби
VIII–VII	Уреки (Капровина), Бзвани, Шуахеви, Курзу

Таблица 2. Хронология памятников Колхиды по А.И. Иванчику

Датировка	Памятники
XII–X вв. до н.э.	Лайлаши
Вторая половина X – начало IX вв. до н.э.	Приморское
Не позже IX в. до н.э.	Эшера (1930 г.), Анухва
VIII в. до н.э.	Нигозети
Не раньше второй половины VIII в. до н.э.	Мехчис-Цихе

С. 230), или же в памятниках колхидской культуры. А.И. Иванчик, мимоходом, по таким же критериям ("однотипные браслеты", "топоры" и так далее) синхронизирует с находками из Эшеры и Анухвы большинство других памятников колхидской культуры. Хронология же их определяется исследователем исходя из того, что лишь в некоторых комплексах имеются предметы из железа. Другим основанием для абсолютной датировки этих памятников для А.И. Иванчика является отсутствие в них "несомненных признаков урартского влияния" (2001. С. 256). Необходимо отметить, что следы урартского влияния вообще практически отсутствуют на территории Абхазии.

И, наконец, в работе А.И. Иванчика отсутствует как элементарная критика источника (т.е. определение степени достоверности комплекса), так и критический анализ имеющихся в науке хронологических схем. Учитывая, каким весомым вкладом в науку была книга А.И. Иванчика "Киммерийцы" (1996), последнюю его работу нельзя не назвать, перефразируя слова ее автора, "наивным использованием историком данных археологии".

Даже дата появления железа в Закавказье пока остается дискуссионной. Спорными пока являются и датировки некоторых закавказских памятников, содержащих железные предметы – погребения 18 из Бешташени и клада из Удэ, отнесенных Р.М. Абрамишвили к XIV–XIII вв. до н.э. (Абрамишвили, 1961. С. 316–326). Предлагаемая Д.А. Хахутайшвили датировка наиболее ранних колхидских железоделательных мастерских XV–XIII или даже XIX–XVI вв. до н.э. (Хахутайшвили, 1987. С. 109, 110, 132, 143, 150, 155, 162) вызывает серьезные сомнения (Медведская, 1990. С. 269–273; Микеладзе, 1990. С. 52; Апакидзе, 1991. С. 79–82; Барамидзе, 1999. С. 35; Бгажба, 2000. С. 93–96).

В последнее время раннюю датировку появления железа в Закавказье поддержала В.И. Козенкова. По ее мнению, процесс появления железа в Закавказье маркируют инкрустированные железом полуовальные пряжки, отнесенные ею к протокобанской группе (середина XIII – начало XII в. до н.э.). Более того, согласно Р.М. Абрамишвили[2], инкрустированные железом полуовальные пряжки, найденные, кроме Центрального Кавказа, еще и в Абхазии, датируются концом XIV–XIII в. до н.э. (Абрамишвили, 1962. С. 6, 7). В.И. Козенкова считает, что северокавказские инкрустированные железом бронзовые изделия нельзя относить к более позднему времени, чем конец XII – начало XI в. до н.э. (Козенкова, 2002. С. 120). Как мы уже отмечали, полуовальные пряжки со спиральным орнаментом относятся, скорее всего, не к протокобанскому, а к раннекобанскому периоду (Скаков, 2001. С. 237; 2002. С. 222). Но не это главное. Дело в том, что архаичные полуовальные пряжки, украшенные, как правило, спиральным орнаментом и не имеющие отверстий в основании, вообще не инкрустированы железом. Железом инкрустировано только несколько полуовальных пряжек, типа найденной в погребении 9 Кобанского могильника, имеющие отверстия в основании и украшенные орнаментом из рядов треугольников. Инвентарь погребения 9 позволяет относить их к периоду расцвета

[2] Все перечисленные Р.М. Абрамишвили архаичные комплексы (погр. 174 и 261 могильника Самтавро, Верхняя Рутха, Корети, Мегврекиси) содержат пряжки со спиральным орнаментом, а не с инкрустированными железом треугольниками, что признавал и сам исследователь. Тем самым, он без какого-либо обоснования перенес на пряжки с инкрустацией датировку, предложенную для пряжек с совсем другим декором.

кобанской культуры, а ближайшие аналогии для них известны в памятниках Бзыбского варианта колхидской культуры, датирующихся не ранее VIII в. до н.э. (Скаков, 2002. С. 225, 226). Аналогичная пряжка с орнаментом из рядов треугольников или зигзага, но без инкрустации железом, найдена в погребении 378 Тлийского могильника, которое содержит железный акинак скифского типа (Техов, 2002. Табл. 54, 5). Инкрустированные железом орнаментированные топоры из Джирхуа, Фаскау и погребения 362 могильника Клин-Яр III, как и большинство других инкрустированных железом предметов, мы датируем IX в. до н.э. (Скаков, 1999. С. 123).

Сторонники "длинной хронологии" нередко апеллируют к хронологической схеме, разработанной для памятников Восточной Грузии, в первую очередь, на основании материалов могильника Самтавро. В частности, В.И. Козенкова, имея в виду те же самые полуовальные пряжки, обращает внимание на присутствие "материалов кобанского облика" в Закавказье в более ранних комплексах, чем на Северном Кавказе (Козенкова, 1996. С. 80). Отсюда только один шаг до вывода о формировании кобанской культуры в Закавказье. Обратимся к хронологии Самтаврского могильника как опорного для всего региона Центрального Закавказья, благо, эта хронология была подробно разработана Р.М. Абрамишвили в целом ряде работ (1957; 1961; 1962; Abramichvili, 1973; Abramishvili, 1997).

Относительно убедительно, на основании многочисленных, главным образом, скифских, хронологических привязок, Р.М. Абрамишвили датировал только наиболее позднюю хронологическую группу могильника, отнеся ее к второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. или второй половине VII–VI в. до н.э. (1957. С. 125–131; Abramishvili, 1997. Tab. I). Тем не менее вектор его хронологических привязок к настоящему времени изменился в сторону их удревнения. Так, Малая Цимбалка датируется уже не VII или второй половиной VII в. до н.э., а не позднее, чем серединой VIII в. до н.э.; Келермесс – не первой половиной VI в. до н.э., а 660–620 гг. до н.э.; Темир-гора – не началом VI в. до н.э., а второй половиной VII в. до н.э. Таким образом, часть погребений поздней группы Р.М. Абрамишвили на основе приведенного им круга аналогий может быть удревнена и датирована серединой VIII–VII в. до н.э.

Следующая хронологическая группа, датируемая VIII – первой половиной VII в. до н.э., выделена Р.М. Абрамишвили на основании взаимовстречаемости определенных категорий вещей и стратиграфических наблюдений, но абсолютная дата здесь опирается только на бронзовые наконечники стрел с длинными черешками, встреченные в урартских материалах VIII в. до н.э. Еще сложнее обстоит дело с выделением двух более ранних групп, они, по признанию Р.М. Абрамишвили, "отличаются друг от друга только большим или меньшим количеством железных предметов" (1957. С. 134, 135). По нашему мнению, количество железных предметов не может быть единственным хронологическим индикатором, так как может зависеть от социального статуса погребенного, от задержек с поставками черного металла из железодобывающих центров и т.д. Тем более, мы не считаем возможным, как это предлагает исследователь, расположить погребения одной группы в хронологической последовательности исходя из количества железных вещей, найденных в них. А для Р.М. Абрамишвили количество железных предметов в погребениях стало основанием для создания схемы типологического и хронологического развития самтаврских бронзовых кинжалов и мечей (1962. С. 10. Табл. III).

Более позднюю из этих групп Р.М. Абрамишвили отнес первоначально к IX – первой половине VIII в. до н.э., а более раннюю – к XI–X вв. до н.э. (1957. Табл. I). Позже более поздняя группа была охарактеризована исследователем как "I ступень эпохи широкого освоения железа" и датирована второй половиной X–IX в. до н.э. (1962. С. 24–26). Единственным хронологическим репером для Р.М. Абрамишвили при датировке более ранней группы была дуговидная бронзовая фибула раннего типа из погребения 591 (раскопки Байерна) (1957. С. 136). В дальнейшем исследователь скорректировал свою точку зрения, объединив большую часть инвентаря более поздней группы с материалами следующей за ней по времени группы VIII – первой половины VII в. до н.э. Более раннюю группу Р.М. Абрамишвили передатировал второй половиной XII–IX в. до н.э. (Abramishvili, 1997. Tab. II).

Еще более раннюю группу погребений Самтавро Р.М. Абрамишвили отнес к поздней бронзе, синхронизировав ее с погреб. 13 и 18 из Бешташени, и датировал XIII–XII вв. до н.э. (1957. С. 137. Табл. I). В дальнейшем ее датировка была уточнена в рамках XIII – первой половины XII в. до н.э. (Abramishvili, 1997. Tab. II). Позже часть погребений этой группы была выделена Р.М. Абрамишвили в отдельную, более раннюю группу, датируемую им второй половиной XV – XIV в. до н.э. или же только XIV в. до н.э. И, наконец, наиболее ранняя группа погребений Самтавро Р.М. Абрамишвили датировал XVI – первой половиной XV в. до н.э. (Abramishvili, 1997. Tab. III).

Как видим, Р.М. Абрамишвили, уловив, как кажется, общую линию развития материальной культуры населения, оставившего могильник Самтавро, убедительно обосновал только выделение двух наиболее поздних хронологических групп. В то же время абсолютные даты, предлагаемые

Р.М. Абрамишвили, либо устарели, либо слабо обоснованы. Тем не менее датировка погребения 591 XI–X вв. до н.э. по архаичной бронзовой фибуле не вызывает у нас серьезных сомнений. Однако можно усомниться в предлагаемой Р.М. Абрамишвили датировке появления фибул в Закавказье XII в. до н.э. исходя из того сомнительного факта, что это событие не могло произойти после "потери ахейцами Трои" (Абрамишвили, 1962. С. 10). Опирающаяся на таком шатком основании и измененная исследователем в сторону удревнения датировка погребения 591 рубежом XII–XI в. до н.э. не может быть принята. Проблема в том, что столь шаткие хронологические реперы стали для исследователя основанием для отнесения погребений, содержащих мечи с усеченными концами, к XI в. до н.э., а погребений, содержащих мечи с закругленными концами – к концу XII в. до н.э.

Некоторые замечания к предложенной Р.М. Абрамишвили хронологической схеме были высказаны еще К.Н. Пицхелаури. В частности, он обратил внимание на невозможность установления точной даты по глиняным сосудам, наличие булавок с грибовидной головкой как в ранних, так и в относительно поздних комплексах, синхронность кахетских кинжалов с составной рукоятью листовидным кинжальным клинкам, а также на сомнительность гипотезы Р.М. Абрамишвили о более раннем появлении железа в Самтавро, чем в северных и восточных районах Восточной Грузии (Пицхелаури, 1969а. С. 174–176, 192, 193). Тем не менее усомнившись в обоснованности некоторых датировок погребений Самтавро, К.Н. Пицхелаури в целом принял хронологическую схему Р.М. Абрамишвили для памятников Восточной Грузии (Пицхелаури, 1969а. С. 177–182). При этом исследователь не отрицал, что ряд предметов из этих комплексов имеет более широкие даты, встречаясь в памятниках рубежа II–I тыс. до н.э. Отметим, что гораздо более убедительными выглядят датировки, предлагаемые К.Н. Пицхелаури для исследованных им самим памятников, в частности могильников Сакобиано ("наиболее ранняя ступень эпохи поздней бронзы"), Кистаури (XII–IX вв. до н.э.) (Пицхелаури, 1969б. С. 93–95, 99–101). Но и здесь К.Н. Пицхелаури, переходя к датировке могильника Тетрицклеби, опирается исключительно на предлагаемую Р.М. Абрамишвили раннюю дату появления железа в Самтавро. Несколько противореча самому себе, исследователь отмечает: "существующие данные подтверждают, что памятники этого края не могут быть датированы с полной достоверностью на основе лишь материалов соседних районов (например, Самтавро)" (Пицхелаури, Дедабришвили, 1969. С. 7). В итоге явно разновременные, более архаичный могильник Сакобиано и включающие железные предметы погребения из Тетрицклеби, оказываются полностью синхронными (Пицхелаури, 1969б. С. 100, 105–107). На наш взгляд, дата погребений из Тетрицклеби непосредственно следует за датой могильника Сакобиано.

Можно ли использовать хронологическую схему, разработанную по материалам Самтавро, для датировки памятников Колхиды? Подобная попытка была предпринята Р.М. Абрамишвили. Так, клады из Мехчис-цихе и Сурмуши были отнесены им к VIII – первой половине VII в. до н.э. (Abramishvili, 1997. Tab. I, *81–88*, *107*, *108*). К этому же периоду он отнес погр. 121 Самтаврского могильника с орнаментированным топором группы 5 третьего хронологического периода (Скаков, 1998), а также погр. 260 этого могильника с неорнаментированным кобано-колхидским топором второго типа. К более раннему периоду Р.М. Абрамишвили отнес погр. 208 могильника Самтавро с неорнаментированным топором третьего типа (Abramishvili, 1997. Tab. II, *22*). С этими датировками мы можем согласиться. Но другие, более ранние группы погребений Самтаврского могильника практически не содержат предметов, находящих аналогии в памятниках Колхиды. Поэтому прямой перенос хронологической схемы Р.М. Абрамишвили на колхидские древности вряд ли продуктивен.

Для нас более важны основания, благодаря которым Р.М. Абрамишвили датировал концом XIII – первой половиной XII в. до н.э. клад из Удэ (1962. С. 7, 8). В этом исследователь опирается на комплекс из Двани, содержащий, как и клад из Удэ, высокие прямоугольные пряжки кобанского типа. Дванское погребение (Макалатия, 1957) Р.М. Абрамишвили датирует первой половиной XII в. до н.э. по цельнолитому кинжалу с навершием. Показательно, что гравированные пинцет и копье из Дванского комплекса исследователь в своих хронологических построениях не учитывает, хотя аналогии, которые можно им привести, говорят о несколько ином времени. Неясно также, почему "на раннее время удийского клада указывают содержащиеся в нем бронзовые копья с открытой втулкой" (Абрамишвили, 1962. С. 8). Аналогичные копья хорошо известны в колхидских памятниках раннего железного века. Также нельзя считать аргументом утверждение Р.М. Абрамишвили что: "на раннюю дату удийского клада указывают также и содержащиеся в нем железные предметы", повторяющие формы бронзовых. Как известно, железные изделия повторяют формы бронзовых прототипов вплоть до VII в. до н.э., что хорошо видно по материалам колхидских некрополей и Тлийского могильника. Показательно, что Р.М. Абрамишвили при датировке комплекса из Удэ не использует присутствующие в нем бронзовые топоры, пояса, браслеты, гравированные пинцеты и копья. Единственным серьезным аргументом является наличие в составе клада конусовидных орнаментированных булавок,

Таблица 3. Хронология памятников Абхазии эпохи поздней бронзы – раннего железа по Ю.Н. Воронову

Датировка	Комплексы
IX – первая половина VIII в. до н.э.	Гагра (1971 г.)
Первая половина VIII в. до н.э.	Куланурхва (1969 г.)
VIII в. до н.э.	Эшера (1934 г.)[1], Звандрипш (1969 г.)
VIII – первая половина VII в. до н.э.	Верхняя Эшера (1953 г.)
Вторая половина VIII – начало VII в. до н.э.	Куланурхва-1
Вторая половина VIII – первая половина VII вв. до н.э.	Куланурхва-6, 7, Гальский клад
Конец VIII – начало VII в. до н.э.	Нижняя Эшера (1930 г.)
Конец VIII – первая половина VII в. до н.э.	Бамбора (1940 г.), Приморское, Гудаута (1960 г.), Куланурхва-11
VII в. до н.э.-	Куланурхва-2, Красный Маяк-92, 94[2]
Первая половина – середина VII в. до н.э.	Ачандара (1970 г.)
Вторая половина VII в. до н.э.	Нижняя Эшера (1969 г.), Красный Маяк-62, 93, Куланурхва-8, 9
Начало VI в. до н.э.	Красный Маяк-11, 17; Куланурхва-4, 5[3]
VI в. до н.э.	Куланурхва-10
VI–V или IV–III в. до н.э.	Куланурхва-12
Вторая половина VI – начало V в. до н.э.	Красный Маяк-7, Куланурхва-3

Примечание. [1] В одной работе Ю.Н. Воронова это погребение было датировано серединой VII в. до н.э. (Воронов, 1980. С. 209), в другой – VIII в. до н.э. (Воронов, Вознюк, 1975. С. 270).

[2] В другой своей работе Ю.Н. Воронов датировал урновые погребения Красного Маяка VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Воронов, Вознюк, 1975. С. 272).

[3] В другой своей работе Ю.Н. Воронов датировал погр. 4 и 5 Куланурхвы второй четвертью – серединой VI в. до н.э. (Воронов, Вознюк, 1975. С. 272).

аналогичная которым была обнаружена в погребении 286 Самтавро. Но ранняя дата (XIII–XII вв. до н.э.) погребения 286 опирается только на бусы неправильной формы из сердолика. Достаточно ли этого для уверенной датировки? Кроме того, аналогичные булавки найдены в погр. 83 Борнигеле, датированном "начальным периодом I тысячелетия или X–IX вв. до н.э." (Гамбашидзе и др., 1991. С. 28. Табл. 58).

Слабо обоснованная ранняя дата для конусовидных булавок с орнаментированной головкой в дальнейшем стала восприниматься как аксиома. Так, на этом основании XIII–XII вв. до н.э., не позднее XI в. до н.э., были датированы погр. 34 Бешташени и погр. 472 Мусиери (Абрамишвили, 1962. С. 10, 11). Погр. 127 Грмахевистави, включающее массивный граненый браслет со сходящимися концами, было датировано XIII–XII вв. до н.э. именно по аналогичной конусовидной булавке (Абрамишвили и др., 1980. С. 202. Рис. 190). При этом входивший в этот комплекс браслет находит аналогию в кладе из Квишари (Ниорадзе, 1949. Рис. 10), датируемом нами по орнаментированному топору IX в. до н.э. (Скаков, 2000. С. 132). Во включенном в хронологическую схему Самтавро погр. 16 Ворнака подобные браслеты были датированы второй половиной XII–IX в. до н.э. (Abramishvili, 1997. Tab. II, *23*). Более того, булавка из Грмахевистави короче, чем экземпляры из Удэ, ее головка более утолщена. Укороченность конусовидных булавок является, вероятно, поздним признаком. Еще более укороченными, с сильно утолщенной головкой, являются булавки этого типа из погребений 61, 188 и 190 Гантиади, датированных VIII–VII вв. до н.э. (Кахиани и др., 1985. С. 29, 30. Табл. XXX; 1991. С. 52, 53. Табл. 131). Таким образом, мы можем предположить, что удлиненные булавки с конусовидной головкой датируются предшествующим периодом, вероятно, X–IX вв. до н.э.

Дав столь неубедительно обоснованную дату для клада из Удэ, Р.М. Абрамишвили вслед за этим, без какой-либо дополнительной аргументации передатирует концом XIII – первой половиной XII в. до н.э. прямоугольные поясные пряжки, характерные для кобанской культуры эпохи ее расцвета (1962. С. 8). Столь же необоснованно отнесение кувшинного погребения из Эшеры и клада из Курзу к концу II – первым векам I тыс. до н.э. (Абрамишвили, 1961. С. 378).

Итак, созданная Р.М. Абрамишвили схема относительной хронологии требует внесения значительных корректив, в первую очередь в вопросе синхронизации погребений Самтавро с комплексами Центральной и Западной Грузии. Предложенные Р.М. Абрамишвили абсолютные даты имеют очень шаткое обоснование и требуют тотальной проверки.

"Короткая" хронология колхидской культуры была обоснована Ю.Н. Вороновым (1980), уделившим, в отличие от Д.Л. Коридзе, основное внимание погребальным комплексам (табл. 3).

Наиболее древние из погребальных комплексов колхидской культуры на территории Абхазии были датированы Ю.Н. Вороновым первой половиной VIII в. до н.э. К VIII в. до н.э. он отнес и появление в Абхазии железных изделий. Сильным местом работы Ю.Н. Воронова следует считать особое внимание, уделявшееся им поиску хронологических реперов и анализу взаимовстречаемости предметов в комплексах, слабым – нередкое привлечение слишком отдаленных аналогий.

Сторонники "короткой" хронологии не отрицали формирования колхидской культуры в середине II тыс. до н.э. Возникало ощущение, что культура, сформировавшись в период сложения основных типов бронзового инвентаря около XV в. до н.э., затем на протяжении 6–7 веков находилась в состоянии явного застоя, сменившегося в VIII–VI или VII–VI вв. до н.э. неожиданным расцветом.

Независимо от Ю.Н. Воронова к "короткой" хронологии пришла Л.Н. Панцхава (1986; 1988), датировавшая, на наш взгляд, неубедительно памятники кобано-колхидского графического искусства концом IX – первой половиной VI в. до н.э. Проведенная Д.Л. Коридзе синхронизация большинства кладов "классической" колхидской бронзы не вызвала у Л.Н. Панцхава сомнений, однако датировала она их не X–VIII вв. до н.э., а рубежом VIII–VII вв. до н.э.

Сторонники "короткой хронологии" были поддержаны Т.К. Микеладзе, который проанализировал комплексы из могильников Центральной Колхиды, датировав их в узких рамках конца VII – начала VI в. до н.э. В итоге большинство погребальных памятников (Эргета I, 5; Эргета IV, 1; Эргета IV, 2; Уреки; Палури) Т.К. Микеладзе датировал узкими рамками конца VII в. до н.э., ряд других (Эргета III, 1; Дгваба, 1; Дгваба, 2; Нигвзиани) – рубежом VII–VI в. до н.э. и началом VI в. до н.э. Комплекс (на наш взгляд, сомнительный) из Приморского Т.К. Микеладзе датирует не ранее второй половины VII в. до н.э., тем самым омолаживая его еще больше, чем Ю.Н. Воронов (Микеладзе, 1990. С. 35, 48–54).

Хронологическая схема для могильников Центральной Колхиды была развита и дополнена Р.И. Папуашвили (1998). Характерно, что Р.И. Папуашвили, выделяя для колхидских могильников пять хронологических групп, обосновывает их исключительно отсутствием или наличием железных предметов и их количеством (1998. С. 55, 56).

Показательно, что, используя для могильников Колхиды укороченную хронологию, Т.К. Микеладзе отказывается от передатировки клада из Удэ, приводя только взаимоисключающие даты XI–X вв. до н.э. и конец XIII в. до н.э. (Микеладзе, 1990. С. 52). Тем самым в пределах одной хронологической системы железо в Южной Грузии появляется в XIV–XIII вв. до н.э., а в Западной Грузии – с конца VII в. до н.э. Причины такого расхождения в датировках никак не объясняются.

В качестве сторонников "короткой" хронологии, хотя и менее радикальных, чем Ю.Н. Воронов, выступили также Э.М. Гогадзе (1984) и Д.Б. Апакидзе (1991), датировавшие большинство "классических" колхидских комплексов в рамках VIII–VI вв. до н.э. Согласно Э.М. Гогадзе урновые погребения из Эшеры и комплексы из Приморского и Аагсты относятся к началу I тыс. до н.э., некоторые погребения Палури уходят, возможно, даже в конец II тыс. до н.э. В то же время могильники Красный Маяк и Куланурхва совпадают по времени с могильником Мухурча в Центральной Колхиде. В ранней (VIII – первая половина VII в. до н.э.) группе Мухурчи бытуют как бронзовые, так и железные оружие и орудия труда, но железные (топоры, кинжалы) повторяют форму бронзовых. Поздняя (вторая половина VII – середина VI в. до н.э.) группа Мухурчи синхронна могильнику Нигвзиани. Могильник Гуадиху начинает свое существование позже, чем Мухурча, и совпадает с ним только частично. В целом, колхидская бронза, по Э.М. Гогадзе, датируется не позже, чем серединой VII в. до н.э. (Гогадзе, 1984. С. 31–37). Таким образом, Э.М. Гогадзе похоже попытался нащупать "третий путь", избежав крайностей сторонников "длинной" или "короткой" хронологии.

Поздние даты погребений у приверженцев "короткой" хронологии вступили в противоречие с датировками поселенческих слоев. Так, тот же Д.Б. Апакидзе, перейдя в лагерь сторонников "длинной" хронологии (2001. С. 38), передатировал XII–XI вв. до н.э. верхний слой поселения Наохваму, содержащий бронзовый наконечник копья с орнаментированной втулкой. В своей работе 1991 г. Д.Б. Апакидзе датировал бронзовые наконечники копий из клада Очхомурского поселения, погребений 11 и 13 Бешташени и клада Лухвано VIII–VII вв. до н.э. (1991. С. 79). В работе 2001 года исследователь отнес эти комплексы к XII–XI вв. до н.э., приведя наконечники копий из них как аналоги наконечнику из верхнего слоя Наохваму (2001. С. 33). Кроме того, Д.Б. Апакидзе в качестве аналогий им привел наконечники копий из Квасатали. По сути, возникла парадоксальная ситуация, когда клад из Лухвано эпохи расцвета кобано-колхидской бронзы оказался у Д.Б. Апакидзе синхронен безусловно докобанским погребениям Квасатали.

Вероятно, Д.Б. Апакидзе пришел к удревнению верхнего слоя Наохваму и синхронных ему памятников после появления калиброванных дат по ^{14}C для некоторых из них. Но большинство этих дат, приводимых исследователем, указывает все же не на XII–XI, а на XI–IX вв. до н.э. (Апакидзе, 2001. С. 33). Приводимые Д.Б. Апакидзе аналогии копью с орнаментированной втулкой из Наохваму отличаются от него как по форме, так и по декору. Не более обоснованным кажется нам и употребляемый исследователем "метод сравнительной хронологии", когда подстилающий слой автоматически датируется веком раньше, чем слой, расположенный над ним (Апакидзе, 2001. С. 34, 35).

"Короткая" хронология колхидской культуры вызывала соблазн передатировать в этом же

ключе и памятники кобанской культуры (Тлийский могильник). Такие попытки были предприняты Ю.Н. Вороновым, Л.Н. Панцхава и Т.К. Микеладзе. Последний пересматривает датировку погребений Тлийского могильника на основании колхидских аналогий его кинжалам. Комплексы, датированные Б.В. Теховым XII–IX вв. до н.э., были передатированы рубежом VII–VI вв. до н.э. (Микеладзе, 1990. С. 56, 57). Передатировку основной массы погребений Тлийского могильника VIII–VI вв. до н.э. принял Д.Б. Апакидзе (1991. С. 92), о ее необходимости высказался Э.М. Гогадзе (1984. С. 37, 38).

По справедливому замечанию Ю.Н. Воронова, при взгляде на хронологическую схему, предложенную Б.В. Теховым, "создается впечатление, что на протяжении 600 лет местная материальная культура, зародившись внезапно во всех своих классических формах вне видимой связи с более ранними памятниками где-то в середине XII в. до н.э., находилась в полном застое до VII в. до н.э., когда в ее среду начали проникать памятники скифского облика" (Воронов, 1980. С. 201). Замечание, в целом, справедливое, но необходимо признать, что, как было показано выше, к хронологической схеме самого Ю.Н. Воронова и его единомышленников оно может быть применено с не меньшим успехом.

Суть предложенной Ю.Н. Вороновым передатировки состояла в том, что тлийские комплексы с предметами скифского облика вместо VIII–VI вв. до н.э. были отнесены ко второй половине VII–VI вв. до н.э., а предшествовавшие им погребения второй половины XII–IX в. до н.э. – к времени, не ранее чем VIII – первая половина VII в. до н.э. (Воронов, 1980. С. 201). Двуспиральные подвески ("пряжки") из погребений Тлийского могильника и Стырфаза, датированные Б.В. Теховым XIV – первой половиной XII в. до н.э., Ю.Н. Воронов отнес к VIII–VII в. до н.э., датировав этим временем и Стырфазские кромлехи (Воронов, 1980. С. 208). Утверждение Ю.Н. Воронова о "характерности" многих категорий инвентаря Стырфазских кромлехов "в первую очередь для памятников VIII–VII вв." не выдерживает критики.

Попытки "омоложения" Тли вызвали критические возражения со стороны Б.В. Техова (1985). Впрочем, взгляды самого Б.В. Техова с того времени претерпели явные изменения в сторону некоторого омоложения датировок ряда погребений Тлийского могильника. По крайней мере, теперь (2002) он допускает бытование кобанских топоров с дважды изогнутым корпусом (тип I) не только в XI–VIII, но и в VII вв. до н.э. Бронзовые гривны с закрученными концами, датированные ранее Б.В. Теховым второй половиной X в. до н.э. (1977. С. 150), теперь отнесены им к VIII–VII вв. до н.э. Нельзя не согласиться с высказыванием исследователя о критериях датировки: "отсутствие в указанных комплексах железных предметов вовсе не свидетельствует об их древности" (Техов, 2002. С. 231, 232). А ведь именно на факторе присутствия или отсутствия железных изделий, а также их количестве, строилось большинство хронологических схем для кавказских древностей, в том числе и хронология самого Б.В. Техова.

Таким образом, одной из наиболее спорных, актуальных и наболевших проблем кавказской археологии до сих пор остается хронология колхидских могильников эпохи раннего железа и совмещение хронологических схем, использующихся для памятников колхидской и кобанской культур. Бесспорно, слабые места можно нащупать как в "длинной", так и в "короткой" хронологии. Не более продуктивно и создание хронологии колхидской культуры на основании, пусть даже относительно проработанной, хронологической шкалы для одного из памятников (Самтавро) смежной территории. По нашему мнению, необходимы создание хронологических схем для каждого из вариантов или культур кобано-колхидской культурной общности (что не означает признания наличия единой кобано-колхидской культуры) и их дальнейшая корреляция между собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамишвили Р.М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // ВГМГ. 1957. Т. XIX-А, XXI-В.

Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии // ВГМГ. 1961. Т. XXII-В.

Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV–VI вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1962.

Абрамишвили Р.М., Гигуашвили Н.И., Кахиани К.К. Археологические памятники Грмахевистави. Тбилиси, 1980.

Апакидзе Д.Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Тбилиси, 1991.

Апакидзе Д.Б. К вопросу о датировке искусственных жилых холмов колхидской культуры // КСИА. 2001. Вып. 211.

Барамидзе М. Некоторые проблемы археологии Западного Закавказья в III–I тыс. до н.э. // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тбилиси, 1999.

Бгажба О.Х. У истоков металлургии железа // Абхазоведение. История, этнология, археология. Вып. 1. Сухум, 2000.

Вальчак С.Б., Скаков А.Ю. Дигорские "пекторали" предскифского периода // РА. 2003. № 3.

Воронов Ю.Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Воронов Ю.Н., Вознюк А.С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР // СА. 1975. № 2.

Гамбашидзе О.С., Квижинадзе К.Д., Гамбашидзе И.О. Основные результаты работ Месхет-Джавахетской экспедиции в 1985–1986 гг. // ПАИ в 1986 г. 1991.

Гогадзе Э.М. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурча) // ВГМГ. 1984. Т. XXXVII-В.

Дударев С.Л. "Старые и новые" открытия грузинских археологов и актуальные вопросы археологии Кавказа эпохи раннего железа // Третья Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар; Анапа, 2001а.

Дударев С.Л. О дискуссионных вопросах изучения предскифского периода на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001б.

Дударев С.Л. Еще раз о времени появления на Кавказе шлемов ассирийского типа // Античная цивилизация и варварский мир. Матер. 8-го археологич. семинара. Краснодар, 13–15 июня 2001 г. Краснодар, 2002.

Дударев С.Л. К вопросу о хронологии ассирийских шлемов с остроконечной тульей и их кавказских подражаний // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003а.

Дударев С.Л. К проблеме археологической идентификации киммерийцев и скифов (к выходу книги А.И. Иванчика "Киммерийцы и скифы") // Проблемы всеобщей истории. Вып. 8. Армавир, 2003б.

Иванчик А.И. Киммерийцы. М., 1996.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Кахиани К.К., Глигвашвили Э.В., Дзнеладзе М.С. и др. Археологические исследования Машаверского ущелья в 1984–86 гг. // ПАИ в 1986 г. 1991.

Кахиани К.К., Иремашвили Ш.А., Иорданишвили Ж.В., Цквитинидзе З.Р. Археологическая экспедиция Машаверского ущелья // ПАИ в 1982 г. 1985.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. Матер. по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002.

Коридзе Д.Л. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965.

Кулланда С.В., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Чтения памяти Э.А. Грантовского // Восток (Oriens). 2003. № 2.

Макалатия С.И. Погребение эпохи поздней бронзы из селения Двани // КСИИМК. 1957. Вып. 69.

Медведская И.Н. Рец.: Хахутайшвили Д.А. "Производство железа в древней Колхиде". Тбилиси, 1987 // СА. 1990. № 2.

Микеладзе Т.К. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы – раннего железа). Тбилиси, 1990.

Ниорадзе Г.К. Археологические находки в селе Квишари // СА. 1949. Т. XI.

Панцхава Л.Н. Некоторые вопросы колхидской и кобанской культур по материалам Чобарухского и Пасанаурского кладов // ВГМГ. 1986 Т. 38-В..

Панцхава Л.Н. Памятники художественного ремесла колхидской культуры. Тбилиси, 1988.

Папуашвили Р.И. Об относительной хронологии колхидских могильников эпохи поздней бронзы – раннего железа // Дзиебани. № 1. Тбилиси, 1998.

Пицхелаури К.Н. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии (конец II – начало I тыс. до н.э.) // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Т. I. Тбилиси, 1969а.

Пицхелаури К.Н. Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Т. I. Тбилиси, 1969б.

Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш. Работы Кахетской археологической экспедиции в зоне строительства Верхне-Алазанской оросительной системы (1965–1966 гг.) // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Т. I. Тбилиси, 1969.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., Яценко И.В. Киммерийская проблема (по поводу книги: А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность) // ВДИ. 1998. № 3.

Рамишвили А.Т. Из истории материальной культуры Колхети (Колхиды). Батуми, 1974.

Сахарова Л.С. Позднебронзовая культура ущелья р. Цхенис-цкали. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1966.

Скаков А.Ю. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. 1998. Вып. 4.

Скаков А.Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

Скаков А.Ю. К вопросу о хронологии некоторых закавказских кладов эпохи поздней бронзы // XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 2000.

Скаков А.Ю. Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. междунар. науч. конф. "К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы". Самара, 2001.

Скаков А.Ю. К вопросу о хронологии Красномаякского могильника // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Мат. междунар. науч. конф. Ч. II. СПб., 2002.

Скаков А.Ю. Некоторые проблемы и перспективы изучения колхидской культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междунар. науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. М., 2004.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. Еще раз о хронологии "киммерийских" и раннескифских древностей // В печати.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

Техов Б.В. По поводу заметки Ю.Н. Воронова и М.М. Гунба "Новые памятники колхидской культу-

ры в Абхазии" // ИЮОНИИ. Вып. XXVII. Тбилиси, 1985.

Техов Б.В. Тайны древних погребений. Археология, история, этнография. Владикавказ, 2002.

Хахутайшвили Д.А. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987.

Яблонский Л.Т. Археология и скифология в этноисторической реконструкции // РА. 2003. № 3.

Abramichvili R. La necropole de Samthavro et la chronologie des civilisation archeologiques du Bronze Recent et du debut du Fer au Caucase // Actes du VIII Congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. Tome troisieme. Rapports et corapports. Beograd, 1973.

Abramishvili R. Chronological Ordering of archaeological Finds of Transcaucasia // Bull. Tbilisi Archaeological Museum. 1997. № 1.

Investigations of the Colchis culture chronology

A. Yu. Skakov

Summary

The author analyses the present state of chronological investigations of the Colchis culture in the West Transcaucasus. Now exist two chronological systems of the Caucasian sites dating from the Late Bronze – Early Iron Ages – "long" and "short" ones. Each system has its own weak points, and none can be entirely accepted. Another chronology based on the materials from adiacent, or, the more so, more distant though spectacular cultures (like Samtavro group) seems hardly more reliable. Probably, the way out is construction of chronological schemes for earch region, or variant, of Koban and the Colchis cultures and establishing correlation between them.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 25–35

ФОРТИФИКАЦИИ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАФАЙЛОВСКОГО ГОРОДИЩА)

© 2005 г. Н. П. Матвеева

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Фортификационное строительство древних племен Западной Сибири остается мало изученным вследствие, как нам кажется, большей трудоемкости и рискованности исследований с точки зрения достижения планируемого результата. До сих пор, изучая военное дело населения раннего железного века, внимание уделяли главным образом вооружению (Могильников, 1992а,1992б; Погодин, 1998) и военной иерархии (Матвеева, 1994; 1997а; 2000; Погодин, 1997). Отсутствие информации о приемах строительства крепостей, его длительности, сроках эксплуатации, возможностях выдерживать осаду и давать убежище населению, причинах реконструкций и о другом не позволяют достаточно полно анализировать социально-экономические функции городищ. Хотя сегодня мы видим в них преимущественно форпосты освоения и закрепления новых территорий (Матвеева, 1997б; 1999; 2000), основываясь на локализации их по рубежам саргатской земли (Корякова, 1988. С. 33), но считаем данную трактовку одной из вариаций реального прошлого. Останавливаться только на этой интерпретации – значило бы недооценивать богатство и сложность социальной жизни населения лесостепи.

Рекогносцировочные раскопки прежних лет дали только некоторые сведения о масштабах строительных работ по размерам заградительных линий. Лишь одно городище из самых малых мысовых и простейшего устройства – Ак-Тау, было полностью раскопано и реконструировано графически М.К. Хабдулиной (1994. С. 36–39). К сожалению, столь сложная по предлагаемым рисункам система фортификации не опирается в достаточной мере на объективные наблюдения по всему перечню составляющих элементов. Объема грунта, вынутого из рва на Ак-Тау, явно не хватает для заполнения им секций стены на высоту 2 м. Реально зафиксированы только ямки от столбов, расположенные недостаточно густо для частокола и только в одну линию, что не позволяет видеть в стене прямоугольные секции в виде заплота. Так что предлагаемая высота конструкции и существование частокола, стрелковой галереи проблематичны. Возможна, конечно, установка секций в виде полых срубов или срубов значительно меньшей высоты с засыпкой снаружи, а забора из горизонтальных и вертикальных элементов изнутри, но об объемах такого варианта строительных работ говорить трудно.

Таким образом, проблема реконструкции характера оборонительных конструкций на саргатских городищах, определения длительности их использования остается актуальной. Для изучения роли крепостей в военном деле населения саргатской культуры нами решено было вернуться к исследованию Рафайловского городища, материалы из раскопок 1983–1985, 1987, 1995 годов на котором использованы в основном в целях получения источников для историко-культурного, палеоэкологического и палеоэкономического анализа (Матвеева, 1993а; 2000; Ларин, Матвеева, 1997; Матвеева, Крюкова, 1998; 2001; Матвеева, Ларин, 2000).

Рафайловское городище – наиболее изученный с точки зрения жилой и хозяйственной застройки поселенческий памятник саргатской культуры (Матвеева, 1993а; 1993б). Городище береговое, с двумя смежными защищенными участками, окружено обширным и длительно существовавшим селищем. Общая площадь его 60 тыс. м^2, исследовано раскопками около 3 тыс. м^2. Топографически городище расположено на выгодном месте[1] – останце среди стариц, позволяющем обозревать окрестности по левому и правому берегам Исети на расстояние от 5 до 10 км, в том числе и часть по ее руслу. Для целевого исследования фортификаций в 2002 г. были предприняты раскопки укреплений на разных площадках, в частности расширен участок вскрытой площади на валу и во рву с северной стороны первой площадки и вскрыт участок проезда раскопом 1, расширена рекогносцировочная траншея 1985 г. на стыке первой и второй площадок в раскопе 6 и выполнена серия работ по радиоуглеродному датированию[2] материалов.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения за сооружениями на селище, проведенные ранее в течение нескольких лет полевых работ, показали, что на одном и том же месте строили дважды (на северной периферии) и, как минимум, трижды в центральной части. До сих пор мы счи-

[1] Называется оно в настоящее время "остров" и труднодоступно в сырое время года.

[2] Л.А. Орловой в ОИГГиМ СО РАН.

Радиокарбонные датировки объектов из раскопок Рафайловского городища

№	Код даты	Объект	Значение	Вероятность 68.2%	Вероятность 95.4 %
1	3530-СОАН	Уголь с кровли соор.1 на селище	2715 ± 30	900–825 BC	920–800 BC
2	3531-СОАН	Селище уголь с кровли соор.1	1610 ± 30	410–540 AD	390–540 AD
3	3532-СОАН	Уголь с кровли, селище	2295 ± 30	400–260 BC	410–210 BC (410–350 BC – 63.9 %)
4	3533-СОАН	Вал 2 площадки: слой под валом	2140 ± 30	350–110 BC	360–50 BC (240–50 BC–78.1%)
5	3534-СОАН	Вал 2 площадки, ранний слой под валом	2170 ± 30	360–170 BC	360–110 BC
6	3535-СОАН	Кость, основание вала 2 площадки	2300 ± 30	400–260 BC	410–230 BC (410–350 BC – 69.1%)
7	3536-СОАН	Кость, заполнение жил. 12 на селище	2370 ± 100	760–260 BC (44.2–550–360 BC)	800–200 BC
8	4932-СОАН	Уголь, селище, Б-2, яма 12	3605 ± 60 лет	2040–1830 BC	2140–1770 BC
9	4933-СОАН	» , селище, Ж-7, яма 9	1145 ± 35 лет	780–980 AD	780–990 AD
10	4934-СОАН	Городище, 1 площадка, кв. Л'Н'/6-8	1675 ± 30 лет	260–420 AD	260–430 AD
11	4935-СОАН	» , 1 площадка, кв. П'/12	395 ± 25 лет	1440–1610 AD	1430–1630 AD
12	4936-СОАН	Уголь от вертикального бревна, городище, кв. И-20, р.6	2265 ± 45 лет	400–210 BC	410–200 BC
13	4937-СОАН	Уголь от горизонтального бревна, городище, кв. И-20, р. 6	2250 ± 40 лет	390–200 BC	400–200 BC
14	4938-СОАН	Горизонтальное бревно в конструкции, 1 площадка, кв. Е'Ж'/11-12	2430 ± 35 лет	760–400 BC	770–400 BC
15	4939-СОАН	Горизонтальное бревно, Б'-Д'/11-12	2355 ± 30 лет	485–380 BC	520–370 BC

тали, что городище возникло в конце V–начале IV в. до н.э. и прекратило свое существование около середины II в. до н.э. (Матвеева, 2000. С. 81). Новые калиброванные датировки материалов из жилищ и хозяйственных сооружений указывают на возникновение построек в конце VI–V вв. до н.э. (таблица), что на столетие древнее ранее полученных типологических дат по инвентарю (Матвеева, 1993а. С. 77) . Новые даты не противоречат материальному комплексу памятника. В частности, в 2002 г. в раскопе 1 найден бронзовый нож, достаточно архаичный для саргатской культуры. По новейшим результатам радиокарбонного датирования самые поздние даты из построек на селище и с фортификаций указывают на III–V вв. н.э. и V–VI вв. н.э. Датировки № 1, 8 следует признать заниженными и не относящимися к саргатскому периоду обитания. Но не исключена связь № 1 с более ранним, начала раннего железного века, баитовским периодом, представленным лишь находками керамики. Датировки № 9, 11 относятся к средневековью, материалы которого есть на северной периферии памятника в сборах. Таким образом, городище существовало, видимо, в течение всего периода саргатской культуры: с V в. до н.э. по V в. н.э. – почти тысячу лет, возможно, с перерывами.

Укрепленные площадки подквадратной формы пристроены одна к другой, на них раскопами разных лет изучено 586 м^2 площади (рис. 1).

Западный "городок" (первая площадка) имеет размеры 92 × 90 м, и два проезда с противоположных сторон: северо-востока и юго-запада. Выявлено несколько рвов[3] вокруг первой площадки городища, которые рассмотрим в хронологической последовательности.

1. Ранний ров 4 зафиксирован в квадратах А-И/30-38 раскопа 6 (рис. 2, 3). Его размеры следующие: ширина по верху 2.8 м, глубина 1.0–12 м[4], по дну определить его ширину затруднительно, так как восточная его часть срыта поздним рвом 6, но, вероятно, около 1.5 м. Разрез ступенчато-трапециевидный. Этот ров совершенно иной конфигурации, чем последующие, и указывает на существование самого раннего городища с заграждe-

[3] Нумерация рвов общая для двух площадок городища и давалась последовательно по мере обнаружения в разные годы.

[4] Глубины защитных линий даны от уровня древней поверхности.

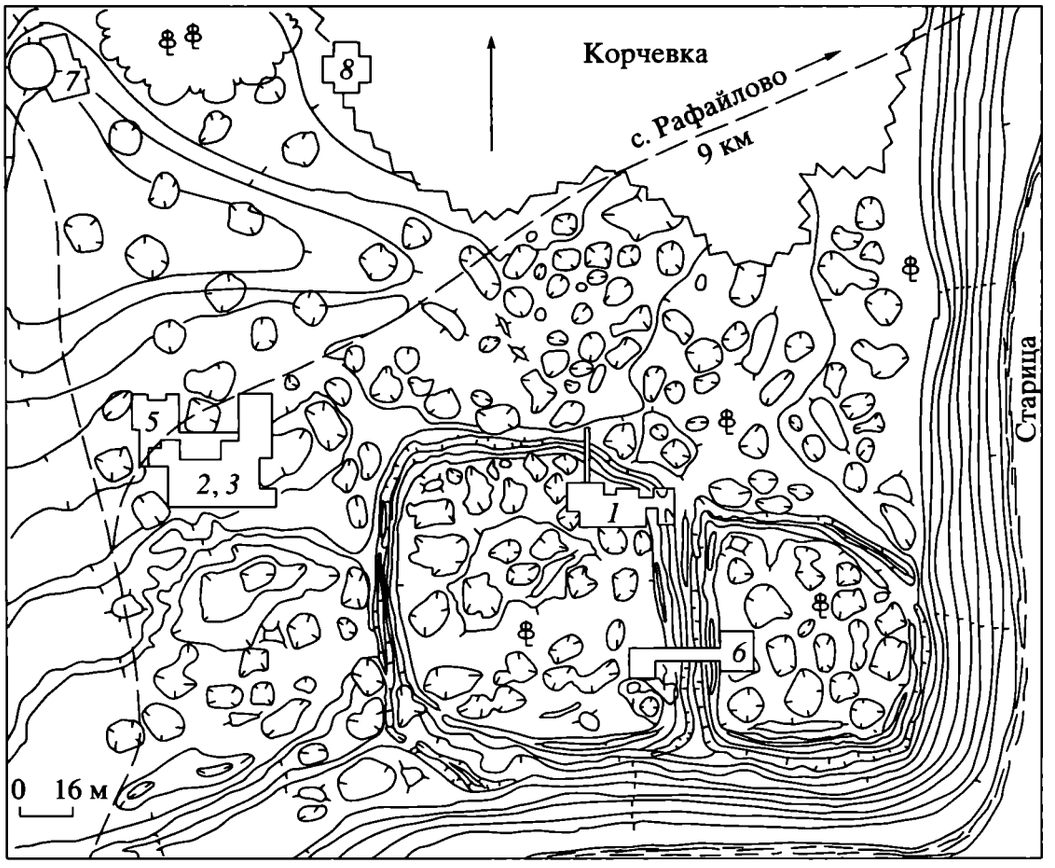


Рис. 1. План расположения раскопов на Рафайловском городище. Горизонтали через 40 см.

нием в направлении СВ-ЮЗ, под 45° к склону берега, отсекающего мысовую часть террасы, т.е. данный отрезок рва позволяет предложить гипотезу о зарождении первоначального саргатского укрепления как мысового. Датировки этой стадии по 14С нет, но можно полагать, что ей соответствуют самые ранние даты с селища – 550–360 ВС (таблица).

2. Ров 6[5] трапециевидной формы выкопали на месте рва 4, отступив на 1–1.5 м к востоку. Его ширина 2.5 м, глубина от 0.9 до 1.5 м. На дне его ширина составила 0.7–1.0 м. Ров 6 выявлен в квадратах а–в/35–38, F–B 34–28 раскопа 6 (рис. 2; 3) и продолжает раннюю планировку городища как мысового. Заграждение было только усилено углублением рва и, вероятно, строительством бревенчатой стены, так как с востока в заполнение этого рва спускается язык углистой супеси от сгоревшего дерева и какой-то мешаный слой, возможно, от присыпки этой стены (рис. 3).

3. Ров 3 имел ширину от 2.6 м (с восточной стороны площадки) до 4.5 м (с северной стороны), глубину 1.0–1.1 м, также трапециевидную форму в разрезе. Ширина его по дну 0.8–1.0 м. Зафиксирован в квадратах линий 21–23 раскопа 6 (рис. 2; 3), квадратах линий М1-П1/8, О1-П1/6-7, Р1-5, С1-Т1/1-4 раскопа 1 (рис. 4, II, Ш). Новый ров связан с последней планировкой крепости из двух площадок, ориентированных по сторонам света, и дальнейшим усилением обороны. На валу данный эпизод строительства маркируется выбросами светло-серой супеси толщиной от 0.25 до 0.65 м наружу, на останец и внутрь на первую площадку. Помимо этого, о существовавшей в тот период и упавшей при пожаре изгороди из древесины толщиной 15–20 см говорит углистая прослойка толщиной 10 см, зафиксированная в наклонном положении поверх него в траншее 1983 г. к северу от раскопа 1. Непосредственно в раскопе прослежены горизонтально лежавшие бревна внутри верхнего слоя вала. Изгородь была установлена поверх вала, остатки ее выглядят как полоса 1.5 м шириной из бревен, толщиной 15–25 см, столбы вкопаны вертикально в толщу вала диаметром 20–25 см, с интервалом 0.8–1 м. Видимо, она была сооружена в технике заплота (рис. 5). Датированы два горизонтальных бревна в данной конструкции. Их даты различаются существенно (№ 14, 15), но совпадают в пределах 485–400 ВС (таблица). Новая хронология весьма неожиданна и может свидетельствовать о том, что первая и вторая площадки некоторое время

[5] Первоначально при раскопках 1985 г. выделялась стадия рва 5 по уступчатым врезам в дно рва 4, но, поскольку инородного заполнения они не содержат, весомых аргументов в пользу их хронологической самостоятельности пока нет.

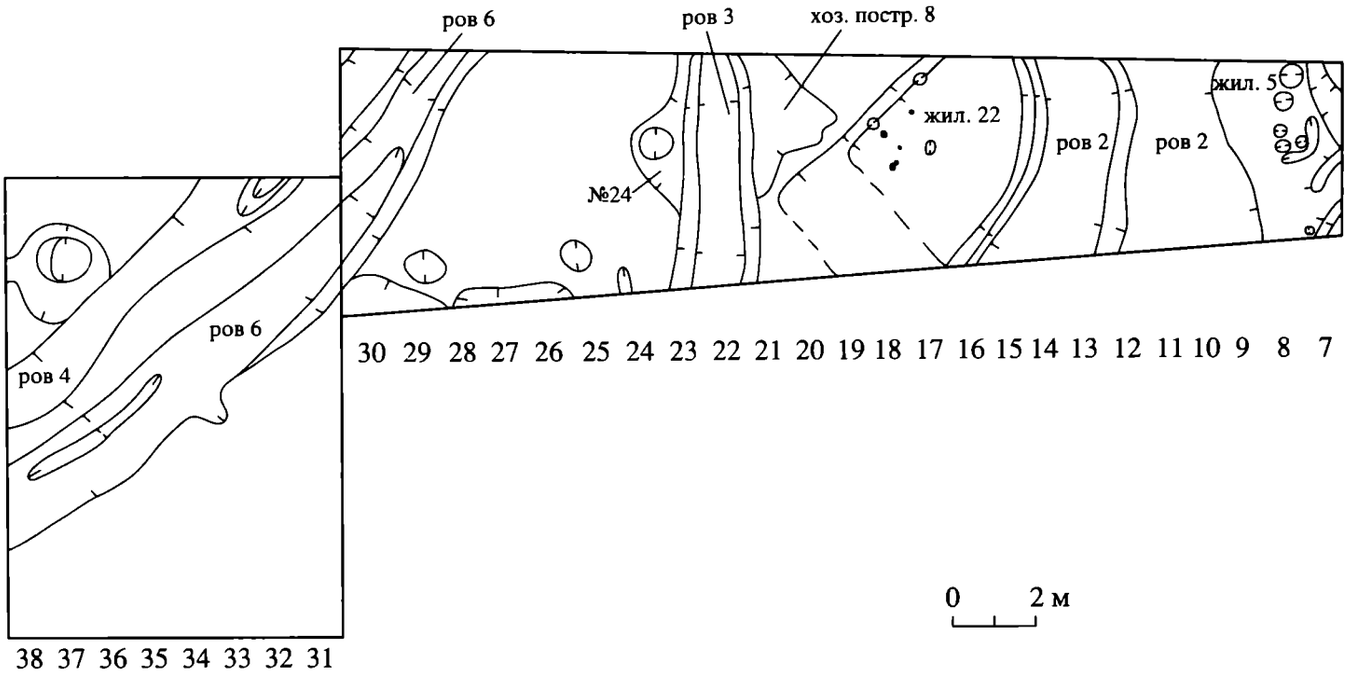


Рис. 2. План оборонительных сооружений в раскопе 6 между 1-ой и 2-ой площадками Рафайловского городища.

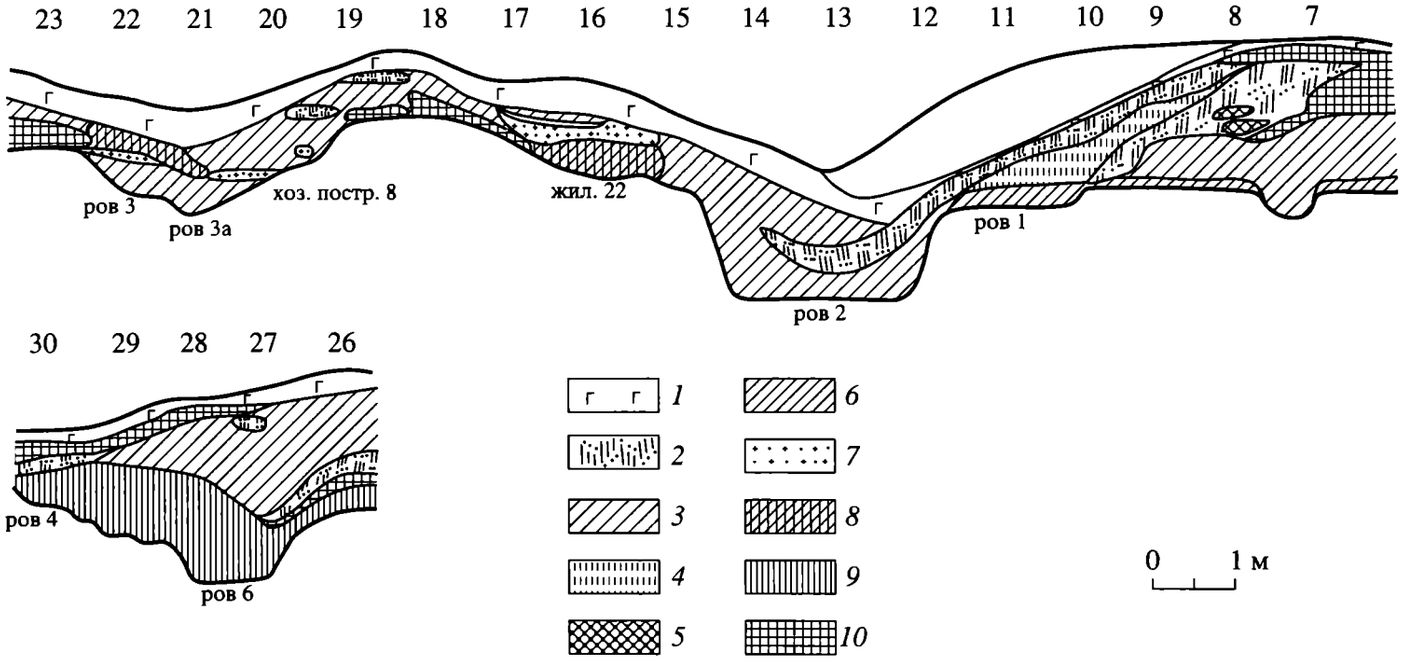


Рис. 3. Разрез оборонительных сооружений в раскопе 6 между 1-ой и 2-ой площадками Рафайловского городища. *1* – дерново-гумусный слой; *2* – грязно-желтая супесь; *3* – серая супесь; *4* – мешаная черно-желтая супесь; *5* – прокал; *6* – темно-серая супесь; *7* – черня супесь с желтыми вкраплениями; *8* – бурая супесь; *9* – темно-коричневая супесь; *10* – черная супесь с углем.

были обитаемы одновременно, хотя желательно подкрепление данного предположения дополнительными доказательствами, так как возможны были и кратковременные забрасывания пришедших в негодность участков застройки, в том числе защитной, подобно тому, как это делалось на селище (Матвеева, 1993а; 1993б). Следуя за А.А. Моруженко (1985. С. 167), предположим, что в случае соседства двух укрепленных площадок, одна выполняла роль центральной, а другая прикрывала вход в нее, при этом предградие может быть довольно значительным по площади. Из датировок по ^{14}C следует, что уже в V в. до н.э. первая площадка надолго перестала функционировать как крепость.

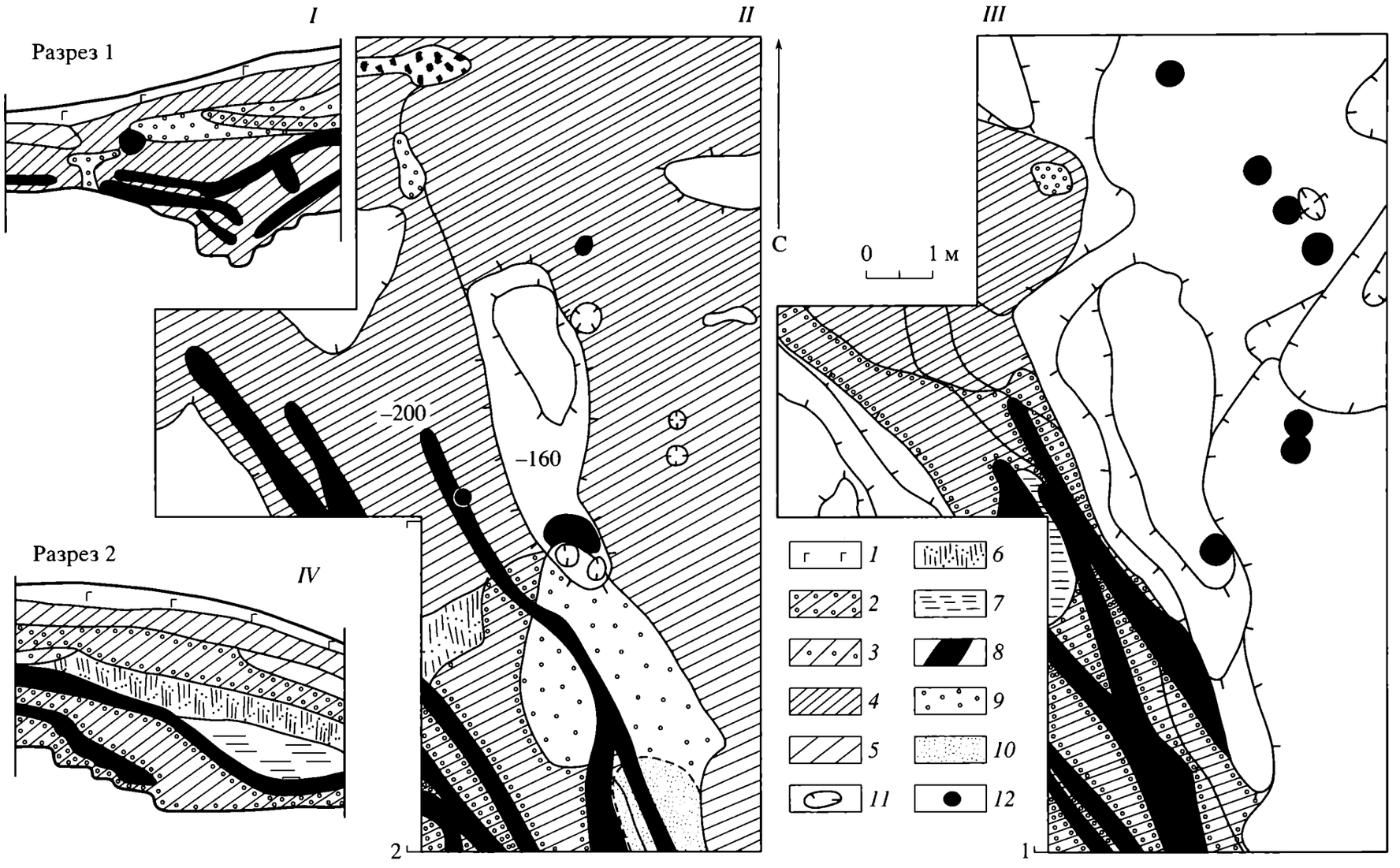


Рис. 4. Рафайловское городище. План и разрезы оборонительных сооружений ранней стадии на участке въезда в раскопе 1. *I* – разрез 1 по южной стенке раскопа по линии 1; *II* – заполнение вала, рва и предвратные укрепления на гл. – 160–200 см; *III* – заполнение рва и предвратные укрепления на материке, гл. –230–260 см; *IV* – разрез 2 по западной стенке раскопа по линии Р1; *1* – дерново-гумусный слой; *2* – серый мешаный слой; *3* – светло-серый мешаный; *4* – темно-серая супесь; *5* – серая супесь; *6* – ямы; *7* – грязно-желтая супесь; *8* – зола; *9* – канавки с углистым слоем; *10* – переотложенный песок; *11* – выброс песка; *12* – ямки от столбов.

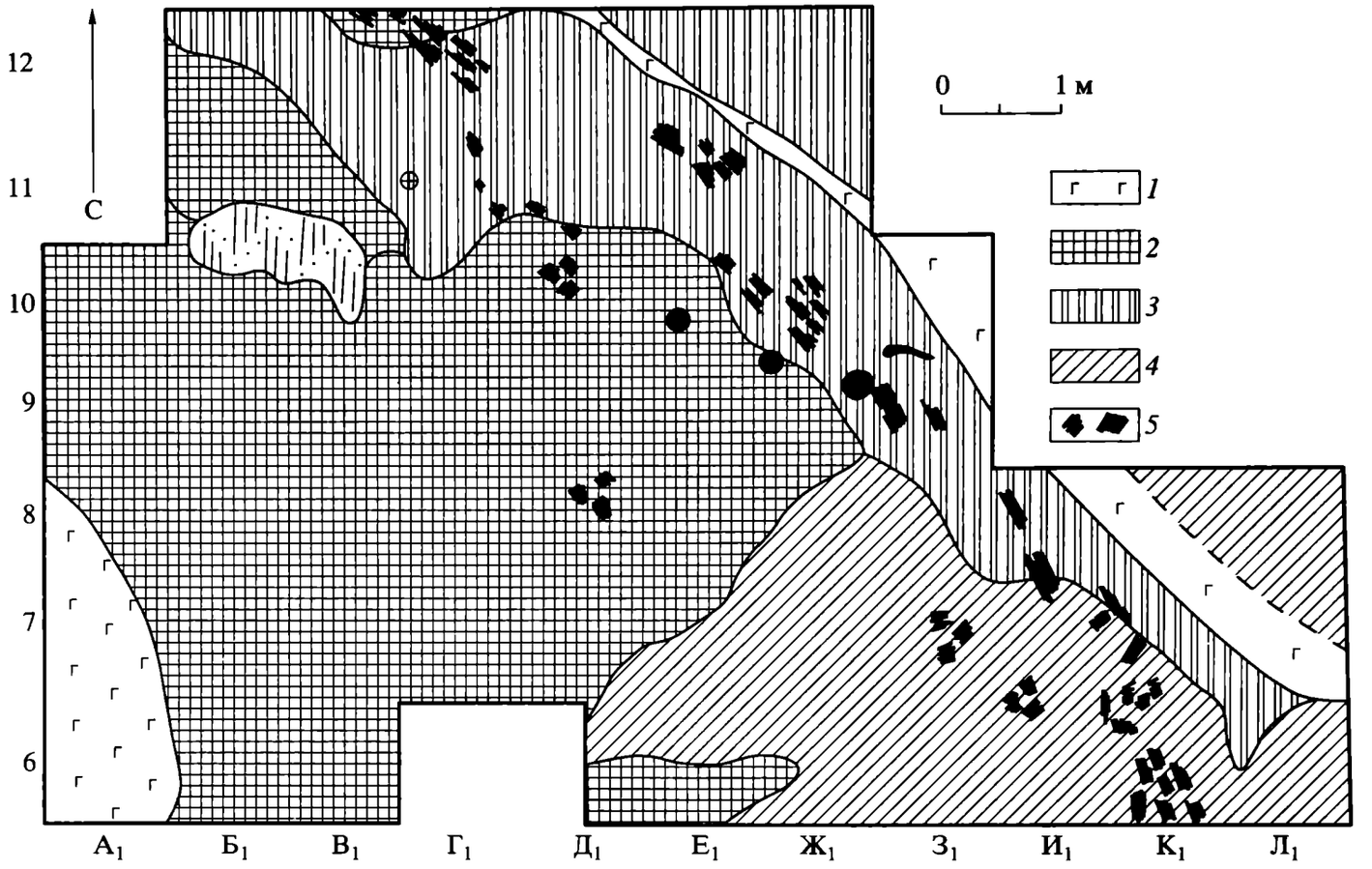


Рис. 5. Рафайловское городище. План оборонительных сооружений стадии 3а в раскопе 1. *1* – дерново-гумусный слой; *2* – черная супесь; *3* – светло-коричневая супесь; *4* – серая супесь; *5* – горелое дерево.

На северо-западном углу первой площадки, при въезде на мостик, на участке длиной не менее 12 м обнаружен, вероятно, тот же ров 3, ранее зафиксированный в северной траншее раскопа 1 и раскопе 6 (рис. 2; 3). Но здесь разрез его ступенчатый, ширина – 3.5–4 м, глубина – 1.5 м (рис. 4–*III*). У въезда вкопан столб диаметром 40 см, глубиной 50 см от древней поверхности. Деревянный мостик, вероятно, состоял из бревен диаметром 25–30 см длиной 4.4–5 м шириной 5.25 м, настланных вплотную друг к другу. Укрепления рва под мостом зафиксированы как бревна в 11 ярусов длиной не менее 12 м. В культурном слое они фиксировались как узкие и длинные темно-серые с гумусом канавки (рис. 4 – *I*, *II*, *III*, *IV*)[6]. Возможно, что эта стадия отражает локальное обустройство проезда на городище, поскольку в другом раскопе на восточной стороне первой площадки (рис. 2) не зафиксирована такая сложность сооружений.

Толщина бревен в структуре вала была 20–40 см, в длину они сохранились до 7 м. Расположение их горизонтальное и наклонное, решетчатое (скорее это был сруб, так как нет следов вертикально вкопанных столбов). Ширина собственно основания вала – 1.8–1.9 м, толщина земляных прослоек серого мешаного грунта, находившихся между следами бревен, около 70–80 см, длина до 13 м (рис. 4 – *I*, *IV*). Деревянные стены в виде двух параллельных заплотов, скрепленных стяжками поверху и засыпанных землей, с надвратной башней при входе известны у лесостепного населения Подонья скифского времени. Интересно, что самую верхнюю часть стен с бойницами они сооружали из плетня. Деревоземляная конструкция входа дополнительно усиливалась облицовкой (Шрамко, 1975. С. 94, 106).

4. Ров 3а был выкопан в заключительный период существования крепости снаружи от рва 3 на ширину 2.5 м (с севера) и 3 м (с востока). Зафиксирован в квадратах П1-Р1/9-11, У1-Ф1/1-7 (рис. 4 – *I*, *III*). Глубина его колеблется от 1.3 м (с востока) до 1.7 м (с севера), ширина на дне составляет 2.6 м. Форма оконечностей – прямоугольная, в разрезе трапециевидный. Возможно, к данной стадии относятся следы от ворот и изгороди (рис. 4 – *III*). Предполагаем, что ворота были подвесные, двустворчатые, общей шириной 4 м. Высота их неизвестна, но столбы диаметром 30–35 см при глубине 50 см от древней поверхности не могли быть особенно вы-

[6] Дата по ^{14}C из такой канавки с углем (№ 11), к сожалению, оказалась загрязненной поздней органикой.

сокими. Эта стадия отражает последнее обновление фортификаций на первой площадке. Видимо, произошло это лишь в 260–420 AD, судя по датировке (№ 10) обгорелого дерева из кв. Л'-Н'/6-8 в толще вала. Данный хронологический отрезок в функционировании фортификаций на первой площадке согласуется с одной из дат (№ 2, таблица) древесины из пожарища на месте сооружения 1 на селище. На валу первой площадки поздней стадии 3а соответствуют линзы светло-коричневой супеси толщиной 0.4–0.5 м и шириной 1.2–2.5 м и серой супеси шириной 1.5–2, 1 м мощностью 0.3–0.75 м, причем заполнение разной цветности прослежено на разных участках.

Восточный "городок" – вторая площадка, располагается восточнее первой на самом изгибе террасы. Она несколько выше (на 0.3 м) именно за счет проведенных строительных работ на ней. Размеры "городка" составляют 63 × 64 м, он отделен от восточного склона к воде эскарпом, от южного – полномасштабным рвом. Перемычек, указывающих на место въезда, во рву и валу нет, но просматривается существенное понижение вала к СВ. Вокруг второй площадки были построены два новых рва, но, считая два эпизода подновления рва 2, получим тоже 4 стадии. Вал здесь насчитывает 4 эпизода строительства, если считать земляную основу и деревянную конструкцию первого этапа существовавшими одновременно (рис. 3).

Под основанием вала находится культурный слой, заполняющий жилище 5 на второй площадке. Возможно, с этим периодом следует соотнести дату образца № 6, взятого из основания вала – 410–350 ВС. До него существовали еще какие-то саргатские постройки, не вошедшие целиком в раскоп.

Ров 1 – трапециевидной формы в разрезе, его ширина приблизительно 5.5 м, глубина 1.2 м с напольной стороны (рис. 2; 3). Он частично срыл раннее, вероятно, двухкамерное жилище 22. Рву 1 соответствует стадия 1 в строительстве стены: вал шириной 6 м и толщиной 0.6–0.8 м, поверх которого была сооружена деревянная конструкция. Она стояла по самому гребню вала, так как ее развал не достиг его внешней линии при обрушении. О существовании какой-то наружной облицовки вала говорит четкий уступ в 30°, сохранившийся на высоту 0.6 м. В раскопе от деревоземляной стены зафиксированы углистые линзы в 1.2 м общей мощностью, от 6 слоев или более горизонтально лежавших горелых бревен в 15–20 см толщиной. Общая высота всей преграды была не менее 1.8–2 м. Этот период строительства датируется по образцу № 5 (таблица) из нижнего яруса горелой древесины поверх толщи насыпного слоя – 360–170 ВС.

Ров 2 – результат перестройки фортификаций, ширина его 3.2 м, глубина 2.5 м с напольной стороны (рис. 2; 3). Ров 1 был при этом засыпан. Выбросы из рва 2 сделаны на обе стороны: как на вал, так и на полосу между площадками, имеющую вид небольшого гребня и служившую, видимо, дополнительным рубежом защиты. Тонкий слой углистого характера, маркирующий стадию 2, отмечен на дне рва 2. С этим периодом соотносится вторая досыпка на валу в виде линзы шириной 4.5 м, толщиной – 0.9 м. Выброс этого слоя был сделан извне на разровненные остатки пожарища под углом примерно в 30°. Вероятно, этот вал может быть соотнесен с датой № 4 (таблица) – 240–50 ВС. Общая высота только одной земляной насыпи минимально составляла 2.5 м от подножья и 5 м со дна рва.

Стадия 3 предположительно является результатом чистки заполнения рва 2 (ров 2а), поскольку поверх первого вала была сделана наброска из мешаного слоя, сделанная из уже заплывшего рва, находок в ней было мало. Была проведена досыпка поверх предыдущих в виде линзы длиной 3.8 м, толщиной до 0.5. Общая высота земляной насыпи могла составить 3–3.2 м.

Стадия 4 (ров 2б) представляет собой последнее подновление рва 2, оно даже не сопровождалось полной выборкой заплывшего в ров грунта, ров при этом оказался на 0.35 м мельче предыдущего и полукруглым в разрезе. Было проведено существенное наращивание вала путем досыпки к предыдущим напластованиям ровным слоем грунта 8.5 м шириной и 0.25 м толщиной (по южному разрезу через 3 м в этом же раскопе конфигурация наброски была иной – 4.3 толщиной 1 м). В новой досыпке замечены остатки угля и углистые прослойки, они также имеются как на дне рва, так и под самым последним слоем заполнения рва 2б в кв. 12–13. Новое углубление почти сразу же заплыло, судя по тому, что линза связанной с ним досыпки сползла на его дно, а на валу она же является самой верхней прослойкой, покрытой только дерном. Общая высота земляной насыпи в этот период могла составить около 4 м относительно напольной стороны и до 6 м, считая со дна рва.

Между линиями первой и второй площадок на небольшом гребне зафиксированы остатки дополнительных заграждений. Здесь с напольной стороны от первой площадки и рвов 3, 3а и с напольной стороны от рвов второй площадки отмечено несколько линз грунта с вкраплениями угля, по-видимому, следы горевших деревянных изгородей, одновременных рвам и стенам. О конструкциях некоторых их них можно судить по остаткам в кв. И-19/20 в виде двух линий ямок на расстоянии полуметра друг от друга от столбов диаметром 15–20 см и самих фрагментов от горизонтально и вертикально располагавшихся бревен, видимо, от двух разных заборов. Шаг столбов в 20–50 см позволяет предположить небольшой частокол. Датировки по углю образцов № 12, 13 (таблица) до-

вольно близки: 400–210 ВС и 390–200 ВС. Указанные хронологические интервалы коррелируют со временем первой и второй стадий укреплений второй площадки, их можно, с определенной долей уверенности, рассматривать как дополнительные к ним. Стены по гребню вала были устроены как изгороди или плетни на вертикальных опорах, что также находит аналогии у лесостепных будинов, гетов, даков, в городецкой культуре (Шрамко, 1975. С. 94, 106).

Следует отметить несоответствие друг другу многократности строительных работ и отсутствие следов войны в виде предметов вооружения на Рафайловском городище. Вероятно, оборонительное строительство здесь велось в основном превентивно, а часть пожаров вызвана случайными бытовыми обстоятельствами. Говорить, например, о намеренных поджогах крепости при ее многократном оставлении обитателями из-за истощения сельскохозяйственной округи, что, с высокой долей вероятности, могло иметь место при скотоводческой доминанте их хозяйства, у нас все-таки нет оснований.

Совершенно неожиданным открытием стало обнаружение под развалинами укреплений других, не видных в рельефе и отражающих первоначальную иную, мысовую, планировку Рафайловского городища. Аналогию ему находим в укреплениях городища Батаково-19, внешняя оборонительная стена его выгнутой ступенчатой дугой защищает мысовидный участок террасы, внутри которого находится цитадель (Погодин, 1999. С. 71).

В целом складывается впечатление, что укрепления мысовой конфигурации были построены одновременно со строительством первых жилищ, видимо, в начале – середине V в. до н.э., это стадия рва 4, жилища 22 (рис. 6, *1*). Затем они были усилены рвом 6 (рис. 6, *2*). Видимо, позднее к городищу на мысу была пристроена квадратная площадка с запада: стадия рва 3 и заплота по валу (рис. 6, *3*). Западный городок имел усиленную защиту въезда надвратной башней и облицовкой рва под мостиком, и поэтому не исключено, что он играл роль предградия до конца V в. до н.э. Затем, как сейчас представляется, западный городок был заброшен после пожара. С конца V–середины IV в. до н.э. активное совершенствование фортификаций велось на мысовом участке, который был перестроен и приобрел форму подквадратного укрепления, точно вписанного в поворот террасы (рис. 6, *4*). На нем дважды строили преграду ров–вал–стена (стадии рва 1 и рва 2) и дважды ее усиливали, выбирая заплывший грунт и делая досыпки с новыми стенами (стадии рва 2а, рва 2б). Помимо того, с напольной стороны ставили дополнительные заборы или частоколы. Восточный "городок" функционировал в качестве основного укрепления, вероятно, до I в. до н.э. (рис. 6, *5*). В III–V вв. н.э. западный "городок" был восстановлен примерно в тех же границах и той же конструкции, с несколько более глубоким рвом (рис. 6, *6*; 7).

Несмотря на обилие новой информации, полученной благодаря закладке больших раскопов и радиокарбонному датированию, остается много вопросов как в отношении числа стадий и последовательности фортификационного строительства на Рафайловском городище, так и в отношении реконструкции сооружений. Если ответы на первые можно будет получить в дальнейшем объединением раскопов первой и второй площадок в один при вскрытии, как выяснилось, наиболее ценной для фортификационных штудий центральной части крепостной застройки памятника на стыке двух укреплений, то вторые вряд ли удастся разрешить удовлетворительно при плохой сохранности органики в песчаном грунте. Прерывалась ли жизнь на городище в первые века н.э., поддерживались ли укрепления на мысовом участке в позднесаргатский период, мы пока не знаем. С методической стороны исследования, здесь предпочтительнее опираться на серию радиокарбонных датировок из разных объектов и разных топографических участков, так как даты по инвентарю могут не охватывать всего периода обитания на памятнике, а отражать время наиболее интенсивной жизнедеятельности.

Такую же протяженную по длительности и сложную по многообразию реконструкций историю, как Рафайловское, имело и Коловское городище в Прииртышье, находящееся на расстоянии 40 км от Рафайловского, датируемое с IV–II вв. до н.э. по II–IV вв. н.э., т.е., обитаемое в течение шести-семи веков. На нем зафиксированы бревенчатая конструкция в виде срубов в основе вала цитадели и оборонительная стена второй площадки в технике заплота. В отличие от Рафайловского Коловское имеет некоторые свидетельства осады крепости в виде разнообразного набора наконечников стрел (Матвеева, 1993а; Матвеева и др., 2002). Но и здесь не удалось пока установить, было ли такое длительное заселение территории непрерывным и как соотносится функционирование неукрепленных селищ с крепостью.

Раскопки показали постепенное, от стадии к стадии, увеличение размеров рвов и валов и расширение защищаемых ими площадок на Рафайловском городище. Масштаб строительных работ рос неуклонно, хотя и не слишком разительно. Намечаются определенные ритмы в показателях глубины: 0.9 м; 1.2 м; 1.5 м и ширины рвов: 2.5 м; 2.8 м; 3.5 м, 3.9 м; 4.5 м, 5.2 м, все это значения, кратные 30 см или несколько более того. Это наблюдение позволяет предположить, что при планировке использовались архаичные натуральные меры длины, такие как "фут". Основными приемами оборо-

нительной архитектуры были те же, что использовались в домостроительстве: это сооружение срубов и заплотов. Вероятно, могла быть возведена изнутри вала стрелковая галерея, но реальных доказательств тому нет.

Первоначально рвы были скорее местами выемки грунта для вала, но к концу существования саргатской культуры стали более серьезными препятствиями для штурма пешими воинами. Земляные преграды не отличались существенной высотой, тем не менее никак не были символической оградой или бруствером. Обязательное дополнение их бревенчатой стеной, делало городища укрепленными в достаточной мере. Финальные стадии строительства стен на валу Рафайловского городища на фундаменте высотой 2.5–3 м указывают на существование весьма серьезных, трудно преодолимых заграждений. Проведенный А.А. Коноваловым расчет показал, что бревенчатый заплот из горизонтальных обрезков длиной 1 м при данной глубине опорных столбов является конструктивно устойчивым до высоты 4 м и даже более (Матвеева и др., в печати). Так что общая высота оборонительной линии могла достигать 6–7 м.

Общий уровень оборонительного зодчества сближает саргатцев с населением раннего железного века Приуралья, где прослежена аналогичная саргатской тенденция постоянной перестройки и совершенствования оборонительных систем со временем, что проявляется в увеличении размеров крепостей, глубины, высоты и ширины заграждений, появлением многорядной фортификации (Борзунов, Новиченков, 1988. С. 91, 94). Зауральские городища меньше по объемам земляных работ, но более вариативны в устройстве, они характеризуются треугольными, прямоугольными, многоугольными формами, перекидными мостами, эскарпами, встроенными в линию стен башнями (Борзунов, Новиченков, 1988. С. 97, 98; Матвеева, 2000. С. 98). Рвы не имели серьезного военного значения, акцент делали на бревенчатые стены, возводившиеся поверх вала. Следует согласиться с В.А. Борзуновым, считающим приуральскую традицию строительства мысовых крепостей гомогенной и консервативной, а зауральскую – гетерогенной, обусловленной влиянием разнородного населения, в том числе среднеазиатского (Борзунов, Новиченков, 1988. С. 100).

От восточноевропейских лесостепных и лесных городищ саргатские отличаются значительно меньшими объемами земляных работ (Крис и др., 1984. С. 134; Моруженко, 1985. С. 161–164). Интересно, что при совпадении форм и конструкций части мысовых городищ, лесостепные береговые скифского времени имели округлые очертания (Моруженко, 1985. С. 168) в отличие от преобладающих прямоугольных и квадратных форм саргатских. Из данного сравнения следует, что

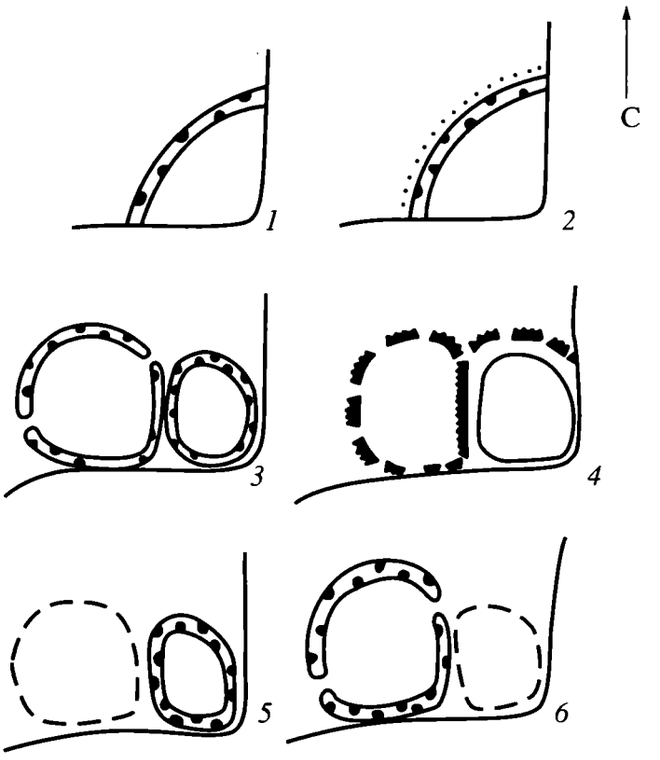


Рис. 6. Предположительная реконструкция стадий крепостного строительства на Рафайловском городище. *1* – мысовое середины VI в. до н.э.; *2* – мысовое конца VI–начала V вв. до н.э.; *3* – береговое с предградием конца V в. до н.э.; *4* – береговое с гипотетическими линиями обороны IV в. до н.э.; *5* – малое береговое III–II вв. до н.э.; *6* – береговое III–V вв. н.э.

саргатские городища соответствуют по размерам и характеру фортификации минимально укрепленным европейским военным лагерям и поселкам, что было, вероятно, универсальным для народов лесостепной зоны. Они не были базовыми местами постоянного проживания всего населения и строились для защиты только его какой-то части от эпизодических набегов.

Как мы видим, различие мысовых и береговых крепостей оказывается существенным, за этим скрываются не только разница в конфигурациях и площадях, но и определенные функции. Геометрическая форма площадок, их размеры обусловлены, очевидно, не только топографическими условиями местности, но и культурными традициями. Что касается квадратной формы саргатских береговых крепостей, то она хорошо коррелирует с другими восточно-иранскими традициями в культуре лесостепного западносибирского населения (Матвеева, 2000. С. 218–238). Как и И.Н. Хлопин, мы видим в ней древнейшую форму защитных ограждений, воспроизводившуюся еще и как сакральный символ, "квадрат защиты", присущий культурам эпохи поздней бронзы и раннего железного века Средней Азии (Хлопин, 1995. С. 13).

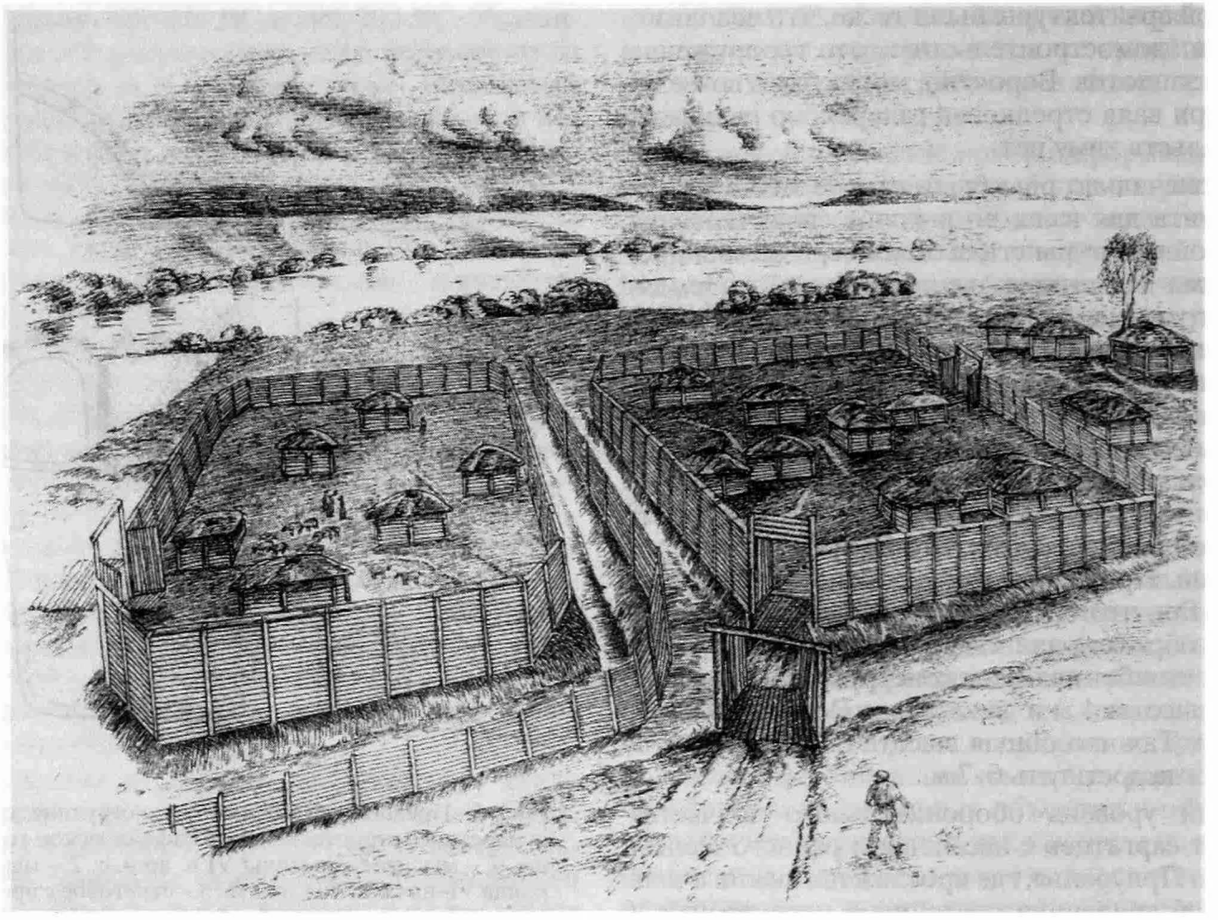


Рис. 7. Гипотетическая реконструкция внешнего вида крепости Рафайловского городища позднего периода существования.

В.А. Борзунов и Н.Н. Новиченков считают появление городищ в лесостепи следствием не защиты от внезапных набегов номадов, а главным образом результатом междоусобных конфликтов с соседями (Борзунов, Новиченков, 1988. С. 93), вызванных накоплением богатств. Мы же думаем, что, признавая роль этого фактора, следует учитывать и существенную особенность саргатских крепостей – размещение через интервалы в 35–40 км (Корякова, 1988. С. 34; Матвеева, 1997б. С. 64), что позволяло контролировать фиксированный отрезок пути по берегам рек – главных транспортных артерий в Сибири.

Мы полагаем, что Рафайловское городище представляет классический стандарт крупного поселения, развивавшийся по схеме "цитадель–предместье", как и Павлиново, Увал-4, Инберень-4, Батаково-19 и др. В данном случае налицо изменение первоначальных функций городища со временем: превращение форпоста в сельскохозяйственное и торгово-ремесленное поселение, обрастание посадом.

Исследования поддержаны грантами Российского гуманитарного научного фонда (№ 00-01-0356а и 02-01-18002е).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Крис Х.И., Чернай И.Л., Данильченко В.П. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Ларин С.И., Матвеева Н.П. Реконструкция среды обитания человека в раннем железном веке в северной части Тоболо-Ишимской лесостепи (по материалам палинологического изучения археологических памятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Тоболе. Новосибирск, 1993а.

Матвеева Н.П. Рафайловское городище – памятник саргатской культуры Среднего Притоболья // РА. 1993б. № 1.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.

Матвеева Н.П. Гипотетическая социальная структура саргатского населения Западной Сибири // Социальная организация и социогенез первобытных об-

ществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово:, 1997а.

Матвеева Н.П. Система расселения племен раннего железного века западносибирской лесостепи // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского истор. конгр. Тобольск, 1997б.

Матвеева Н.П. Некоторые модели интерпретации саргатских городищ Западной Сибири // Комплексные общества Евразии в III-I тыс. до н.э. Матер. Междунар. Конф. Челябинск, 1999.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000.

Матвеева Н.П., Коновалов А.А., Берлина С.В. Оборонительные сооружения саргатской культуры: палеоэкономический аспект // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень (в печати).

Матвеева Н.П., Крюкова Т.С. О влиянии изменений климатических условий на характер хозяйства саргатского населения Притоболья // Жизнеобеспечение народов Западной Сибири в древности и средневековье. Томск, 1998.

Матвеева Н.П., Крюкова Т.С. Динамика природной среды и хозяйственных занятий саргатского населения Рафайловского городища // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Вып. 4. Тюмень, 2001.

Матвеева Н.П., Ларин С.И. О характере расселения и хозяйства племен саргатской культуры // РА. 2000. № 2.

Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Чикунова И.Ю. Хронология саргатского комплекса Коловского городища // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень, 2002.

Могильников В.А. Распространение копий у населения лесостепи и леса Западной Сибири в эпоху раннего железа в связи с особенностями военной тактики // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992а.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология. М., 1992б.

Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н.э. // СА. 1985. № 1.

Погодин Л.И. К характеристике военной структуры саргатской общности // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.

Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск, 1998.

Погодин Л.И. Исследования в урочище "Батаково" // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 1999.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

Хлопин И.Н. Оборонительные сооружения оседлых земледельцев Средней Азии // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995.

Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон // Скифский мир. Киев, 1975.

Fortifications of Sargatka culture (materials from the hillfort Rafailovo)

N. P. Matveeva

Summary

The article is devoted to the publication of new studies of fortification system at Sargatka – the basic site of the Early Iron Age in the forest-steppe zone on the middle Tobol river. Having considered stratigraphic situatin and the series of radiocarbon dates, it was established that the fortification lines were cardinally rebuilt several times. The hillfort Rafailovo was founded in the 6th c. BC and first functioned as a promontory fortified site. In the late 5th c. BC within a rectangular part of the terrace there was built a fortress square in shape and a suburb. Later on the western and the eastern parts of the fortified area alternately played the role of a citadel; in the 3rd and the 2nd cc. BC the eastern fortified area was the main one, then, in the 3rd–5th cc. AD – the western one. The ramparts were surmounted with timber constructions of fence type resting upon log shells, the total height of the earthen and timber fortifications reached 6–7 m. The fortress controlled the territories sutiated in the River Iset' valley, acquired the role of africultural and trade centre surrounded with a suburb. In later periods the fortifications were renovated at times to serve as refuges. Similar pattern of development is typical of the other fortified sites of Sargatka culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 36–44

О СКАЛЬПИРОВАНИИ У САРМАТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА НОВЫЙ)

© 2005 г. Е. В. Перерва

Волгоградский государственный университет

Широкую известность обряд скальпирования получил прежде всего в Северной Америке. Зарубежные исследователи убедительно показали, что этот обычай практиковался индейцами задолго до появления европейцев (Ortner, Putschar, 1981; Larsen, 1997; Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998). Другие работы приводят доказательства массовой практики этого обряда уже после открытия Колумбом Америки (Nadeau, 1944; Larsen, 1997). Важно отметить, что европейцы вовсе не стали причиной угасания этой практики. Напротив, они превратили ее в инструмент проведения своей межнациональной политики и наживы, активно использовали его в ходе серии войн за господство над восточными районами Северной Америки. Так, английские "покорители" первыми стали платить за индейские скальпы, а французские начали оплачивать и скальпы белых. Эта позиция европейских переселенцев привела к появлению отрядов "охотников за скальпами", а практикой скальпирования стали пользоваться племена, ранее ее не демонстрировавшие (Бородовский, Табарев, 2001. С. 207–210).

Известно, что самые древние случаи скальпирования зафиксированы на палеоантропологических материалах Старого Света. Наиболее полный перечень палеоантропологических свидетельств этого обряда в отечественной литературе опубликован М.Б. Медниковой (2001). Древнейшими считаются находки, сделанные в Дании, Южной Швеции и Испании, датирующиеся неолитом.

Есть свидетельства удаления кожи с головы человека и в эпоху бронзы. Так, М.Б. Медникова высказывает мнение о проведении скальпирования на черепе из кургана 4 Калиновского могильника на севере Александровского р-на Ставропольского края, близ села Грушевского. Погребение принадлежало к культурному кругу поздних катакомбников – ранних срубников и датируется временем около XV в. до н.э. (Медникова, 2000. С. 62).

Следы скальпирования фиксируются и на черепах, исследованных в центральном погребении Пепкинского кургана, принадлежащего к абашевской культуре. По мнению М.Б. Медниковой, человеческие останки принадлежат людям, погибшим в военном столкновении (2001. С. 204). В погребении находилось 27 индивидуумов. В результате исследования остеологического материала на черепах № 80 и 83 зафиксированы параллельные надрезы в височной области (Медникова, Лебединская, 1999. С. 214).

Интересен случай скальпирования, описанный D.J. Ortner и C. Ribas (1997). В местечке Bab edh-Dhra в Иордании исследован череп молодого мужчины из погребения 3, датируемого эпохой ранней бронзы (3200–3000 лет до н.э.). По мнению исследователей, после скальпирования человек еще некоторое время жил. Доказательством этому служат области некроза костной ткани на своде черепа и вогнутые края, окружающие поврежденный участок. Авторы пришли к мнению, что неравномерное расположение границ дефекта в данном случае указывает на насильственный характер травмы (Ortner, Ribas, 1997. P. 137–140).

Существует ряд находок данного обряда в Северной Европе, датирующихся ранним железным веком. Так, в Веннигстеде, Германия, было раскопано три фрагментарных тела, на черепах которых были зафиксированы надрезы, интерпретированные как следы скальпирования (Murphy et al., 2002).

E. Murphy описала случай удаления кожи с головы молодого мужчины 25–35 лет из погребения скифского времени могильника Аймырлыг. Исследовательницей были зафиксированы мелкие множественные надрезы, сделанные металлическим предметом. Насечки на теменных и затылочной костях черепа располагались горизонтально и параллельно друг другу. Следов заживления не обнаружено, поэтому ученым было сделано предположение, что процесс скальпирования проводился незадолго до смерти или непосредственно после нее (Murphy et al., 2002. P. 3).

Интересна находка, сделанная в погребении 78 при раскопках Сайгатинского VI могильника. В 1998 г. археологической экспедицией Сургутского художественного музея при раскопках вблизи г. Сургута в могильной яме была обнаружена только черепная крышка, на которой, по мнению К.Г. Карачарова и Д.И. Ражева, присутствовали следы специфических действий. Это множественные длинные, узкие повреждения наружной костной пластинки, нанесенные орудием с острым лезвием. Датируется погребение концом X – пер-

вой половиной XII в. (Карачаров, Ражев, 2002. С. 137–140).

Источником для нашего исследования послужили 4 черепа, найденные во время археологических раскопок могильника Новый (1982–1983 гг.). Археологический комплекс Новый располагается на невысокой террасе р. Сал. Основной массив погребений этого археологического комплекса представлен ранне- и среднесарматским временем. В трех случаях черепные коробки были мужские, возраст погребенных от 20 до 30 лет, один череп принадлежал женщине 17–19 лет. Палеоантропологический материал находится в костехранилище Ростовского государственного университета и для исследования был любезно предоставлен сотрудником Ростовского государственного университета Е.Ф. Батиевой.

Для выявления возможных закономерностей и смыслового значения зафиксированного обычая первоначально приведем описание погребений и сопутствующего инвентаря.

Могильник Новый, 1982 г. Погребение 4 кургана 85 имело прямоугольную форму и ориентировано по линии СЗ-ЮВ. Погребальная яма с заплечиками, на которых сохранились остатки деревянного перекрытия. В юго-западной стенке ямы вырыт узкий прямоугольный подбой, в который вела ступенька. Погребение ограблено. В нем найдены костные останки трех человек: двух мужчин и женщины. Сопутствующий погребальный инвентарь: наконечники стрел (156 шт.); обломки литого бронзового котла, стенка которого украшена валиком, имитирующим веревочку; тонкое бронзовое зеркало; фрагмент серолощеного горшка с высоким отогнутым горлом, в тесте примесь песка, слюды, измельченных раковин; гешировая параллелепипедная бусина с поперечным отверстием; остатки деревянного сосуда, прошитого бронзовой проволочкой; три ножа; два фрагментированных меча с прямым перекрестьем и кольцевым навершием; кинжал без перекрестья с волютообразным навершием, конец клинка округлен; два одинаковых кинжала без перекрестья, место стыка рукояти и клинка опоясано тоненькой проволочкой, рукоять без навершия, у одного из них с согнутым клинком рукоять имеет заклепку. Найдены кости конечностей трех молодых овец: правая и левая лопаточные, две правые и две левые плечевые, три левые и одна правая лучевые, три правые и две левые локтевые (Ильюков, Власкин, 1992. С. 103–105).

Могильник Новый, 1983 г. Погребение 7 кургана 129 имело форму узкой прямоугольной ямы, ориентированной по линии ССВ-ЮЮЗ. В ограбленной могиле были найдены фрагменты скелета мужчины. Инвентарь: фрагмент венчика серолощеного кувшина, овальная железная пряжка с языком, светло-коричневый отщеп с заполированной гранью, фрагмент кинжала с прямым перекрестьем (клинок сломан). Найдены также плечевая и большая берцовая кости левой ноги молодой овцы (Ильюков, Власкин, 1992. С. 135).

Могильник Новый, 1983 г. Погребение 8 кургана 129 имело форму узкого прямоугольника и ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Погребенный мужчина лежал на спине, головой на Ю-ЮЗ, ноги раздвинуты в виде ромба. Под скелетом отмечен коричневый, желтый и серый тлен, мел. Под правым бедром – меч без перекрестья, штырь его рукояти имеет заклепку. Под черепом обнаружена фрагментированная слабо выпуклая круглая бронзовая пластинка, в правой глазнице светло-серый кремневый отщеп. Около правого плеча лежала длинная отполированная костяная шпилька с маленьким выступом, в котором просверлено отверстие. Правая рука была придавлена смятым кованым закопченным бронзовым ведром усеченно-конической формы с подвернутым венчиком. Над ведром в засыпи оказались лопаточная, плечевая, лучевая и локтевая кости левой ноги овцы моложе двух лет. На крестце – крупное железное фрагментированное кольцо, около правой стороны таза – железная пряжка с язычком и комок серы, присыпанный мелом. Около левой стопы – серо-лощеный кувшин с невысоким раструбным горлом и выступающим сливом, крупное яйцевидное тулово украшено парными вертикальными пролощенными желобками, небольшая ручка прилеплена к основанию горла и плечикам, в тесте примесь песка и слюды. Отбитое горло кувшина было пришито. Между коленей лежал нож, черенок с заклепкой. Между стоп отмечено пятно черного тлена, на поверхности которого сохранились лоскутки красной и голубой краски, около этого пятна лежала алебастровая дисковидная пуговица с просверленным в центре отверстием (Ильюков, Власкин, 1992. С. 135, 136).

По мнению Л.С. Ильюкова и М.В. Власкина, все интересующие нас погребения датируются раннесарматским временем (1992). Однако в настоящее время, в связи с накоплением археологических материалов, точная датировка большей части погребений могильника Новый затруднена. Сложная ситуация с культурной атрибуцией данного курганного могильника, по мнению В.Е. Максименко, вероятно, связана с явным синкретическим характером культур и населения левобережья Дона. Наряду с присущими среднесарматскому времени признаками обряда и материальной культуры есть явные черты местных традиций предшествующих культур – савроматской и раннесарматской. Все это на основе анализа письменных и археологических источников В.Е. Максименко связывает с нестабильной и сложной этнической и политической ситуацией, сложившейся на левобережье Дона на рубеже эр (1998. С. 175, 176). И.В. Сергацков отмечает, что мо-

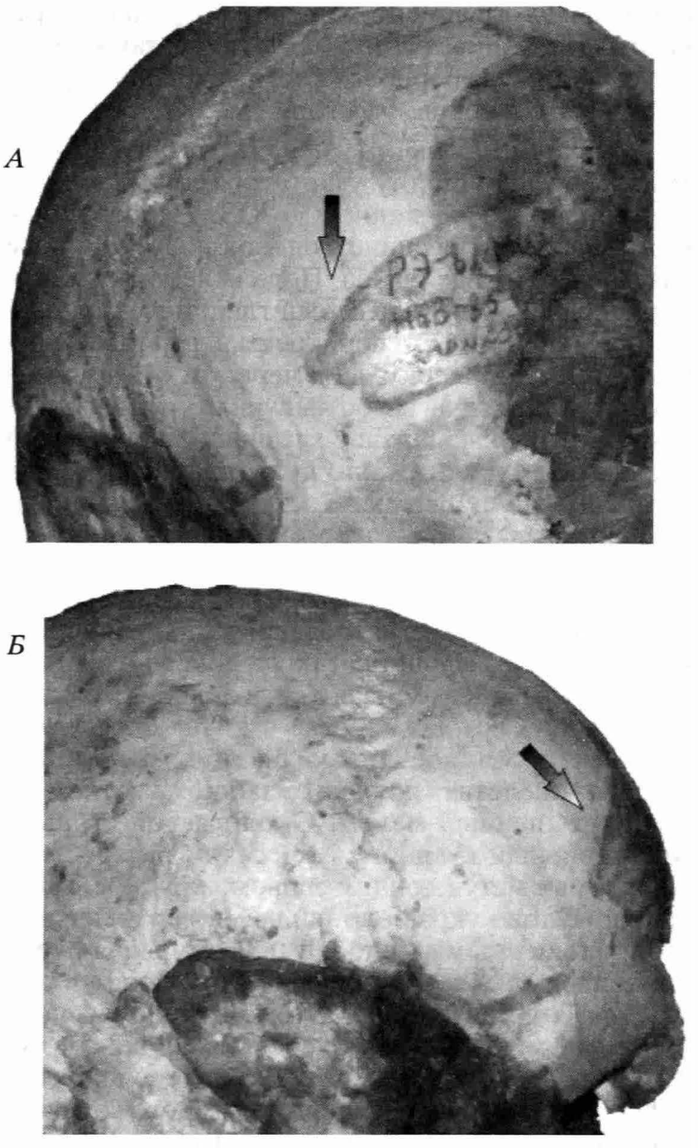


Рис. 1. Следы скальпирование у молодого мужчины 20–25 лет, курган 85 погребение 4, костяк а: *А* – лобная кость вид спереди; *Б* – лобная кость вид сбоку.

гильник Новый отличается большим своеобразием: во многих раскопанных здесь погребениях признаки погребального обряда раннесарматской культуры сочетаются с вещевым материалом, типичным для среднесарматской эпохи. При этом, по мнению исследователя, датировка абсолютного большинства комплексов укладывается в рамки I в. н.э. (Сергацков, 2002. С. 63–65). В связи со сложившейся ситуаций в работе сознательно не указываются датировки интересующих нас погребальных комплексов, что остается на усмотрение археологов, однако сарматская принадлежность данных погребений не подлежит сомнению.

ОПИСАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Новый, 1982

Курган 85, погребение 4, костяк а. Исследовалась черепная коробка молодого мужчины 20–25 лет. На костях черепа – лобной и левой теменной кости, зафиксированы отчетливые следы линейных надрезов (рис. 1). На лобной кости наблюдалось 8 насечек, все они расположены параллельно друг другу – на правой половине лобной кости. Линии надрезов идут по горизонтали и ориентированы в поперечном направлении. Первые два надреза на лобной кости зафиксированы несколько правее антропологической точки "*metopion*": первый – верхний имеет длину 9 мм, второй – нижний 4 мм. Вторая пара насечек располагается правее и чуть ниже лобного бугра, обе линии имеют продолжительность в 17 мм. Второй надрез своим дистальным концом направлен к срединной части верхнего надреза под острым углом. Последние четыре насечки также парные, располагаются на правой половине лобной кости, две крайние на ее височной линии. Два верхних следа, как впрочем и два нижних, вероятно, являются продолжением одного режущего движения, так как расположены в одну линию, хотя и прерываются.

На левой теменной кости также зафиксировано 4 плохо различимых надреза, которые видны несколько ниже теменного бугра. Первые два верхних, как и два нижних, аналогичны последним 4 насечкам на лобной кости, по-видимому, стали результатом единых движений, так как располагаются в одну линию, недалеко друг от друга. Продолжительность насечек от 2 до 4 мм. Ориентация надрезов горизонтальная, в продольном направлении черепа.

Дополнительно к описанным выше повреждениям, зафиксированным на черепе мужчины, также необходимо упомянуть застарелую травму носа у него же. Носовые кости посмертно (?) разрушены и частично отсутствуют. Оставшиеся фрагменты вместе с лобными отростками верхней челюсти покрыты порозом и несколько вогнуты в носовую полость.

Курган 85, погребение 4, костяк б. Исследовалась черепная коробка молодой женщины 17–19 лет. На черепе зафиксировано 13 резаных отметин (рис. 2). Девять насечек на лобной, две на правой теменной и еще две на затылочной кости.

Лобная кость: первые три надреза наблюдаются на левой височной линии в 1 см от краниометрической точки "*Frontotemporale*". Все три дефекта имеют размер около 10 мм и расположены параллельно друг другу по горизонтали. Следующие три надреза находятся в срединной части лобной кости: первый, самый нижний, расположен на левом надбровном валике размером около 2.5 см, второй, самый длинный, величиной около 3 см находится несколько выше первого дефекта, правая часть надреза заканчивается точно посередине лобной кости. Вполне возможно, что продолжением этого дефекта является насечка, распо-

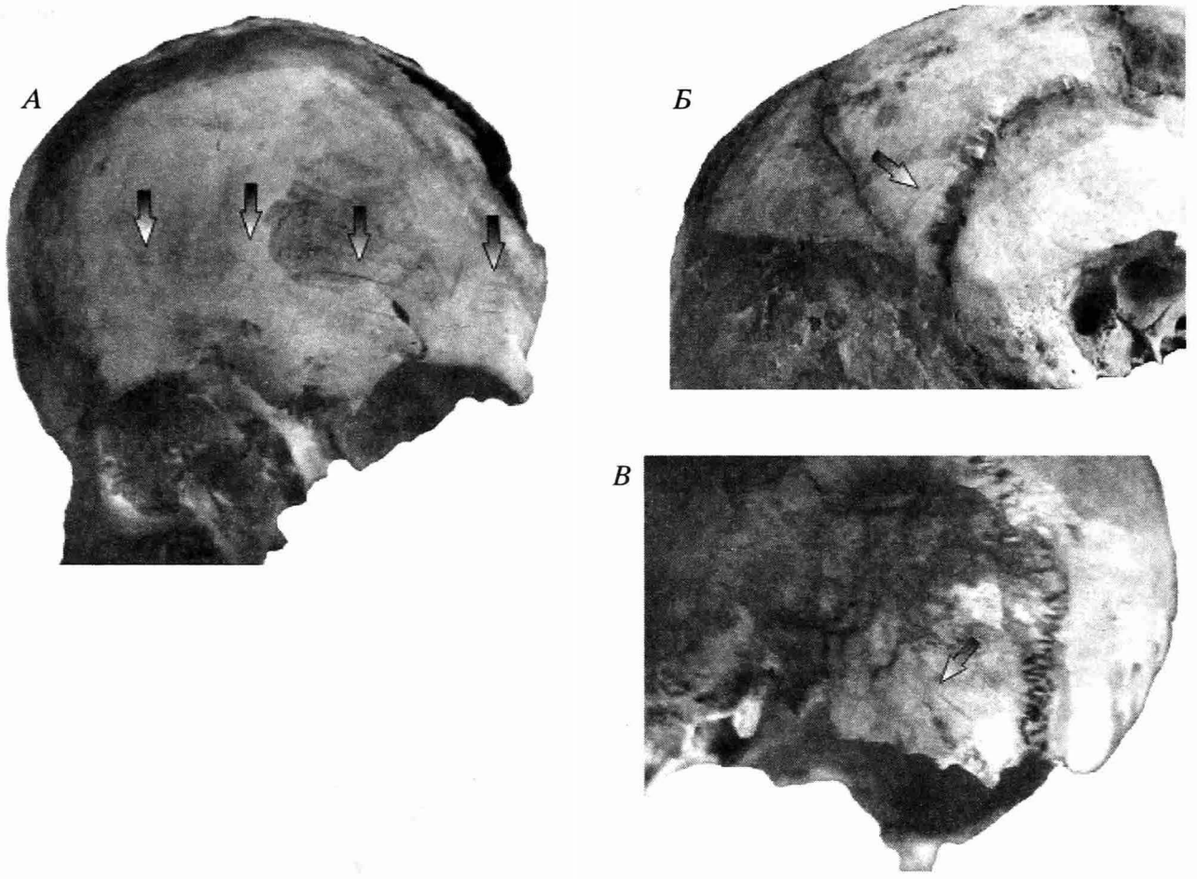


Рис. 2. Следы скальпирования на черепе молодой женщины 17–19 лет, курган 85, погребение 2, костяк б: *А* – лобная кость; *Б* – правая теменная кость; *В* – затылочная кость.

ложенная в 1.5 см от надреза 2, имеющая длину около 10 мм, так как обе насечки находятся абсолютно на одной линии. Третий надрез в центральной части кости размером около 1.5 см расположен выше остальных дефектов, строго между лобными буграми. Следующие два дефекта парные, так как имеют область прерывания, на месте надрезов проходит кровеносный канал, в результате чего на костной ткани образовалось вдавливание. Сами насечки расположены на правой половине лобной кости, несколько ниже лобного бугра, над правым надбровным валиком. Важно отметить, что все дефекты расположены параллельно по отношению друг к другу, и в своем направлении идут поперек сагиттальному шву по окружности лобной кости.

На правой теменной кости зафиксировано два надреза. Первый нижний размером всего около 2 мм, наблюдается в 1 см от задней части чешуйчатого края теменной кости. Вероятно, след был намного больше, но теменная кость в заднем направлении разрушена. Второй надрез обнаружен на 1 см выше дефекта 1. Насечки идут параллельно друг другу. Размер второго дефекта намного больше – 24 мм, он начинается в 5 мм от верхнего края чешуи правой теменной кости. Оба надреза расположены горизонтально в продольном черепу направлении.

На затылочной кости наблюдаются также два дефекта. Первый (6 мм) на правой половине, а второй на левой (23 мм). Надрезы находятся чуть ниже вершины затылочного гребня. Вероятнее всего оба они являются результатом одного движения режущим предметом (находятся на одной линии и одинаково ориентированы).

Новый, 1983

Курган 129, погребение 7. Костные останки принадлежали молодому мужчине 20–25 лет. При обследовании черепа на правой и левой теменных костях, а также на затылочной кости обнаружены надрезы различной длины. Так, на правой теменной кости, несколько выше височного края, параллельно друг другу проходят два надреза, выполненных острым режущим предметом. Длина надрезов 7–8 мм, они ориентированы в сагиттальном направлении. На затылочной кости с правой и левой стороны отмечены две насечки, идущие параллельно друг другу, через всю вершину гребня, поперек сагиттальному шву. Размер надрезов 36 и 43 мм. На левой теменной кости также несколько выше височного края имеется надрез, размер которого 8–9 мм, ориентирован в сагиттальном направлении. Необходимо также допол-

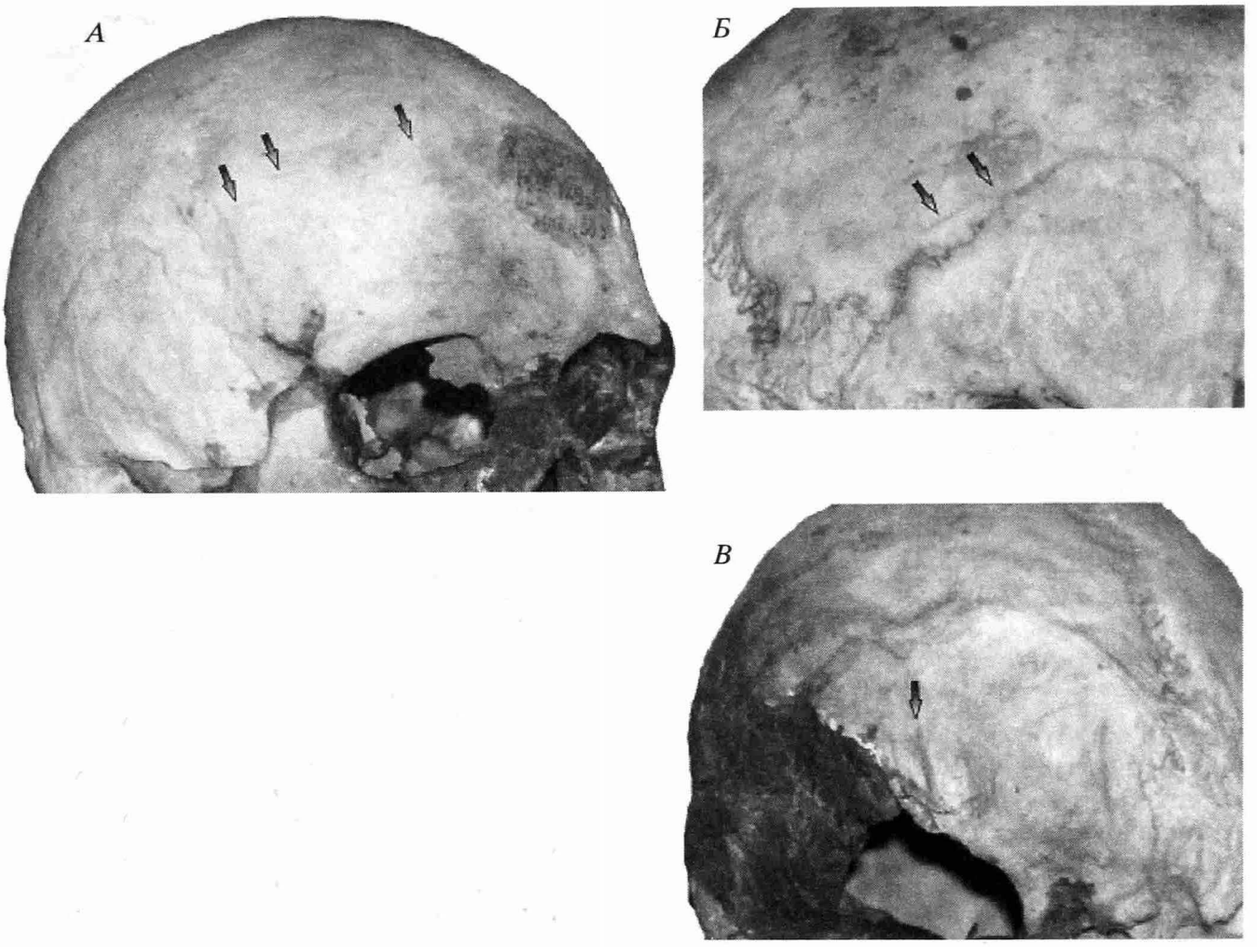


Рис. 3. Следы скальпирования на лицевом отделе черепа у мужчины 30–35 лет, курган 129, погребения 8: *А* – лобная кость; *Б* – правая теменная кость; *В* – затылочная кость.

нить, что следы скальпирования на черепах из кургана 129 по сравнению с надрезами, зафиксированными на черепных коробках из погребения 4 кургана 85, выражены значительно слабее. Дефекты, описанные в последних двух случаях, имеют меньшую глубину повреждения компактного верхнего слоя кости. Вероятно, это связано с тем, что скальпирование черепов из погребения 7 и 8 кургана 129 проводилось, возможно, другим инструментом.

Курган 129, погребение 8. При исследовании черепной коробки мужчины 30–35 лет по ее окружности были обнаружены следы насечек, оставленные, вероятнее всего, предметом с острым режущим краем (рис. 3). На лобной кости зафиксировано семь надрезов. Первые три наблюдаются в области краниологической точки "*metopion*", располагаясь несколько в хаотичном порядке, но строго поперек сагиттальному направлению. Следующие две наблюдаются на правом лобном бугре и идут также параллельно друг другу и поперек сагиттального шва. Последние два надреза на лобной кости зафиксированы в области правого теменного края практически на височной линии лобной кости, абсолютно параллельно, но несколько по диагонали друг к другу. Аналогичные следы также отмечены на лобной, правой теменной и на затылочной костях. Так, на теменной кости всего в 5 мм от теменного края правой височной кости и в 30 мм от затылочного шва наблюдается надрез размером около 20 мм, ориентированный в сагиттальном направлении. На затылочной кости черепа, несколько ниже верхней выйной линии, также обнаружено две насечки, идущие параллельно друг другу и ориентированные поперек черепа.

Необходимо отметить, что в рассмотренных случаях при скальпировании использовался предмет с очень острым режущим краем, так как размер дефектов как в глубину, так и по ширине не превышает 0.5 мм (без каких-либо зазубрин и неровностей). Вероятнее всего, для манипуляций над черепом из погребения 4 кургана 85 использовался металлический нож. Вполне возможно, что в случаях с погребениями 7 и 8 кургана 129 пользовались острыми кремневыми отщепами, обнаруженными в этих погребениях. Во всех случаях насечки были множественными, фиксировались на двух, или более костях черепа. Из-за плохой сохранности черепов, а также того, что все они под-

верглись реконструкции с использованием скрепляющей мастики, увеличивается вероятность, что на черепах присутствовали дополнительные маркеры скальпирования, не зафиксированные нашим исследованием.

В наши дни исследователи по-разному интерпретируют удаления кожи с головы человека. Так, есть мнение о большой роли магических свойств волос, головы и их символики в практике скальпирования. Ритуальное скальпирование трупов, применявшееся, например, жрицами-лучницами Артемиды, ставило целью обезвредить душу убитого врага. Волосы, по поверью, сосредотачивали в себе магическую силу и, отняв их, девы-охотницы лишали дух убитого прежней мощи (Елисеева, 2002).

Голова или череп занимают исключительное положение в первобытном миропонимании. Можно отрубить руку, ногу, ухо, и человек все же продолжает жить, но если отрубить ему голову, он погибнет. Исключительное значение головы в религиозной и магической системе находит разное идеологическое обоснование. Так, например, в обрядовой практике при скальпировании, как и при обезглавливании умершего родственника или убитого врага, важнейшей мотивацией было лишить покойника возможности мщения. Поэтому в древности уносили с собой голову врага или сородича, которая затем в разных племенах подвергалась различным процедурам. Одни ее высушивали, другие вываривали в смоле, третьи давали мягким тканям сгнить, а ритуальные операции проводили с очищенным черепом. В итоге, отрезанная голова превращалась в безопасный элемент собственной бытовой культуры (Мамардашвили, 2002). Вероятно в древние времена в ритуально-обрядовой практике заменителем головы мог служить содранный скальп. Тем не менее ряд исследователей в настоящий момент указывают на бытование у большинства народов военного обряда скальпирования, смысл которого также может интерпретироваться по-разному: в скальпе видят, например, разновидность специфического военного трофея; это может быть и видоизмененный (упрощенный) ритуал расчленения тела врага; с другой стороны, ссылаясь на фольклор (остякский эпос), можно найти свидетельства веры некоторых народов, что душа оскальпированного становится слугой победителя (Карачаров, Ражев, 2002. С. 137–140).

Для выяснения смысла подобного обряда у сарматских племен обратимся к свидетельствам древних авторов, у которых есть описания удаления кожи с головы человека.

Первые письменные свидетельства об обряде скальпирования содержатся у Геродота в книге IV. При описании обычаев скифов древний автор упоминает: "С головы [врага] он сдирает кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи, затем, очистив кожу от мяса, при помощи бычачьего ребра, он мнет ее руками и, выдубив ее, держит у себя в виде утиральника, привязывает к узде коня, на котором сам ездит, и гордится этим, так как тот, который имеет наибольшее количество таких кожаных утиральников, считается самым доблестным мужем. Многие скифы из содранных кож делают для одеяния плащи, сшивая их, как козьи шкурки. Многие, также содрав кожу вместе с ногтями с правых рук убитых неприятелей, делают покрышки для колчанов. Человеческая кожа, действительно и толста и блестяща; блестящею белизной она превосходит почти все другие кожи. Наконец, многие сдирают кожу со всего трупа, напяливают на палки и возят с собою на лошадях" (Геродот, IV, 64; 1999. С. 225).

Необходимо также отметить и описанный Геродотом обычай относительно голов злейших врагов, из которых, по сообщению историка, в результате ряда манипуляций делалась "чаша" (Геродот, IV, 65; 1999. С. 225, 226). Вполне возможно, что приготовлению чаши из черепа предшествовало скальпирование головы умершего человека.

Геродот зафиксировал обряд скальпирования не только у скифов, подобный обычай он описывает и у "исседонов": "Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойного снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир" (Геродот, IV, 26; 1999. С. 243).

У Юлия Полидевка (II в. н.э.) есть упоминания о кожаных одеждах: "Были и кожаные одежды ... сисирна – кожаный хитон, волосатый с рукавами употребляется скифами" (Латышев, 1948. С. 266).

Обычай снятия скальпа и использования черепа как чаши описываются в "Двоеречии" Симона (401 г. до н.э.): "Скифы же считают прекрасным, если кто, убив мужа и ободрав голову, кожу с волосами возит, повесив впереди на уздечку лошади, череп же, позолотив или посеребрив его, пьет из него сам и делает возлияние богам" (Латышев, 1952. С. 277)

У Гая Плиния Секунда Старшего находятся следующие упоминания о кельтах и народах Понта: "В Понте установлено очищать головы мужчин, вынимая из них мозг, и посредством снадобий сохранять на долгий век. ...А кельты – о ужас! – охотно обделывают в золото кости очищенной от мозга головы и сохраняют такие чащи для пиров" (Латышев, 1949. С. 319).

Аммиан Марцеллин оставил свидетельства, указывающие на существование обычая скальпирования врагов у аланов: "..., они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых" (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 22; 1996. С. 494). У этого же автора есть упоминания о гелонах: "...которые снимают кожу с убитых врагов и делают из нее одежды себе и боевые (bellatoria) попоны для своих коней" (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 14; 1996. С. 493). Факт наличия практики скальпирования у аланов примечателен еще и тем, что у осетин, их потомков, этот обряд упоминается во фрагментах героического эпоса о нартах: "На Хазмийском поле, за черным морем, живет Куцыков сын Елтган; у него головная кожа золотая; если ты силен, Созрыко, то убей Елтагана, сдери у него головную кожу, принеси ее и из нее сделай воротник для шубы" (Миллер, 1881. С. 35).

Теперь рассмотрим некоторые палеоантропологические свидетельства. В нашем случае особенно важно отметить синхронные находки скальпированных черепов, т.е. датирующихся первыми веками до н.э. и первыми веками нашей эры.

Три достоверных случая скальпирования погребенных были зафиксированы А.П. Бородовским и А.В. Табаревым в Новосибирском Приобье, в курганной группе Быстровка-2, датирующейся I тыс. до н.э. В погребении 3 кургана 1 в парном захоронении взрослых мужчин в возрасте от 25–30 до 45–55 лет на костях черепов прослеживались отчетливые следы скальпирования. Еще одно, вторичное захоронение молодого мужчины (18–20 лет) со следами скальпирования было обнаружено в кургане 2 (погребение 2). Ссылаясь на этнографические параллели, "остяцкий героический эпос" эпохи средневековья, исследователи сделали предположение, что скальпирование производилось с отсеченной головы, которой легко было манипулировать (Бородовский, Табарев, 2001. С. 207–210).

Необходимо упомянуть мумифицированные останки мужчины из второго Пазырыкского кургана с территории Верхнего Алтая, исследованного С.И. Руденко в 1948 г. По свидетельству ученого: "...кожа спереди была надрезана надо лбом от одного уха до другого, через выступающий мысик волос, и содрана назад. Скальп был снят с черепа после смерти" (цит. по: Murphy et al., 2002. P. 4). Одновременно хотелось бы сказать, что впоследствии эту же мумию, хранящуюся в Санкт-Петербурге, в музее Эрмитаж, обследовала E. Murphy. Она дополнительно отметила, что на черепе присутствуют небольшие надрезы, которые подтверждают выводы С.И. Руденко о проведении обряда скальпирования над этим погребенным.

Завершая обзор находок, следует упомянуть еще один случай скальпирования, зафиксированный при раскопках погребений могильника Аймырлыг гунно-сарматского времени. Костный материал принадлежал двум индивидуумам из одного погребения: первый – молодому мужчине 17–25 лет, а второй мужчине возраста 35–45 лет. В обоих случаях E. Murphy, исследовавшая мужские черепа, зафиксировала несколько тонких надрезов, расположенных на костях свода черепа. Также исследователь отметила на костях обоих скелетов следы рубящих ранений. Основываясь на этом и том факте, что черепа не носят на себе следов заживления после снятия кожи, E. Murphy предположила, что операция скальпирования проводилась после смерти индивидов, и произошло это скорее всего после военного столкновения, в котором оба мужчины принимали участие (Murphy et al., 2002. P. 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изученные дефекты на сарматских черепах, очевидно, являются последствием военного ритуального скальпирования. Ближайшие аналогии данному обряду находятся в подкурганных погребениях Пазырыкского, Аймырлыгского, Быстровского могильников, относящихся к скифскому и гунно-сарматскому периодам. Практически во всех случаях скальпирования из Южной Сибири, исследователи отмечают дополнительные следы травм на черепах и посткраниальном скелете, полученные непосредственно перед или незадолго до смерти, вероятно, в результате военных действий. В случаях с людьми, захороненными в могильнике Новый, травматических повреждений на костях, полученных непосредственно перед смертью, не отмечено. Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что у мужчины из погребения 4 кургана 85 имеется застарелая травма носа, а у мужчины из этого же погребения, без следов скальпирования на черепе, отмечен полный перелом правой лучевой кости в нижней части диафиза. Важно также упомянуть и о характерной особенности, связанной с погребальным инвентарем в могильных ямах скальпированных сарматов. Как было описано выше, вместе с костными останками в погребениях были найдены стрелы, мечи, кинжалы. Вполне вероятно, что все три захоронения были воинскими. Неудивительно в данном контексте и то, что из четырех оскальпированных черепов один принадлежал молодой женщине. Относительно данного факта можно высказать следующее предположение. Хорошо известно, что южно-русский степной регион являлся одним из очагов ритуального и военного скальпирования на территории Евразии. Выше нами были рассмотрены свидетельства античных авторов о практике этого обычая у скифов, понтий-

цев, аланов. И именно в античных письменных источниках мы находим упоминания о воинственных амазонках, о племенах кочевников, в которых женщины сражаются наравне с мужчинами, или берут в руки оружие, когда начинается война, как, например, у Гиппократа (Гиппократ, гл. 17; 1994. С. 297). У Полиена есть описания Амаги, жены Медосакка, царя сарматов, которая: "... сама чинила суд, и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям" (Латышев, 1948, С. 216–219). Возможно, что погребение 4 кургана 85 из могильника Новый, является ярким свидетельством правоты древних авторов. И еще одна важная деталь, на которую необходимо обратить внимание, относящаяся к особенностям погребального обряда. Скальпированные мужчины из погребения гунно-сарматского времени могильника Аймырлыг, и из Быстровского кургана 1, а также погребение 4 кургана 85 могильника Новый – являются коллективными захоронениями. В первом и втором случаях погребено по два костяка, в сарматской могиле из Нижнего Дона находились костные останки трех человек. Причин совершения коллективных захоронений может быть несколько: во-первых, это родственники; во-вторых, могло не хватить сил или времени для сооружения дополнительных могильных конструкций, а в-третьих, что все погребенные умерли в одно и то же время, скорее всего после боевых действий.

Что касается способа скальпирования, то подробные описания скальпирования сарматов уже приведены, поэтому хотелось бы остановиться на некоторых технических моментах. Сейчас известно несколько разновидностей насильственного или преднамеренного скальпирования: 1) простое скальпирование – снятие части кожи с головы вместе с волосами, использовалось ирокезами; 2) сложное скальпирование – снятие скальпа вместе с частью лица, шеи и ушами, применяемое индейцами племен чинук и сиу; 3) частичное скальпирование – снятие лишь небольшого участка кожи (размером с ладонь) с волосами с макушки, зафиксированное у шошонов и шайенов; 4) групповое скальпирование, при котором сразу несколько победителей срезали по фрагменту скальпа. Обычай появился с распространением огнестрельного оружия и применялся тогда, когда после стычки или боя нельзя было однозначно определить, чья пуля поразила противника; 5) снятие скальпа ударом. В конкретных ситуациях, когда не было времени на обычную процедуру, просто наносился один или несколько быстрых и сильных ударов (siber-like blow); 6) снятие скальпа с лысых – обычай, малоизвестный между индейцами (по причине крайне малого числа лысых) и получивший распространение только с приходом европейцев; 7) неполное скальпирование – проведение надреза и лишь частичного отделения кожи с волосами от головы. Процедура производилась как часть пыток. К числу исключительно редких разновидностей следует отнести снятие скальпа с погибшего в бою соплеменника (когда нет возможности унести с собой для погребения все тело и необходимо предотвратить снятие скальпа противником) и самоскальпирование (Nadeau, 1944). В случаях скальпирования, зафиксированных на черепах из могильника Новый, ни один из вышеперечисленных способов снятия кожи с головы не подходит. Самое главное отличие от известных способов и описанных случаев удаления кожи головы это то, что насечки на лбу и затылке располагаются достаточно низко. Судя по локализации надрезов, манипуляторы старались по возможности не затрагивать волосяной покров. Надрезы кожи проводились по окружности черепа, над ушами, на лбу и на затылке, а это значит, что людям, снимающим скальп, необходима была практически вся кожа свода черепа. Во всех четырех случаях нет никаких следов воспалительного процесса, указывающего на то, что человек хотя бы некоторое время жил после данной процедуры. Вероятнее всего, данные действия были проведены уже на умерших людях или незадолго до их смерти. Каких-либо следов дополнительных манипуляций на костях черепа не обнаружено. Человек, проводивший данную операцию, наверняка действовал не спеша и очень аккуратно, так как хаотичности в системе надрезов на исследованных черепах не наблюдается. В одном случае, а именно у мужчины из погребения 7 кургана 129, надрезов на лобной кости не оказалось. Вероятно, человек, снимавший скальп, находился спереди над телом. Для снятия скальпа, возможно, хватило насечек на затылке и теменных костях. Есть и вероятность того, что целью обряда было также снятие кожи с лица человека. Все перечисленные данные указывают на преднамеренный ритуальный характер снятия скальпа с черепов ранних сарматов из могильника Новый.

Как использовались скальпы? По мнению G.B. Grinnell, у равнинных индейцев северной Америки скальп считался только трофеем и не очень высоко ценился. Он был эмблемой победы, его неплохо было принести в лагерь, чтобы порадоваться ему и потанцевать с ним. У многих племен скальпы иногда приносились в жертву. Их могли сжигать, как у пауни, а шайенны и черноногие привязывали скальпы к шестам и оставляли их в степи, где те разрушались от непогоды. Скальпы использовались в качестве бахромы для украшения военной одежды – рубах и леггин – и перед боем привязывались к уздечке (Grinnell, 1976. P. 650–664). Хорошо также известно, что некоторые племена индейцев использовали скальпы для проведения религиозных обрядов. В племенах Пуэбло скальпы приносили в жертву для

вызова дождя. Скальп применялся индейцами Навахо при лечении зубной боли, для этого нужно было пожевать человеческую кожу (Murphy et al., 2002. P. 4). Что же касается сарматов, вероятно, кочевники использовали его как славный трофей, утиральник (полотенце), а также человеческую кожу применяли для создания одежды, масок, кумиров. В настоящий момент делать какие-либо предположения и реконструкции очень сложно. Аналогичных находок, свидетельствующих о практике обряда скальпирования у сарматов других регионов Нижнего Дона, Нижнего Поволжья и Приуралья, пока не обнаружено, хотя именно эти территории являются основным ареалом распространения сарматских племен. Остается надеяться, что представленная проблема будет продолжена в научных дискуссиях при появлении новых антропологических свидетельств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1996.

Бородовский А.П., Табарев А.В. Корреляция обычая скальпирования в Северной Америке и Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001.

Геродот. История. Пер. Г.А. Стратановского. М., 1999.

Гиппократ. Избранные книги. О воздухе, водах и местностях. М., 1994.

Елисеева О. Склеп Деметры. Секс и смерть в древней мифологии. (Заметки на полях книги Р. Грейвза "Золотое Руно") // www.udod.traditio.ru 2002.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Вып. I. Ростов-н/Д., 1992.

Карачаров К.Г., Ражев Д.И. Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4.

Латышев В.В. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2.

Латышев В.В. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 2.

Латышев В.В. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1952. № 2.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998.

Мамардашвили М.К. Человек начинается с плача по покойнику // www.russ.ru 2002.

Медникова М.Б. Скальпирование на Евразийском континенте // РА. 2000. № 3.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.

Миллер В. Осетинские этюды. Ч. 1. Осетинские тексты. М., 1881.

Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М., 2002.

Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge (UK), 1998.

Grinnell G.B. Coup and scalp among the plains Indians. Selected papers from the A.A., edited F. de Laguna, 1888–1920. Washington, 1976.

Larsen C.S. Bioarchaeology: interpreting behavior from the human skeleton. Cambridge (U. K.), 1997.

Murphy E., Gokhman I., Chistov Y., Barkova L. Prehistoric Old World Scalping: New Cases from Cemetary of Aymyrlyg, Sought Siberia // Amer. J. Archaeol. 2002. № 106.

Nadeau G. Indian scalping techniques in different tribes // Ciba Symposium. 1944. № 5.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington, 1981.

Ortner D.J., Ribas C. Bone changes in a human skull from the Early Bronze Site of Bab Edh-Dhra', Jordan, probably resulting from scalping // J. Paleopathol. 1997. № 9.

Concerning scalping among the Sarmatians (according to the data from the cemetery Novy)

E. V. Pererva

Summary

In the paper for the first time in national literature the author presents the anthropological data evidencing the rite of scapling practiced by the Sarmatian tribes of the Manych-Sal steppes. Materials from the cemetery Novy have been investigated (totally three male and one female skulls). The author analyses in details the specific indications registered on bones (cuttings), as well as the data obtained from the written sources, archaeological and ethnographic data. The material gives grounds to suppose the Sarmatians to have practiced the rite of scalping over the dead warriors. The rite is interpreted as a feature in common in the entire Scythian Siberian world.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 45–60

АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

© 2005 г. Т. М. Потемкина

Институт археологии РАН, Москва

В последние годы в гуманитарных исследованиях наблюдается возрастание интереса к мировоззренческой проблематике. Это относится и к российской археологической науке, где по вопросам идеологических представлений древнего населения опубликован ряд монографий и статей, защищены докторские и кандидатские диссертации, проведены тематические конференции.

Как правило, обращаясь к мировоззренческой тематике, исследователи в качестве основных источников своих концептуальных построений используют археологические и этнологические материалы, реже – мифологические, фольклорные, и другие данные. Методы археоастрономических исследований при реконструкции мировоззрения в отечественной науке пока используются крайне редко (Археоастрономия, 1996; Древнее Небо..., 1998; Астрономия..., 2002).

Между тем данные археоастрономии являются важной составной частью мировоззренческих исследований и реконструкций, поскольку в основе миропонимания всех времен и народов находятся представления и знания о Космосе. Привлечение данных астрономии как науки, основанной на точных методах исследования, придает выводам, связанным с древним и традиционным мировоззрением, определенную доказательную силу, выверенную системой расчетов, как правило не свойственной гуманитарным наукам. В настоящее время археоастрономические методы исследования достаточно широко используются в археологии, астрономии, истории, этнографии, лингвистике, геофизике и других науках во многих странах мира (Потемкина, Юревич, 1998; Астрономия..., 2002).

В данной публикации автор на основе археологических и этнологических источников, с привлечением результатов археоастрономических исследований делает попытку показать: 1 – как тема Неба, отражающего ритм существования всего живого в природе, получила отображение в объектах материальной культуры первобытного общества южнолесного и лесостепного Зауралья, прежде всего в мировоззренческой ее части; 2 – как эта тема находила и находит отражение в сезонных культово-обрядовых, языческих по характеру, празднествах, отголоски которых сохранились до наших дней в народной памяти и культуре аборигенного населения данной территории.

Эти вопросы рассматриваются на примере материалов раскопок энеолитического святилища Савин 1, которое на сегодня является наиболее изученным памятником с достоверно выявленными астрономическими ориентирами в урало-западносибирском регионе (1); и на основе этнологических и мифологических свидетельств о мировоззренческих представлениях и культово-обрядовой практике народов манси и ханты (2).

Манси и ханты еще в XVIII–XIX вв. плотно заселяли Средний Урал и южнолесные районы Тоболо-Иртышья (Мифология мансии, 2001. С. 6–9). К территории расселения этих народов, называемых обскими уграми и относящихся к угорской ветви финно-угорских народов уральской семьи, наряду со святилищем Савин 1, тяготеют другие археологические памятники культового назначения эпохи неолита и энеолита: круглоплановые святилища с астрономическими ориентирами Слободчики 1, Велижаны 2 в Зауралье на р. Тобол; святилища на Горбуновском и Шигирском торфяниках Среднего Урала (рис. 1).

Правомерность археолого-этнографических сопоставлений при реконструкции мировоззрения древнего населения урало-западносибирского региона основана, в частности, на особенностях его географических и исторических условий. На протяжении последних 6–7 тыс. лет оставались практически неизменными природно-климатические условия и хозяйственные занятия населения, связанные с охотничьим и рыболовным промыслом, что способствовало существованию сходной системы жизнеобеспечения и схожей манеры адаптации к природной среде от неолита до этнографической современности.

Со спецификой природной среды тесно связана и особенность историко-культурной ситуации этой территории, основанная на длительной преемственности культурных традиций и близости этнического состава населения. К числу немаловажных историко-культурных факторов урало-западносибирского региона относятся и постоянные связи и взаимодействия с населением степной зоны, среди которых на протяжении многих эпох (от позднего неолита до раннего железного века

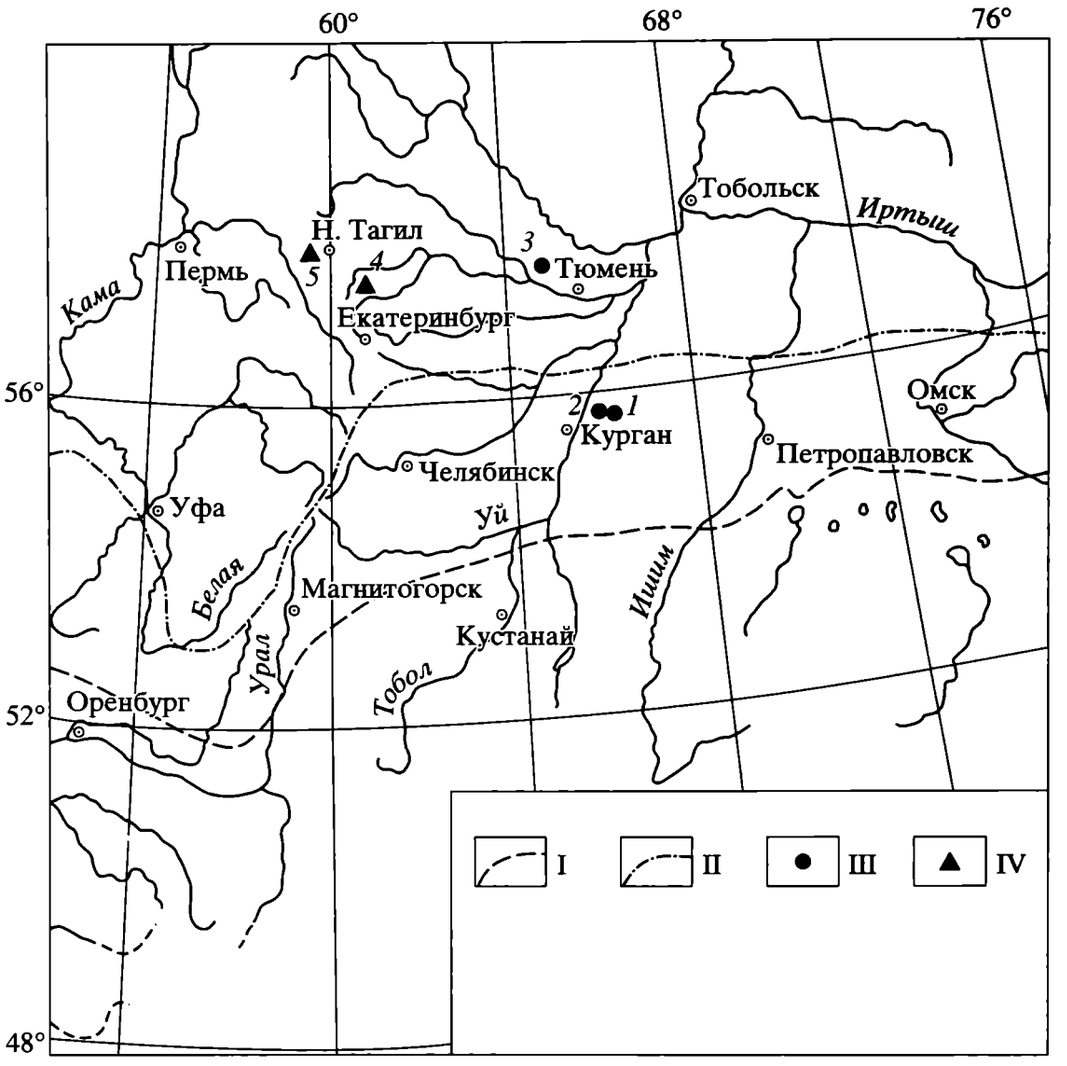


Рис. 1. Карта исследованных святилищ эпохи энеолита Среднего Зауралья. I – граница степи и лесостепи; II – граница лесостепи и лесной зоны; III – святилища с круговой планировкой; IV – святилища на торфяниках с неисследованной планировкой. *1* – Савин 1; *2* – Слободчики 1; *3* – Велижаны 2; *4* – Шигирский торфяник; *5* – Горбуновский торфяник.

включительно) преобладали юго-западные импульсы, периодически усиливающиеся или затухающие, но оставляющие заметный след в истории и культуре населения лесостепной – южнолесной зоны Западной Сибири (Косарев, 2003. С. 303, 304).

Святилище Савин1 находится в Белозерском р-не Курганской области на правом берегу р. Тобол (55.4° с.ш.). В 1982–1986, 1997 гг. здесь были раскопаны круглые в плане, ограниченные кольцевыми рвами и столбовыми конструкциями сооружения (рис. 2, *1*), а также два вала с астрономическим назначением длиной более 30 и 100 метров, составляющие с ними единый архитектурный комплекс (Потемкина, 2001. С. 166–179. Рис. 1).

В культурном отношении святилище Савин 1 относится к сосновоостровской культуре, которая входит в зауральско-казахстанскую культурно-историческую общность гребенчатого геометризма эпохи энеолита. Носители культур данной общности в этническом плане связываются большинством исследователей с угорским (или финно-угорским) населением (Косарев, 1987. С. 314–317; Шорин, 1993. С. 91). Общие хронологические рамки существования большинства культур зауральско-казахстанской энеолитической общности определяются в пределах от конца IV до конца третьей четверти III тыс. до н.э. (Потемкина, 1985. С. 275, 276, 291; Шорин, 1999. С. 82–86. Табл. 5). Радиоуглеродные даты в большинстве случаев некалиброванные. Святилище Савин, где преобладающей является керамика сосновоостровского (35%) и аятского (29%) типов, относимых исследователями к позднему энеолиту, может быть датировано в рамках первой половины III тыс. до н.э. (Потемкина, 2001. С. 220).

В керамической коллекции святилища (5400 фрагментов от 380 сосудов) выделяется несколько культурных типов. Преобладающей (64–68%) является посуда с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом типа сосновоостров-

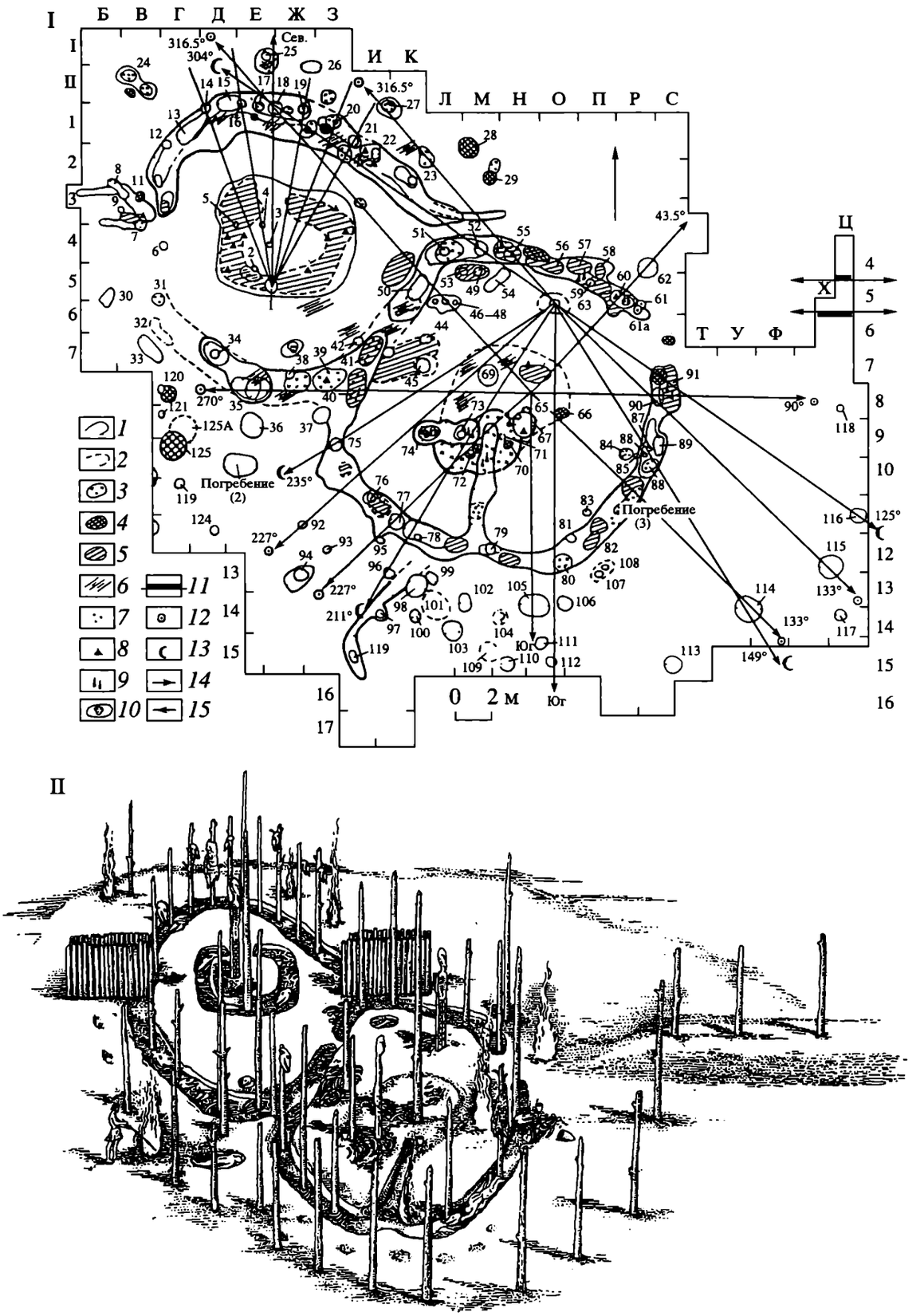


Рис. 2. Святилище Савин. I – План: *1* – очертания канав, ям и столбовых ямок с указанием номера на глубине 100 см; *2* – нечеткие очертания; *3* – углистый слой с углями; *4* – прокаленный слой; *5* – ямы, заполненные костями животных; *6* – скопление костей на уровне древнего горизонта и в ямах; *7* – пятна охры; *8* – развалы сосудов; *9* – скопление керамики; *10* – яма с черепами взрослого и ребенка; *11* – границы "малого вала" в пределах раскопа; *12* – солнце; *13* – луна; *14* – восход; *15* – заход. II – Реконструкция сооружений святилища.

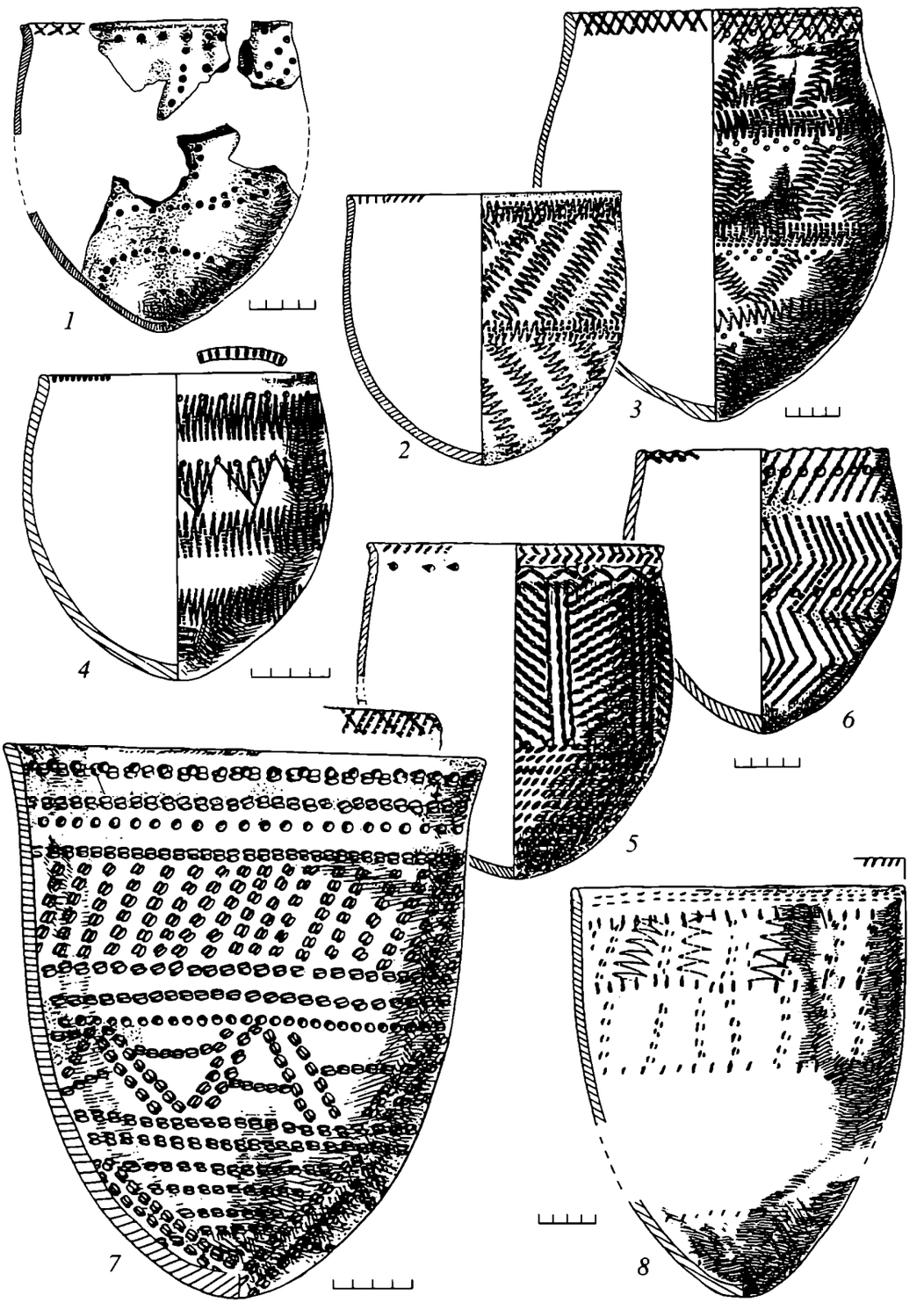


Рис. 3. Святилище Савин 1. Керамика.

ской и аятской (рис. 3, *2–4*, *6*), в большинстве своем характерной для южнолесных и лесостепных районов предгорной зоны Урала и примыкающей территории Нижнего Притоболья. Одновременно на памятнике присутствует керамика, характерная только для культур лесной зоны: шапкульская – 17% от реконструируемых сосудов (рис. 3, *5*); андреевская – 12% (рис. 3, *1*); липчинская – 3% (рис. 3, *7*, *8*). Все типы керамики залегают совместно и, вероятно, использовались в процессе функционирования святилища в период одного хронологического среза.

Индустрия кремневого инвентаря Савина, как и других энеолитических памятников региона, основана на технике отщепа. Из 1670 предметов из камня, обнаруженных на памятнике, основными

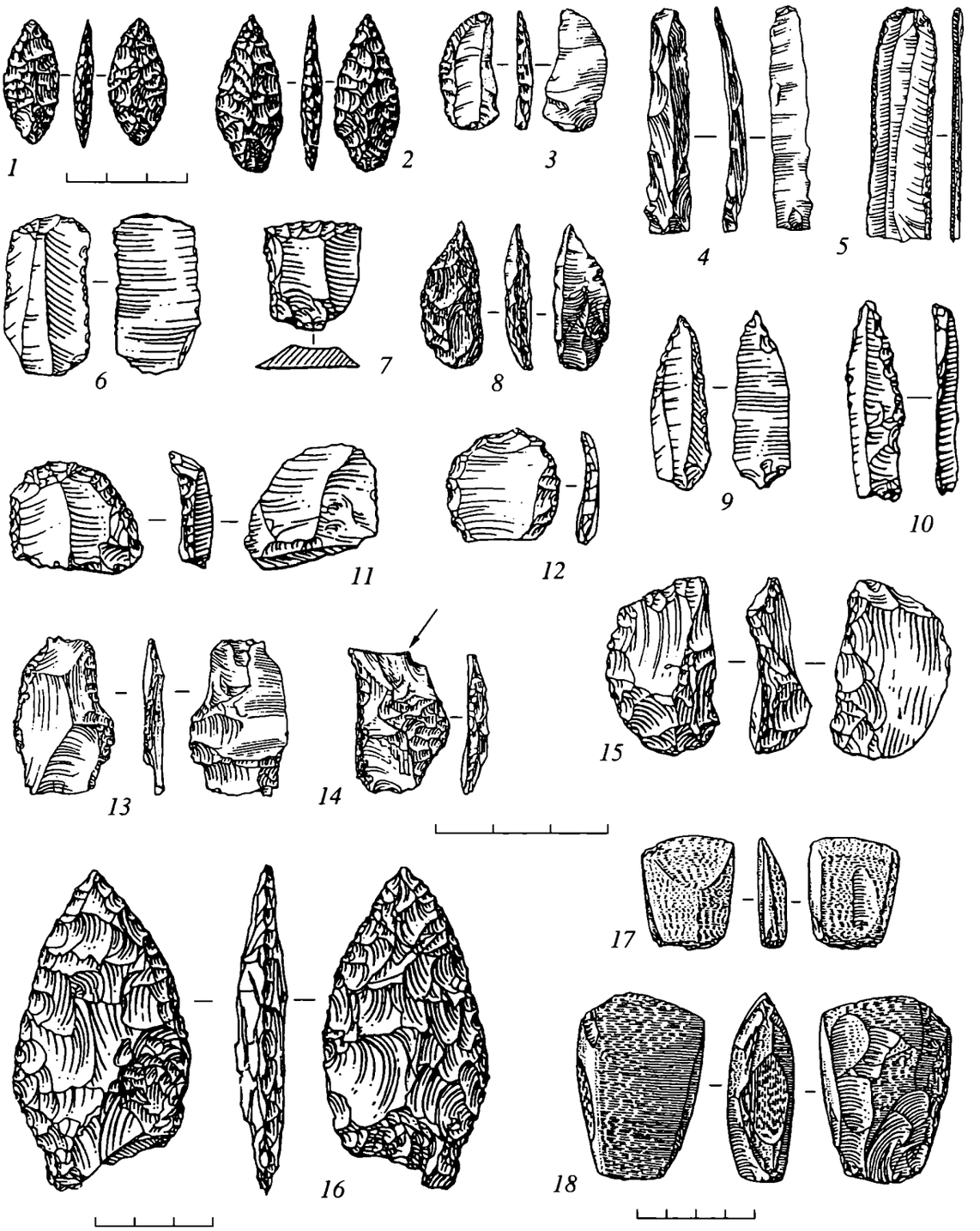


Рис. 4. Святилище Савин 1. Орудия из камня.

являются скребки – 44% (рис. 4, *6, 7, 11–13*), ножи – 18% (рис. 4, *3–5, 15*), скобели – 12% (рис. 4, *6, 13, 14*). Присутствуют также резчики, долота, стамески (рис. 4, *17*), сверла (рис. 4, *10*), проколки (рис. 4, *8, 9*), шлифованные тесла и топоры (рис. 4, *18*), наконечники копий и стрел (рис. 4, *2, 16*). Как свидетельствует трассологический анализ, произведенный Г.Ф. Коробковой, орудия использовались для обработки шкур (47%), камня (12%), дерева (10%), разделки мяса (8%), охоты (6%).

Принадлежность святилища достаточно организованным охотничьим коллективам не вызывает сомнения. Общее количество обнаруженных на святилище костей – 3806 единиц от 268 особей. Среди них ведущее место занимают кости лошади – 3060 костей от 161 особи. Остальные принадлежат косуле – 608/72, лосю – 128/25, кабану – 15/9, медведю – 1/1, волку – 1/1 (определение В.П. Данильченко). В этой ситуации следует предполагать, что охота на лошадь играла здесь первосте-

пенную роль. Ряд морфологических признаков черепа и зубов лошади свидетельствуют о начале процесса ее доместикации (определения Ш. Бекени при работе с коллекцией).

Полученные многочисленные археологические материалы, их тщательный анализ и корреляция с данными астрономии, этнологии, мифологии позволяют реконструировать модель организации сакрального пространства святилища (рис. 2, II). Основные принципы пространственного и временно́го устройства модели включали ряд признаков, связанных с ландшафтной привязкой, планировкой и архитектурой сооружений. Отражением конкретных представлений о Космосе являются также следы различных ритуальных действий: очищение площадки святилища от верхнего слоя до материковой глины; подсыпки светлого речного песка, охры; разведение многочисленных костров; совершение массовых жертвоприношений животных; отдельные ритуальные захоронения людей и человеческих черепов. Наиболее значимые жертвенные скопления костей животных с керамикой, каменными орудиями и сакральными предметами найдены в центре кругов и у столбов, ориентированных на восход и заход солнца в дни равноденствий и солнцестояний (рис. 2, I).

Обращает на себя внимание присутствие на святилище предметов с символическим значением. Особенно интересены в плане реконструкции космогонических представлений и связанных с ними ритуально-обрядовых действий следующие: целый сосуд с орнаментом, символизировавшим модель Вселенной и святилища и одновременно служивший лунным календарем (рис. 5, *3*); глиняные изделия, видимо, обозначавшие модели половинок Луны и символизировавшие ее фазы и женское начало, в ряде случаев найдены в положении in situ в пятнах охры, сложенными попарно (рис. 5, *2, 4, 5*); костяная пластина, разделенная на четыре секции, в каждой из которых нанесен орнамент из семи крестиков – вероятно, лунный календарь (рис. 5, *1*).

Архитектура святилища, присутствие астрономических ориентиров, характер выявляемых ритуально-обрядовых действий, приуроченных в основном к восходам и заходам солнца и луны в дни равноденствий и солнцестояний, особенности отдельных находок свидетельствуют о четко сложившейся мировоззренческой системе. Есть все основания полагать, что святилище Савин 1 осмысливалось его создателями как модель Мира и потому имело строго организованную пространственную структуру. Имеющиеся материалы подтверждают, что *у энеолитического населения Зауралья уже оформилась трехчастная модель мира в ее горизонтальной и вертикальной проекциях* с делением Вселенной на три основные сферы – нижнюю, среднюю и верхнюю (Потемкина, 2001. С. 166–185).

Горизонтальная модель четко прослеживается на примере основных архитектурных элементов первого круга святилища: рва, входных коридоров строго с восточной и западной сторон, первого вала (рис. 2, *1, 2*). Связь восточного коридора и вала с Верхним (небесным и светлым) Миром была основана в представлении древних на появлении диска восходящего солнца и первых его лучей на горизонте, напротив просвета коридора и насыпи вала вдоль его оси в дни равноденствий.

Западный входной коридор, фиксирующий точку исчезновения солнечного диска на горизонте в эти же дни, был связан с темным Нижним миром. Связь западного направления на святилище с Нижним миром, миром мертвых, маркирует также юго-западная ориентировка всех трех погребенных в ритуальном захоронении во рву второго круга.

Средний мир, вероятнее всего, ассоциировался с сооружениями в центре очерченных кольцевыми рвами площадок. Здесь находились центральные столбы-гномоны (для каждого из трех этапов функционирования святилища был свой центральный столб). Это предположение соответствует представлениям о Среднем мире как месте, откуда можно вести наблюдения, "видеть" Верхний и Нижний миры, контактировать с ними и его обитателями путем разного рода ритуалов и обрядов, главным образом посредством жертвоприношений. Именно в центральной части круговых сооружений обнаружена основная часть жертвенных комплексов и наиболее значимые находки.

Вертикальная трехчастная модель Вселенной также выявляется по материалам святилища Савин 1, где каждый из трех миров этой модели несет практически ту же смысловую нагрузку, что и в горизонтальной проекции.

Символом Верхнего мира в вертикальной проекции, вероятнее всего, являлись столбы-маркеры значимых солнечных и лунных азимутов (рис. 2, II). Сама направленность столбов вверх, к Небу, к месту обитания божеств светлого мира, создавала представление о возможных путях контакта людей с ними.

По аналогии с материалами синхронных святилищ Горбуновского и Шигирского торфяников на Урале, где хорошо сохранились деревянные конструкции и изделия (Толмачев, 1916. С. 94–99. Рис. 1–3. Табл. II; Эдинг, 1937. С. 132–141. Рис. 1; 2; 5; 1940. С. 62–68. Рис. 64), отдельные столбы на Савине также могли быть оформлены в виде идолов и отмечены разного рода знаками, изображениями (рис. 6, *1–5*; 7, *1, 7*). Исследователи Шигирского и Горбуновского святилищ сразу обратили внимание на сходство древних идолов с религиозной скульптурой вогулов и остяков (манси и хантов), подчеркивая при этом консерватизм религиозной обрядности.

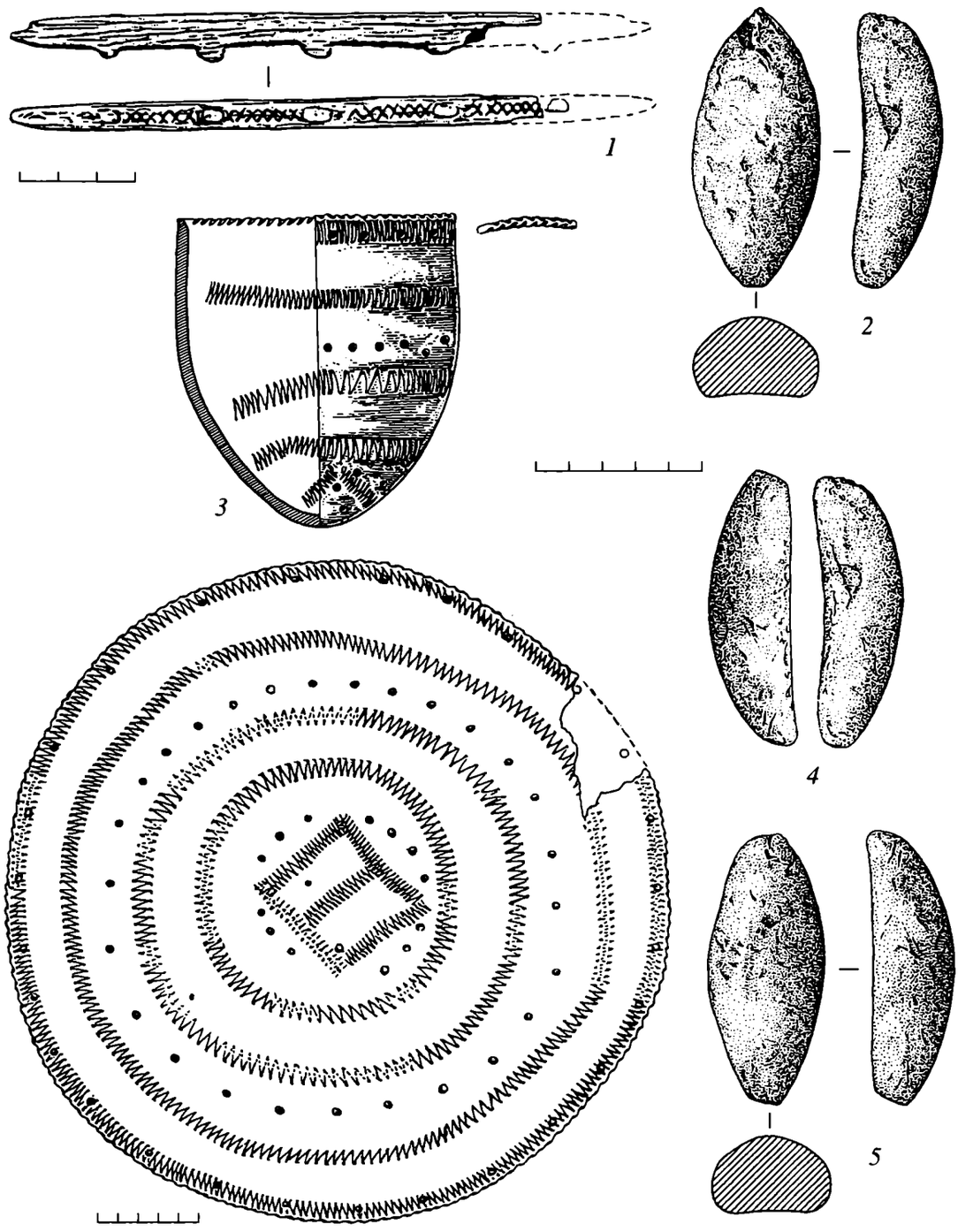


Рис. 5. Святилище Савин 1. Предметы с лунарной символикой. *1* – кость, *2–5* – глина.

Столбы-меты на святилище Савин 1 могли обозначать также мировое или космическое дерево, к разным частям которого были приурочены определенные миры. По представлениям древних столбы-ориентиры, как и мировое дерево, соединяли Небо и Землю, были мостом между мирами. Подтверждением тому могут быть находки рядом с Горбуновским идолом изображений животных (Эдинг, 1940. С. 70. Рис. 59; 60; 63), символизирующих, по более поздним представлениям, различные миры: птица – "верхний", небесный; змея – "нижний"; идол – средний, связующий два других, и, возможно, выступающий в качестве "мирового" "священного" дерева (рис. 7, *1*, *4–7*).

Часть столбов могла одновременно являться "жертвенными столбами", на которые вывешивались и к которым крепились (или помещались у их подножья) разного рода жертвоприношения, что подтверждается характером и условиями залегания находок в заполнении многих столбовых ям на святилище Савин 1.

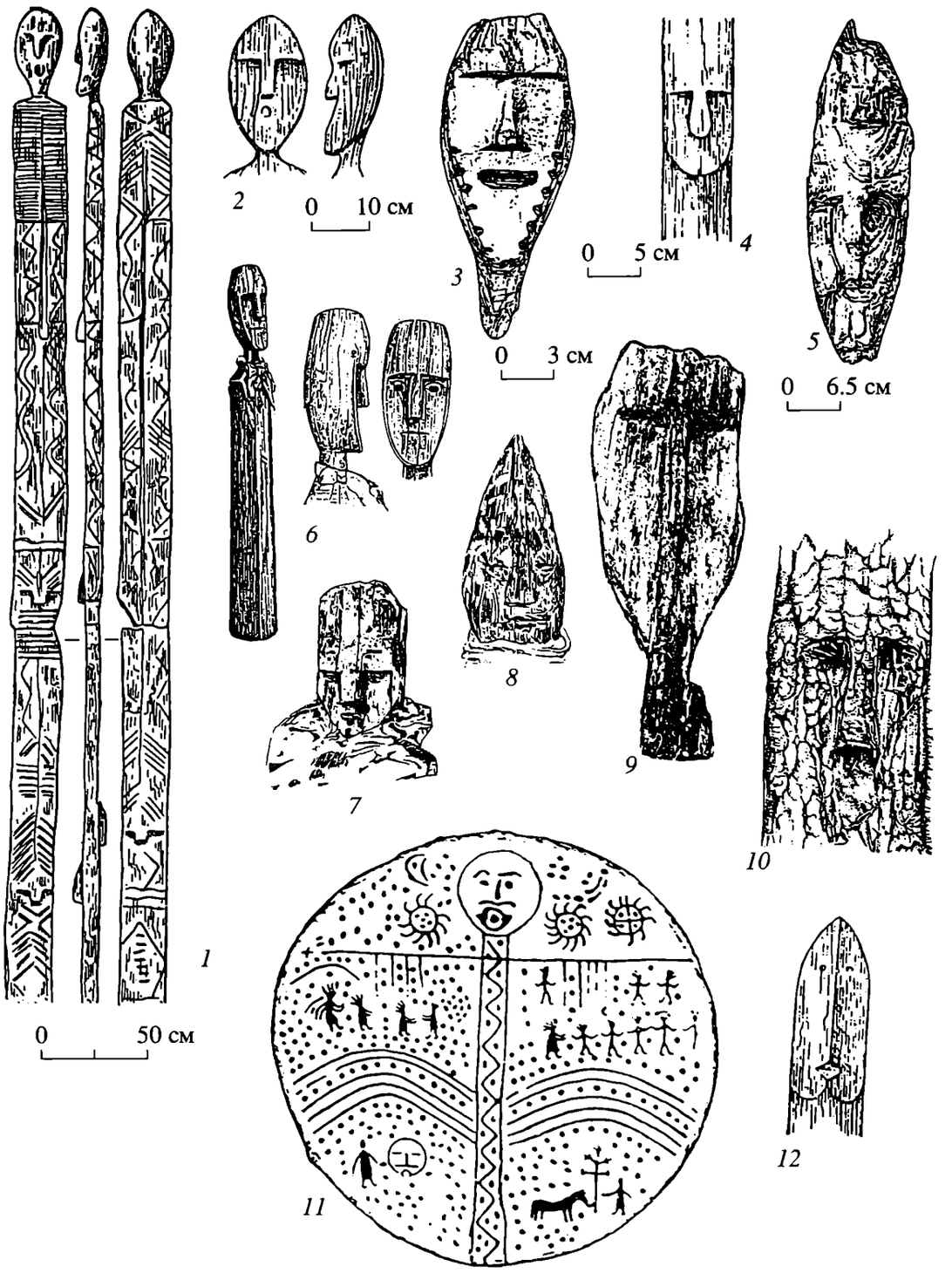


Рис. 6. Древняя и современная религиозная скульптура Урала и Западной Сибири. *1–3* – Шигирский торфяник; *4, 5* – Горбуновский торфяник; *6–10* – религиозная скульптура манси (Мифология..., 2001); *11* – алтайский шаманский бубен; *12* – современный обско-угорский идол (по Иванову, 1970) (1– 10, 12 – дерево).

С Верхним миром в вертикальной модели Вселенной, вероятно, был связан огонь, следы которого имеются у каждого значимого столба-маркера. Мифы многих народов мира, прежде всего индоевропейских и индоиранских, свидетельствуют об отождествлении огня с Солнцем.

С Нижним миром в вертикальной проекции ассоциировалось место ниже поверхности земли. Как сообщение с Нижним миром могут рассматриваться ритуальные захоронения двух человеческих черепов внутри первого круга и трех человек во рву второго.

Правомерность изложенных выше предположений находит также подтверждение в наскальных рисунках восточных склонов Среднего Урала с изображениями небосвода, солярных знаков,

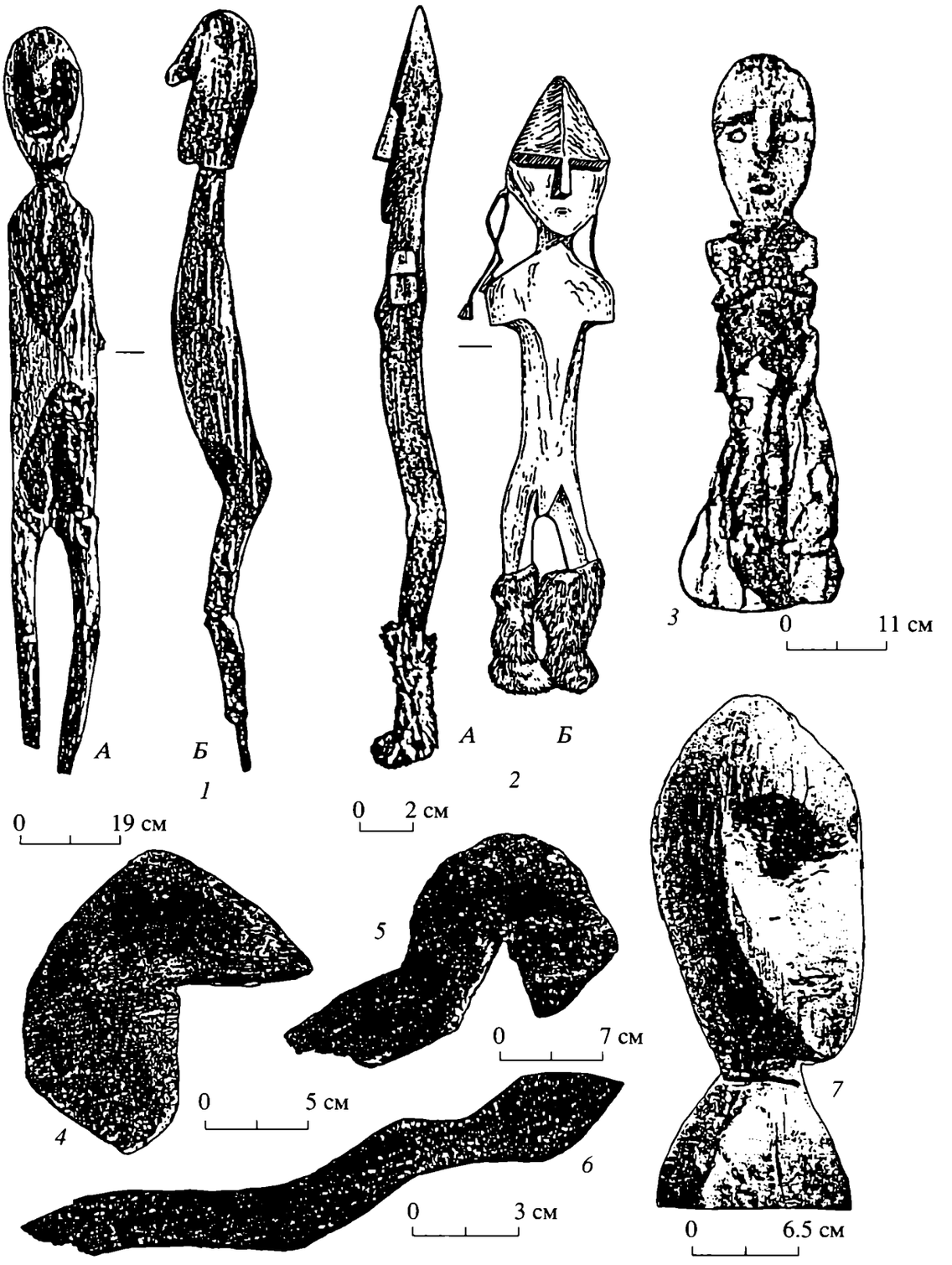


Рис. 7. Древняя и современная религиозная скульптура Урала и Западной Сибири. *1* – идол: *А* – вид спереди, *Б* – вид сбоку; *2* – дух-женщина: *А* – вид сбоку, *Б* – вид спереди; *3* – изображение умершей женщины; *4–6* – изображение птиц и змеи; *7* – голова идола. *1, 4–7* – Горбуновский торфяник; *2* – васюганские ханты, *3* – манси (по Иванову, 1970) (*1–7* – дерево).

фигур животных и птиц, дерева (мирового?), антропоморфных существ и человеческих фигур, которые относятся к числу наиболее ранних на Урале – IV–III тыс. до н.э. (Чернецов, 1971. С. 59, 60, 69, 70, 78, 116. Рис. 42; 43; 49; 51).

По имеющимся данным, основной формой отправления культа на святилище Савин 1 были коллективные жертвоприношения, которые сопровождались магическими обрядами. Вероятнее всего, обряды отражали годовой цикл чередова-

ния сезонов в промысловом календаре. Общая архитектура святилища, связь основных церемоний с восходами солнца в астрономически значимые дни года свидетельствуют о существовании у энеолитического населения Зауралья в это время солнечного культа, где солнце выступало в качестве главного или одного из главных божеств. Луна в этом пантеоне, если судить по характеру связанных с ней жертвоприношений, занимала менее значимое место.

Таким образом, то значение, которое придавалось точному знанию направлений восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний, а также положению луны на небосклоне, объясняет причину возведения святилищ, подобных Савину 1. Наблюдения за астрономическими явлениями были тесно связаны с хозяйственной деятельностью, бытом и календарной обрядностью энеолитического общества. Они же составили основу мировоззренческих представлений, связанных с пониманием Вселенной.

В контексте рассматриваемой проблемы важно обратить внимание на культурные связи энеолитического населения Зауралья. Все имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о преобладании юго-западного направления контактов. Антропологические определения из коллективного ритуального погребения святилища Савин 1, выполненные Г.В. Рыкушиной (Институт этнологии и антропологии РАН), также свидетельствуют о проникновении южных европеоидов на территорию Западной Сибири в эпоху неолита-энеолита (Потемкина, 2001. С. 221–240, 243–245). Видимо, активными юго-западными связями объясняется тот факт, что круглоплановые святилища Зауралья близки европейским ронделам и вудхенджам, а также курганным культовым комплексам предямного и ямного времени Северного Причерноморья по всем отмеченным архитектурным и функциональным признакам, в том числе по времени появления и бытования (Потемкина, 2001. С. 186–218; 2004. С. 246–249).

Есть основания предполагать, что носителями идеи сооружения святилищ типа Савин 1 в Зауралье являлись древнейшие степные скотоводческие племена доямного и раннеямного времени. Большинство исследователей связывают энеолитические и раннебронзовые культуры Северного Причерноморья и Прикаспия с индоевропейским (индоиранским) этносом (Мерперт, 1984. С. 243; Мэллори, 1997. С. 61–82).

Активность степного и лесостепного населения Восточной Европы может быть связана со становлением раннескотоводческого типа хозяйства, основанного на доместикации лошади. Благодаря мобильности скотоводческого населения, достижения в области различных сфер хозяйственной деятельности и мировоззренческих представлений не являлись прерогативой какой-то конкретной территории. Для энеолитического населения лесостепного и южнолесного Зауралья одним из таких последствий явилось опосредованное, многоступенчатое и поэтапное восприятие мировоззренческих представлений населения более западных территорий, выразившееся в сооружении круговых святилищ с астрономическими ориентирами.

Этот процесс был связан с освоением ранними степными скотоводами новых экологических ниш на Южном Урале и в Зауралье, где обитали табуны диких лошадей и имелись условия для доместикации лошади (Зайберт, 1993. С. 201–210; Потемкина, 2001. С. 233–241), что стимулировало активные миграции населения из более западных территорий в восточные. Новые формы идеологии более передовых социальных структур в первую очередь закреплялись среди угорского зауральского населения, находившегося на стадии близкой к древним скотоводам, – в среде охотников на лошадь, имевших навыки ее приручения.

Важным свидетельством древних контактов зауральского угорского населения с индоевропейцами (индоиранцами) являются *результаты этнологических исследований* в Западной Сибири, которые в значительной мере дополняют имеющиеся археологические и антропологические свидетельства.

В облике культуры хантов и манси этнологи отмечают, наряду с общесибирскими, немало черт южного характера, в числе которых следы коневодства в прошлом, культ коня, своеобразные формы жилищ, одежды, утвари, геометрических орнаментов, религиозных верований, обрядов, фольклора, произведений искусства, наличие сходных с индийскими терминов. Близки индийским и представления об огне. Отличительные черты культуры обских угров, выделяющие их из ряда всех остальных сибирских народов, теснейшим образом связаны с индоиранским компонентом (одним из трех основных) их происхождения (Соколова, 1999. С. 30–36).

К выводам об особенно интенсивном взаимодействии обских угров с индоиранским населением в древности, по сравнению со смежными территориями приводит изучение мифологии народов Сибири (Мифология манси, 2001. С. 27–32). При этом исследователи обращают внимание не только на отдельные элементы, но и целые схемы, объединяющие следы иранского влияния. Прослеживается глубокий и обширный иранский пласт угорского религиозно-языкового сознания (Топоров, 1981. С. 146–150).

Наблюдаемые особенности физического типа западных манси, отличающие их от остальных обско-угорских групп, объясняются наличием в их составе европеоидного компонента. Это, в со-

вокупности с данными этнографии и археологии, ставит вопрос об особых путях формирования манси и хантов (Багашев, 1999. С. 102).

Реконструируемые по материалам раскопок святилища Савин 1 мировоззренческие представления и культово-обрядовая практика находят поразительные *параллели в верованиях и культах обских угров*. Одновременно структура святилищ и совершавшийся там характер обрядов соответствовали уровню мировоззренческих представлений на широкой территории обитания народов индоевропейской семьи, в том числе индоиранских. Это позволяет предполагать начало сложения отмеченного выше иранского пласта угорского религиозного сознания уже в начале III тыс. до н.э. Именно к этому времени, в свете вышеизложенного материала, относится проникновение индоевропейского (индоиранского) субстрата в угорскую среду носителей культур гребенчатого геометризма лесостепного Зауралья.

Наиболее заметно древние истоки космогонических представлений с индоевропейскими (индоиранскими) заимствованиями проявляются в отмечаемых ниже аспектах мировоззрения обских угров.

Ландшафтная привязка к возвышениям в поймах, окруженных старичными озерами, откуда хорошо обозревается окружающая местность и просматривается горизонт, удобный для наблюдений за восходящими и заходящими светилами, выявляется не только для древних культовых памятников Зауралья (Потемкина и др., 1995. С. 82, 83; Потемкина, 2001. С. 167), но и для мест жертвоприношений обских угров (Новицкий, 1884. С. 51). Лишь с конца XVIII в. манси и ханты приносили жертвы уже не в пещерах по рекам и не на холмах в лесах, а только в глухих лесах, что было связано с насильственной христианизацией и уничтожением идолов (Иванов, 1970. С. 23, 24).

Структурообразующие элементы святилищ обских угров, по данным этнографических исследований, как правило, составляли амбарчики с изображением духа-покровителя и его супруги; кострище; деревья, к которым привязывали приклады (подношения божествам) и вешали черепа жертвенных животных и медведя; деревянные фигурки персонажей, сопутствующих главному изображению (Гемуев, Сагалаев, 1986; Мифология манси, 2001. С. 26). Аналогичные составляющие элементы древних культовых мест Тоболо-Иртышья выявлены и по археологическим данным.

Основные обряды, сохранившиеся в ритуальной практике угорско-самодийских народов Объ-Иртышья до сравнительно недавнего времени, связаны с космологическими представлениями, *в основе которых лежит концепция трехчастной* вертикальной *модели Вселенной*, основанной на понятиях о Верхнем (место обитания добра и света), Среднем (наша земля с лесами, водами, людьми, животными) и Нижнем (подземном, населенном темными силами) мирах (Кулемзин, 1984. С. 170, 171; Косарев, 1991. С. 173–175; 2003. С. 125–128; Мифология манси, 2001. С. 16).

Одновременно все три мира осмысливались и в горизонтальной проекции (Кулемзин, 1984. С. 170–172). Как правило, восток и юг воспринимались как хорошие стороны; запад, север – как плохие стороны (Косарев, 1991. С. 167–183; Мифология манси, 2001. С. 25). Данные представления хорошо объяснимы с точки зрения астрономии: восток связан с восходом солнца, появлением тепла и света; юг – с направлением, где солнце излучает максимум тепла и света, особенно когда находится в зените; запад – с заходом солнца, наступлением темноты и холода; север – направление, где вообще никогда не бывает солнца. Именно поэтому в верованиях многих народов во все времена небо и восток выступали в качестве направлений, где обитали боги и исходящие от них свет и добро; запад и ассоциируемый с ним подземный мир – как мир мертвых, обиталище темных и злых сил.

Образ Вселенной в том виде, в котором он существовал в традиционном мировоззрении народа, повторяли жилища и все уровни общественной организации обских угров. Так, у манси, в соответствии с трехчленным строением Модели мира, обиталище семьи также делилось на три сферы как в вертикальной, так и в горизольтальной плоскости. Чердак дома являлся местом высшей сакральной значимости, символизируя область Верхнего мира, где хранились изображения богов – персонажей общемансийского пантеона (пупыги) и другие предметы культовой атрибутики. Пространство между местом расположения пупыг и полом жилища считалось местом человеческого бытия, т.е. обычной повседневной жизни. Сфера Нижнего мира обозначалась в углублении ниже пола или за пределами жилища (Мифология манси, 2001. С. 23–27).

Имело место зонирование жилища и в горизонтальной плоскости. Сакрально наиболее значимой частью жилища, более других задействованной в ритуальной сфере, была южная (противоположная входу) стена. Здесь хранились семейные фетиши и иные святыни. Снаружи перед стеной обязательно вкапывался столб для привязывания жертвенных животных, совершались жертвоприношения, ставилось угощение Мир-сусне-хуму (центральное божество угорского пантеона, отождествляемое с солнцем).

Имеет место *сходство в планировке древних круговых святилищ* с известными по этнографическим данным *шаманскими чумами*. Так, на Нижней Тунгуске в 20-е годы прошлого столетия шаманом и доверенными мужчинами селения был построен специальный чум, чтобы выяснить при-

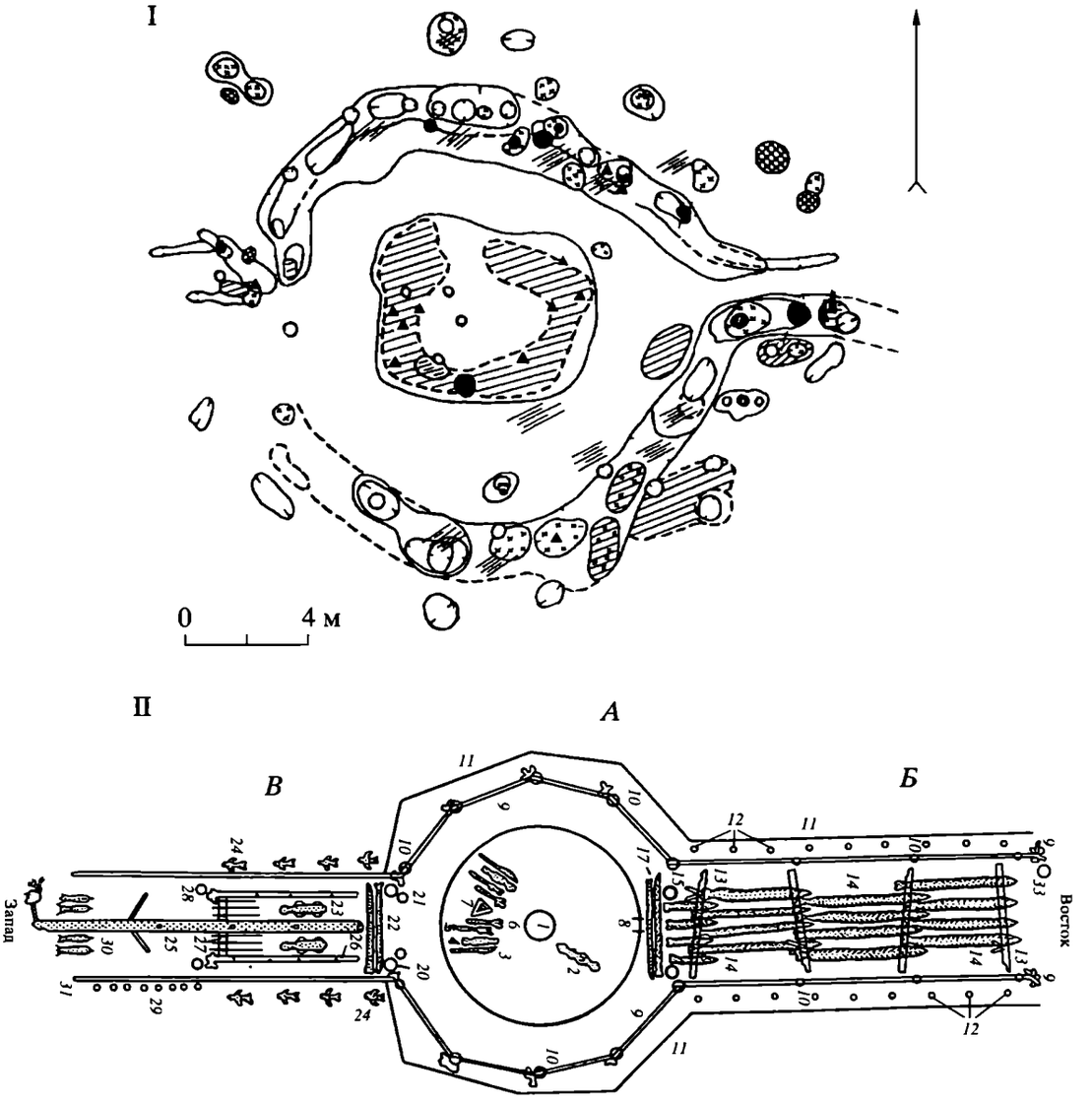


Рис. 8. I – Святилище Савин 1. План первого, более раннего, кругового сооружения (см. рис. 2, *1*). II – План шаманского чума (по Иванову, 1970). *А* – центральная часть чума; *Б* – восточный вход; *В* – западный вход. *1–30* – конструктивные детали чума, изображения – символы и предметы, связанные с действиями шамана.

чину смерти своих сородичей и оградить оставшихся в живых от дальнейших потерь (Иванов, 1970. С. 152–155).

Чум состоял из трех частей: центрального, круглого в плане, помещения и примыкающих к нему с востока и запада длинных входных коридоров (галерей) (рис. 8, II). Через восточный коридор, который строился из молодых живых лиственниц, присутствующие на шаманстве члены рода проникали в чум и уходили из него. Восточный коридор рассматривался как мост, соединяющий "средний" мир (землю, населенную людьми) и чум, который осмысливался как шаманский остров, окруженный рекой.

Западный вход был сделан из высохших и гнилых деревьев, символизировавших смерть. Этот вход был запретным и для шамана, и для людей. Через него шаман сообщался с душами предков и существами мира мертвых.

При сравнении планировки и конструктивных деталей энеолитического святилища и шаманского чума особое внимание обращает на себя факт, что несмотря на архитектурное своеобразие, оба культовых сооружения демонстрируют общие конструктивные закономерности, отражающие наличие у строителей устойчивых навыков, основанных на продолжительных наблюдениях за повторяющимися изменениями в природе (рис. 8). Оба памятника в мировоззренческой среде своего времени – модели Вселенной с привязкой к астрономическим явлениям и событиям. В обоих случаях основную роль играли две ведущие точки, выделенные на горизонте, – восходов и заходов солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий. Планировка сооружений являлась четким отражени-

ем представлений о трехчастном вертикально-горизонтальном строении Мироздания.

Значительная *часть обрядов и верований обских угров, относящихся к культу мирового (или космического) дерева, солнца и луны, восходит*, как представляется, к *глубокой древности.*

Важнейшей частью всех обрядов, совершавшихся в святилищах манси и хантов, как и на древних культовых местах, были кровавые жертвоприношения животных, преимущественно домашних оленей и лошадей. Кровавые жертвы считались наиболее значимыми: в таком случае как бы устанавливалась прямая связь с божеством, которому эта жертва предназначалась. За этим следовало развешивание шкур с головами и конечностями, разведение огня, приобщение присутствующих к жертвенной пище, часть которой бросалась в огонь, поскольку кости почитались "за вещь святую" (Новицкий, 1884. С. 51, 52 и др.). Очень интересной для нас деталью этих обрядов является обращение голов жертвенных животных и вывешивание шкур в сторону отправления молитв, т.е. на восход солнца (Миллер, 1791. С. 56, 59; Костиков, 1930. С. 126).

Как свидетельствуют многочисленные данные, с древнейших времен более всего в жертву приносились животные, которые являлись главным объектом охоты, источником пищи и жизни, и многие из этих животных, такие как лось, олень, лошадь и др., сами обожествлялись, ассоциировались с солнцем, становились космическими животными. В мифологии индоевропейских народов образы бога солнца на боевой колеснице, запряженной конями, "небесных коней", "крылатых коней" занимают особое место (Мифы народов мира, 1987. С. 666). В верованиях урало-сибирских народов значительную роль играют образы лося-солнца и оленя-солнца (Мифы народов мира, 1988. С. 70).

Но самой значимой жертвой богам у многих народов, в том числе и сибирских, с древнейших времен до позднего средневековья считались человеческие жертвоприношения. Исследователи подчеркивают, что в культовой практике сибирских аборигенов человеческие жертвоприношения совершались в особо ответственных случаях и явно демонстрируют связь с войной и межплеменными столкновениями (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 188). Обряды жертвоприношений совершались как отдельными родами или группой родов, если у них общий божественный предок, преимущественно звериный, так и отдельными семействами. Существовал также целый ряд индивидуальных жертвоприношений (Чернецов, 1927. С. 21).

Ассоциации с реконструируемыми ритуалами на святилищах эпохи энеолита вызывают обряды манси, связанные с культом мирового дерева, солнца и луны, в основе которых лежит концепция трехчастной модели Вселенной. Так, у среднелозьвинских манси при жертвоприношениях Нуми-Торум (Верховное божество, покровитель Неба и Верхнего мира) рубят березку, очищают от ветвей, на коре вырезают изображения духов и устанавливают на восход солнца, призывая поклонами и словами небесного бога прилететь и опуститься на вершину установленного дерева (Чернецов, 1947. С. 123). Жертвоприношения Нуми-Торум, Солнцу и Луне манси совершают два раза в год – в декабре и начале июля (Чернецов, 1927. С. 21), что совпадает с днями зимнего и летнего солнцестояний.

Данный обряд особенно интересен в плане возможного рассмотрения его как отголоска ритуала установления столбов-маркеров на древних круговых святилищах в направлениях восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний и отношения к некоторым из этих столбов, особо оформленным (идолам), как к божествам.

В плане преемственности космогонических представлений и форм их проявления, связанных со строением Вселенной и места в ней мирового (или космического), а также "жертвенного" дерева, несомненный интерес представляет алтайский шаманский бубен (Историко-этнографический атлас, 1961. Табл. 23, *1*). Данный бубен, как культовый инструмент, олицетворяет картину Мира и несет в своей орнаментации идею о трехчленности Мироздания (рис. 6, *11*). Представление о тесной связи всех трех миров переданы посредством изображения мирового дерева (столпа) в форме идола, персонифицируемого с Верховным божеством (Небом, Солнцем).

Обращает на себя внимание сходство изображенного на бубне божества с Шигирским идолом как по форме, так и по нанесенному на их фигурах орнаменту (рис. 6, *1*). Возможность сопоставлять уральские археологические и алтайские этнографические материалы дает признанное специалистами сходство археологических культур этих территорий с эпохи энеолита и до раннего железного века включительно, а также этническая близость северо-алтайских и южноугорских групп населения по заметному присутствию европеоидных признаков (Багашев, 2002. С. 94–99; Молодин, 2002. С. 36, 37).

Показательно также *сходство религиозной скульптуры*, которая за период от энеолита до этнографической современности по характеру изображений и манере исполнения изменилась весьма незначительно, что особенно хорошо иллюстрируют примеры древней антропоморфной скульптуры из дерева и бронзы с культовых мест Урала и Западной Сибири (рис. 6; 7; 9).

Для религиозной скульптуры обских угров, как и для древних идолов, характерна своеобразная "оголенность" – у них оформлялись главным образом голова и туловище (рис. 6; 7; 9). Схематизм антропоморфных существ часто объясняется

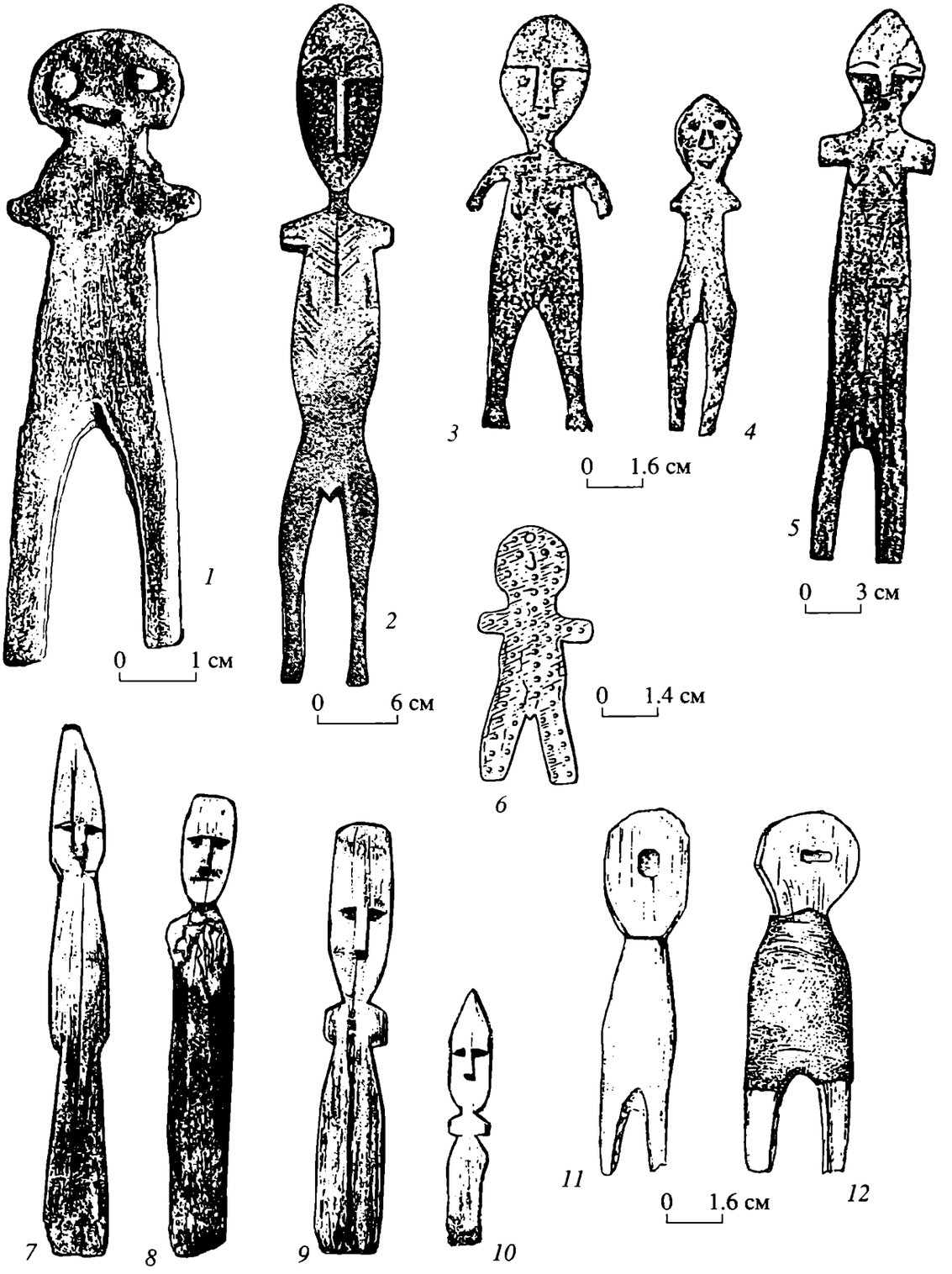


Рис. 9. Древняя и современная религиозная скульптура Западной Сибири. *1* – идол; *2* – изображение младшего сына духа неба; *3, 4* – "хозяйка" воды и ее служанка; *5* – дух-женщина; *6* – подвеска от шаманского костюма для камлания духам нижнего мира; *7–10* – изваяния поселковых духов-покровителей; *11–12* – изображения умерших. *1* – эпоха бронзы (по Потемкиной и др., 1995); *2–5* – васюганские ханты, *6* – авамские нганасаны, *11, 12* – обдорские и березовские ханты (по Иванову, 1970); *7–10* – манси (Мифология..., 2001) (*1* – бронза; *2, 5, 7–12* – дерево; *3* – свинец; *4* – олово; *6* – железо).

тем, что, по этнографическим данным, изображения духов-покровителей имели одежду и украшения, закрывавшие условно переданную или не оформленную большую часть фигуры (рис. 7, *2, 3*). Открытыми оставались голова или только лицо (Иванов, 1970. С. 28, 37, 40. Рис. 11, *2*; 12; 28; Гемуев, Сагалаев, 1986).

Однако еще Д.Н. Эдинг, тщательно анализируя прекрасно сохранившуюся деревянную скульптуру Горбуновского торфяника, обратил

внимание на предельно схематичную, условную трактовку изображения идола и найденных рядом с ним фигурок птиц и змеи, в то время как изображения, связанные с утилитарным назначением (ковши и др.), чрезвычайно реалистичны (Эдинг, 1940. С. 63–67). По его мнению, изображения, дающие только схему как в целом, так и в деталях, указывают на стремление резчика отойти от природы, т.е. сделать изображение в соответствии с существующими представлениями, а не с реальностью (Эдинг, 1940. С. 69, 75). Вероятно, здесь важны были не детали изображений, а их символика. Трактовка образов, их формы были целиком предопределены функциональным назначением изображений, все находки идолов связаны с культовыми местами. Следует полагать, что именно в этом причина сходства идолов от энеолита до современности.

Таким образом, есть достаточно оснований предполагать, что в лесостепной-южнолесной зоне Урала и Западной Сибири солнечный культ и связанные с ним представления о "мировом" "священном" дереве, трехчастной вертикально-горизонтальной модели строения Мира восходят своими корнями к эпохе неолита-энеолита. Наиболее убедительное свидетельство тому – появление здесь в этот период (рубеж IV–III тыс. до н.э.) святилищ с круговой планировкой и солярно-лунарными ориентирами.

На основании материалов раскопок этих памятников можно утверждать, что рассмотренные выше основные признаки традиционной атрибутики культовых мест и ритуальной практики обских угров, известны на территории их расселения с более древнего времени, чем предполагалось исследователями ранее. В свете новых данных нижняя граница угорской культовой традиции может быть определена не усть-полуйским временем (III в. до н.э. – IV–V вв. н.э.) (Чернецов, 1947. С. 113–115; Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 187), а периодом существования урало-казахстанской энеолитической общности гребенчато-геометрической керамики (последняя четверть IV – конец третьей четверти III тыс. до н.э.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археоастрономия: проблемы становления. Тез. конф. М., 1996.

Астрономия древних обществ. М., 2002.

Багашев А.Н. Об особенностях краниологического типа западных манси // III конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. М., 1999.

Багашев А.Н. Генезис южных самодийцев по данным антропологии // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 2002.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа Манси. Культовые места XIX – начала XX в. Новосибирск, 1986.

Древнее Небо и Человек. М., 1998.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавлвск, 1993.

Иванов С.И. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.

Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003.

Костиков Л. Боговы олени в верованиях хасово // Этнография. 1930. № 1–2.

Кулемзин В.Н. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

Мерперт Н.Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш, вотяков. СПб., 1791.

Мифология манси. Энциклопедия уральских мифологий. Т. 2. Новосибирск, 2001.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988.

Молодин В.И. Междисциплинарные исследования в археологии Сибири // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 2002.

Мэллори Дж.П. Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. № 1.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Гр. Новицким. СПб., 1884.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Потемкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Потемкина Т.М, Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995.

Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998.

Соколова З.П. Обско-угорский феномен (Север и Юг) // III конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. М., 1999.

Толмачев В.Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // ИИАК. Петроград, 1916.

Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

Чернецов В.Н. Жертвоприношение у Вогулов // Этнограф – исследователь. 1927. № 1.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. ИЭ. НС. Т. 1. М., 1947.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. САИ. 1971. В4–12(2).

Шорин А.Ф. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики // ВАУ. Екатеринбург, 1993.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.

Эдинг Д.Н. Идолы Горбуновского торфяника // СА. 1937. I. IV.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ. Вып. X. М., 1940.

Archaeoastronomic aspect in reconstructing ancient population's world-outlook

T. M. Potemkina

Summary

In the paper the author presents the materials excavated at the Chalcolithic sanctuary Savin 1 in the Transurals and draws attention to the data borrowed from archaeoastronomy, ethnology and mythology. An attempt is made to suggest a reconstruction of the world-outlook typical of the forest-steppe and southern part of the forest Transurals in the first part of the 3rd millennium BC. The system of Eneolithic population's world-outlook according to the archaeological data can be reconstructed as well-formed three-partite model of the World. Basic schemes and elements of this model and their manifestations in ritual and rite practice have survived among the aboriginal population (the Mansi and the Khanty) till the ethnographic present. The said can be seen from the similar perception of the firmament and related ideas on celestial mechanics and the Universe according to a number of substantial indications, most of all, from rite practices related with the Sun and the Moon cults and the World Tree worship. The observed similarity is based on continuity of cultural traditions, similarity of the population's ethnicity and specific aspects of settling in forest zone.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 61–68

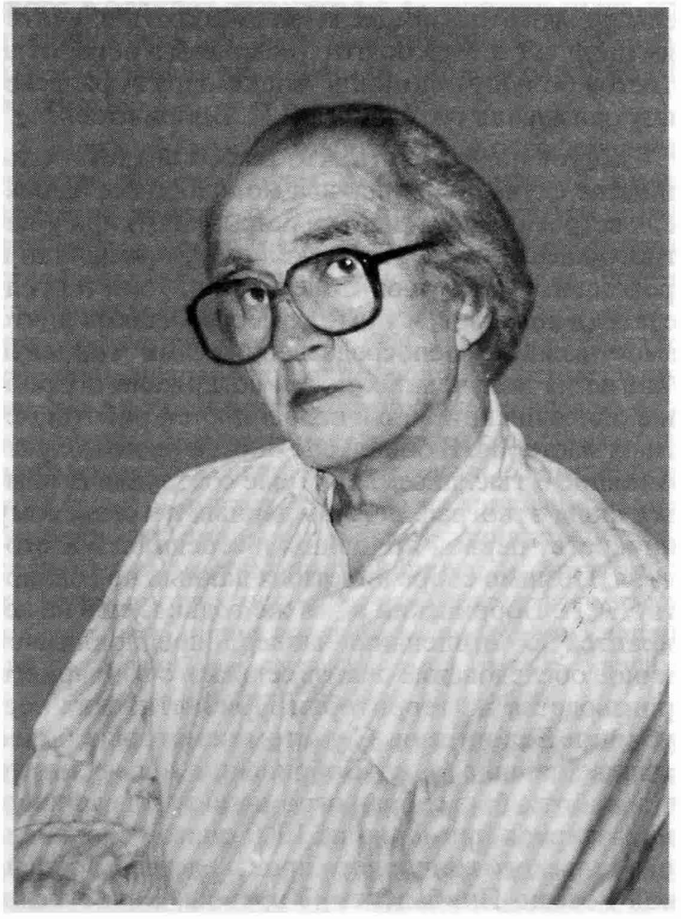
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

К 75-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА БОБРИНСКОГО

© 2005 г. Ю. Б. Цетлин, Е. В. Волкова

Институт археологии РАН, Москва.

4 августа 2005 г. исполнилось 75 лет со дня рождения выдающегося российского специалиста по истории древнего гончарства, ведущего научного сотрудника Института археологии РАН, доктора исторических наук Александра Афанасьевича Бобринского.



А.А. Бобринский родился в Москве в семье рабочего Электролампового завода и ткачихи фабрики "Красная работница". В 1942 г., в возрасте 12 лет, он начал свою трудовую деятельность в переплетной мастерской, а позднее (после окончания ремесленного училища) продолжил ее на заводе "Калибр", где параллельно учился на вечернем отделении Приборостроительного техникума.

В 1952 г. А.А. Бобринский поступил на исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Там началось его увлечение археологией. С 1953 г. он принимает участие в работе Новгородской экспедиции, раскопках известного святилища на Перыни, разведках и раскопках в Смоленской области. В этот период и проявился интерес А.А. Бобринского к изучению древней керамики, что стало позднее основным делом его жизни.

В 1956 г. он заканчивает МГПИ им. В.И. Ленина и начинает работать в редакции Исторической литературы Издательства АН СССР; без отрыва от производства учится на редакторском факультете Всесоюзного института повышения квалификации работников Министерства культуры СССР.

В 1959 г. А.А. Бобринский поступает в очную аспирантуру на кафедру археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, где его научным руководителем становится А.В. Арциховский. Первоначально он планирует заняться изучением новгородской керамики, в том числе в технологическом аспекте. Однако эта тема уже оказывается закрепленной за другим начинающим ученым. Тогда Александр Афанасьевич обращается к практически неразработанной проблеме древних гончарных кругов и в 1962 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему "Гончарные круги Восточной Европы IX–XIII вв.". В процессе работы над диссертацией к исследователю пришло понимание важности широкого использования этнографических материалов для решения археологических проблем. Позднее сформировалась его глубокая убежденность в необходимости комплексного подхода к изучению древнего гончарства на основе данных археологии, этнографии и эксперимента.

В 1962 г. А.А. Бобринский становится сотрудником Института археологии АН СССР.

Еще в предшествующий период, начиная с 1959 г., Александр Афанасьевич приступает к систематическому и целенаправленному сбору этнографических данных о бытовом гончарстве у народов Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. Он предпринимает беспрецедентную по новизне и объему работу по массовому анкетному опросу населения территории Европейской части СССР. Для этого А.А. Бобринским была разработана специальная анкета, которая содержала вопросы практически обо всех основных сторонах гончарного производства: местах добычи глины, правилах ее отбора и приемах подготовки, об использовавшихся примесях и приемах конструирования сосудов, способах обработки поверхнос-

ти, сушки и обжига готовых изделий. Кроме того, анкета включала вопросы об устройстве гончарных кругов и горнов, о путях передачи гончарных навыков от поколения к поколению, об обычаях и верованиях, связанных с гончарным производством, и многие другие.

Благодаря содействию А.В. Арциховского анкету отпечатали в типографии Московского университета, после чего А.А. Бобринским было отправлено несколько тысяч писем председателям сельских советов, председателям колхозов, учителям школ и т.п. При подготовке писем и обработке ответов большую помощь Александру Афанасьевичу оказывала его супруга Л.И. Бобринская.

Следует подчеркнуть, что в абсолютном большинстве случаев инициатива молодого исследователя встретила понимание и широкий отклик у местного населения. Ответы на анкету присылали и представители органов Советской власти, и председатели колхозов, и учителя местных школ и, что самое важное, непосредственно сами гончары. Многие из полученных писем содержали подробные описания приемов и особенностей работы местных мастеров. В общей сложности было получено свыше 3 тыс. писем, которые составили огромный фонд этнографических данных по сельскому гончарству первой половины и середины XX столетия. Помимо сбора анкетных данных по гончарству, А.А. Бобринский в эти же годы, купив на аспирантскую стипендию мопед, предпринимает личное обследование очагов сельского гончарного производства на территории Прибалтийских республик и Белоруссии. С учетом некоторых более поздних данных А.А. Бобринским в результате этой работы был собран огромный этнографический материал примерно из 1000 очагов современного сельского гончарного производства Европейской России, Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии, Кавказа и Средней Азии.

Вполне естественно, что полученная путем анкетного опроса населения и выборочных личных поездок информация по современному сельскому гончарству изобиловала пробелами. Поэтому в 1968 г., уже будучи сотрудником Института археологии, А.А. Бобринский создает специальный "Комплексный отряд по изучению гончарства", работы которого продолжались с перерывами до 1981 г.

Собранные материалы стали фундаментальной основой для всех последующих исследований Александра Афанасьевича в области древнего гончарного производства.

В 1963 г. по решению директора Института археологии акад. Б.А. Рыбакова в рамках Лаборатории естественно-научных методов, которой тогда руководил Б.А. Колчин, создается специальное научное подразделение – Кабинет "История керамики", руководство которым возлагается на 33-летнего А.А. Бобринского. Вторым сотрудником Кабинета был назначен лаборант М.Г. Гусаков.

Основной задачей этого подразделения стала разработка новых методов анализа глиняной посуды как источника исторической информации и изучения на базе этих методов истории самого древнего гончарства и населения, делавшего глиняную посуду. Если формы и орнаменты сосудов давно и традиционно привлекали внимание исследователей, то технология их конструирования оставалась изученной чрезвычайно слабо, прежде всего, из-за отсутствия надежных методов ее реконструкции.

Поэтому А.А. Бобринским была предпринята работа параллельно в двух направлениях. С одной стороны, шла планомерная разработка новых методов изучения всех этапов гончарной технологии. Впервые были разработаны методы изучения приемов выбора глины и подготовки формовочной массы, приемы непосредственной формовки посуды и приемы обработки ее поверхности; методы реконструкции по следам на керамике тех орудий, которые использовались древними гончарами, и многое другое. С другой стороны, велся целенаправленный сбор археологических материалов и аналитических данных по технике и технологии изготовления глиняной посуды населением раннего и развитого железного века Восточной Европы. Массовому изучению подверглись керамические материалы зарубинецкой и черняховской культур, культуры городищ смоленского типа, роменско-боршевской и культуры подкарпатских курганов, различных групп памятников раннеславянского времени; частично были привлечены материалы верхневолжской и волосовской неолитических культур, а также культуры штрихованной керамики, юхновской, городецкой, дьяковской и некоторых других культур.

Полученные результаты были обобщены в ставшей классической монографии "Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения", изданной в 1978 г. и удостоенной медали ВДНХ. Год спустя за эту работу А.А. Бобринскому была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В своем отзыве академик Б.А. Рыбаков подчеркнул, что данная работа открыла новое направление научных исследований не только в отечественной, но и мировой археологии. Эта прозорливая оценка полностью подтвердилась в последующие годы.

В монографии "Гончарство Восточной Европы" А.А. Бобринским была изложена целостная система технико-технологического анализа древней керамики, предложены новые методы изучения по керамике всех выделенных автором этапов производственного процесса, начиная с навыков отбора исходного сырья и подготовки формовочной массы и заканчивая навыками химико-терми-

ческой обработки поверхности глиняных сосудов. Только сюжет, связанный с обжигом, из-за необходимости проведения для его разработки широких экспериментальных исследований остался непроработанным. Это было сделано позднее, в других работах.

Самым важным стало то, что А.А. Бобринскому удалось выявить строгие закономерности поведения и навыков труда гончаров как в условиях их изолированного бытования, так и при смешении с носителями других гончарных традиций. Было установлено, что полное перерождение гончарной технологии в ходе процесса смешения разных культурных групп населения происходит примерно за пять-шесть поколений мастеров и проходит ряд последовательных этапов. Описание этих этапов сопровождается в работе характеристикой признаков, по которым их можно фиксировать по керамике из раскопок. Этим была научно доказана правомерность использования всего комплекса технологической информации о гончарстве в качестве важнейшего источника для изучения процессов культурного и этнокультурного смешения разных групп древнего населения.

В этой же работе впервые в мировой литературе была изложена открытая автором общая последовательность развития функций гончарного круга, включающая восемь этапов, начиная от формовки сосудов на нецентрированных подставках и заканчивая использованием круга для полного вытягивания сосудов. Кроме того, А.А. Бобринским были предложены специальные методы, позволяющие фиксировать разные этапы развития гончарного круга по археологической керамике. Этим были существенно расширены традиционные представления об истории гончарного круга, в соответствии с которыми исследователи всего мира выделяли только гончарные круги "медленного" и "быстрого" вращения.

Чрезвычайно важным и перспективным является предпринятый в работе опыт анализа терминологизированной лексики славянских гончаров и сравнение этих данных с результатами изучения технологии изготовления керамики в эпоху раннего железа. Такой сравнительный анализ, в частности, позволил автору прийти к выводу о бытовании в эту эпоху на территории Верхнего Поднепровья предков славянских племен.

В связи с характеристикой рассматриваемой работы нужно отметить, что за всю историю археологической науки были изданы всего три исследования, посвященные методам изучения древнего гончарства, которые определили последующее развитие археологии в сфере изучения древней керамики. Это работа В.А. Городцова "Русская доисторическая керамика", изданная в 1901 г., исследование Анны О. Шепард "Керамика для археологов", первое издание которой вышло в 1956 г. и 13-е издание в 1965 г., и монография А.А. Бобринского "Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения". К сожалению, система В.А. Городцова, намного опередившая свое время, получила очень ограниченное применение в конкретных исследованиях. Напротив, работа А.О. Шепард стала настольным пособием для иностранных, а монография А.А. Бобринского – для отечественных специалистов по древней керамике. К сожалению, книга А.А. Бобринского, в отличие от работы А.О. Шепард, была выпущена очень ограниченным тиражом (1750 экз.) и в настоящее время стала библиографической редкостью.

Параллельно с разработкой методов изучения гончарной технологии А.А. Бобринский много внимания уделял созданию новой методики изучения форм глиняных сосудов. В качестве основной стояла задача – выяснить, как меняются формы глиняных сосудов в ходе процессов смешения и при отсутствии таковых. Для этого исследователем была разработана и проводилась серия специальных экспериментов, осуществлявшаяся на базе нескольких современных очагов сельского гончарства и растянувшаяся на несколько лет. В ходе этих экспериментов, во-первых, анализировались особенности привычных форм глиняной посуды, делавшейся местными гончарами, и, во-вторых, изучался процесс освоения ими новых форм посуды, для чего перед ними была поставлена задача многократного воспроизведения таких сосудов, которые они никогда прежде не делали.

Целью этого эксперимента было изучение закономерностей изменения во времени "традиционных" форм глиняных сосудов (кувшинов, горшков, мисок) и так называемых "форм-подражаний", т.е. таких сосудов, которые раньше гончарами не изготавливались, а были для них новыми, непривычными. Эти, моделируемые в данном случае искусственно, ситуации постоянно (с эпохи неолита до этнографической современности) возникали при появлении и распространении новых форм глиняной посуды у разных групп населения. Таким образом, А.А. Бобринским была предпринята попытка "смоделировать" наиболее распространенное явление, с которым обычно сталкиваются археологи при изучении древней керамики.

Однако в ходе работы постепенно выяснилось, что эта задача оказалась намного сложнее, чем изучение технологии. Было установлено, что изменение форм сосудов во времени имеет "пульсирующий" характер и не может быть описано какой-то одной зависимостью. Для выделения более общих закономерностей, в которых "пульсация" этого процесса была бы составной частью, требовалось продолжение многолетних экспериментов.

В начале 1980-х годов для А.А. Бобринского складывается в Институте археологии очень слож-

ная ситуация. Его многолетние методические поиски не находят отклика ни у руководства Института, ни у многих коллег. Это привело к тому, что работы Комплексного отряда по изучению гончарства были прерваны. Соответственно, не получили продолжения и экспериментальные исследования эволюции форм сосудов.

В это время, по поручению дирекции, А.А. Бобринский в срочном порядке готовит большую монографию "Формы сосудов черняховской культуры", где разработанные им к тому времени методы и приемы анализа форм сосудов используются при изучении черняховской керамики. В этой, по сути дела, новаторской работе был впервые показан процесс постепенного освоения черняховским населением новых для него форм сосудов, появившихся в его среде благодаря влиянию античного мира.

Выделение среди посуды, найденной в черняховских могильниках, "привычных" форм и "форм-подражаний", а также выделение античных прототипов последних позволило А.А. Бобринскому разработать детальную хронологию черняховской посуды и, соответственно, определить время бытования целого ряда черняховских памятников. Помимо этого в данном исследовании обсуждался широкий круг методических вопросов, в частности, впервые была сформулирована так называемая проблема "качеств". Даже первый опыт ее решения, предложенный автором, позволил обоснованно разделять формы сосудов на объективно существующие, однородные внутри себя дискретные множества. Вероятно, именно необычность такого подхода привела к резкой критике работы со стороны сторонников традиционных взглядов, прежде всего, из числа некоторых археологов-античников. Печальным следствием этого было то, что данная монография так и не была опубликована.

Как раз в 1985 г. произошло событие, благотворно сказавшееся на работе А.А. Бобринского и всей группы "История керамики". По инициативе тогдашнего заместителя директора Ю.Н. Захарука и под его руководством в Институте археологии был сформирован Сектор теории и методики. По решению дирекции группа "История керамики", включавшая тогда трех сотрудников (А.А. Бобринского, Ю.Б. Цетлина и Е.В. Волкову), была в полном составе переведена из Лаборатории естественно-научных методов во вновь созданный сектор. Таким образом, ее сотрудники оказались в среде единомышленников, которые также работали над теоретико-методическими проблемами археологической науки.

В 1985 г., уже будучи сотрудником Сектора теории и методики, А.А. Бобринский продолжает интенсивно работать над темой по систематике гончарных горнов, обнаруженных на памятниках черняховской культуры. Однако не в его правилах было ограничиваться формальным подходом к выполнению работы, поэтому тема, заявленная как простое обобщение археологических данных о раскопанных черняховских горнах, выросла в большое методическое исследование, завершенное в 1986 г. и опубликованное отдельной монографией "Гончарные мастерские и горны восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.)" в 1991 г.

Прежде всего, в ней был обобщен собранный автором огромный этнографический материал о современных сельских гончарных горнах, об их конструкции, о различных защитных приспособлениях, устраивавшихся вокруг горнов, об организации и планировке гончарных мастерских. Это позволило выявить аналогичные особенности мастерских и горнов по археологическим материалам черняховской культуры, сравнить их с античными гончарными горнами, выяснить пути происхождения и развития горнов для обжига глиняной посуды у черняховского населения.

Но, пожалуй, наиболее важными достижениями автора были, во-первых, приведенная в работе общая систематизация всех специализированных устройств для обжига керамики (костровых, очажных, печных и горновых), выделение специфических признаков каждого из них и, во-вторых, разработка детальной эволюции гончарных горнов, включающей 7 стадий, 21 фазу и свыше 100 ступеней развития, а также выявление общих закономерностей этого процесса. По своему масштабу и глубине исследования данной проблемы монография А.А. Бобринского не имеет аналогов в отечественной и мировой науке. Дальнейшее развитие эта тема получила в статье 1993 г., посвященной систематизации, эволюции и методам изучения наиболее примитивных устройств, использовавшихся для обжига керамики, какими были специализированные кострища (исследование выполнено совместно с Е.В. Волковой и И.А. Гей).

После окончания в 1986 г. исследования о гончарных горнах А.А. Бобринский сразу же вновь возвращается к разработке единой методики изучения форм глиняных сосудов. Полученные результаты находят отражение в серии статей, изданных в 1987–1991 гг. В них последовательно излагаются принципиально новые методы подготовки форм сосудов к анализу, методы реконструкции естественной структуры форм, вводятся понятия функциональных и конструктивных частей, из которых состоят сосуды, предлагаются оригинальные методы их выделения, оценки степени их сформированности и т.п. Одним из важнейших результатов этих разработок стали предложенные А.А. Бобринским методы изучения возраста гончаров, делавших глиняную посуду.

Параллельно с этой работой Александр Афанасьевич приступает к проведению специальных экспериментов, нацеленных на изучение вопроса

о происхождении гончарного круга. Выяснилось, что возникновение гончарного круга не было результатом изобретения этого механизма каким-то мифическим героем (например, Талосом, племянником Дедала) и вообще конкретным человеком. Оно было итогом длительного эволюционного процесса, связанного, с одной стороны, с постепенной деформацией трущихся частей нецентрированных подставок, что в процессе работы постепенно вело к возникновению их естественного центрирования, а с другой стороны, с последующим воспроизведением (копированием) этих результатов при изготовлении новых орудий. В зависимости от конкретных условий и под действием единого механизма развития этот процесс завершился возникновением двух основных видов гончарных кругов – ручного и ножного. Как и многие другие исследования А.А. Бобринского, такое решение проблемы по своей оригинальности и доказательности не имеет аналогов в мировой археологической литературе. Полученные автором результаты были изложены в небольшой монографии и статьях (1993; 1994; 1996).

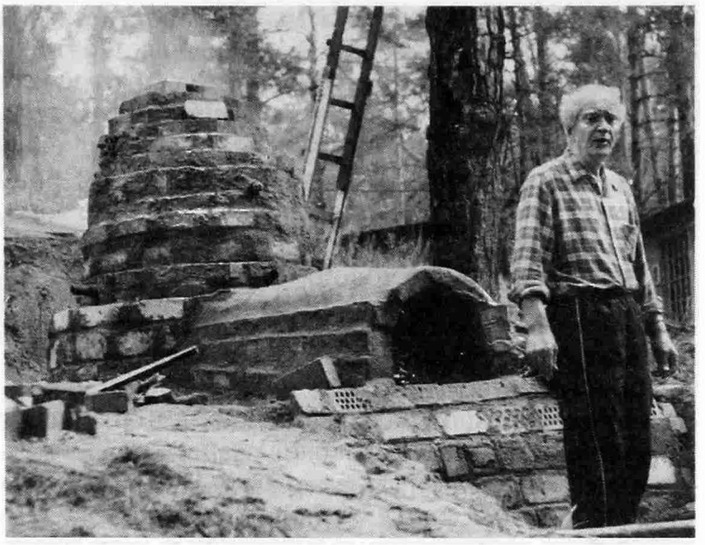
С начала 90-х годов XX в. А.А. Бобринский начинает вплотную работать над изучением проблемы происхождения древнего гончарства и общих закономерностей его развития на всем протяжении человеческой истории. Для этого потребовалось обобщить и систематизировать все имеющиеся в арсенале современной науки данные по проблеме и многолетние наблюдения автора над общими эволюционными процессами в гончарстве. В ходе этой работы были выявлены механизмы самоорганизации навыков труда гончаров, закономерности эволюции во времени роли глины и других видов исходного сырья для производства керамики, становления и развития термической обработки посуды, а также процесса эволюции навыков конструирования сосудов. В результате исследователю удалось впервые выделить и указать характерные признаки четырех качественно разных групп гончарных производств, отражающих основные ступени их эволюции, – это "догончарные", "протогончарные", "археогончарные" и "неогончарные" производства посуды (1981; 1993; 1997; 1999).

Параллельно А.А.Бобринский вновь обращается к старой теме, начатой еще в середине 1960-х годов, но прерванной из-за отсутствия соответствующей экспериментальной базы данных. Речь идет об изучении отпечатков ногтей гончаров на поверхности глиняной посуды. Такие отпечатки в единичных случаях встречаются на керамике разных культур, но наибольшее распространение они приобретают на сосудах некоторых культур эпохи бронзы и раннего железа. Обращение к этому источнику было связано с тем, что, как показали предварительные наблюдения, форма ногтевой пластины человека и, соответственно, форма ее отпечатка в глине имеют свои особенности в зависимости от пола и возраста индивида. Поэтому разработка методики изучения ногтевых отпечатков на керамике могла позволить приступить к решению одной из центральных проблем изучения древнего гончарства – выяснению половой принадлежности гончара. Отсюда – один шаг до того, чтобы сделать керамику важнейшим источником для изучения социальной организации древних человеческих коллективов.

Однако для практического исследования данной проблемы необходимо было создание большой экспериментальной базы, включающей отпечатки ногтей современных индивидов разного пола и возраста. Естественно, такую работу А.А. Бобринский не мог выполнить в одиночку. Она стала возможной в результате совместной деятельности А.А. Бобринского и И.А. Гей, которая к этому времени стала штатным сотрудником группы "История керамики". Благодаря прежде всего ее усилиям собранная к настоящему времени экспериментальная база ногтевых отпечатков включает данные более чем о 1200 индивидах разного пола и возраста. На этой основе исследователями ведутся интенсивные поиски наиболее эффективной методики реконструкции поло-возрастных особенностей индивидов, оставивших ногтевые отпечатки на глиняных сосудах. Разработанные методы исследования и предварительные результаты опубликованы в серии статей (1994; 1996; 1997).

Примерно в середине 90-х годов XX в. бывшая ученица А.А. Бобринского, И.Н. Васильева, обратила его внимание на некоторые специфические особенности сырья, использовавшегося в неолите гончарами Северного Прикаспия. С этого началось новое чрезвычайно важное и перспективное направление работы, выявившее многие до того времени неизвестные особенности ранней истории гончарства. Речь идет о весьма широком использовании в эпоху становления гончарного производства не глинистых, а так называемых глиноподобных видов сырья. Они отличаются от природных глин тем, что имеют значительно более сложный качественный состав, который наряду с глинистыми компонентами включает многочисленные остатки тонких растительных волокон, а также мелкие раковины, косточки и чешую рыб, иногда большое количество мелкого песка. Совместными усилиями А.А. Бобринского и И.Н. Васильевой было выяснено, что в качестве основного исходного сырья в эпоху становления и раннего развития гончарного производства применялись различные виды горных и равнинных илов. Это позволило внести существенные уточнения в первоначальные представления о путях формирования древнейшего гончарного производства (1998).

К 70-летию со дня рождения А.А. Бобринского его ученики и коллеги подготовили коллектив-



А.А. Бобринский в экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства, Самарская область, 2000 г.

ную монографию, изданную в 1999 г. благодаря усилиям исследователей из Самары. Она открывается большой статьей юбиляра, обобщающей накопленные археологические, этнографические и экспериментальные данные о гончарной технологии как особом, системно организованном историко-культурном явлении в жизни древнего населения. Эта статья содержит основные наблюдения и разработки автора, сделанные со времени издания в 1978 г. книги "Гончарство Восточной Европы": результаты изучения структуры гончарных производств, этапов и путей их эволюции, новые данные об основных видах исходного сырья для производства посуды, новые методы изучения низкотемпературного обжига сосудов и многое другое.

Подводя итоги обзора научной деятельности Александра Афанасьевича Бобринского, следует остановиться на ряде моментов, которые кажутся нам наиболее существенными.

Одной из важнейших заслуг А.А. Бобринского является, безусловно, создание нового направления исследований в археологической науке – технико-технологического изучения древней керамики. При этом получаемая технико-технологическая информация рассматривается не как самоцель, не как конечный результат исследования, а прежде всего как одно из наиболее мощных средств реконструкции истории древнего населения, которое было носителем соответствующих гончарных традиций.

Обычно, когда говорят о направлении исследований А.А. Бобринского, ограничиваются констатацией именно этого факта. Однако не меньшее, если не большее, значение имеет тот факт, что А.А. Бобринский является создателем и основным разработчиком нового методологического подхода к изучению древней керамики, позднее названного "историко-культурным". Этот подход охватывает не только технико-технологический, но и все прочие аспекты изучения древней керамики. Суть его состоит в том, что основным объектом исследования являются не различные "признаки" керамических изделий, а системно организованные навыки труда древних гончаров и потребителей глиняной посуды, которые становятся основой для реконструкции также системно организованных древних культурных традиций в области производства, распространения и использования глиняной посуды. Вообще отличительной чертой научного творчества А.А. Бобринского является его способность подходить к решению, казалось бы, сугубо гуманитарных проблем как с естественно-научной, так и с глубоко философской точки зрения.

Большое внимание Александр Афанасьевич уделяет подготовке молодых исследователей, работе со студентами, стажерами, аспирантами, проведению научных консультаций. За время существования в Институте археологии группы "История керамики" в ней проходили стажировку несколько десятков исследователей, которые сейчас работают в разных городах России и СНГ. В течение примерно последних 10 лет А.А. Бобринский является постоянным участником и научным консультантом Экспериментальной экспедиции по проблемам изучения древнего гончарства, организованной сотрудниками Института истории и археологии Поволжья (Самара) И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной (рис. 2).

Приведенный в конце статьи список изданных трудов А.А. Бобринского отражает все основные этапы его научных поисков. Каждая из опубликованных работ Александра Афанасьевича неизменно становится тем фундаментом, тем стимулом, который вызывает появление целой серии новых исследований различных аспектов древней керамики, выполняющихся его учениками и последователями. Это проявилось в дальнейшем развитии и широком применении разработанных им методических подходов к изучению керамики эпохи неолита и энеолита (работы Ю.Б. Цетлина, И.Н. Васильевой, И.В. Калининой, И.А. Гей, Н.Ф. Степановой, Н.В. Варанкина, И.В. Климковой, Н.Р. Тихоновой), бронзового века (работы Е.В. Волковой, Н.П. Салугиной, Ю.Б. Цетлина, И.А. Гей, В.Г. Ломана, Н.В. Кравцовой), раннего и развитого железа (работы Н.П. Салугиной, О.А. Лопатиной, Н.Ф. Степановой, О.А. Казанцевой, Л.А. Краевой) и средневековья (работы И.Н. Васильевой, И.В. Болдина, Р.С. Кирсанова).

В настоящее время А.А. Бобринский продолжает активно работать над дальнейшим развитием единой системы изучения культурных тради-

ций в области форм сосудов и над некоторыми другими проблемами.

Поздравляя Александра Афанасьевича с юбилеем, хочется от всех его учеников, последователей и коллег по работе пожелать ему крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ А.А. БОБРИНСКОГО

1. Гончары-пидбляне // СА. 1959. № 1. С. 228–242.
2. К изучению гончарного круга на территории СССР // СА. № 2. 1961. С. 21–36.
3. Гончарные круги Восточной Европы IX–XII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. 19 с.
4. Древнерусский гончарный круг // СА. 1962. № 3. С. 33–52.
5. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР // Вестн. МГУ. Сер. История. 1962. № 2. С. 54–69.
6. К изучению гончарной техники на территории Смоленской области // СЭ. 1962. № 2. С. 31–50.
7. К изучению техники древнерусского гончарства // Вестн. МГУ. Сер. История. 1962. № 2. С. 39–54.
8. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1965. Вып. 108. С. 14–22 (в соавт. с Р.М. Мунчаевым).
9. О древнейшем гончарном круге на Северном Кавказе // Матер. сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. Баку, 1965. С. 60–61 (в соавт. с Р.М. Мунчаевым).
10. Гончарный круг с мраморным диском из городища Роксоланы // СА. 1966. № 3. С. 235–240.
11. К истории гончарного ремесла в Полесье // СА. 1966. № 4. С. 141–149.
12. О древнерусской обварной керамике // Славяне и Русь. М., 1968. С. 17–24.
13. Глиняный ножной гончарный круг из Армении // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 69–72.
14. О некоторых особенностях формовочной технологии керамики из памятников черняховской культуры // КСИА. 1970. Вып. 121. С. 20–26.
15. Метод количественной оценки сходства и различия форм керамики (описание формальной процедуры) // Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 332–335.
16. О некоторых результатах трасологического изучения древнерусских гончарных клейм // Новое в археологии. М., 1972. С. 182–190.
17. Реконструкция гончарной мастерской III–IV вв. // СА. 1973. № 1. С. 150–162 (в соавт. с М.Г. Гусаковым).
18. Гончарный круг у населения юхновской культуры // СА. 1977. № 2. С. 172–180 (в соавт. с О.Н. Мельниковской).
19. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
20. Из истории технологии восточноевропейского гончарства // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 46–55.
21. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 1979. 41 с.
22. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения (реферат) // Демос. 1979. № 1. С. 69, 70.
23. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тез. докл. советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 57–59.
24. Из истории технологии восточноевропейского гончарства эпохи железа // Slavia Antiqua. 27. 1980. С. 173–190.
25. Секреты древних гончаров // Наука и жизнь. 1981. № 10. С. 76, 77.
26. У истоков гончарного искусства // Природа. 1981. № 4. С. 118, 119.
27. Из истории технологии восточноевропейского гончарства эпохи железа (тезисы доклада) // Przemiany ludnosciowe i kulturowe I tysiaclecia p.n.e. na ziemiach miedzy Odra a Dnieprem. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk; Łodz, 1983. С. 257–261.
28. Результаты микроскопического изучения строительных и грунтовочных растворов из круглой церкви в Преславе // Медынцева А., Попконстантинов К. Надписи из круглой церкви в Преславе. София, 1984. С. 107–115.
29. К методике выявления особенностей функционирования ремесленных производств керамики // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987. С. 119–140.
30. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1987. С. 137–157.
31. Общая классификация теплотехнических устройств для обжига керамики // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Суздаль, 1987. С. 44–46.
32. Подготовка форм глиняной посуды к аналитическому изучению // Компьютеризованные банки данных музейной и археологической информации. Тбилиси, 1988. С. 12–14.
33. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 5–21.
34. К методике изучения обжига керамики // Первая кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 20–23.
35. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 10–43.
36. Технологическая характеристика керамики из Телль Сотто и Кюльтепе // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989. С. 327–334.
37. О некоторых признаках конвергентности формирования гончарных горнов // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 31–39.
38. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). М., 1991. 214 с.

39. Оболочки функциональных частей глиняной посуды // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 3–35.

40. Современное состояние и перспективы исследований керамики как исторического источника // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тез. докл. Всесоюз. науч. археологич. конф. Куйбышев, 1991. С. 4–7.

41. Результаты технико-технологического анализа образцов керамики поселения Эль-Конвенто, Куба. Приложение к статье: Башилов В.А., Голенко В.К. К вопросу о периодизации "Культуры Субтаино" в центральной части Кубы (по керамическим материалам раскопок поселения Эль Конвенто) // РА. 1992. № 2. С. 258–269 (в соавт. с В.Г. Ломаном).

42. Гончарный круг и его происхождение. Екатеринбург, 1993. 56 с.

43. Кострища для обжига керамики // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993. С. 3–44 (в соавт. с Е.В. Волковой и И.А. Гей).

44. О двух символах плодородия на украинской керамике // Українське гончарство. Кн. 1. Київ; Опішне, 1993. С. 120–135.

45. Происхождение гончарства // Українське гончарство. Кн. 1. Київ; Опішне, 1993. С. 39–55.

46. Историко-культурный подход к изучению гончарства // Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти д.и.н. Б.А. Колчина. Тез. докл. Т. II. СПб., 1994. С. 105.

47. Отпечатки ногтей древних гончаров как исторический источник // Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти д.и.н. Б.А. Колчина. Тез. докл. Т. II. СПб., 1994. С. 107 (в соавт. с И.А. Гей).

48. Отражение эволюционных и миграционных процессов в особенностях древней гончарной технологии // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 14–16.

49. Происхождение гончарного круга // Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти д.и.н. Б.А. Колчина. Тез. докл. Т. II. СПб., 1994. С. 106.

50. Отзыв на докторскую диссертацию А.Н. Пошивайло "Этнография украинского гончарства (Левобережная Украина)" // Українське гончарство. Кн. 3 за 1995 р. Опішне, 1996. С. 317–322.

51. Первые итоги изучения отпечатков кончиков пальцев на керамике // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 183–189 (в соавт. с И.А. Гей).

52. Постраничные замечания по книге А.Н. Пошивайло "Этнография украинского гончарства (Левобережная Украина)". Киев, 1993. // Українське гончарство. Кн. 3 за 1995 р. Опішне, 1996. С. 515–521.

53. Происхождение гончарного круга // Українське гончарство. Кн. 3 за 1995 р. Опішне, 1996. С. 251–269.

54. О структуре и происхождении гончарной технологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. Т. 1. СПб.; Псков, 1997. С. 90–96.

55. The study of fingerprints on ancient pottery: preliminary results // The humanities in Russia: soros's laureates. Moscow, 1997. С. 92–98.

56. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 193–217 (в соавт. с И.Н. Васильевой).

57. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

58. О работе группы "История керамики" // КСИА. 2002. Вып. 213. С. 131–135.

59. Результаты изучения обломков "печины" из раскопок городища Варварина Гора // Буров В.А. Городище Варварина Гора. Поселения I–V вв. и XI–XIV вв. на юге Новгородской земли. М., 2003. С. 467–469.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 69–75

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ[1]

© 2005 г. Ю. Б. Цетлин

Институт археологии РАН, Москва

Древняя керамика, т.е. разнообразные изделия из глины, среди которых ведущее место занимает глиняная посуда, была и остается сегодня одним из основных археологических источников, начиная с эпохи неолита и заканчивая временем позднего средневековья. Практически для всех эпох керамика служит важнейшим источником периодизации историко-культурных процессов и изучения истории древнего ремесла. Для периодов неолита, бронзы и раннего железа она широко используется для реконструкции древней этнокультурной истории, включая как развитие конкретных этнокультурных групп во времени, так и разнообразные культурные контакты между ними. Для более развитых исторических эпох (античности и средневековья) керамический материал является неотъемлемой основой для изучения экономического развития общества, торговых связей между разными территориями и иных проблем.

Естественно, что на протяжении почти 200 лет развития археологической науки отношение к древней керамике как историческому источнику не оставалось неизменным. Менялись подходы к ее изучению и методы ее анализа, менялись и представления исследователей об источниковедческих возможностях этого археологического источника. Изучение предшествующего развития всего комплекса знаний о древней керамике позволяет не только выявить некоторые объективные закономерности этого процесса, но также оценить современное состояние знаний в этой области и наметить некоторые вероятные перспективы его развития в будущем.

Поэтому в настоящей статье хотелось бы обсудить три основных вопроса:

1) о разных научных подходах к изучению древней керамики, истории их формирования и их содержании;

2) о нынешнем положении дел в исследовании древней керамики;

3) о некоторых задачах дальнейшего развития этих исследований.

По необходимости такое рассмотрение будет достаточно кратким и затронет только основные моменты в рамках каждого из названных вопросов. Однако хочется надеяться, что даже это позволит, во-первых, привлечь внимание исследователей к тем моментам, которые кажутся мне сегодня наиболее важными, и, во-вторых, еще раз обратить внимание на современные возможности и некоторые ограничительные условия корректного исследования керамики как источника исторической информации.

Начнем с первого вопроса – *о разных исследовательских подходах к изучению древней керамики.*

Понятие "исследовательский подход" в науке характеризует господствующую в данное время систему взглядов на "объект" исследования, а также на правила "упорядочивания" и "интерпретации" знаний о нем.

Соответственно развитие науки – это последовательная смена одних исследовательских подходов другими, более продуманными, более обоснованными, более доказательными, и, поэтому, – более прогрессивными. Обычно новый исследовательский подход появляется, когда обнаруживается, что существующий подход перестает давать новые результаты, или прирост этих результатов крайне незначителен. Возникает своеобразная "пробуксовка". В археологии это не так ощущается, как, например, в естественных науках, так как ее развитие в основном идет "вширь", т.е. по пути накопления аналогичных знаний о новых объектах, а не "вглубь" – по пути получения новых по содержанию знаний о старых объектах.

Каждый исследовательский подход характеризуется собственным а) *объектом* исследования, б) *задачами* исследования, в) *способами интерпретации* получаемой информации, а также присущими ему г) основными *позитивными* и д) основными *негативными чертами.*

Исходя из этих особенностей, изучение конкретной истории развития исследований древней

[1] Данная статья представляет собой сокращенный вариант доклада, сделанного автором в марте 2004 г. на XVI заседании Тверского семинара, посвященном теме "Керамика эпохи средневековья и нового времени". Обсуждение доклада показало, что затронутые в нем вопросы представляют интерес для более широкой аудитории. Поэтому переработанный текст доклада был представлен для публикации в журнале "Российская археология".

Сравнительная характеристика разных исследовательских подходов к изучению древней керамики

Подходы и их особенности	Эмоционально-описательный	Формально-классификационный	Историко-культурный
Объекты исследования	Морфологические особенности сосуда (форма, орнамент, реже – технология) Сосуд понимается как целостный культурный объект	Формальные морфологические и физико-технические признаки сосуда, среди которых будут затем выделены "работающие" и "неработающие" признаки	"Следы" приемов изготовления и использования сосуда, сохранившиеся на его поверхности и в изломах черепка
Задачи исследования	Визуальная систематика керамики по морфологически однородным группам	Классификация керамики по формальным признакам. Численное определение степени сходства сосудов и выделенных групп керамики	Реконструкция культурных традиций в сфере производства, распространения и использования глиняной посуды
Способы интерпретации информации	Интерпретация носит субъективный характер. Она базируется на данных общей этнографии, здравом смысле и опыте каждого исследователя	Интерпретация является "внешней" по отношению к объекту изучения и заключается в выборе наиболее вероятного варианта исторического объяснения полученной информации	Интерпретация данных о навыках труда и культурных традициях базируется на их системном характере и строгом знании того, *какие* исторические явления и *как* в них отражаются
Основные позитивные черты	Целостное восприятие основного объекта изучения	Стремление к высокой детализации описаний керамики, активное использование методов естественных наук. Принципиальная проверяемость получаемых выводов	Системный анализ естественной ("внутренней") структуры объектов. Анализ поведения гончарных традиций в разных исторических ситуациях
Основные негативные черты	Крайний субъективизм описаний керамики и получаемых выводов. Слабая доказательность выводов	Формальный выбор признаков и процедур сравнения. Субъективный выбор варианта интерпретации	Пока не выявлены

керамики в России и за рубежом позволило выделить три методологически разных исследовательских подхода к этому археологическому источнику: *эмоционально-описательный, формально-классификационный* и *историко-культурный*. Обоснования правомерности выделения этих подходов уже приводились в археологической литературе (Цетлин, 2001), поэтому здесь я кратко остановлюсь только на тех особенностях, которые характеризуют специфику каждого из них.

Разные исследовательские подходы принципиально отличаются друг от друга по объектам и задачам исследования, по способам интерпретации информации, по тому, что в них есть позитивного и негативного (таблица).

Первым, еще на заре развития археологии сформировался так называемый **эмоционально-описательный подход**, который сначала использовался при изучении высокохудожественных образцов античной посуды, а позднее стал применяться к любой древней посуде из глины. Может быть, наиболее прозрачно выразил сущность этого подхода Х. Булле, автор хорошо известного в свое время руководства по классической археологии: "самый надежный и наиболее пригодный ... путь для истолкования памятников заключается в том, чтобы любовно и неустанно "вживаться" в сущность, характер и мысли того народа, памятники которого желательно постигнуть" (цит. по: Жебелев, 1923. С. 154).

Основными *объектами исследования* при эмоционально-описательном подходе выступают наиболее яркие внешние черты сосуда – особенности его формы и орнамента, значительно реже – также чисто внешние технологические детали, например, использование гончарного круга ("медленного" или "быстрого"), некоторые виды различимых на глаз примесей, "качество" обжига и т.п.

Задачами исследования при этом являются визуальная систематика керамических сосудов и интуитивное их распределение на основе внешнего сходства орнамента и формы по морфологически однородным группам.

Способ интерпретации получаемой информации базируется в данном случае на самых общих этнографических сведениях о гончарстве или на фактах из современного сельского быта, а также на здравом смысле и индивидуальном опыте каждого конкретного исследователя.

Основной позитивной чертой данного подхода является, как уже отмечалось, восприятие изу-

чаемого глиняного сосуда с его формой, орнаментом и технологией как целостного явления древней культуры.

Основной негативной чертой является здесь крайний субъективизм и интуитивизм, проявляющиеся при выделении, анализе и интерпретации конкретной информации; отсутствие строгой доказательности выводов и невозможность их объективной проверки в рамках данного подхода.

Стремление преодолеть эти негативные стороны существовавшего исследовательского подхода проявилось очень рано у наиболее выдающихся его представителей. Прежде всего это относится к В.А. Городцову, который высказывал пожелания всемерного упорядочивания используемой для описания керамики терминологии и повышения ее строгости с тем, чтобы избежать разночтений при характеристике одного и того же керамического материала разными исследователями (Городцов, 1901. С. 3).

Общий бурный процесс развития естественных, экономических и социальных наук, связанный в том числе с их "математизацией", стал другой причиной формирования нового исследовательского подхода.

Формально-классификационный подход, зародившись в недрах эмоционально-описательного в первую очередь как реакция на его недостатки, начал активно развиваться примерно с середины XX в. Первые усилия исследователей были направлены на то, чтобы сделать саму древнюю керамику пригодной к такому изучению. Для этого ее надо было представить в особом, "формализованном" виде.

В наиболее общей форме это проявилось в создании многочисленных "кодов" для описания разных категорий археологического материала и, прежде всего, древней керамики (Гарден, 1983; Ковалевская, 1970; Маршак, 1970; Деопик, Карапетьянц, 1970; Генинг, 1973; 1992; Каменецкий и др., 1975). Это позволило представлять в формализованном виде керамические коллекции разных памятников. Важной чертой большинства таких кодов было то, что они не были универсальны и должны были каждый раз "усовершенствоваться" при переходе к новым керамическим коллекциям.

Другой стороной нового похода было широкое привлечение методов естественных наук для выделения некоторых видов технологической информации по древней керамике и столь же широкое применение математических методов, особенно статистики и теории вероятностей, для обработки всех этих новых данных. Вторая "волна" в развитии этого подхода относится к последнему десятилетию XX в. и связана с интенсивным внедрением в археологии вычислительной и компьютерной техники (Софейков, 1989; Воронин, 1995 и др.).

При формально-классификационном подходе в качестве *основного объекта исследования* выступают формальные морфологические и физико-химико-технические характеристики древней керамики. К первым относятся, например, схожесть формы тулова с шаром или эллипсоидом, соотношение высот и диаметров формы сосуда в ее вертикальном сечении, цвет поверхности и излома сосуда, вертикальная или горизонтальная симметрия орнамента и многие другие аналогичные признаки. К характеристикам второго типа принадлежат результаты химического анализа состава черепка, его пористости, микротвердости его поверхности и т.п.

На практике число таких формальных морфологических или естественно-научных характеристик бывает весьма значительным, так как каждый исследователь, не зная от чего зависят фиксируемые различия в керамике, стремится описать ее с максимальной детальностью. В дальнейшем с этими формальными характеристиками поступают обычно одним из двух способов. Первый способ широко использовался в период становления и начального развития этого подхода. Он состоял в том, что после получения всего обширного (иногда до нескольких сотен) перечня формальных характеристик (или признаков) керамики исследователь разделял их по своему усмотрению на две группы: "работающие" и "неработающие" признаки. При этом молчаливо подразумевалось, что "работать" они должны на подтверждение той историко-культурной схемы, которой придерживался или которую стремился обосновать конкретный исследователь. Соответственно, к "неработающим" относились "нейтральные" и "противоречащие" признаки. Однако постепенно явная странность такого отбора признаков стала для всех очевидной.

Поэтому позднее исследователи начали использовать все выделенные признаки, группируя их методами многофакторного анализа в совокупности разного иерархического уровня (см., напр.: Le Miere, Picon, 1987; 1991; Федоров-Давыдов, 1987; Внуков, 2003). Соответственно, чем ниже иерархический уровень группировки, тем выше само сходство керамики. Такие "ветвящиеся" схемы группировки керамики присутствуют сейчас почти во всех публикуемых исследованиях древней керамики, выполненных с позиций формально-классификационного подхода.

Таким образом, *основной задачей исследования* в данном случае является классификация керамического материала по формальным признакам, численное определение степени сходства исследуемых керамических коллекций и выделившихся групп керамики между собой.

Поскольку объективные причины, приведшие именно к такой, а не иной группировке керамического материала, при этом не изучаются, *основ-*

ным способом интерпретации полученных данных является поиск ("подбор") исследователем наиболее правдоподобного исторического объяснения выделившихся групп материала и исторических причин сходства их друг с другом. Как правило, на основании этих данных исследователем делается вывод либо о родственности, либо о контактах групп населения, оставивших эти материалы. Таким образом, здесь историческая интерпретация не вытекает непосредственно из материала, а привносится исследователем извне в качестве одного из возможных вариантов объяснений полученной картины.

Основной позитивной чертой данного подхода является стремление исследователей к детализации и уточнению исходной информации о древней керамике, постоянные их усилия, направленные на применение новых методов получения этой информации, а также формальная проверяемость результатов классификации керамического материала.

Основной негативной чертой является чисто формальный подбор анализируемых признаков и процедур сравнительного анализа, а также субъективный выбор варианта исторической интерпретации данных.

Параллельно с развитием формально-классификационного подхода систематически предпринимались попытки преодоления его наиболее очевидных недостатков и в первую очередь глубокого формализма в описании и понимании источника. При этом исследователи интуитивно старались сохранить то положительное, что было и в эмоционально-описательном, и в формально-классификационном подходе к изучению древней керамики.

Новый, **историко-культурный подход** был разработан в отечественной археологической науке и оформился к концу 70-х гг. прошлого столетия благодаря исследованиям А.А. Бобринского (1978; 1999). В основе его лежали три группы данных: 1) результаты изучения археологической керамики, 2) данные об этнографии гончарства и 3) результаты научного эксперимента в области гончарства.

Хотя археологическая керамика выступает как исходный пункт изучения, важнейшим источником формирования нового подхода были данные этнографии. Они позволили выделить основные исследовательские "единицы", которые изучались по керамике (навыки труда и культурные традиции гончаров), и установить, что они неодинаково ведут себя в различных культурно-исторических ситуациях.

Любая трудовая деятельность, в том числе, в гончарстве, имеет системно организованный характер, ибо только в этом случае она может быть успешной, т.е. обеспечивать существование человека и общества в окружающем мире. Коль скоро глиняные сосуды являются результатом системно организованной деятельности гончара, они содержат в себе в некой специфической форме информацию обо всех видах деятельности, связанных с глиняной посудой. На выяснение этой информации и был ориентирован новый исследовательский подход.

Это позволило рассматривать древний глиняный сосуд не просто как "целостный объект" (что было характерно для эмоционально-описательного подхода) и не как "набор" (или "пучок") признаков (что было свойственно формально-классификационному подходу), а *как результат действия определенных навыков труда, использованных мастером для изготовления сосуда и закрепленных в культурных традициях, передающихся от поколения к поколению в рамках определенного человеческого коллектива*. Культурные традиции в гончарстве включают: а) традиции изготовления сосудов, б) традиции их распространения и в) традиции их использования в быту.

Научный эксперимент в первую очередь нацелен на разработку доказательных методов и приемов извлечения из керамики необходимой системной информации о навыках труда и культурных традициях гончаров (Бобринский, 1978; Цетлин, 1995; Волкова, 1998; Васильева, Салугина, 1999 и др.).

Археологическая же керамика помимо того, что она выступает основным объектом изучения, служит, с одной стороны, критерием проверки истинности теоретических и методических разработок, а с другой – расширяет наши знания о составе культурных традиций в древнем гончарстве.

В качестве *основного объекта исследования* при историко-культурном подходе выступают особые "следы" на поверхностях и в изломах глиняных сосудов, образовавшиеся в результате применения тех или иных навыков труда на всех ступенях изготовления сосуда, начиная с навыков отбора сырья и кончая навыками обжига готовых изделий, а также "следы", возникшие в результате использования сосуда для определенных хозяйственных нужд.

Основной задачей исследования при этом подходе является реконструкция по особым "следам" на керамике конкретных навыков труда и культурных традиций в гончарстве определенной группы населения в рамках отдельного памятника, локальной группы памятников или археологической культуры в целом.

Основной способ интерпретации данных о культурных традициях в гончарстве населения базируется на знании закономерностей поведения навыков труда и культурных традиций в разных культурно-исторических ситуациях, например, в условиях изолированного существования человеческих коллективов, в условиях их смешения друг с другом, в условиях различных культурных контактов между ними.

Основной позитивной чертой данного подхода является рассмотрение всех сторон древней керамики (включая технологию, формы и орнамент

сосудов) как естественно возникающих системных образований, что обеспечивается системностью самих культурных традиций, системностью навыков труда и всей трудовой деятельности в целом.

Что касается *основной негативной черты* историко-культурного подхода, то следует сказать, что на сегодняшний день она еще не выявилась. Вероятно, это связано с тем, что сам этот исследовательский подход сформировался относительно недавно и многие аспекты его еще недостаточно разработаны.

Тем не менее к настоящему времени историко-культурный подход к изучению древней керамики нашел достаточно широкое применение в конкретных исторических исследованиях. В частности, наиболее полному изучению подверглась керамика ряда археологических культур неолита, бронзы, раннего и развитого железа Восточной Европы, Кроме того, объектами исследования стали некоторые материалы памятников Западной Сибири, Казахстана, Ближнего Востока, Центральной Америки и некоторых других районов.

Поскольку общие закономерности процесса познания проявляются в движении человеческой мысли от познания целого к познанию его частей; от интуитивного познания к доказательному познанию; от формального (схематичного) познания к содержательному познанию, постольку эти три подхода отражают три последовательные ступени развития научного знания в области изучения древней керамики:

I ступень – интуитивно-синтетическое познание;

II ступень – аналитическое познание;

III ступень – аналитическо-синтетическое познание.

Таким образом, в развитии научного знания эмоционально-описательный подход характеризует *несформированное* состояние наших знаний о древней керамике; формально-классификационный подход – *частично-сформированное* состояние знаний о ней и, наконец, историко-культурный подход характеризует *полностью сформированное* состояние знаний о древней керамике как особом историческом источнике. В данном случае речь, естественно, не идет о том, что мы сегодня знаем все о древней керамике, а только о том, что методологически мы целиком подготовлены к целенаправленному получению достоверных новых знаний о ней.

Теперь перейдем ко второму вопросу – о некоторых *особенностях нынешнего положения дел в изучении археологической керамики.*

Наиболее заметной чертой современного этапа является тот факт, что в изучении керамики широко представлены работы, выполненные с позиций всех трех исследовательских подходов. Причем, наиболее распространенным продолжает оставаться эмоционально-описательный подход, значительно реже применяется формально-классификационный и еще менее распространен пока историко-культурный подход. Часто элементы разных подходов соединяются вместе в рамках конкретного керамического исследования. Иногда это преподносится как особая заслуга и называется "комплексным подходом" к изучению керамики.

Следует отметить, что сосуществование сегодня разных подходов ведет, во-первых, к значительному разнобою в конкретных исследованиях и трудностям их сопоставления друг с другом, во-вторых, к столь же значительному разнобою в применяемой терминологии.

С чем же связана подобная ситуация? Как можно объяснить живучесть старых подходов наряду с новыми? Мне думается, что такая ситуация является глубоко закономерной и обусловлена несколькими причинами.

Основной из них является современное преподавание методов археологического исследования вещественных источников, которое ведется почти исключительно с позиций эмоционально-описательного подхода к изучению археологического материала. Как некое "орнаментальное украшение" на некоторых исторических факультетах читается особый курс "статистические и формализованные методы анализа источников". Он обычно остается оторванным от практики, сохраняя свой чисто теоретический характер. Поэтому очень редко начинающие исследователи потом используют эти методы в своей практической работе.

С первой причиной тесно связана вторая. Я имею в виду проявляющееся во многих конкретных исследованиях недостаточно глубокое понимание внутреннего содержания современных методологических и методических разработок. Это ведет к тому, что авторы таких исследований либо идут по пути изобретения своих собственных "методик", которые, как правило, повторяют старые уже хорошо известные ошибки, либо начинают в целях экономии сил и времени применять ту или иную существующую методику в "упрощенном варианте" только для того, чтобы, как говорится, "идти в ногу со временем". Например, примеси в керамике определяются не с помощью микроскопа, а "на глазок", без достаточной подготовки легко определяются способы конструирования сосудов, обработки поверхности и т.п. В результате такой, с позволения сказать, исследовательской методологии они, во-первых, дискредитируют применяемую методику, во-вторых, обманывают себя и, в-третьих, что гораздо хуже – вводят в заблуждение читателей и своих коллег.

В не меньшей степени сохранению нынешней ситуации способствует третья причина, которую можно назвать "объективным фактором развития науки".

По мере развития науки, получаемые выводы становятся все более глубокими, более детальными, но их добыча требует разработки и применения значительно более сложных и тонких методик, а часто – и более сложного лабораторного оборудования. Это – общая объективная закономерность. Из такого усложнения методов исследования немедленно вытекают два следствия: с одной стороны, это повышение трудоемкости и "времяемкости" исследования, а с другой – это значительное замедление процесса получения новых знаний. То есть, по мере развития науки работать приходится все больше, а масштаб приобретаемого научного результата становится все скромнее, хотя и неизмеримо глубже. Волей-неволей вспоминается мысль английского философа Герберта Спенсера о том, что человеческое знание подобно шару – чем оно больше, тем больше у него точек соприкосновения с неизвестным.

Наконец, четвертой причиной, также объективной и прямо связанной с третьей является то, что керамический материал, начиная с эпохи неолита и вплоть до современности, остается самым массовым археологическим вещественным источником. И здесь возникают своеобразные "ножницы". При отмеченной тенденции постоянного усложнения методов исследования обработка большого количества керамического материала оказывается в принципе невозможной. Я подчеркиваю – не просто сложной, а в принципе невозможной! И тогда исследователь в очередной раз оказывается перед дилеммой: либо резко ограничить объем материала и сохранить максимально возможную сегодня глубину исследования, либо действовать по старому принципу – "числом поболее, ценою подешевле". Выход из этой ситуации отнюдь не простой и далеко не однозначный.

Все это ведет к тому, что сегодня развитие керамических исследований идет главным образом "вширь", а не "вглубь". Добываются новые материалы, они подвергаются предварительной обработке, как правило, в полевых условиях, которая часто сводится просто к использованию ставшими уже стереотипными терминологических "ярлыков" ("гребенчатая", "накольчатая", "шнуровая" и т.п. керамика).

Это отнюдь не означает, что исследования древней керамики сегодня оказались в своеобразном "тупике". Однако отмеченные выше проблемы со всей необходимостью ставят вопрос о возможных путях выхода из создавшегося положения.

В связи с этим, вероятно, одним из наиболее сложных является вопрос о *современных задачах* в исследовании древней керамики.

Сегодня, как мне кажется, первоочередной является работа по разъяснению существа современных методов изучения керамики, их возможностей и самое главное – пределов их применимости. С этим напрямую связана задача организации соответствующего преподавания этих методов на исторических факультетах университетов.

Крайне важно также сформулировать и обосновать перечень наиболее актуальных проблем в изучении древней керамики как методических, так и прикладных. Эта большая и сложная задача должна стать предметом специального исследования. Нельзя забывать о том, что ориентиры для развития теории чаще всего предлагает все-таки практика. Когда станет ясным, какие историко-культурные проблемы прежде всего нуждаются в решении, тогда и возникнет задача оценки имеющегося арсенала исследовательских методов, необходимых для решения этих проблем.

Совершенно необходимой является целенаправленная работа по привлечению к исследованию древней керамики специалистов естественных наук. Историко-культурный подход к изучению керамики не исключает, а, напротив, предполагает самое широкое использование всех современных методов ее исследования. Однако это совершенно особая методически и огромная по масштабу проблема. Дело в том, что сейчас практически отсутствует *методология* привлечения этих специалистов к археологическим исследованиям. К сожалению, сегодня в ряде областей археологии сложилась ситуация, когда археологические памятники фактически отдали "на откуп" естественникам (палинологам, специалистам по радиоуглеродному анализу, химикам, петрографам и т.п.). Такая ситуация ведет не только к обогащению наших знаний о прошлом, но и к размыванию, а в ряде случаев – забвению собственно археологических методов исследования. Особенно это касается археологического вещеведения.

Мне кажется, что, прежде всего, следует учитывать два обстоятельства. Первое – естественно-научные методы должны использоваться под строгим контролем археологов и проверяться археологами с помощью своих методических средств, второе – эти методы должны специально приспосабливаться к нуждам археологов. Это в полной мере относится к сфере изучения керамики. Простой "перенос" тех или иных методов из естественных наук в археологию, что сегодня происходит в абсолютном большинстве случаев, как правило, ведет к получению тех сугубо формальных характеристик источников, о которых шла речь при описании формально-классификационного подхода. К сожалению, практическое решение этих задач сейчас крайне осложнено финансовыми обстоятельствами. Но нужно искать пути привлечения к этой работе творчески мыслящих ученых-естественников.

Чрезвычайно сложная ситуация складывается сегодня в сфере терминологии изучения керамики. Сейчас почти каждый исследователь, особенно это относится к начинающим, берет на себя смелость предлагать свою собственную терминологию для обозначения тех или иных давно уже известных

черт древней керамики. Это ведет к сильнейшей путанице и непониманию. Мне кажется, что настало время обратиться к ее целенаправленной разработке и верификации. Сейчас совершенно необходим "толковый" словарь терминов и их синонимов в области описания форм и орнаментов на керамике, а также в сфере гончарной технологии.

Совершенно очевидно, что дальнейшая работа в целом должна вестись в трех основных направлениях: во-первых, *конкретно-историческом*, что включает изучение самой керамики и гончарного производства в целом применительно к конкретным древним коллективам; во-вторых, *методическом*, т.е. выявление новых возможностей керамики служить источником для исследования различных культурно-исторических проблем; в-третьих, *образовательном*, который состоит в постепенном внедрении историко-культурного подхода к изучению древней керамики в исследовательскую практику археологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Экспериментальный метод изучения древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003.

Волкова Е.В. Роль эксперимента в реконструкции фатьяновской гончарной технологии // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

Воронин К.В. Информационно-поисковая система по керамике культур энеолита-бронзового века Волго-Окского междуречья (к вопросу о принципах классификации археологической керамики при изучении культурных контактов древности) // Базы данных в археологии. М., 1995.

Гарден Ж-К. Теоретическая археология. М., 1983.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.

Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев, 1992.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика. М., 1901.

Деопик Д.В., Карапетьянц А.М. Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. II. Теория и практика археологического знания. Петроград, 1923.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.

Ковалевская В.Б. Центр анализа археологических источников во Франции // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Маршак Б.И. Код для описания керамики Пенджикента V–VI вв. Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Софейков О.В. Традиции изготовления и орнаментации керамики и некоторые вопросы этнокультурной истории древнего населения Барабинской лесостепи // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск, 1989.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987.

Цетлин Ю.Б. Проблемы научного эксперимента в изучении древнего гончарства // РА. 1995. № 2.

Цетлин Ю.Б. Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.

Le Miere M., Picon M. Productions locales et circulation des ceramiques au VI millenaire, au Proche-orient // Paleorient. 1987. V. 13 (2).

Le Miere M., Picon M. Early neolithic pots and cooking // Handwerk und Technologie im Alten Orient. Mainz, 1991.

The present state of study on ancient ceramics and some research problems

Yu. B. Tsetlin

Summary

The history of notions on ancient ceramics as an object of scholarly study is discussed in the paper. The author distinguishes between three different methodological approaches to the study of ancient ceramics: Emotional- and Descriptive, Formal-and-Classification, and Historical-and-Cultiral. These approaches differ by the objects of study, the tasks set before the investigator, and by the mode of interpretation of the obtained data. The basic trend of evolution of the discussed approaches is the transition from the formal knowledge to the content one. The first approach is characterised by non-formed state of knowledge, the second approach related to partly-formed knowledge, and the third one is characterised by fully-formed knowledge on ancient ceramics as a source of historical information. These three approaches to the study of pottery are typical both of Russian and world archaeology. The present situation in the study of pottery production is characterised by application of various scientific approaches or their combination to archaeological practice. As a result, there grows essential discord of scholars' opinions and mutual misunderstanding. In conclusion, the author formulates some most actual tasks related to further investigations in the field of ancient ceramics.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 76–84

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИИ КЕРАМИКИ СЪЕЗЖЕНСКОГО И I–II ХВАЛЫНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

© 2005 г. И. Н. Васильева

Институт истории и археологии Поволжья, Самара

Одной из важнейших проблем в изучении энеолита Волго-Уралья является культурно-хронологическое соотношение самарской и хвалынской культур. К настоящему времени в историографии сложилось два подхода к ее решению. По мнению ряда исследователей, в эпоху энеолита в Волго-Уралье, в отличие от западных регионов, "фиксируется эволюционная последовательность явлений стадиального порядка: самарская и прикаспийская культуры определили основную линию становления хвалынской, а последняя – древнеямной культуры восточного региона" (Васильев, Синюк, 1985. С. 72). Самарская культура рассматривается ими как самостоятельное культурно-историческое явление, в целом предшествовавшее хвалынской культуре, а период ее бытования разделен на два этапа (Моргунова, 1995. С. 62). На основе широких сопоставлений с энеолитическими материалами Восточной Европы самарская культура отнесена к мариупольскому хронологическому горизонту, а хвалынская – к хвалынско-среднестоговскому (Васильев, 1981). Оппоненты этой точки зрения предполагают сосуществование двух близких энеолитических культур в Волго-Уралье (Пестрикова, 1987), а их особенности объясняют "различиями культурно-хозяйственных механизмов", отвергая какое-либо участие населения этих культур в сложении древнеямной общности из-за наличия хиатуса между энеолитом и ранней бронзой (Барынкин, 2004. С. 44–46). Очевидно, что для решения этой проблемы необходимы дальнейшие усилия, в частности более углубленный анализ имеющихся археологических материалов.

В связи с этим было проведено специальное исследование технологии изготовления керамики Съезженского и I Хвалынского могильников (Васильева, 1999а; 2002) – опорных памятников самарской и хвалынской культур, по материалам которых собственно и были выделены эти культуры. В последние годы было изучено 111 целых и фрагментированных сосудов: из Съезженского могильника – 34 (в том числе, 14 сосудов, ранее недоступных для анализа); из I Хвалынского – 48; из II Хвалынского – 29.

Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского, основанной на бинокулярной микроскопии, физическом моделировании, трасологии (Бобринский, 1978; 1999). Данная статья посвящена итогам сравнительного анализа технологии керамики Съезженского и I–II Хвалынских могильников, которые могут быть привлечены для решения указанных выше спорных проблем.

Сравнительный анализ технологии изготовления керамики из могильников, результаты которого изложены ниже, производился в соответствии с естественной структурой гончарного производства (Бобринский, 1999. С. 9–11).

Подготовительная стадия

Отбор исходного сырья. В настоящее время нам известны три основные группы исходного пластичного сырья (ИПС) в истории гончарства: 1) илы, 2) органические материалы животного происхождения (навоз животных и помет птиц) и 3) глины (Бобринский, 1999). В ходе исследования керамики энеолитических памятников Волго-Уралья нами был выделен новый вид ИПС, которому дано условное название "илистые глины" (Васильева, 1999а; 2002). Данный вид сырья по особенностям качественного состава занимает промежуточное положение между илами и глинами. По нашему мнению, этот вид сырья отражает определенный этап эволюции представлений об ИПС в процессе перехода гончаров от илов к глинам.

Качественный состав илов включает: глинистое пелитоморфное вещество и естественные примеси минерального и органического происхождения: песок; бурый железняк; часто – глинистые комочки округлой формы; обломки и целые экземпляры речных раковин; а также значительное количество органических остатков растительного и животного характера (Бобринский, Васильева, 1998).

Илистая глина, имея похожий состав, отличается значительно меньшей концентрацией и большей измельченностью растительных остатков, а также почти полным отсутствием органики животного характера и целых мелких раковин моллюсков, обитавших в илах.

Различия двух видов ИПС обусловлены, вероятно, следующими обстоятельствами: 1) принципиально различными условиями процесса их осадконакопления: илы связаны с литоральной берего-

вой зоной действующих водоемов, а илистые глины располагаются по берегам и в ложе водоемов, уже освобожденных от воды и доступных для разработок; 2) ил – это *водонасыщенный* неуплотненный осадок современных водоемов, обладающий текучестью, содержащий очень большое количество сгнивших и полусгнивших растений, а илистые глины представляют собой уже более уплотненные, часто увлажненные, слои и прослойки; 3) ил отражает начальную стадию формирования осадочных пород, а илистые глины – это уже достаточно связная осадочная порода, прошедшая определенный этап диагенеза. По-видимому, именно недавняя близость с водой и процессы заиливания оставили в них следы в виде обломков раковин, оолитового бурого железняка и комочков глинистого вещества, а также измельченной растительности.

Важным представляется и отличие "илистых" глин от собственно глин. С геологической точки зрения, тот и другой виды ИПС могут быть отнесены к *глинам* – осадочным горным породам, обладающим определенными общими свойствами (Методическое руководство..., 1957. С. 7, 8). Однако особенности условий и более короткого "геологического времени" осадконакопления илистых глин существенно влияют на их качественный состав, который отличает их от обычных глин.

Самарской экспедицией по экспериментальному изучению гончарства в течение ряда лет проводилось обследование поймы Волги. В ходе осмотра непроточных водоемов (старичных проток и озер), наряду с илами, были обнаружены залежи подобных илистых глин (Васильева, Салугина, 1999).

В результате микроскопического изучения ИПС съезженской и хвалынской керамики было выяснено, что вся хвалынская посуда и половина сосудов из Съезженского могильника сделаны из илистых глин, а другая половина сосудов последнего памятника – из илов (табл. 1).

Данные по отбору ИПС характеризуют наиболее общие представления групп древнего населения об исходном пластичном сырье. Очевидны определенная однородность представлений об ИПС, распространенных в хвалынском гончарстве, и существование двух разных взглядов на сырье в гончарстве самарской культуры, а также близость одного из них с хвалынским.

Таблица 1. Исходное пластичное сырье

Могильники	Ил	Илистые глины	Всего
Съезженский	17	17	34
I Хвалынский	–	48	48
II Хвалынский	–	29	29

Добыча исходного сырья. Судя по этнографическим данным, источники сырья обычно располагались вблизи поселений (Бобринский, 1978. С. 76). Поэтому при технико-технологическом анализе керамики *каждого, отдельно расположенного, памятника* определяются возможные близлежащие районы и места добычи ИПС. По особенностям качественного состава естественных примесей выделяются *условные "районы" добычи сырья* (Р), а одинаковое соотношение естественных примесей указывает на возможность добычи сырья в одном "месте" (М) (Бобринский, 1999. С. 25).

1. Съезженский микрорайон: определено 3 условных района и 5 мест добычи (подробно см.: Васильева, 1999а): Р1М1 – слабозапесоченная ожелезненная илистая глина; Р2М1 – сильнозапесоченная ожелезненная илистая глина; Р3М1 – сильнозапесоченный ил; Р3М2 – среднезапесоченный ил и Р3М3 – слабозапесоченный ил.

2. Хвалынский микрорайон: выделены следующие условные районы и места добычи ИПС, общие для I и II Хвалынских могильников (подробно см.: Васильева, 2002): Р1М1 – слабозапесоченная ожелезненная илистая глина; Р1М2 – слабозапесоченная ожелезненная илистая глина (отличается от первой тем, что в ней, наряду с пылевидным, встречается мелкий кварцевый окатанный песок размером до 0.1–0.2 мм); Р2М1 – слабозапесоченная ожелезненная илистая глина (отличается от Р1 присутствием плотных глинистых комочков размером до 3 мм); Р2М2 – аналогичная илистая глина, но содержащая кроме пылевидного песка и глинистых комочков, единичные зерна окатанного кварцевого песка размером до 0.1–0.2 мм; Р3М1 – среднезапесоченная илистая ожелезненная глина с глинистыми комочками и значительно большим количеством песка, чем предыдущие; Р4М1 – аналогичная илистая ожелезненная глина, отличается от Р3М1 характером песка и отсутствием глинистых комочков; Р5М1 – слабозапесоченная илистая ожелезненная глина, для которой характерно наличие более крупного песка (до 1мм) и глинистых комочков (до 5 мм), табл. 2.

Таблица 2. Источники ИПС (по материалам I–II Хвалынских могильников)

Источники ИПС	I Хвалынский могильник	II Хвалынский могильник
Р1М1	9	3
Р1М2	5	4
Р2М1	12	17
Р2М2	15	5
Р3М1	2	–
Р4М1	2	–
Р5М1	3	–
Итого	48	29

Таблица 3. Рецепты формовочных масс

Могильники и места добычи ИПС	ОР	ДР	ОР + ДР	Итого
Съезженский				34
Р3М1	7	–	–	7
Р3М2	5	–	–	5
Р3М3	5	–	–	5
Р1М1	–	–	14	14
Р2М1	3	–	–	3
Хвалынский I				48
Р1М1	–	5	4	9
Р1М2	–	2	3	5
Р2М1	–	2	10	12
Р2М2	–	3	12	15
Р3М1	–	–	2	2
Р4М1	–	1	1	2
Р5М1	–	3	–	3
Хвалынский II				29
Р1М1	–	1	2	3
Р1М2	–	–	4	4
Р2М1	–	8	9	17
Р2М2	–	1	4	5
Всего	20	26	65	111

В табл. 2 отражены различия в составе источников ИПС у групп родственного населения, оставивших I и II Хвалынские могильники. Для изготовления керамики II могильника использовалось более ограниченное количество залежей сырья, и все они были связаны с добычей только слабозапесоченных илистых глин.

Подготовка исходного сырья. При составлении формовочных масс илы и илистые глины, по-видимому, находились *во влажном состоянии.* Об этом говорит следующее: 1) отсутствие признаков дробления сырья, что проявилось в полной сохранности крупных зерен бурого железняка; 2) хорошая промешанность формовочных масс и равномерное распределение частиц дробленой раковины; 3) отсутствие в черепке каких-либо "линз" или вытянутых слоев чистой глины, что характерно для глинистого сырья в сухом состоянии (Бобринский, 1999. С. 33).

Составление формовочной массы. Формовочной массой (ФМ) называется тестообразная, увлажненная и промешанная смесь *пластичных* и *непластичных* исходных материалов, служившая для непосредственного изготовления сосуда.

Исходное непластичное сырье (ИНС) в изучаемых материалах представлено *дробленой раковиной* (ДР) пресноводных моллюсков: улиток и двустворок. Проблема различения искусственно введенной и естественной раковины в составе археологической керамики неоднократно обсуждалась в научной литературе (Салугина, 1994. С. 148; Бобринский, 1999. С. 23, 24; Васильева, 1999а; 2002).

Второй искусственный компонент, применявшийся при составлении ФМ изучаемой керамики, связан с *органическими растворами* (ОР), которые оставляют в обожженном черепке аморфные плоскостные и объемные пустоты, с остатками веществ в виде молочно-белого, маслянистого коричневато-черного налета и блестящих прозрачных пленок по стенкам пустот. Пока не будут завершены проводимые нами специальные экспериментальные работы по изучению различных клеящих природных веществ растительного и животного происхождения, которые могли использоваться в древнем гончарстве, точная идентификация таких органических растворов невозможна. Можно лишь констатировать их присутствие в изучаемой керамике и дать подробное описание.

Рецептура формовочных масс: 1) ИПС + ДР; 2) ИПС + ОР; 3) ИПС + ДР + ОР (табл. 3).

Характеризуя в целом навыки труда гончаров на подготовительной стадии, можно выделить следующие отличительные черты *гончарства самарской культуры*: 1) использование в качестве ИПС илов и илистых глин; 2) влажное состояние ИПС; 3) при подготовке ФМ из илистых слабозапесоченных глин: применение в качестве искусственных добавок ДР, которая специально готовилась (термическая обработка при низких температурах, дробление, просеивание) и ОР; 4) при подготовке ФМ из илов и запесоченных илистых глин: введение одной добавки – ОР.

Для *гончарства хвалынской культуры* характерны 1) отбор только илистых глин; 2) преимущественное использование незапесоченного ожелезненного пластичного сырья; 3) влажное состояние ИПС; 4) применение ДР после ее специальной подготовки в качестве искусственной примеси; 5) преобладание рецептов ФМ, в которых ДР выступала именно в качестве примеси (концентрации 1:3, 1:2) и в то же время наличие рецептов, в которых ИПС и ИНС представлены приблизительно в равных долях (1:1); 6) массовое использование органических растворов.

Созидательная стадия

К этой стадии гончарного производства относятся: конструирование начина, полого тела, формообразование, обработка поверхностей сосудов и их орнаментирование.

В результате микроскопического изучения керамики из могильника у с. Съезжее удалось выяснить: 1) применение емкостной программы конструирования начинов; 2) распространение приемов лоскутного налепа и спиралевидного наращивания лоскутков; 3) использование твердых форм-основ

и форм-емкостей с прокладками из мягких материалов. Корреляция видов ИПС и способов конструирования выявила связь форм-емкостей с традицией применения илистых глин в качестве сырья, а форм-основ – с традицией использования ила; 4) прием изготовления сосуда по частям с последующим составлением этих частей в единое целое; 5) использование выбивания как одного из приемов формообразования. Последний прием был более распространен в среде гончаров, использовавших в качестве сырья илистые глины. Возможно, поэтому сосуды данной группы более тонкостенные (4–6 мм) в отличие от других, толщина стенок которых достигает 10–12 мм.

Для гончарства хвалынской культуры были характерны следующие приемы на ступенях конструирования сосудов: 1) использование спиралевидного лоскутного налепа (диаметр лоскутов равен примерно 1.5–2 см, а длина – 2–3 см); 2) применение твердых форм-основ и реже форм-емкостей, с прокладкой из мягких материалов (ткани и кожи), а также использование тех и других моделей на разных этапах изготовления одного сосуда; 3) изготовление сосудов по частям в 2–3 приема и составление частей в единое целое; 4) выбивание как один из приемов формообразования (зафиксирована утонченность стенок у части сосудов до 4 мм при средней толщине стенок хвалынских сосудов 6–8 мм).

На ступени *обработки поверхностей* основным приемом съезженских и хвалынских гончаров было простое заглаживание. Судя по характерным следам на поверхности сосудов, оно производилось 1) мягким материалом, не оставляющим рельефных следов (из-за специфической поверхности сосудов, насыщенной частицами раковины, и часто из-за сплошного орнаментирования внешней поверхности, его характер плохо определяется); 2) твердым орудием с "гребенчатым" рабочим краем и 3) деревянным скребком. В результате изучения керамики всех трех памятников зафиксированы следы еще одного способа обработки поверхности – лощения. Оно производилось по сухой поверхности и не оставило четких признаков. Сплошное орнаментирование и камеральная обработка жесткими щетками сделали невозможными более точные заключения.

Орнаментирование сосудов. На данной ступени гончарной технологии нами рассматривались способы нанесения орнамента и орудия, которыми он наносился – орнаментиры. Стилистические и семантические особенности орнамента не являлись целью исследования. Следует отметить лишь, что для одних сосудов Съезженского могильника характерна традиция частичного заполнения орнаментального пространства и сложные образы в виде меандров, овальных и прямоугольных фигур, а для других – традиция заполнения всего орнаментального пространства и зональность с повторяющимися образами, подчеркнутая горизонтальными разделителями (Васильев, Матвеева, 1979). Керамике хвалынских могильников присуще в основном частичное заполнение поверхности сосуда орнаментом, украшена в основном зона венчика и верхней части тулова. По данным авторов публикации материалов I Хвалынского могильника, в коллекции памятника имелось 12 сосудов, орнаментированных на 1/2 и 1/3 высоты, полностью орнаментированных – 4, не орнаментированных 2 миниатюрных сосудика (Агапов и др., 1990. С. 69). Из восьми наиболее полно сохранившихся сосудов II Хвалынского могильника орнаментированы на 1/2 высоты – 4, полностью – 3 (один из них – детская погремушка), не орнаментирован 1 миниатюрный сосудик. В целом, для орнаментальной стилистики хвалынских сосудов характерна зональность с повторяющимися образами, чередование линейных горизонтально расположенных мотивов, выполненных в различной технике (Агапов и др., 1990. С. 128–136).

Зафиксированы следующие приемы нанесения орнамента:

1) *штампование* – в качестве орнаментиров применялись твердые штампы разных размеров с четкими, преимущественно квадратными зубцами и штампы на краю раковины изогнутой формы;

2) *накалывание* – орнамент в виде овальных вдавлений разных размеров, округлых ямок с жемчужинами и без них наносился на сосуды различными орудиями, расположенными перпендикулярно к поверхности;

3) *накалывание с отступанием* – в данном случае наколы делались орудием, находившимся под острым углом к поверхности сосуда, которое потом незначительно протаскивалось по горизонтали вдоль его поверхности и опять погружалось в глину, образуя следующий накол;

4) *прочерчивание* – прочерчивание горизонтальных и изогнутых линий орудием с заостренным и округлым рабочим краем;

5) *шагание с протаскиванием* и, возможно, *прокатывание* штампа. Предположительно в качестве орнаментиров могли использоваться челюсти животных и твердые штампы в виде "колесиков";

6) способ нанесения самого массового орнамента на хвалынской керамике остается спорным. Внешне он представляет собой непрерывные горизонтальные ряды нечетких овальных вдавлений длиной 2–4 мм, шириной 1–2 мм. Блоки из 3–4 рядов таких отпечатков часто разделяются волнистой линией. Этим орнаментом украшены стенки сосудов, внешние утолщенные участки ("воротнички") и края венчиков.

Авторы раскопок I–II Хвалынских могильников считали, что орнаментация производилась путем прокатывания по поверхности аммонитов

Таблица 4. Способы орнаментирования сосудов (приведено число случаев использования приема, а не количество сосудов)

Способы орнаментирования	Съезженский могильник	I Хвалынский могильник	II Хвалынский могильник	Итого
Прочерчивание	18	5	1	24
Штампование	14	1	2	17
Накалывание	15	4	1	16
Отступание	2	8	4	14
Шагание с протаскиванием	12	–	–	12
Оттиски плетеных фактур	–	16	19	35

(Агапов и др., 1990. С. 70). Нами был проведен эксперимент с использованием аммонита, который выявил несоответствие отпечатков на хвалынской керамике и оттисков аммонита, и было высказано предположение об использовании при орнаментировании хвалынской керамики плетеных фактур, которые имели форму мешочков или их фрагментов (Васильева, 2002. С. 35, 36). Судя по следам, эти мешочки изготовливались не из шерсти или растительных волокон, а из материала, не имеющего волокнистого строения (возможно, использовались тонкие жилы животных), табл. 4.

Стадия закрепительная

Приемы придания прочности и устранения влагопроницаемости сосудов изучались по следам влияния различных температур на сохранность минеральных и органических компонентов и следам изменения цвета поверхности и изломов сосудов под действием этих температур. Кроме того, использовался метод выявления случаев низкотемпературного обжига, предложенный А.А. Бобринским (1989; 1999. С. 91).

На основе полученной информации о термической обработке съезженской и хвалынской керамики было установлено: 1) сосуды подвергались обжигу в основном при низких температурах; 2) этот процесс был достаточно длительным, о чем свидетельствует эффект графитизации органики, и проходил он в основном в восстановительной среде; 3) керамика испытывала влияние и температур каления (до 700°С), о чем говорит окрашенность поверхностных слоев в теплые тона (светло-коричневый цвет), однако период пребывания в зоне этих температур был кратким, что фиксируется по черной сердцевине черепка и внешнему виду раковины, не подвергшейся разложению на CaO и CO_2.

Необходимо остановиться еще на одной детали, которая оказалась общей для керамики сравниваемых энеолитических могильников. На 14 сосудах из могильника у с. Съезжее были обнаружены следы красной краски. Они фиксируются в углублениях орнамента и в виде локальных пятен на поверхности сосудов. В некоторых случаях сплошной слой краски выявлялся под слоем известковой корки после ее устранения. При изучении коллекции керамики из Хвалынских могильников также были найдены следы красной краски: на внутренней стороне сосуда из I Хвалынского могильника и на 5 целых и фрагментированных сосудах из II Хвалынского могильника. В пользу предположения о неслучайности попадания краски на сосуды свидетельствует тот факт, что подобные следы имелись на обломках керамики из слоя, а не только из охросодержащих погребений и жертвенных площадок. Возможно, это было специальное окрашивание сосудов. Красная краска (охра?) смешивалась, по-видимому, с жирами или разводилась в воде и "втиралась" в поверхность обожженных сосудов.

Полученная информация о технологии изготовления керамики и корреляция ее с данными о морфологических особенностях и орнаментации сосудов Съезженского и I–II Хвалынских могильников позволяют обратиться к решению вопросов историко-культурного характера.

Правомерность этого обосновывается существующей методологией керамических исследований (Бобринский, 1978. С. 242–244). Однородность и устойчивость трудовых навыков в гончарстве возможны только в случае стабильности общества и относительной замкнутости носителей технологических знаний по отношению к окружающему культурному миру. Устойчивость систем гончарных технологий регламентируется объективно действующими в любом гончарном производстве факторами: изготовлением традиционных форм посуды; наличием стабильной среды потребителей; наличием традиционных технических средств изготовления посуды; доступностью сырья. Эта устойчивость обеспечивается эмпирическим характером навыков труда и действующим механизмом передачи их от поколения к поколению по родственным каналам (Бобринский, 1999. С. 48, 52). Процессы, дестабилизировавшие общество, прежде всего перемещения и смешение различных в культурном отношении групп древнего населения, приводили к нарушению естественного

функционирования гончарного производства, что отражалось в свою очередь в изменении различных элементов гончарной технологии и соответственно – керамики как продукции гончарного производства. Смешение носителей культурных традиций в доремесленном гончарстве отражает и смешение групп древнего населения в целом (Бобринский, 1978. С. 242).

Обобщение данных о технологии, формах и орнаментации сосудов из могильника у с. Съезжее позволили нам утверждать, что памятник был оставлен, по крайней мере, тремя, глубоко различными в культурном отношении группами населения. Расположение сосудов всех трех групп на территории могильника было приурочено к жертвенным площадкам и ближайшему к ним слою, где они находились в перемешанном состоянии, что свидетельствует об их относительной одновременности и принадлежности к одному культурному комплексу.

Для *первой группы* населения характерны следующие культурные традиции в гончарстве: 1) использование в качестве ИПС илистых слабозапесоченных глин; 2) введение в формовочные массы искусственных добавок в виде ДР и ОР; 3) конструирование сосудов в формах-емкостях посредством лоскутного налепа, зафиксирован плетеный материал формы-модели; 4) выбивание как один из способов формообразования; 5) простое заглаживание и лощение на ступени обработки поверхностей; 6) обжиг с более значительной выдержкой при температурах каления; 6) возможно, специальное окрашивание сосудов красной краской.

Корреляция гончарных традиций первой группы с формами сосудов показала, что именно для этой группы населения были изначально свойственны горшковидные сосуды с четко выделенным горлом и "воротничковым" оформлением внешней стороны венчика.

Для орнаментальных традиций первой группы характерны следующие черты: частичное заполнение орнаментального пространства; сложные образы в виде меандров, овальных и прямоугольных фигур; орнаментиры представляли собой заостренный инструмент и зубчатый штамп, реже гребенчатый штамп; способы нанесения орнамента – прочерчивание и шагание с протаскиванием, реже штампование и накалывание.

Для гончарства *второй группы* населения характерны следующие черты: 1) использование илов в качестве сырья для изготовления керамики; 2) существование двух традиций отбора этого сырья – с примесью песка и без него и преимущественным распространением первой; 3) добавление в ФМ органических растворов; 4) конструирование сосудов на формах-основах с прокладкой из кожи и шкуры животных, посредством зонального лоскутного налепа; 5) распространение ем-костной программы конструирования начинов; 6) простое заглаживание мягким материалом и гребенчатым штампом, лощение по подсушенной и сухой поверхности; 7) обжиг с кратковременной выдержкой при температурах каления; 8) частичное применение способа окрашивания сосудов.

Описанные выше технологические традиции второй группы применялись для изготовления разных форм сосудов Съезженского могильника: 1) баночные, 2) горшковидные "колоколовидные", 3) горшковидные с "яйцевидным" туловом и небольшим вогнутым дном (Васильев, Матвеева, 1979). Горшковидные сосуды обоих типов имеют плавно расширяющуюся наружу горловину, приостренный край венчика и четко выраженный "воротничок".

Для орнаментальных традиций населения второй группы были присущи: 1) декорирование всей внешней поверхности; 2) зональность с повторяющимися образами, подчеркнутая разделителями – горизонтальными зигзагами, рядами вертикальных и наклонных линий, ямок с жемчужинами; 3) орнаментирами служили гребенчатые штампы разной формы, зубчатый штамп, заостренный орнаментир и округлый в сечении инструмент для нанесения ямок; 4) техника нанесения орнамента – штампование, накалывание, шагание с протаскиванием, прочерчивание. В целом, для этой группы характерно большее разнообразие в приемах и орудиях орнаментирования, чем для первой. Прочерчивание, по сравнению с первой группой, использовалось реже, устойчивым приемом орнаментирования было использование гребенчатых штампов разного размера и формы. Достаточно широкое распространение имел прием шагания с протаскиванием зубчатого штампа.

Очевидна смешанность культурных традиций в гончарстве второй группы. Морфологические особенности сосудов позволили разделить их на две подгруппы: 1) баночные и 2) горшковидные, а также выявить их культурной связи.

Форма и орнаментация баночных сосудов из Съезженского могильника находят очень близкие аналогии в местном неолите (Васильев, Выборнов, 1988. С. 28–30; Барынкин, Козин, 1995. С. 149, 150). Баночные плоскодонные сосуды могильника изготовлены из илистого, средне- и сильнозапесоченного сырья, выступающего в роли моносырья; сконструированы они на формах-основах лоскутным налепом; для них характерно в основном полное покрытие поверхности орнаментом и использование гребенчатого штампа, а также накалывание ямок с жемчужинами; обжиг производился с кратковременной выдержкой при температурах каления.

Технология изготовления горшковидных сосудов с "воротничками", относящихся ко второй группе, практически ничем не отличается от вы-

шеописанных баночных сосудов: илы в качестве ИПС, лоскутный налеп на форме-основе, режим обжига с кратковременной выдержкой. Однако появились и новые черты: использование слабозапесоченного глиноподобного сырья; изготовление воротничковой зоны путем скульптурной лепки; распространение новых образов в орнаментах – волнистых линий и сложных геометрических фигур; неполное покрытие поверхности сосудов орнаментом; применение зубчатого штампа и частичное окрашивание сосудов красной краской. Необходимо отметить и прочное "закрепление" традиции воротничкового оформления венчика, что привело к созданию единообразного профиля у горшковидных сосудов.

Можно предполагать, что все изменения, зафиксированные в гончарстве второй группы населения, отразившиеся в горшковидных сосудах этой подгруппы, произошли под воздействием традиций первой группы населения в течение весьма продолжительного периода их сосуществования на одной территории и активного смешения.

Оставляем за рамками обсуждения роль и значение в этих процессах носителей гончарных традиций населения *третьей группы*, керамика которой представлена в материалах могильника одним развалом и двумя фрагментами разных сосудов. Они имеют технологические отличия от первой и второй групп, а также выделяются морфологически, чем обращают на себя особое внимание. Сосуды баночной формы с округлым дном изготовлены из илистой запесоченной глины. В формовочной массе не было искусственной добавки раковины, как в первой группе. Зафиксирована лишь традиция введения органического раствора. При конструировании сосудов использовался лоскутный налеп. Для третьей группы можно предполагать существование традиции частичного заполнения поверхности сосуда орнаментом; применение инструментов в виде плоской палочки и округлого в сечении орнаментира; техники нанесения орнамента в виде накалывания, отступания и прочерчивания. Морфологические особенности сосудов этой группы находят параллели в неолите Волго-Уралья.

Результаты изучения съезженского керамического комплекса склоняют нас к выводу о "пришлом" характере первой группы, так как материалы второй группы находят аналогии в памятниках предшествующего неолитического периода. Известно, что в ходе любых процессов культурного смешения между их участниками всегда возникают особые отношения доминантности и рецессивности, которые указывают направление распространения инокультурных традиций (Бобринский, 1980. С. 57–59). Для эпохи первобытности степень доминантности и рецессивности контактирующих групп населения в конечном счете определяется их относительной численностью (Цетлин, 1998. С. 59). В процессе смешения между носителями различных культурных традиций, выявленном по материалам Съезжинского могильника, в качестве рецессивной оказалась "пришлая", по-видимому, немногочисленная группа. Она была ассимилирована местной средой, но дала толчок развитию новой культуры, получившей название "самарской". Факт проникновения нового населения в Волго-Уралье в эпоху энеолита подтверждают и данные антропологии (Хохлов, 1998. С. 16). С его появлением распространяется сама идея создания особых мест захоронения умерших сородичей, обособленных от поселений, и обряд погребения, характерный для мариупольского круга культур (Васильев, 1981). В археологической литературе весь комплекс могильника у с. Съезжее отнесен к самарской культуре. Результаты технологического исследования керамики памятника не противоречат этому заключению, а лишь позволяют вычленить разные группы населения, участвовавшие в процессе культурного смешения, приведшего, в конечном счете, к образованию новой культуры. Вероятнее всего, процесс формирования новой культуры и состав его участников в Среднем Поволжье был значительно более сложным, чем тот, который нам удалось зафиксировать по материалам изучаемого памятника. Небольшое количество погребенных в могильнике у с. Съезжее свидетельствует о непродолжительности его существования. Материалы данного памятника отражают, вероятнее всего, лишь какой-то начальный момент общего процесса культурных контактов в Волго-Уралье, приведших к образованию нового, энеолитического облика культуры населения данного региона.

Гончарная технология населения, оставившего I–II Хвалынские могильники, отличается значительной однородностью и устойчивостью навыков труда. Для нее характерны следующие наиболее массовые технологические традиции:

на подготовительной стадии: 1) использование илистых незапесоченных глин; 2) влажное состояние ИПС; 3) применение в качестве искусственной примеси специально подготовленной дробленой раковины; 4) сохранение реликтового приема введения органических растворов;

на созидательной стадии: 1) применение лоскутного спирального налепа из лоскутов небольшого размера; 2) использование твердых формоснов и форм-емкостей с прокладками из мягких материалов; 3) простое заглаживание; 4) частичное заполнении орнаментального пространства на сосуде; использование плетеных материалов как наиболее массового способа декорирования; применение прочерчивания и накалывания только в сочетании с этим способом; появление штампования, возможно, для имитации наиболее массового способа;

на закрепительной стадии: 1) использование "горячих" и, возможно, смешанных приемов придания прочности сосудам, когда "холодные" приемы выступали уже в роли реликтов; 2) частично-сформированное состояние представлений о термической обработке сосудов (Бобринский, 1999. С. 89, 102).

Значительная близость технологии керамики подтверждает вывод исследователей о принадлежности Хвалынских могильников родственным и однородным в культурном отношении коллективам. Полученные данные не противоречат выводам В.И. Пестриковой, сделанным на основе анализа погребального обряда и инвентаря I Хвалынского могильника, об этом памятнике как "результате взаимодействия *двух групп* населения, различающихся по экономической основе, социальной организации и системе мировоззренческих представлений", по-видимому, и по происхождению (Пестрикова, 1987. С. 12, 13). Однородность гончарной технологии, зафиксированная в период функционирования данного могильника, может быть объяснена, с одной стороны, завершенностью процесса смешения и консолидацией различных по происхождению групп населения, а с другой – могла быть результатом отсутствия в одной из этих групп собственного гончарства.

Сравнительный анализ технологии керамики I и II Хвалынских могильников показал, что для II могильника характерна еще большая однородность и устойчивость гончарных традиций, возможно являвшаяся следствием большей замкнутости коллектива. В составе гончарных традиций населения, оставившего I могильник, были выявлены определенные черты, не характерные для хвалынского гончарства, а также наличие в керамическом комплексе памятника сосудов, сделанных посредством несколько отличных от хвалынских навыков труда (Васильева, 2002. С. 39, 40). Эти факты позволили предположить возможность влияния на хвалынское гончарство извне и подражание хвалынских гончаров инокультурным образцам посуды, а также контакты с другими группами энеолитического населения, керамика которых встречена в Подонье – Хутор Попов (Васильев, 1981. С. 115. Табл. 30, *б*), Северном Прикаспии – Кызыл Хак I (Барынкин, 1986. С. 85–91), Предкавказье – "Замок" (Кореневский, 1998. С. 132, 133).

В целом, сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I–II Хвалынских могильников выявил определенную культурно-генетическую близость гончарных традиций хвалынского населения и съезженского населения с навыками труда I группы. В настоящее время мы можем только констатировать сам факт этой близости, но не можем пока обоснованно объяснить ее причины. Обращает на себя особое внимание общность традиций в очень консервативной части гончарной технологии – представлениях об использовании илистой глины как сырья для изготовления керамики. Исследование неолитического гончарства Нижнего и юга Среднего Поволжья показало распространение в данном регионе гончарства, основанного на использовании илов (Васильева, 1999б). По-видимому, в конце неолита или в раннем энеолите произошел переход от илов к илистым глинам и к введению в формовочную массу искусственных примесей (дробленой раковины) с целью придания ей привычных свойств и внешнего вида, присущих прежнему пластичному сырью, т.е. илам. Причины этого процесса до конца не ясны. Возможны два варианта объяснения: 1) в результате изменения климатических условий и адаптации местного неолитического населения к этим новым условиям; 2) в связи приходом какой-то группы населения в Поволжье с другой территории, где переход от илов к глинам произошел эволюционным путем раньше, чем в этом регионе. Доказательный ответ на данный вопрос возможен только в результате исследования неолитического и энеолитического гончарства сопредельных территорий, после чего гончарная технология сможет быть использована в том числе в качестве источника информации о хронологическом соотношении энеолитических культур Поволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С. А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.

Барынкин П.П. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Барынкин П.П. Хвалынская культура как феномен степного энеолита Заволжья (к характеристике культурных связей в период позднего неолита – раннего энеолита в степной части Юго-Восточной Европы) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка 1 и некоторые проблемы соотношения нео- и энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Межвуз. сб. Самара, 1995.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения: Тез. докл. советской делегации на 4 международном конгрессе славянской археологии. М., 1980.

Бобринский А.А. К методике изучения обжига керамики // Первая Кубанская археологическая конференци. Тез. докл. Краснодар, 1989.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарст-

ва // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

Васильев И.Б, Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит восточноевропейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Васильева И.Н. Технология керамики энеолитического могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999а.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999б.

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.

Кореневский С. Н. Поселение "Замок" у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1998.

Методическое руководство по петрографо-минералогическому изучению глин. М., 1957.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.

Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Салугина Н.П. Раковина в составе древней керамики // Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии. Тез. докл. СПб., 1994.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1998.

Цетлин Ю.Б. Культурные контакты в древности // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998б.

Comparative technological analysis of clay vessels from the cemeteries S'ezzhee and Khvalynsk I and II

I. N. Vasil'eva

Summary

The paper is devoted to comparative analysis of technology of pottery production, the materials originate from three cemeteries: S'ezzhee, Khvalynsk I and II. These sites became the grounds for singling out Samara and Khvalynsk Chalcolithic cultures of the Volga-Urals region. The research has been carried out in accordance with the historical and cultural approach worked out by A.A. Bobrinsky. The method is based on binocular microscopic analysis, physical modelling and microwear analysis. Totally 111 whole and fragmented vessels have been studied. As a result, three technological groups of pottery are singled out in the S'ezzhee pottery. They are identified with three culturally different population groups represented at the cemetery. As for the Khvalynsk pottery production it is culturally homogeneous. The undertaken comparative analysis of technology of pottery production at the three sites permits the author to suppose both cultural and genetic relations between group I of S'ezzhee cemetery and the Khvalynsk population. To solve the problem concerning chronological relationship between the Chalcolithic cultures of the Volga-Urals region further surveys and excavations of new sites should be undertaken, accompanied by series of radiocarbon dates and more detailed analysis of material sources.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 85–92

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

ТЕХНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ РЕПИНСКОГО ТИПА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

© 2005 г. Н. П. Салугина

Институт истории и археологии Поволжья, Самара

В эпоху раннего бронзового века (конец IV–III тыс. до н.э.) территория степной и лесостепной полосы Восточной Европы была занята племенами ямной историко-культурной общности. Исходя из специфики памятников на отдельных территориях, Н.Я. Мерпертом было выделено девять локальных вариантов этой общности (1974), среди которых курганы степного Поволжья и Приуралья рассматривались как волго-уральский вариант. М.А. Турецкий, обобщив известные к концу прошлого столетия данные о памятниках ямной культуры Самарского Поволжья и Приуралья, счел возможным выделить их в особый "средневолжско-приуральский" вариант (1999). Не вдаваясь в дискуссию о правомерности такого выделения, отмечу лишь, что в данную статью вошли материалы из раскопок памятников именно "средневолжско-приуральского" варианта (Самарская и Оренбургская области).

Особенностью погребального обряда племен ямной культуры является то, что в погребения редко ставилась глиняная посуда. В то же время практически все исследователи, изучающие разные этапы эпохи бронзы, считают керамику важнейшим "культурообразующим" признаком и привлекают ее к решению многих дискуссионных проблем. Одной из таких проблем является проблема формирования ямной культуры, ее внутренней хронологии, исторических судеб. Многие исследователи выделяют ранний этап ямной культуры, связанный с влиянием репинской археологической культуры (Васильев и др., 2000. С. 19). В последнее время этот ранний этап получил также название "репинского" (Трифонов, 1996. С. 5; Богданов, 2004), и, вероятно, он должен заполнить хронологический пробел между памятниками хвалынской энеолитической культуры и собственно ямными (Трифонов, 1996. С. 5; Турецкий, 2001. С. 126). Основанием для этих суждений является наличие керамики репинского облика в погребениях ямной культуры. Отличительной особенностью репинской культуры, выделенной А.Т. Синюком на территории Среднего Дона, является своеобразная керамика. По данным исследователя, она представлена главным образом круглодонными горшками с высоким желобчатым или утолщенным в средней части венчиком, четко отделенным от яйцевидного тулова. В тесте – примесь раковины, на поверхностях имеются крупные косовертикальные расчесы. На венчике обязателен ряд ямок или жемчужин. Встречаются сосуды со слабо выраженным венчиком, а также банкообразные сосуды и миски. Сосуды украшены в верхней половине тулова. В орнаментации господствует гребенчатый штамп, составленный в горизонтальные пояски. Обычен также зигзаг. Распространен шнуровой орнамент, реже встречается орнамент, выполненный прочерчиванием и отступающим штампом (Синюк, 1980. С. 61; 1981. С. 8–10). В литературе определение "керамика репинского типа" закрепилось за группой посуды, имеющей яйцевидное тулово и четко отделенный от него высокий желобчатый или утолщенный в средней части, или просто высокий вертикальный венчик.

Подобная посуда незначительно представлена в памятниках ямной культуры Волго-Уральского региона. Исследователи во всех случаях выделяют такую керамику из общего массива глиняной посуды ямной культуры: например, М.А. Турецкий – в отдел III, С.В. Богданов – в группу IV (Турецкий, 1988. С. 81, 85; Богданов, 2004. С. 168, 169. Рис. 40). К настоящему времени опубликовано 10 сосудов репинского облика из памятников ямной культуры Самарской и Оренбургской областей (Васильев и др., 2000. С. 58; Богданов, 2004. С. 202). Кроме указанных сосудов для настоящего исследования в группу посуды репинского облика включены сосуд из погребения 1 кургана 5 Потаповского курганного могильника и четыре сосуда из Грачевского II курганного могильника (Кузнецов, 2003). Следует отметить, что сосуд из Потаповского могильника не включался исследователями в сводки сосудов ямной культуры Самарского Поволжья (Васильев и др., 2000. С. 58. Рис. 14). В то же время авторы монографии, посвященной исследованию Потаповского могильника, отмечают инородность этого сосуда и относят его к более раннему времени, чем остальные погребения кургана. Отмечается обособленное положение погребения с этим сосудом под насыпью и высказывается предположение, что оно является частью безкурганного некрополя (Васильев и др., С. 29, 42. Рис. 16; 45, *1*, *2*). На отнесение указанного погребения к ямной культуре неоднократно настаи-

Керамика репинского типа из погребений ямной культуры Волго-Уралья. *1* – Петровский курганный могильник, курган 1, над погребением 1, сосуд; *2* – Петровский курганный могильник, курган 1, над погребением 1, сосуд 1; *3* – Екатериновский грунтовой могильник, участок V, погребение 1; *4* – Потаповский курганный могильник, курган 5, погребение 1; *5* – Екатериновский грунтовой могильник, разрушенное погребение; *6* – Покровский курганный могильник, курган 15, погребение 2; *7* – II Герасимовский курганный могильник, курган 4, погребение 2; *8* – I Болдыревский курганный могильник, курган 8, насыпь кургана; *9* – I Болдыревский курганный могильник, курган 9; *10* – Лопатинский I курганный могильник, курган 31, насыпь; *11* – Лопатинский I курганный могильник, курган 31, яма 1.

вал В.В. Отрощенко (1996. С. 34; 1998. С. 46, 47). Морфологические особенности данного сосуда (яйцевидная форма тулова, выделенный венчик; орнамент, выполненный отпечатками зубчатого штампа и шнура, образующими горизонтальные пояски и зигзаги) вполне дают основание отнести его к посуде с чертами репинской культуры. Сосуды из Грачевского II могильника также характеризуются признаками посуды репинского типа и атрибутируются автором раскопок как керамика с ямно-репинскими традициями изготовления (Кузнецов, 2003, С. 21).[1] Таким образом, к настоящему времени известно 14 сосудов репинского типа из погребений ямной культуры (рисунок), пять из них – с территории Оренбургской области, остальные – Самарской. Указанная керамика происходит из погребений, совершенных по "классическому" погребальному обряду ямной культуры: погребен-

[1] Выражаю искреннюю признательность П.Ф. Кузнецову за возможность провести технологический анализ неопубликованных сосудов. В иллюстрацию, где представлена сводка посуды репинского облика, они не включены.

ные лежат на спине (исключение – Потаповский могильник, 5/1), головой на северо-восток в ямах как простых конструкций, так и со ступеньками. Погребения перекрыты курганными насыпями, исключение – грунтовые могильники Екатериновка и Екатериновка V/1. Шесть сосудов (Лопатино I, 31/насыпь; Лопатино I, 31/яма 1; Болдырево I, 8 и 9; Петровка, 1) обнаружены вне погребений, в насыпях курганов. Значительная часть посуды репинского типа происходит из погребений младенцев (Агапов, Васильев, 1975; Кравцов, Моргунова, 1991; Порохова, 1992; Зудина, Крамарев, 1993; Васильев и др., 1994; Богданов, 1999; Васильев, Фадеев, 2004).

Как указывалось выше, именно керамика репинского типа послужила основанием для выделения раннего этапа ямной культуры Волго-Уралья. Поскольку проблема сложения ямной культуры до сих пор остается дискуссионной, необходим тщательный анализ всех имеющихся источников и привлечение новых. В исследованиях обычно дается морфологическое описание глиняной посуды из памятников ямной культуры, в том числе и посуды репинского типа. При этом технология изготовления посуды либо не затрагивается совсем, либо приводятся отрывочные данные по тем деталям технологии, которые видны невооруженным глазом. Между тем технология гончарного производства содержит очень объемную и важную для историка информацию, в частности о культурной специфике разных групп населения и процессах смешения, происходивших между ними.

Любое гончарное производство – это системное образование, обладающее иерархической структурой и определенной устойчивостью (Бобринский, 1999. С. 8, 9). Устойчивость его обеспечивается, прежде всего, эмпирическим характером знаний о навыках труда и механизмом передачи этих навыков по родственным каналам из поколения в поколение. Таким образом, группы керамики, характеризующиеся использованием близких навыков труда на всех ступенях производства отражают культурную близость самих производителей посуды.

Цель данной статьи – введение в научный оборот нового пласта историко-культурной информации, а именно – данных о технологии изготовления керамики репинского типа из погребений древнеямной археологической культуры.

Прежде чем перейти к непосредственному описанию результатов технико-технологического анализа керамики, необходимо остановиться на некоторых методических и процедурных аспектах. Наиболее дискуссионными остаются проблемы атрибуции исходного пластичного сырья (глины или глиноподобного сырья, в частности илов) и характера раковины в составе формовочной массы.

Исходное сырье – это природные или искусственно образованные материалы, которые использовались для изготовления посуды. Оно подразделяется на пластичное и непластичное. Исходное пластичное сырье выступает в качестве самостоятельного сырья для конструирования посуды, к непластичному сырью отнесены материалы, которые использовались исключительно в сочетании с пластичными. В истории гончарства выявлено три основные группы исходного пластичного сырья: илистые материалы, органические материалы животного происхождения, глины (Бобринский, 1999. С. 17). Основные качественные особенности илов выделены А.А. Бобринским и И.Н. Васильевой (1998. С. 202–205), затем каждый из них конкретизировал свои представления об этом виде исходного пластичного материала (Бобринский, 1999. С. 17, 18; Васильева, 1999. С. 194; 2002. С. 18–21). При этом И.Н. Васильева, характеризуя гончарную технологию I Хвалынского энеолитического могильника, обосновывает выделение еще одного вида исходного пластичного сырья – "илистой глины", качественный состав которого практически полностью совпадает с качественным составом илов (см.: Бобринский, Васильева, 1998. С. 205; Васильева, 2002. С. 17, 18). Отличие состоит лишь в большей насыщенности илов растительной органикой водного характера. Не останавливаясь подробно на разборе оснований для выделения илистых глин, отмечу, что в данной статье я придерживаюсь тех характеристик ила, как сырья, которые первоначально были определены авторами в их совместной работе и затем обобщены А.А. Бобринским (Бобринский, 1999. С . 17, 18).

До настоящего времени острой остается проблема различения искусственного или естественного характера раковины в составе древней керамики. Квалифицированное заключение об этом позволяет более четко идентифицировать характер исходного сырья и особенности состава формовочных масс, что, в свою очередь, влечет за собой более строгую характеристику навыков работы на разных ступенях гончарной технологии. Исследователи в разное время касались этой проблемы (Салугина, 1994. С. 148; Бобринский, Васильева, 1998. С. 203, 204; Бобринский, 1999. С. 23, 24; Васильева, 2002. С. 21, 24). Многолетние экспериментальные работы Самарской экспедиции по изучению древнего гончарства, наблюдения за особенностями илов и глин, анализ образцов илов и глин из археологических памятников позволяют более четко сформулировать качественные особенности раковины как естественной составляющей исходного пластичного сырья и как искусственно введенного компонента формовочной массы.

Раковина, как естественная составляющая исходного сырья характеризуется следующими особенностями: 1) форма включений в основном округлая с окатанными краями, очень редко встреча-

ются остроугольные частицы; 2) сохранность – встречаются целые экземпляры в основном улиток; когда представлены части раковины, то их горизонтальная структура не разрушена, нет расщепления на отдельные чешуйки; 3) цвет раковины, как правило, молочно-белый, иногда сероватый; слой перламутра разрушен; 4) твердость – включения довольно мягкие, они легко царапаются иглой, оставляя глубокий след на поверхности; 5) размер частиц от менее 1 мм до 5–10 мм, почти нет пылевидной фракции; 6) концентрация раковины как естественной составляющей глин и илов колеблется в довольно широких пределах: от 1–2 до 40–50 включений разного размера на 1 см^2.

Наиболее четкими признаками *искусственно введенной раковины, которая не была подвергнута специальной термической обработке*, являются: 1) остроугольность включений, даже мелкой фракции (менее 1 мм),что позволяет большинство включений рассматривать как ту или иную многоугольную геометрическую фигуру; 2) разрушение раковины при дроблении всегда сопровождается отслоением только верхнего перламутрового слоя, иногда – столбчатого слоя, а расщепление по горизонтальным слоям практически не встречается; 3) цвет как поверхности, так и излома раковины молочно-белый, иногда внешние слои серые; 4) размер включений от 0.5 до 5–6 мм, практически отсутствует пылевидная фракция. Таковы признаки дробления так называемой "сырой" раковины.

Совершенно иная картина наблюдается, когда используется *раковина, нагретая на углях*. В этом случае она даже не дробится, а разминается руками. В результате в керамике фиксируются следующие ее проявления: 1) сглаженность очертаний частиц раковины, остроугольные частицы если и встречаются, то очень нечасто и представлены они теми частями раковины, которые менее всего подверглись термическому воздействию; 2) расщепление по горизонтальным слоям, что ведет к образованию большого числа "чешуек" раковины; 3) однотонный пепельно-серый цвет излома и поверхности; 4) разнообразие размеров частиц, причем, отличительной особенностью является значительное количество пылевидной фракции (вероятно, даже крупные включения в процессе переминания формовочной массы разрушались до пылевидного состояния и образовывали в ней сероватое, как бы размазанное блестящее пятно; 5) сохранение перламутра; 6) косвенным признаком, указывающим на предварительное нагревание раковины является и то, что после дополнительного нагревания фрагментов керамики с примесью такой раковины в окислительной атмосфере эти фрагменты не разрушались.

Следует отметить, что не все четырнадцать сосудов репинского облика из ямных погребений Волго-Уралья (рисунок) исследованы технологически. Недоступными для изучения оказались фрагменты сосудов из Болдыревского I и сосуд 2 из кургана 1 Петровского курганных могильников (рисунок *1, 8, 9*). Таким образом, технологический анализ был проведен по одиннадцати сосудам.

Перед непосредственным анализом керамики небольшие фрагменты от каждого сосуда дополнительно нагревались в муфельной печи до 800°С в окислительной атмосфере с целью более строгого определения степени ожелезненности исходного сырья и характера искусственных и естественных примесей.

Выделение технологической информации проводились в соответствии с естественной структурой гончарного производства, включающей десять обязательных и две необязательные ступени, объединенные в три стадии (Бобринский. 1999. С. 9–11).

Отбор и добыча исходного пластичного сырья. Судить о навыках отбора такого сырья позволяет его качественный состав. Во всех исследованных материалах исходное пластичное сырье можно квалифицировать как илы. Зафиксированы илы трех подвидов, имеющих небольшие отличия по качественному составу.

Ил 1 характеризуется наличием следующих естественных компонентов: 1) песок кварцевый прозрачный, окатанный и полуокатанный, размер частиц 0.1–0.3 мм, единично представлены песчинки с размером 0.5 мм. Концентрация его мала: 5–7–9 включений на 1 см^2; 2) небольшие (1–1.5 мм в поперечнике) комочки чистой не растворившейся глины; 3) комочки глинистого вещества рыжевато-бурого цвета, пропитанные окислами железа, размером 1–1.5 мм; 4) оолитовый бурый железняк с размером частиц 1–2 мм; 5) растительные остатки водного происхождения (они представлены следами нитевидных включений, иногда расположенными обособленно, иногда сгруппированными в пучки, а также следами обрывков стеблей и листьев растений; отличительная особенность таких растительных остатков – они не имеют следов деформации в виде перекусывания и расщепления; размер их различный: от 2–3 мм до 3–4 см); 6) обломки раковины в небольшой концентрации – до 30–40 включений разного размера на 1 см^2; 7) единично встречающиеся косточки рыб.

Ил 2 содержит в своем составе все выше перечисленные естественные примеси. Отличие его от первого состоит в том, что естественная раковина представлена единичными включениями.

Ил 3 содержит в своем составе те же примеси, что и ил 1. Отличие состоит в том, что в его составе дополнительно присутствуют округлые карбонатные включения размером до 5 мм, которые бурно реагируют с соляной кислотой.

Различия в составе илов незначительны и проявляются в разном количестве раковины и растительных включений и наличии в одном из подвидов ила карбонатных включений. При выделении качественных особенностей илов А.А. Бобринский и И.Н. Васильева отмечали, что "относительные количества органических и минеральных веществ могут варьировать в широких пределах не только в разных водоемах, но со временем и в одном и том же водоеме", важно опираться на совокупность признаков (Бобринский, Васильева, 1998. С. 200, 201, 204). Соответственно вся совокупность описанных выше признаков позволяет отнести исходное пластичное сырье исследованной керамики к илам.

Для выяснения особенностей добычи исходного пластичного сырья А.А. Бобринским введены понятия "район" и "место" добычи (Бобринский, 1999. С. 25). *Район* добычи сырья определяется по качественному составу естественных примесей в глине, а *место* – по количественному соотношению этих примесей. Внутри каждого района может быть выделено от одного до нескольких мест. Здесь необходимо пояснить, что эти дефиниции являются исследовательской категорией и означают не указание конкретного места на карте, где производилась добыча сырья (например, место № 3 расположено в 300 м к северу от памятника), а фиксируют более общие понятия, связанные с представлениями групп населения о характере необходимого исходного сырья.

Казалось бы, по исследованному материалу довольно проблематично выделять определенные районы и места добычи, хотя бы в силу того, что керамика происходит из разных, довольно удаленных друг от друга памятников. Но, несмотря на это, можно утверждать, что мастера, изготавливавшие рассматриваемую здесь керамику, разрабатывали условно единый район равнинных илов, различия же характеризуют конкретные места добычи.

Подготовка исходного пластичного сырья. На данной ступени определяется состояние исходного сырья (сухое или влажное) и особенности его подготовки (дробление, просеивание и т.д.). Проведенный анализ свидетельствует, что илы применялись в естественно увлажненном состоянии, признаков их высушивания и последующего дробления не зафиксировано.

Составление формовочной массы. Формовочная масса – это специально подготовленный состав определенной вязкости, предназначенный для непосредственного изготовления посуды (Бобринский, 1978. С. 84).

По исследованному материалу зафиксировано, что формовочные массы были представлены как чистым илом без искусственных добавок, так и илом со специально введенными примесями. К последним относятся дробленая раковина и органический раствор. Раковина как компонент формовочной массы до ее дробления подвергалась термической обработке. Ее качественные особенности описаны выше. В составе формовочной массы она присутствует в некалиброванном состоянии, можно лишь установить верхний допустимый предел крупности, примерно в 4 мм. Концентрация ее определялась путем подсчета количества разных по размеру включений на 1 см^2 и сравнения полученных данных с экспериментальными сосудами с аналогичным составом формовочной массы и с заданной концентрацией раковины. Об использовании органических растворов можно судить по маслянистым "жирным" пленкам на отдельных участках изломов сосудов и по своеобразным мелким черным кристалликам, расположенным по стенкам аморфных пустот.

Выявлено четыре рецепта составления формовочных масс: 1) ил 1 без искусственных добавок, 2) ил 2 + дробленая раковина, предварительно нагретая (концентрация раковины 1 : 3, иногда 1 : 2–3); 3) ил 2 + дробленая раковина, предварительно нагретая + органический раствор (в данном случае концентрация раковины составляет примерно 1 : 4); 4) ил 3 + дробленая раковина, предварительно нагретая (в концентрации также 1 : 4). Наиболее характерным оказалось составление формовочных масс из смеси ила 2 и дробленой раковины.

Корреляция исходного пластичного сырья и компонентов формовочных масс

Формовочная масса	Исходное сырье		
	Ил 1	Ил 2	Ил 3
Без примесей	Потаповка, 5/1 Лопатино I, 31/я. 1	–	–
Дробленая раковина	–	Екатериновка, V/1 Екатериновка Покровка I, 15/2 Лопатино I, 31/насыпь Герасимовка II, 4/2	Петровка I/?1, с.1
Дробленая раковина + + органический раствор	–	Грачевка II, 5/4 Грачевка II, 7/1 Грачевка II, 7/2, с. 2	–

Конструирование начина, полого тела, придание сосуду формы, механическая обработка поверхностей относятся к созидательной стадии технологического процесса (ступени 5–8).

Поскольку изучавшиеся сосуды находятся в основном либо во фрагментарном, либо в реставрированном виде, данные по их конструированию весьма ограничены и ступени 5–7 рассматриваются суммарно.

В результате микроскопического анализа выяснилось следующее: 1) при изготовлении начинов применялась донно-емкостная (Герасимовка II, 4/2) и емкостно-донная (Потаповка, 5/1, Екатериновка, Екатериновка V/1) программы конструирования; 2) использовались твердые формы-модели, как формы-основы (Екатериновка, Петровка, I/?1, с. 1), так и формы-емкости (Грачевка II, 5/4, 7/2, с. 2) с прокладками из мягких материалов; 3) в качестве "строительных элементов" выступали небольшие порции глины – лоскуты, наращиваемые по спиралевидной траектории. По остальным сосудам можно констатировать лишь использование навыков скульптурной лепки с помощью спирально-лоскутного наращивания. Во всех исследованных сосудах на уже сформованное тулово наращивалось несколько витков лоскутов, образуя вертикальную шейку.

Первоначально форма сосуда задавалась еще на стадии конструирования, когда использовались формы-модели. Окончательное оформление формы изделия осуществлялось путем выдавливания пальцами и незначительного выбивания стенок сосуда колотушкой с гладкой рабочей частью.

Обработка поверхностей сосудов. Преобладающим способом обработки поверхности было простое заглаживание, которое производилась разными инструментами: деревянным скребком, оставлявшим глубокие тонкие следы, деревянным гребенчатым штампом, после которого на поверхности возникали равномерные разнонаправленные бороздки – "расчесы", галькой, пальцами, мягким предметом, который пока трудно идентифицировать с определенным материалом. Как правило, одним и тем же орудием обрабатывались обе поверхности сосуда: внешняя и внутренняя. В одном случае (Лопатино I, 31/насыпь) зафиксированы следы лощения поверхности сосуда по подсушенной основе.

Придание прочности сосуду и устранение влагопроницаемости его стенок достигалось путем термической обработки. Изломы почти всех сосудов имеют трехслойную окрашенность. В истории гончарной технологии выделяются холодные, смешанные и горячие способы придания изделиям прочности (Бобринский, 1999. С. 85). Горячие способы отражают придание сосудам прочности с помощью температур каления (Бобринский, 1999. С. 86–106). Исследование образцов с целью выявления случаев применения низкотемпературного обжига показало следующее: при помещении их в воду на сутки на дне лабораторного стакана образовался разреженный осадок. Образцы более-менее легко разминались пальцами, но жгутик скручивался с трудом и сразу же растрескивался. Здесь наблюдается эффект остаточной пластичности, которая проявляется при воздействии на изделия температур каления в течение недолгого времени, что свидетельствует о частично сформированном состоянии представлений о термической обработке (Бобринский, 1999. С. 105).

Орнаментация изделий (10-ая необязательная ступень гончарного производства). Здесь необходимо отметить, что украшалась, как правило, только верхняя половина сосуда. Три сосуда имеют полностью орнаментированную поверхность (рисунок, *4, 5, 7*). Орнамент наносился оттисками шнура и гребенчатого штампа, наколами-вдавлениями треугольного и скобковидного штампа, прочерчиванием. Образованы композиции в виде горизонтальных поясков и зигзагов, треугольников вершинами вниз (рисунок).

Выводы. На основании микроскопического исследования технологии изготовления керамики репинского типа из памятников ямной культуры Волго-Уралья можно прийти к следующим выводам о гончарных традициях данной группы населения.

Для изготовления своей посуды население, оставившее погребения с керамикой репинского типа, использовало равнинные илы в естественно увлажненном состоянии. При составлении формовочной массы применялись либо илы без искусственных добавок, либо к илам добавлялись только дробленая, предварительно нагретая и размятая раковина, либо дробленая раковина и органический раствор.

При конструировании посуды зафиксированы две принципиально разные программы изготовления начинов: донно-емкостная и емкостно-донная. Массово зафиксирован спирально-лоскутный способ конструирования сосудов с применением форм-моделей.

Обработка поверхностей осуществлялась путем простого заглаживания. Выявлены две основные группы инструментов для заглаживания: деревянные штамп и скребок и мягкие предметы. Орнаментировалась в основном верхняя часть сосуда, поверхности только трех сосудов орнаментированы полностью.

Таким образом, если на уровне приспособительных навыков фиксируется довольно однородный состав навыков труда, то субстратные навыки демонстрируют глубокие культурные различия, существовавшие в среде изучаемого населения в прошлом.

Приведенные факты позволяют определить место гончарства изучаемого населения в общей

эволюционной системе гончарных производств. Данные по навыкам отбора исходного сырья и составления формовочных масс указывают, что илы использовались или как моносырье или как основное сырье. Этот факт, а также частично сформированные представления о термической обработке позволяют квалифицировать указанное производство как *протогончарное*.

Анализ технологии изготовления керамики репинского типа из погребений ямной культуры позволяет использовать эти данные при обсуждении проблем истории населения, изготавливавшего данную посуду.

К настоящему времени имеются две основные точки зрения на проблему формирования населения ямной культуры. Сторонники первой склонны рассматривать ее сложение в значительной степени эволюционно, на основе предшествующего населения, оставившего памятники хвалынской энеолитической культуры (Васильев, 1979. С. 12; 2004. С. 53, 54). Сторонники второй гипотезы говорят о существенном хронологическом разрыве между памятниками хвалынской и ямной культур и высказывают предположение о прерывистости культурного развития в степном Поволжье в период энеолита – бронзы (Барынкин, 1992. С. 22; 2004. С. 46).

Сравнение гончарных систем хвалынской и ямной культур позволяет высказать некоторые предположения. Морфологически керамика этих групп населения различна (Агапов и др., 1990. С. 84). Технология гончарства демонстрирует как общие черты, так и существенные различия. Детальный сравнительный анализ осложняется степенью сохранности самого источника. Дело в том, что многие сосуды представлены фрагментами, поэтому очень важный блок информации по субстратным навыкам труда гончаров остается практически вне обсуждения (Васильева, 2002. С. 17–38).

В ходе сравнительного изучения выявлены следующие общие черты в гончарстве двух групп населения ("хвалынской" и ямной репинского этапа):

1) При составлении формовочных масс применялись дробленая раковина и органические растворы. Особенно важно, что раковину специально готовили, предварительно нагревая на углях. Совпадают и качественные особенности раковины, и ее концентрация. Рецепты формовочных масс: исходное сырье + дробленая раковина и исходное сырье + дробленая раковина + органический раствор зафиксированы в обеих изучаемых группах.

2) Навыки обработки поверхности во многом схожи и для их заглаживания использовались идентичные орудия.

3) К сожалению, для сравнения субстратных навыков, в частности способов конструирования начинов и полого тела у нас слишком мало данных. Общим является только использование спирально-лоскутного налепа, навыки применения которого зафиксированы у разных и территориальных, и хронологических групп населения.

4) При сравнении навыков формообразования обнаруживается сходство в том, что применялись формы-модели, в частности, формы-основы.

Что касается различий в гончарстве указанных групп населения, то они следующие:

1) Принципиально отличаются навыки отбора и добычи исходного пластичного сырья. Для хвалынского гончарства характерен отбор илистых глин, для ямного гончарства репинского этапа – равнинных илов.

2) При составлении формовочных масс хвалынские мастера не использовали исходное сырье в чистом виде без искусственных добавок, а в раннеямном гончарстве зафиксировано применение природного ила без искусственных примесей.

3) Форму сосудам гончары первой группы населения (хвалынская культура) придавали с помощью только форм-основ, а гончары второй группы использовали для этого как формы-основы, так и формы-емкости.

4) Хвалынское гончарство в общей эволюции гончарных производств отнесено к переходной стадии от протогончарства к архегончарству. Гончарство населения репинского этапа ямной культуры квалифицируется как протогончарное.

В целом гончарное производство населения репинского этапа ямной культуры характеризуется большим разнообразием навыков труда на разных ступенях производства. Различия в гончарстве двух групп населения существенны, особенно это касается представлений об исходном пластичном сырье. В то же время, черты сходства также вряд ли могут быть случайными. Поэтому в качестве гипотезы можно предположить, что в сложении культурного облика населения, оставившего памятники ямной культуры с керамикой репинского типа, могла принимать участие, прямо или опосредовано, часть населения – носителей хвалынских гончарных традиций. Но основу изучаемого населения составили все же не хвалынские племена. На нынешнем этапе исследования пока преждевременно обсуждать эту проблему. Ясно одно, население, оставившее памятники ямной археологической культуры, на всех хронологических этапах своего развития не было однородным, и в его гончарстве эта неоднородность всегда будет проявляться.

Работа выполнена по гранту РГНФ № 05-01-26107а/В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б. Покровский курганный могильник // Наш край. Вып. II. Куйбышев, 1975.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.

Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Барынкин П.П. Хвалынская культура как феномен степного энеолита Заволжья (к характеристике культурных связей в период позднего неолита – раннего энеолита в степной части Юго-Восточной Европы) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.

Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Васильев И.Б., Фадеев В.Г. Сосуд из грунтового могильника ямной культуры на юге Самарской области (к проблеме сложения ямной курганной культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

Васильев И.Б. Некоторые итоги исследования хвалынской энеолитической культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002.

Зудина В.Н., Крамарев А.И. Могильник эпохи бронзы у с. Екатериновка // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л. Погребения древнеямной культуры на р. Иртек в юго-западном Оренбуржье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.

Кузнецов П.Ф. Отчет о раскопках курганного могильника Грачевка II в Красноярском районе Самарской области в 2002 году по Открытому листу № 281 // Архив археологической лаборатории Самарского гос. пед. ун-та. Самара, 2003.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Отрощенко В.В. Культурная принадлежность погребений Потаповского могильника в Заволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.

Отрощенко В.В. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА. 1998. № 1.

Порохова О.И. II Герасимовский могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-уральских степей. Оренбург,1992.

Салугина Н.П. Раковина в составе древней керамики // Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии. Тез. докл. СПб., 1994.

Синюк А.Т. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.

Трифонов В.А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.

Турецкий М.А. Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Турецкий М.А. Проблемы сложения средневолжско-приуральского варианта ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург, 1999.

Турецкий М.А. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Repin-khutor type's pottery technology from Pit-grave culture burials in the Volga-Urals region

N. P. Salugina

Summary

In the article technological investigation of the Repin khutor-type pottery originating from Pit-grave culture burials in the Volga-Urals region is discussed. The pottery in question was the basis for singling out the stage of Pit-grave culture named after Repin khutor. At present there exist two views on formation of Pit-grave culture. The first one presupposes an evolutionary process of gradual transformation of population of Khvalynsk Chalcolithic culture. The adherents of the second position oppose this thesis stressing substantial chronological gap separating the sites of Khvalynsk and Pit-grave cultures. Now it has been clearly shown that technical and technological analysis of pottery is a reliable guide to the history of ancient population. Not until recently did specialists pay due attention to technology of production of pottery of the Repin khutor-type. The suggested work has enabled to reveal cultural traditions in pottery-making of the Repin khutor stage of Pit-grave culture and compare them with the production traditions typical of the Khvalynsk culture population. The author puts forward the hypothesis that some part of the Khvalynsk population could have participated (directly or indirectly) as a component in formation of the population of the Repin khutor stage of Pit-grave coulture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 93–99

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕЙШЕЙ КЕРАМИКИ КАШИРСКИХ ГОРОДИЩ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2005 г. О. А. Лопатина

Институт археологии РАН, Москва

В работе исследуется керамика трех городищ раннего железного века, расположенных в районе г. Каширы, – Старшего Каширского, Мутёнковского и Корыстовского. Первое находится непосредственно в черте города, два других на 7 км западнее, по течению рек Мутёнки и Медведки, примерно в 2 км друг от друга. Наиболее масштабные работы проводились на Старшем Каширском (Городцов, 1933; Смирнов, Сидоров, 1997; Сидоров, 2002) и на Мутёнковском (Смирнов, 1979; Сидоров, Лопатина, 2004) городищах. Корыстовское городище подверглось лишь небольшим охранно-разведывательным раскопкам (Сидоров, 2004).

Раскопки последних лет позволили получить обширную коллекцию керамики и выделить из нее, опираясь на особенности стратиграфии памятников, керамику, относящуюся к самому раннему периоду существования городищ, обладающую характерными морфологическими особенностями (Лопатина, в печати). Эта древнейшая керамика отличается от основного массива керамического материала, найденного на этих памятниках, наличием гребенчатой орнаментации, бороздчатого заглаживания и особенностями профилировки верхних частей сосудов (рисунок).

Целью данной статьи является изложение результатов изучения некоторых традиций изготовления выявленной древнейшей керамики, связанных с подготовительной стадией технологического процесса, – отбором исходного сырья, его подготовкой и составлением формовочной массы. В ходе изучения керамики решались конкретные задачи, связанные, во-первых, с выделением исходной технологической информации, во-вторых, с реконструкцией соответствующих технологических традиций у населения, оставившего эту керамику, в-третьих, со сравнительным анализом этих традиций на разных памятниках и выяснением их локальных особенностей.

Технологическое изучение керамики проводилось по методике А.А. Бобринского (1978; 1999). Для анализа были отобраны практически все обломки верхних частей от разных сосудов, которые могли быть достоверно связаны с ранними напластованиями городищ. В общей сложности были изучены развалы и фрагменты верхних частей от 74 сосудов, из которых 33 происходят со Старшего Каширского городища, 32 – с Мутёнковского и 9 – с Корыстовского городища.

По особенностям обработки поверхности среди этих 74 сосудов наиболее представлены гладкостенные – 37 экз. (табл. 1), а также те сосуды, на поверхности которых отмечено бороздчатое заглаживание ("штрихованные") – 31 экз. Кроме того, в анализ вошли 6 сосудов с сетчатой поверхностью. На 33 сосудах отмечен гребенчатый орнамент.

Особенности технологии были рассмотрены в соответствии с общей структурой гончарного производства.

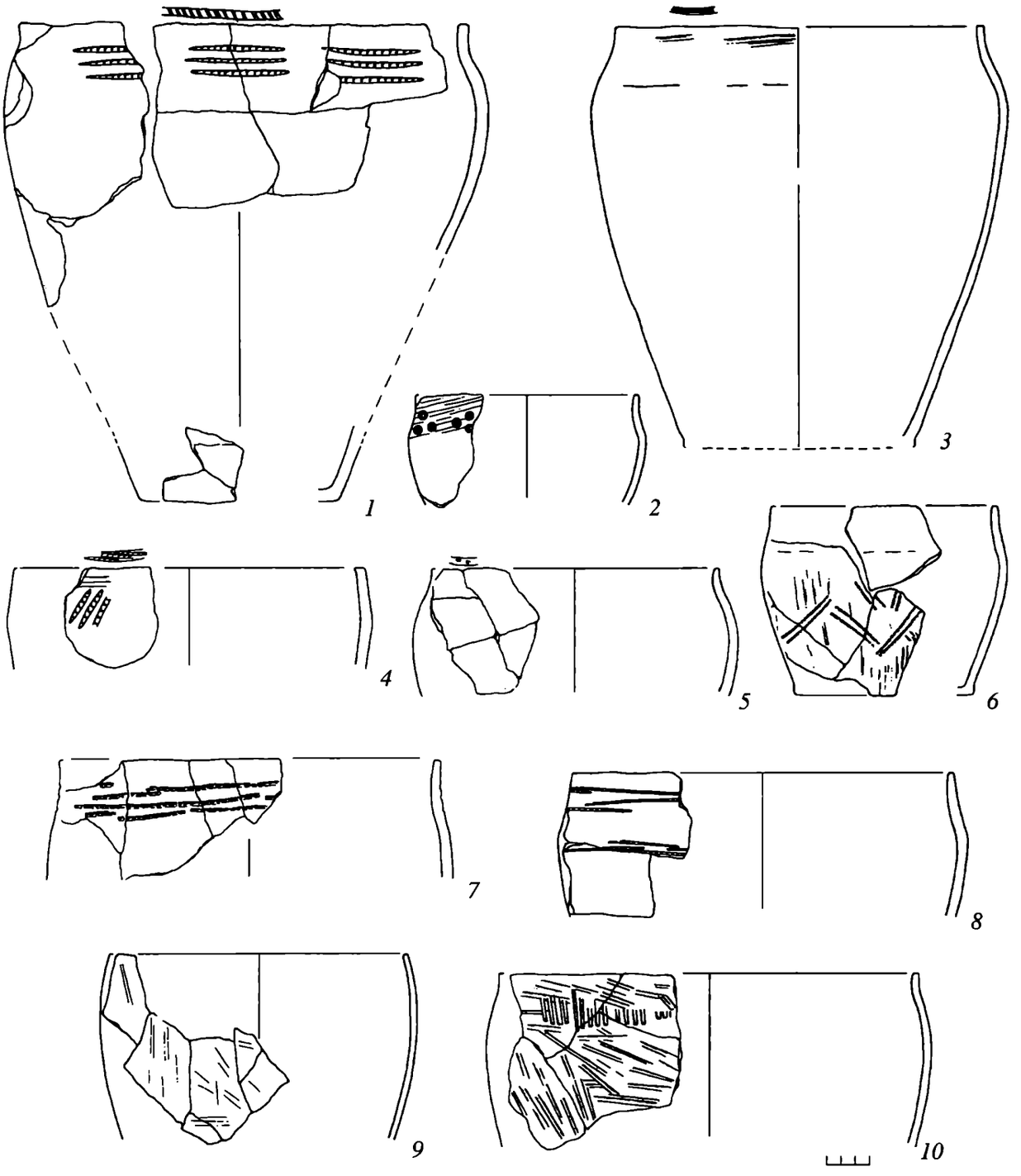
Отбор исходного сырья. Для заключений об особенностях исходного сырья принято опираться на наблюдения 1) о степени ожелезненности природной глины, 2) о качественном составе различных естественных примесей и 3) о количественном составе этих естественных примесей (учитывается размерность частиц примеси и их концентрация).

Степень ожелезненности глины определялась по цвету обожженных в муфельной печи в окислительной среде небольших фрагментов керамики путем сравнения их с экспериментальной шкалой для оценки ожелезненности природных глин. Изделия, изготовленные из ожелезненной глины, при этом окрашиваются в теплые красно-оранжево-коричневые тона, а из слабоожелезненной – в светло-коричневые, кремовые или розоватые тона.

Среди изученных материалов основная масса сосудов (94%) была изготовлена из ожелезненной глины, четыре сосуда – из слабоожелезненной

Таблица 1. Распределение керамики каширских городищ по особенностям обработки поверхности

Городища	Гладкая	С бороздчатым заглаживанием	Сетчатая	Всего сосудов
Старшее Каширское	22	10	1	33
Мутёнковское	12	17	3	32
Корыстовское	3	4	2	9
Всего	37	31	6	74



Древнейшая керамика каширских городищ. *1, 2* – Корыстовское городище; *3, 4, 6–10* – Мутёнковское городище; *5, 7* – Старшее Каширское городище.

глины (5%) и один сосуд – из смеси ожелезненной и слабоожелезненной глин (1%). Причем посуда из слабоожелезненной глины и из смеси двух глин зафиксирована только на Мутёнковском городище, а на двух других отмечена только посуда из ожелезненной глины.

Из естественных примесей в глине изученных сосудов помимо песка отмечен известняк. Он представлен единичными включениями округлой формы, как правило, мелкими (не более 0.5 мм, реже до 1.0 мм). Посуда с естественной примесью известняка зафиксирована в 9 случаях (6 сосудов на Старшем Каширском городище и 3 на Мутёнковском). На Корыстовском городище посуды с такой примесью не зафиксировано, хотя это может быть связано с небольшим количеством изученного материала. В целом, количество сосудов с естественной примесью известняка невелико и какой-либо закономерности в их распределении не выявлено.

Таблица 2. Распределение древнейшей керамики каширских городищ по особенностям пластичности исходного сырья

Городища	Ожелезненная глина					Всего сосудов
	высокопластичная	среднепластичная	низкопластичная			
	глина 1	глина 2	глина 3	глина 3а	глина 4	
Старшее Каширское	3	2	26	–	2	33
Мутёнковское	5	–	18	4	–	27
Корыстовское	2	2	–	2	3	9
Всего	10	4	44	6	5	69

Кварцевый песок, присутствующий здесь в качестве естественной минеральной примеси, отличается наибольшим разнообразием по своему качественному и количественному составу. В соответствии с этими особенностями выделено несколько разновидностей глинистого сырья, которые использовали древние гончары.

Глина 1. Сырье, в составе которого отмечены только единичные зерна кварцевого песка с размером частиц, как правило, не превышающим 0.5 мм.

Глина 2. Сырье, содержащее небольшое количество пылевидного песка (до 0.1 мм), а также очень мелкий (от 0.1 и до 0.5 мм) и мелкий (от 0.5 до 1 мм) песок в концентрации не более 1:5.

Глина 3. Сырье, содержащее большое количество пылевидного песка (до 0.1 мм), небольшое количество очень мелкого песка (от 0.1 до 0.5 мм), единичные песчинки размером до 1.0 мм.

Разновидностью глины 3 является *глина 3а*, в которой наряду с большим количеством пылевидного песка практически отсутствуют частицы песка более крупного размера. Единичные зерна песка здесь достигают размера 0.2–0.3 мм.

Глина 4. Сырье с высоким содержанием очень мелкого (от 0.1 до 0.5 мм) кварцевого песка, наряду с которым отмечен пылевидный (до 0.1 мм). Песчаные зерна размером от 0.5 до 1 мм и выше встречаются единично. Концентрация песка составляет примерно 1 : 2–1 : 3.

В пользу естественного происхождения песка указанных групп глинистого сырья говорят особенности его размеров и концентраций. Так, в глине 1 единичность зерен песка разного размера однозначно указывает на его естественное происхождение. В глинах 3 и 3а, напротив, высокое содержание пылевидного песка при небольшой доле очень мелкого и мелкого песка также не вызывает сомнений в его естественном происхождении. Как правило, гончары избегали добавлять в глину очень мелкий песок, поскольку он резко снижал ее пластичность (Бобринский, 1999. С. 25). Размер и концентрация песка в глине 2 позволяют отнести его к материалу естественного происхождения. Это согласуется с наблюдениями А.А. Бобринского, по мнению которого присутствие в природной глине мелкого песка в концентрации более 15–20% указывает на его искусственный характер (1999. С. 24, 25). Наибольшие сложности с интерпретацией песчаной примеси как естественной или искусственной вызывает глина 4 в связи с общей высокой концентрацией песка. Однако тот факт, что наиболее массовая фракция представлена очень мелким и пылевидным песком, при очень незначительном количестве зерен размером от 0.5 до 1 мм, а также то, что наблюдается плавное изменение размерности зерен песка от более мелких к более крупным, позволяет считать песок в этой глине естественным по своему происхождению.

По степени запесоченности глины можно разделить на три группы: слабозапесоченные – глина 1; средней запесоченности – глина 2; сильной запесоченности – глины 3, 3а, 4. Поскольку в настоящее время отсутствует методика прямого определения степени пластичности глин по обожженному черепку, для таких заключений используются данные о степени запесоченности глины. В соответствии с выявленными особенностями глина 1 может быть оценена как высокопластичная, глина 2 – как среднепластичная, а глины 3, 3а и 4 – как низкопластичные.

Таблица 2 отражает особенности пластичности исходного сырья, использованного для изготовления древнейшей посуды, выявленные по материалам всех трех городищ.

Судя по приведенным в табл. 2 данным, подавляющее число сосудов на каждом памятнике в отдельности и на всех памятниках в целом было изготовлено из низкопластичного глинистого сырья. На Старшем Каширском городище это 28 образцов из 33; на Мутёнковском – 22 из 27; на Корыстовском 5 из 9. Доминирующая роль использования такого сырья в гончарном производстве не изменится, если дополнить эти данные сосудами, изготовленными из слабоожелезненной глины или смеси двух глин.

Информация об особенностях исходного глинистого сырья, отбиравшегося для изготовления керамики древними гончарами, дает возможность наметить источники сырья, которые могли ими использоваться.

В соответствии с приведенными данными для посуды Старшего Каширского городища использовалось 6 источников сырья: 1) ожелезненная пластичная глина (глина 1); 2) ожелезненная пластичная глина с примесью известняка (глина 1 + известняк); 3) ожелезненная глина средней пластичности (глина 2); 4) ожелезненная глина низкой пластичности (глина 3); 5) ожелезненная глина низкой пластичности с примесью известняка (глина 3 + известняк); 6) ожелезненная глина низкой пластичности (глина 4).

Для посуды Мутёнковского городища можно наметить 7 источников сырья: 1) слабоожелезненная пластичная глина (глина 1, слабоожелезненная), 2) слабоожелезненная пластичная глина с примесью известняка (глина 1, слабоожелезненная + известняк), 3) ожелезненная пластичная глина (глина 1), 4) ожелезненная пластичная глина с примесью известняка (глина 1 + известняк), 5) ожелезненная низкопластичная глина (глина 3), 6) ожелезненная низкопластичная глина с примесью известняка (глина 3 + известняк),7) ожелезненная низкопластичная глина (глина 3а).

Для изготовления древнейшей посуды Корыстовского городища использовалась глина из 4 источников сырья: 1) ожелезненная пластичная глина (глина 1); 2) ожелезненная глина средней пластичности (глина 2); 3) ожелезненная глина низкой пластичности (глина 3а); 4) ожелезненная глина низкой пластичности (глина 4).

Сравнительный анализ этих данных позволяет отметить, что на Старшем Каширском городище использовался качественно более однообразный тип сырья, по сравнению с другими памятниками. Разнообразие источников сырья в основном проявляется в рамках низкопластичных глин, только единичные фрагменты керамики изготовлены из более пластичной глины. Несколько иная картина наблюдается в керамике Мутёнковского городища. Глинистое сырье, из которого изготавливалась посуда гончарами этого поселения, более разнообразно. Так, несмотря на преобладание низкопластичного сырья здесь довольно заметную долю составляет посуда, изготовленная из пластичной ожелезненной и слабоожелезненной глин, которые сильно отличаются по своим свойствам от низкопластичного глинистого сырья. Из-за общей малочисленности исследованной керамики Корыстовского городища четких закономерностей в ее распределении по источникам сырья не наблюдается. Однако по степени качественного разнообразия источников сырья посуда этого памятника близка посуде Старшего Каширского городища.

Для того чтобы оценить особенности местных залежей в окрестностях изучаемых памятников, во время полевых сезонов был предпринят специальный сбор проб глинистого сырья. Он осуществлялся в доступных современных обнажениях оврагов и речных берегов в непосредственной близости от памятников.

В окрестностях Мутёнковского и Корыстовского городищ было отобрано 7 образцов глин. Оказалось, что не все из этих образцов (по совокупности признаков ожелезненности, запесоченности и наличию естественной примеси известняка) соответствуют тем разновидностям сырья, которые были выделены в ходе изучения древнейшей керамики.

Бóльшая часть собранных образцов глин (5 из 7 проб) относятся к сильнозапесоченным содержащим примесь пылевидного песка, но только три из них могут быть соотнесены по совокупности признаков с выделенными вариантами глин, а именно с глинами 3 и 3а. Остальные образцы по особенностям распределения размерных фракций песка и особенностям естественной примеси известняка не могут быть отнесены к выделенным по керамике разновидностям сырья. Залежей, аналогичных пластичным слабоожелезненной и ожелезненноой глинам, обнаружить вблизи памятников пока не удалось.

В окрестностях Старшего Каширского городища было собрано только 3 образца глин. Небольшое количество проб объясняется наличием плотной городской застройки вокруг памятника. Все собранные образцы могут быть отнесены к ожелезненному сильнозапесоченному сырью (типа 3 и 3а) в соответствии с приведенной выше группировкой.

Таким образом, наиболее доступным и широко распространенным в окрестностях памятников является сильнозапесоченное (низкопластичное) глинистое сырье, представляющее собой покровные суглинки, которые на раннем этапе существования городищ, как это было показано выше, являлись основным источником для производства глиняной посуды.

Подготовка исходного сырья. Признаков высушивания и дробления сухой глины в ходе микроскопического анализа образцов обнаружено не было и поэтому можно сделать заключение о том, что вся исследовавшаяся керамика была изготовлена из влажной природной глины. Для изготовления одного сосуда, происходящего с Мутёнковского городища, была использована смесь ожелезненной и неожелезненной пластичных глин, каждая из которых в момент составления формовочной массы также находилась во влажном состоянии.

Составление формовочной массы. В качестве компонентов формовочных масс в изученной керамике зафиксированы дресва (Д), песок (П) и органика (О). Оценка роли органики в формовоч-

ной массе в данном случае оказалась весьма сложным делом из-за ее незначительной концентрации. Следы органической примеси фиксируются, как правило, по единичным растительные отпечаткам, не превышающим обычно 0.5–0.7 мм в длину. Еще реже встречаются стеблевидные более грубые отпечатки. Также единично зафиксированы полости от жидкой фракции органики размером до 0.7 мм. Единичность подобных отпечатков не позволяет с уверенностью определять органическую примесь как естественную или искусственно введенную. Если предположить искусственное происхождение органики в формовочной массе сосудов, то, скорее всего, такого рода отпечатки можно связывать с раствором органического происхождения, вероятно, с жидкой фракцией навоза. Поэтому в дальнейшем присутствие этой примеси в составе рецептов обозначается буквой "О" со знаком вопроса.

Выявлены следующие рецепты формовочных масс: Г + Д + О?, Г + Д + П + О?, Г + О. Дресва, дробленый камень, является самым массовым компонентом формовочных масс и представлена как в простых – Г + Д + О?, так и в сложных рецептах – Г + Д + П + О? (табл. 3). Приведенные в табл. 3 данные свидетельствуют, что 65 из всех 74 проанализированных сосудов (т.е. 88%) изготовлены по рецепту Г + Д + О?. Сосуды с примесью дресвы в формовочной массе преобладают на всех изучаемых памятниках.

Песок, искусственно введенный в формовочную массу сосудов, представлен окатанными зернами кварца прозрачными и полупрозрачными, песчинки других минералов и иной окрашенности единичны. Песок хорошо сортирован, т.е. четко выявляется наиболее массовая его размерная фракция (0.3–0.5 мм), максимальный размер зерен песка от 1.0 до 2.0 мм. Концентрация искусственно введенного песка составляет 1 : 3–1 : 4. В рецепте формовочной массы Г + Д + П + О? концентрация песка во всех восьми случаях превышает концентрацию дресвы.

Данные о размерах дресвы приводятся в табл. 4, о ее концентрации в формовочной массе сосудов – в табл. 5.

Судя по данным табл. 4, древними гончарами считалась пригодной для использования дресва

Таблица 3. Распределение рецептов формовочных масс керамики по памятникам

Городища	Рецепты формовочных масс			Всего сосудов
	Г + Д + + О?	Г + Д + П + + О?	Г + О	
Старшее Каширское	32	1	–	33
Мутенковское	27	5	–	32
Корыстовское	6	2	1	9
Всего	65	8	1	74

размером не более 5 мм. Если на Старшем Каширском городище размер дресвы в формовочной массе в основном колеблется в пределах 2.1–3.0 мм, то на Мутёнковском городище, где наибольшее число изученных сосудов содержит дресву от 3.1 до 4.0 мм, требования к размеру дресвы были менее жесткими. Изученные материалы Корыстовского городища, вероятно, более близки Старшему Каширскому городищу.

Из табл. 5 следует, что на Каширском и Мутёнковском городищах концентрация дресвы в формовочной массе также имеет свои особенности. В частности, на Старшем Каширском городище наиболее массовыми были меньшие значения концентрации дресвы – 1 : 5–1 : 6, а на Мутёнковском, напротив, несколько более высокие – 1 : 4. В отношении керамики Корыстовского городища имеющиеся данные не позволяют сделать однозначных выводов.

Как было отмечено выше, заметная часть керамики Мутёнковского городища была изготовлена из слабозапесоченной (пластичной) глины – 10 сосудов (т.е. свыше 30%). Можно высказать предположение о том, что концентрация дресвы могла в определенной мере зависеть от степени запесоченности глины. Для проверки этой гипотезы была изучена зависимость между разными по степени запесоченности (пластичности) разновидностями глин, использовавшимися древними гончарами и концентрациями дресвы в формовочной массе сосудов (табл. 6).

Таблица 4. Размеры дресвы в древнейшей керамике каширских городищ, изготовленной по рецепту Г + Д + О? и Г + Д + П + О?

Городища	Размерные группы дресвы (мм)					Всего сосудов
	1.1–2.0	2.1–3.0	3.1–4.0	4.1–5.0	5.1–6.0	
Старшее Каширское	5	18	7	3	–	33
Мутёнковское	4	10	13	4	1	32
Корыстовское	1	–	4	3	–	8
Всего	10	28	24	10	1	73

Таблица 5. Концентрация дресвы в древнейшей керамике каширских городищ, изготовленной по рецепту Г + Д + О?

Городища	Концентрация дресвы				Всего сосудов
	1 : 3	1 : 4	1 : 5	1 : 6–1 : 7	
Старшее Каширское	3	3	16	10	32
Мутёнковское	3	11	7	6	27
Корыстовское	1	2	–	3	6
Всего	7	16	23	19	65

Таблица 6. Зависимость между концентрацией дресвы в керамике с рецептом Г + Д + О? и степенью запесоченности (пластичности) глины

Разновидности сырья	Концентрация дресвы			
	1 : 3	1 : 4	1 : 5	1 : 6–1 : 7
Глина 1	5	5	–	–
Глина 2	1	1	–	–
Глина 3	–	6	21	16
Глина 3а	1	2	1	1
Глина 4	–	2	1	2
Всего	7	16	23	19

Судя по приведенным в табл. 6 данным, слабозапесоченное (глина 1) и среднезапесоченное (глина 2) сырье действительно сочетается только с более высокими концентрациями дресвы, а сильнозапесоченное (глины 3, 3а и 4) – с низкими концентрациями.

Таким образом, в результате технологического изучения выявлены приспособительные культурные традиции, связанные с отбором и подготовкой исходного сырья, а также составлением формовочной массы древнейшей керамики каширских городищ.

Выяснилось, что доминирующими в рамках подготовительной стадии гончарного производства были традиции, связанные с отбором сильнозапесоченного (низкопластичного) глинистого исходного сырья и составления формовочной массы по рецепту Г + Д + О?. Подобное сырье, как это установлено в результате изучения проб глин, было широко распространено в окрестностях рассматриваемых памятников. Наиболее массовая концентрация дресвы в составе формовочной массы – 1 : 5, причем значения концентраций дресвы несколько варьируют в зависимости от степени пластичности используемого сырья. Все эти традиции отражены в большинстве сосудов каждого из рассматриваемых памятников, что позволяет говорить о культурной родственности населения, оставившего древнейшую керамику каширских городищ.

Применение гончарами Мутёнковского городища слабозапесоченных (пластичных) глин, отличающихся от основной массы использовавшегося исходного сырья, явилось, скорее всего, результатом смешения носителей пришлых и местных гончарных традиций. Часто сосуды, изготовленные из нехарактерных для местных гончаров слабозапесоченных (пластичных) глин, отличаются от остальной керамики и морфологическими особенностями. Некоторые из них имеют меньшую толщину стенок – 4–5 мм (рисунок, *9*) в отличие от привычных 6–7 мм, другие – необычную орнаментацию (ямки, нанесенные косо поставленной палочкой), или очень тщательную обработку всей внешней поверхности сосуда с помощью бороздчатого заглаживания (рисунок, *10*). Один сосуд обнаружил сходство с керамикой Селецкого городища со "стежковой фактурой поверхности" (по классификации И.Л. Черная (1981)), представляющей собой вертикальные отпечатки коротких "стежков" из перевитых нитей, сгруппированных по несколько "стежков" вместе.

Относительно небольшая доля этих сосудов, а также отмеченные специфические технологические и морфологические их особенности указывают на то, что носители этих традиций были пришлыми на изучаемых поселениях. Вступив в контакт с местными гончарами, вероятно, в результате браков, они оказались в рецессивном (подчиненном) положении и были вынуждены приспосабливаться к местным традициям производства керамики.

Приспособительный характер навыков отбора и подготовки исходного сырья и составления формовочной массы позволял довольно быстро в течение примерно нескольких лет пришлым гончарам адаптироваться к местной сырьевой базе (Бобринский, 1978; 1999).

Полученные данные о существенном разнообразии источников сырья на Мутёнковском городище и, напротив, о большей их однородности на Старшем Каширском городищах могут в дальнейшем при изучении всей керамики этих памятников оказаться весьма полезными для решения вопроса об их относительной хронологии.

Исследование технологических особенностей данной керамики является частью изучения большого массива древнейшей керамики городищ раннего железного века Волго-Окского междуречья, а также сопредельных территорий, в частности Среднего Поочья. Эта керамика по особенностям профилировки верхних частей сосудов, гребенчатой орнаментации, наличию бороздчатого заглаживания сходна на всей указанной территории, а частично и за ее пределами, и не ограничивается только рамками дьяковской культуры.

Изучение технологии изготовления древнейшей керамики каширских городищ поможет уточ-

нить характер связи этих городищ с памятниками раннего железного века бассейна Москвы-реки, относимых к дьяковской культуре. В настоящее время проблема культурной принадлежности Старшего Каширского, Мутёнковского и Корыстовского городищ не решена окончательно. Дело в том, что далеко не все признаки дьяковской культуры (Смирнов, 1974. С. 76–79) однозначно применимы к каширским памятникам. Одно из отличий – небольшое в целом количество сетчатой керамики (не более 10%) и отсутствие сетчатых сосудов с гребенчатым орнаментом среди древнейшей керамики каширских городищ. Пока мы располагаем далеко не полными данными о технологических традициях изготовления керамики с памятников этих сопредельных территорий. Можно лишь отметить их общее сходство с некоторыми особенностями технологии изготовления керамики Настасьинского городища, проявившееся в доминировании традиции отбора исходного сырья низкой пластичности и составления формовочной массы с добавлением примеси дресвы (Лопатина, 2002), хотя древнейшая керамика с гребенчатым орнаментом на этом памятнике отсутствует.

Морфологические особенности изученной древнейшей керамики, отличающие ее от более поздних материалов, отмечены и на дьяковских (Кренке, 1995. С. 177), и на каширских памятниках. Дальнейшее исследование керамики раннего железного века этого района позволит реконструировать разновременные традиции изготовления керамики этих групп гончаров и выяснить характер связи между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.

Городцов В.А. Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. Вып. 85. М.; Л., 1933.

Кренке Н.А. "Чертов городок" – селище железного века в окрестностях села Коломенского // СА. 1995. № 3.

Лопатина О.А. Некоторые особенности технологии керамики городища Настасьино // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.

Лопатина О.А. Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века // Сб. тр. конф., посвященной памяти А.М. Микляева. В печати.

Сидоров В.В. Старшее Каширское городище и Колтеск // АО-2001. 2002.

Сидоров В.В., Лопатина О.А. Раскопки Мутёнковского городища // АО-2003. 2004.

Сидоров В.В. Отчет о раскопках городищ каширской группы в 2004 г. // Архив ОПИ ИА РАН. 2004.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.

Смирнов К.А. Исследование Мутёнковского городища // АО-1978. 1979.

Смирнов К.А., Сидоров В.В. Отчет о раскопках Старшего Каширского городища в 1997 г. // Архив ИА РАН. 1997. Р-I. № 22806.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4.

Technological features of the earliest pottery from the Early Iron Age hillforts (Kashira district of Moscow region)

O. A. Lopatina

Summary

The paper deals with the results of technological inveatigation of the earliest pottery discovered at the Early Iron Age hillforts located in Kashira district of Moscow region. The discussed pottery differs in its outward characteristics from that of later date from the same sites. Traditions of cultural adoption in pottery production have been investigated: selection of raw material, its processing and composition of ceramic paste. Comparative analysis of the data concerning the pottery dating from the period of settling the hillforts Starshee Kashirskoe, Mutenka and Korystovo shows similarity of these traditions. Both the domination of low-plastic raw material and composition of ceramic paste according to the formula clay + gravel make it evident. The other revealed evidence of mixing of population that took place at the sites in the earliest period of their existence.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 100–112

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ БАССЕЙНА ВЕРХНЕЙ ОКИ

© 2005 г. И. В. Болдин

Калужский областной краеведческий музей

Важнейшим источником исторических реконструкций среди археологических материалов, всегда вызывающим особый интерес у исследователей, является керамика. Изменения в формах, технологических особенностях изготовления и орнаментации глиняной посуды позволяют использовать ее как для изучения хронологии и периодизации археологических культур в целом, так и для определения времени существования конкретных объектов. Фрагменты глиняной посуды – не только самая массовая в подавляющем большинстве случаев, но нередко и единственная, категория находок на памятнике. Этим обусловлено стремление археологов разрабатывать хронологические шкалы для керамических изделий различных территорий. Не является исключением и бассейн Верхней Оки, расположенный в центральной части Русской равнины – участок течения р. Оки с притоками от истока в Орловской обл. до серпуховско-каширского отрезка реки в Московской обл.

Первые описания керамических изделий, найденных на памятниках в верхнеокском регионе, были предприняты еще в конце XIX – начале XX в. И.Д. Четыркиным (1898; 1899), Н.В. Тепловым (1899), Н.И. Булычовым (1899а; б; 1913), Ю.Г. Гендуне (1903). Во второй половине XX в. продолжилось накопление археологических материалов верхнеокского региона и изучение керамических находок, в том числе, с целью выявления хронологически значимых отличий. Среди археологических объектов II тыс. на территории Верхнего Поочья наибольший интерес в 1950–1970-е годы вызывали памятники, оставленные древнерусским населением. По этой причине коллекции древнерусской керамики оказались самыми многочисленными. Первая хронологическая классификация верхнеокской керамики была предложена Т.Н. Никольской (1981) для памятников X – середины XIII в. Керамика эпохи Батыева нашествия и золотоордынского времени Т.Н. Никольской не рассматривалась.

Полученные в последней четверти XX и начале XXI в. полученные керамические материалы расширили источниковедческую базу по периоду Древней Руси и позднесредневековому времени, с одной стороны, а с другой – развитие методики изучения керамики позволило по-новому подойти к анализу гончарной посуды из раскопок более раннего времени. Предпринятая здесь попытка исследовать технологические, морфологические свойства, орнаментацию круговой посуды направлена на создание обобщающей хронологической шкалы керамики позднесредневекового времени бассейна Верхней Оки. В основу характеристики черт глиняных изделий положены методические разработки А.А. Бобринского (1978; 1988; 1999).

Исследование датирующих особенностей круговой керамики верхнеокского региона построено на анализе коллекций памятников, культурный слой которых датирован по некерамическим находкам и сведениям письменных источников: городище Серенск (Мещовский р-н Калужской обл.), городище Спас-Городок (пригородная зона г. Калуги), раскопки Т.Н. Никольской; городище Воротынск (Перемышльский р-н Калужской обл.), культурный слой Козельска, селище Кривское (Боровский р-н Калужской обл.), раскопки Г.А. Массалитиной; городище Любутск (Ферзиковский р-н Калужской обл.), культурные слои монастырей Пафнутьев-Боровского и Оптиной пустыни, городище Мосальск, культурный слой г. Калуги, раскопки И.В. Болдина; старообрядческое кладбище в г. Калуге, раскопки А.К. Станюковича, А.С. Фролова; городище Чекалин, культурный слой Калуги, раскопки О.Л. Прошкина. Помимо перечисленных в работе использованы материалы разведочных работ, этнографическая коллекция Калужского краеведческого музея и его филиалов (табл. 1).

ХРОНОЛОГИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ

Исследование технологических особенностей керамики проводилось в ходе ее лабораторного изучения. Каждый отобранный образец раскалывался на две части. Одна из них нагревалась в муфельной печи до температуры 850°С в условиях окислительной среды. Анализ технологических особенностей выполнялся по свежим сколам образ-

Таблица 1. Распределение изученных фрагментов верхних частей горшков по морфологическим типам

Памятник	Датировка (вв.)	А	Б1	Б2	Б3	Б4	В	Г1	Г2	Д	Е1	Е2	Е3	Ж	З	И	К
Городище Серенск	XI–XV	201	23	38	704	36	102	221	382	21	162	41	6	42	40	–	–
Селище Серенск	XII–XVI	10	7	8	91	7	2	16	12	2	31	6	2	2	5	1	–
Селище Спас-Городок	XI–XV	47	6	12	163	2	4	14	67	6	81	14	6	16	17	–	1
Селище Кривское	X–XI	91	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Городище Любутск	XIV–XV	133	–	–	244	295	–	9	174	–	435	96	22	139	1561	19	–
Городище Любутск (комплекс)	XIV	17	–	–	6	8	–	2	8	1	9	1	–	–	55	–	–
Городище Воротынск	XV–XVI	53	–	–	22	58	–	–	–	31	1090	754	428	29	64	26	–
Пафнутьев-Боровский монастырь	XV–XVII	5	–	–	–	10	–	–	–	2	19	29	40	18	4	7	–
Козельск	XIII–XIX	132	10	12	63	73	4	42	36	10	268	230	102	4	81	116	80
Монастырь Оптина пустынь	XVI–XIX	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	8	9	4	–	16	5
Калуга	XVI–XIX	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	5	4	4	1	19	14
Городище Чекалин	XVI–XVII	1	–	–	1	–	–	–	–	1	21	12	5	9	1	80	1
Старообрядческое кладбище в Калуге	XVIII–XIX	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	17
Всего		690	47	70	1294	489	112	304	679	74	2124	1196	624	267	1829	284	118

Таблица 2. Некоторые технологические особенности изученных горшков

Памятник	Датировка (вв.)	Глина		Примесь				Прокаленность	
		ожелезненная	неожелезненная	дресва	песок (размер частиц в мм)			неполная	полная
					1–2	0.5–1	<0.5		
Городище Серенск	XI–XV	9	13	1	–	9	12	16	6
Селище Серенск	XII–XVI	3	15	1	1	2	13	16	1
Городище Спас-Городок	XI–XV	11	30	3	6	14	18	32	5
Селище Кривское	X–XI	14	–	12	2	–	–	14	–
Городище Любутск	XIV–XV	–	32	–	–	9	22	24	8
Городище Любутск (комплекс)	XIV	11	110	–	–	6	115	79	33
Городище Воротынск	XV–XVI	4	62	–	–	2	64	33	20
Пафнутьев-Боровский монастырь	XV–XVII	3	15	–	–	5	12	8	5
Козельск	XIII–XIX	2	16	–	–	5	13	10	6
Монастырь Оптина пустынь	XVI–XIX	–	6	–	–	4	2	1	5
Калуга	XVI–XIX	–	8	–	–	–	8	3	5
Городище Чекалин	XVI–XVII	–	25	–	–	3	21	19	6
Старообрядческое кладбище в Калуге	XVIII–XIX	–	17	–	–	–	17	10	7
Этнографическая комплекция	XIX–XX	–	14	–	–	–	9	–	–
Всего		57	363	17	9	59	326	265	107

Таблица 3. Распределение изученных фрагментов днищ горшков с различными отпечатками/следами

Памятник	Датировка (вв.)	Виды отпечатков/следов на днищах							
		дресвы	песка (размер частиц в мм)			органики	среза	заглаживания	лощения
			1–2	0.5–1	<0.5				
Селище Серенск	XII–XVI	2	9	6	3	–	–	2	–
Городище Спас-Городок	XI–XV	6	–	–	–	5	–	2	–
Городище Любутск	XIV–XV	–	–	5	1	2	–	3	2
Городище Любутск (комплекс)	XIV	–	1	2	9	–	–	12	–
Городище Воротынск	XV–XVI	–	3	20	21	–	1	6	2
Козельск	XIII–XIX	–	3	17	–	–	–	6	–
Старообрядческое кладбище в Калуге	XVIII–XIX	–	–	–	3	4	2	1	–
Этнографическая коллекция	XIX–XX	–	–	–	1	–	13	–	–
Всего		8	16	50	38	11	16	32	4

цов с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 (табл. 2).

Раздел 1. Ожелезненность глин

В результате нагревания были удалены органические включения, соединения железа окислены до оксида, имеющего красный цвет. После прогревания каждый образец был расколот дополнительно. Необходимо отметить, что загрязненная поверхность после нагрева окрашивается в красные тона. Основанием для заключения об ожелезненности глины служит цвет свежего скола, полученный после прогрева фрагмента.

Вся исследованная керамика была разделена на два класса. Образцы, окрашенные в цвета от розового до кирпично-красного, отнесены к классу керамики, изготовленной из ожелезненных глин. Второй класс составили образцы, окрашенные в цвета от молочно-белого до кремового. Этот класс керамики изготовлен из неожелезненных глин (Бобринский, 1999. С. 19).

Раздел 2. Состав и размеры преобладающих минеральных включений

В состав формовочной массы входят различные минеральные включения: песок, дресва, шамот, слюда, бурый железняк, известняк и др. Наиболее часто в верхнеокской круговой керамике встречаются песок, дресва, шамот. Если дресва и шамот присутствуют в формовочной массе всегда в качестве искусственных добавок, то песок является составляющей всех природных глин. В то же время песок в гончарном производстве II тыс. – самая распространенная добавка в природную глину.

В зависимости от размера минеральные включения подразделяются на следующие классы (по А.А. Бобринскому): очень крупные (более 3 мм); крупные (2–3 мм); средние (1–2 мм); мелкие (0.5–1 мм); очень мелкие – менее 0.5 мм. При работе с коллекциями круговой керамики верхнеокского региона оказалось возможным для ее описания ограничиться использованием следующих классов минеральных примесей: 1) средние – песок 1–2 мм, дресва, шамот; 2) мелкие – песок 0.5–1 мм; 3) очень мелкие – песок менее 0.5 мм. Крупные включения (частицы более 2 мм в поперечнике) встречаются в изделиях местных гончаров лишь как исключение.

Раздел 3. Следы подсыпки и обработки на внешней стороне днищ сосудов. В зависимости от характера отпечатков, размера и формы прилипших зерен на внешней стороне днищ сосудов выделены следующие классы (табл. 3):

а – отпечатки и прилипшие зерна дресвы,

б – отпечатки и прилипшие зерна песка среднего размера – 1–2 мм,

в – отпечатки и прилипшие зерна мелкого песка – 0.5–1 мм,

г – отпечатки и прилипшие зерна очень мелкого песка – менее 0.5 мм,

д – отпечатки органики (золы),

е – следы среза сосуда с поверхности круга,

ж – следы заглаживания днищ,

з – лощеные днища.

На части днищ зафиксированы изображения различных очертаний (клейма).

Раздел 4. Степень прокаленности керамики в процессе обжига определялась по цвету излома и поверхности (табл. 2). В итоге выделены два класса образцов: 1) изделия, испытавшие непродолжительное влияние температур каления; 2) изделия, подвергшиеся длительному воздействию температур каления. В первом случае излом имеет двух- или трехцветную окраску, во втором – одноцветную светлую. Если керамика обожжена в условиях интенсивной восстановительной среды или испытала повторное воздействие температур каления, например во время пожара, степень прокаленности таких образцов определить сложно (Бобринский, 1999. С. 90–105).

Керамика XIV–XV вв. Керамическое производство XIV–XV вв. базировалось на использовании неожелезненных глин. Наиболее распространенная примесь в составе формовочной массы – песок мелкого и очень мелкого размера со значительным преобладанием последнего (городище Любутск: мелкий песок отмечен в 30 % фрагментов, очень мелкий песок – в 70 %). Добавки дресвы и песка среднего размера (1–2 мм) являются исключением.

Отпечатки на внешней стороне днищ отличаются большим разнообразием: дресва, песок различной размерности, органика (табл. 3). Наиболее часто при изготовлении горшков этого времени применялась подсыпка песка (зерна менее 1 мм в поперечнике). Дресва для этих целей использовалась редко. На части фрагментов отмечены отпечатки органики, есть днища со следами заглаживания. На сосудах XIV–XV вв., как и на керамике более раннего времени (XII–XIII вв.), встречаются отпечатки на внешней стороне днищ – клейма различных форм: окружность, крест, колесо, свастика и пр. В слоях, датированных концом XV – началом XVI в., зафиксированы находки днищ, покрытых лощением с наружной стороны (городище Любутск).

Около трети исследованных образцов керамики XIV–XV вв. относится к посуде с полностью прокаленными в процессе обжига стенками (одноцветный светлый излом), у большинства фрагментов – двух- или трехцветный излом.

Керамика XVI в. В качестве основного сырья при изготовлении керамики в XVI в. использованы неожелезненные глины. Основная примесь – очень мелкий песок (менее 0.5 мм). Мелкий песок (0.5–1 мм) в составе керамики XVI в. встречается реже. Так, 78% круговой посуды городища Воротынск изготовлено из глин с примесью очень мелкого песка. Добавок песка среднего размера и дресвы в формовочную массу не отмечено.

Следы на внешней стороне днищ разнообразны: песок, органика (зола), следы срезания при численном преобладании фрагментов с отпечатками мелкого и очень мелкого песка. Часть фрагментов днищ имеет заглаженную и лощеную поверхности.

Наряду с керамикой, излом которой имеет двух- или трехцветную окраску, широко представлена посуда с одноцветным светлым изломом и одноцветным темным изломом, который сочетается с темной лощеной поверхностью. Распространение чернолощеной керамики в Москве относится ко второй половине XV – первой половине XVI в. (Рабинович, 1949. С. 63; Розенфельдт, 1968. С. 28; Чернов, 1991б. С. 50). В Смоленске такая посуда появилась в XIV в. (Юркина, 1976. С. 56). Чернолощеная посуда Верхнего Поочья конца XV – первой половины XVI в. отличалась тщательностью исполнения: поверхность глянцевая, отдельные лощеные линии, как правило, не выделяются, лощением покрыта вся внешняя поверхность сосуда, включая дно.

На памятниках Верхнего Поочья в слоях, датированных концом XV–XVI в., отмечены единичные находки фрагментов ангобированных сосудов.

Керамика XVII – начала XX вв. В качестве основного сырья для производства керамики XVII – начала XX в. использованы неожелезненные глины. Основная примесь – очень мелкий песок (реже мелкий песок или без видимых примесей).

Крепление заготовки будущего сосуда к поверхности круга осуществлялось как без подсыпки с последующим срезом сформованного изделия, так и с подсыпкой очень мелкого песка (менее 0.5 мм) или органики (золы). Излом керамики имеет двух-, трехцветную окраску или одноцветную светлую.

В XVII в. на поселениях верхнеокского региона продолжалось изготовление чернолощеной посуды: как правило, нижняя часть сосудов не покрывалась лощением; лощение нанесено штриховкой; выделяются отдельные лощеные линии, между которыми есть участки без лощения. В XVII в. появляется черненая керамика с лощеным орнаментом. В середине XVIII в. чернолощеная посуда уступает место черненой (без лощения).

На памятниках Верхней Оки находки обварной посуды, отличающейся окраской внешней поверхности (темные пятна и полосы расположены относительно равномерно, фон – светлый) относятся к XVIII в. Фрагменты и целые формы посуды со следами обваривания найдены при изучении старообрядческого кладбища в г. Калуге, культурных слоев г. Козельска, Пафнутьев-Боровского монастыря. Обварная керамика, по археологическим данным и этнографическим коллекциям, присутствует в слоях, датированных XVIII – началом XX в.

ХРОНОЛОГИЯ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ

В зависимости от использованной техники орнаментации выделены пять групп.

1. Прочерченный орнамент в виде волн и линий. Орнамент нанесен при вращении сосуда на гончарном круге. В соответствии с орнаментированной площадью сосуда выделены три вида:

А) прочерченный орнамент покрывает не менее половины внешней поверхности сосуда, прочерченные линии нанесены примерно через равные промежутки;

Б) прочерченные линии сгруппированы в полосы, между полосами оставлены неорнаментированные участки поверхности;

В) орнамент нанесен в одну–пять линий по плечу сосуда или по внешней поверхности шеи сосуда.

2. Штампованный орнамент: отпечатки штампов "гребенка" и зубчатое колесо.

3. Тычковый орнамент. Орнамент нанесен инструментом с заостренным концом и представляет собой углубления различной конфигурации.

4. Лощеный орнамент в виде сетки, петель, штрихов.

5. Расписная керамика. Нанесение полос или пятен раствором белой глины по красной поверхности сосуда или красной глиной по белой поверхности.

Первые четыре группы орнамента относятся к графическим, пятая – к расписным группам (Цетлин, 1996. С. 42).

Орнаментация керамики XIV в. В XIV в., как и в XII–XIII вв., продолжает бытовать традиция нанесения прочерченного орнамента. Штампованный орнамент на керамике этого времени возможно отнести уже к числу исключений. В XIV в. широко распространяется новый способ расположения прочерченного орнамента на поверхности сосуда, появление которого на Верхней Оке приходится на XIII в., – линии и/или волны сгруппированы в несколько полос с неорнаментированными участками между ними. Орнамент расположен по плечу и тулову сосуда.

Орнаментация керамики XV в. В XV в. на керамические изделия по-прежнему наносится прочерченный орнамент, сгруппированный в отдельные полосы. Наряду с ним значительная часть сосудов украшена одной-пятью прочерченными линиями (или волнами) по плечу. В целом для указанного периода характерен переход от зонального расположения прочерченного орнамента к орнаменту, состоящему из одной полосы линий или волн по плечу.

При исследовании памятников верхнеокского региона этого периода отмечены находки отдельных фрагментов краснолощеной посуды, появление которой в Москве относится к XIV в. (Розенфельдт, 1968; Рабинович, 1971. С. 21, 22; Чернов, 1991а. С. 28–30; 1991б. С. 50). Наряду с сосудами со сплошным лощением есть сосуды, внешняя поверхность которых покрыта лощеным орнаментом. Учитывая небольшое количество такой керамики на верхнеокских памятниках (Массалитина и др., 2000) и наличие налаженного производства в Москве, можно предположить, что в XIV–XV вв. краснолощеная посуда на поселениях бассейна Верхней Оки была привозной.

Разновидностью столовых сосудов является расписная керамика (Розенфельдт, 1968. С. 20). На территории Верхнего Поочья фрагменты керамики, расписанной глиной (белой по красной основе или красной по белой), встречены в слоях XV–XIX вв. при раскопках на Любутском, Воротынском городищах, в Пафнутьев-Боровском монастыре, в монастыре Оптина пустынь и др. Фрагменты такой посуды в археологических материалах рассматриваемой территории единичны (из 3778 фрагментов круговой керамики, собранной при раскопках Воротынского городища в 2001 г., единственный фрагмент принадлежал расписному сосуду). В то же время этот способ декорирования отмечен на других предметах этого времени, выполненных из глины: игрушки, пряслица (подобные изделия были найдены на Любутском, Воротынском городищах, в культурном слое г. Калуги и др.).

Орнаментация керамики XVI в. На сосудах XVI в. отмечены следующие группы орнамента: прочерченный (линейный и волнистый), тычковый (ямочные вдавления) и лощеный (на краснолощеной керамике). Отмечены единичные находки фрагментов расписной керамики. Прочерченный и тычковый орнаменты сосредоточены на плечах горшков: прочерченный в одну-пять линий (волн) и тычковый в одну линию. Зафиксированы отдельные случаи нанесения прочерченного линейного орнамента (три-пять линий) на внешней стороне шеи горшка, сочетания тычкового и прочерченного орнаментов.

Орнаментация керамики XVII–XVIII вв. Орнамент (чаще – тычковый, реже – прочерченный) расположен по плечу. Отдельные сосуды XVII в. орнаментированы прочерченной линией по внешней стороне шеи – этот тип орнамента очень широко распространен на горшках из слоев XVI – XVII вв. Москвы, Подмосковья (Коваль, 1996. С. 106. Рис. 10; 2000. С. 81; 2001; Полюлях, 2000) и в Верхнем Подонье (Зацаринный, 2002). В материалах же верхнеокского региона подобные сосуды относятся к числу исключений. Правда, надо отме-

тить, что керамика с прочерченным орнаментом по внешней стороне шеи сосуда широко представлена на территории верхнеокского региона в местах контактных зон, например в Алексине (Зацаринный, 2003).

Среди столовой посуды широкое распространение в XVII – первой половине XVIII в. получили черненые сосуды с лощеным орнаментом. На отдельных видах чернолощеной керамики (кубышки, кувшины) часто встречается сочетание лощеного и прочерченного орнаментов.

Орнаментация керамики XIX – начала XX вв. Наиболее распространен в это время тычковый орнамент, нанесенный в одну линию по плечу сосуда, и прочерченный орнамент в одну-пять линий расположен также по плечу сосуда.

Подводя итог описания орнаментации верхнеокской керамики, надо отметить, что штампованный орнамент отмечен на керамической посуде древнерусского времени (XI–XIII вв.); прочерченный орнамент существовал длительный период, охватывающий все II тыс. В течение этого времени произошли изменения в его расположении на поверхности сосуда: если на горшках XII–XIII вв. орнаментом покрыта, как правило, большая часть поверхности сосуда, то для посуды XIV–XV вв. характерна группировка прочерченных линий в полосы, между которыми оставлены неорнаментированные участки поверхности. В XV в. появляются сосуды с орнаментом, сосредоточенным на плечиках. В XVI – начале XX в. прочерченный орнамент ограничен одной-пятью линиями на плечах горшков (редко на внешней стороне шеи).

К XVI в. относится появление сосудов, украшенных тычковым орнаментом. Широкое распространение сосудов, орнаментированных таким образом, приходится на XVII – начало XX в. Орнамент в виде лощеных линий зафиксирован на краснолощеной (с XV в.) и черненой (XVII – первая половина XVIII в.) керамике. Бытование расписной керамики относится к XV–XIX в.

ХРОНОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЕРХНИХ ЧАСТЕЙ КРУГОВЫХ СОСУДОВ

Разделение профиля сосудов на части базировалось на использовании методики А.А. Бобринского (1988). Определение границ между частями дано в соответствии с особенностями исследуемого материала (его фрагментарностью) и задачами исследования:

Губа – верхняя часть емкости. Верхняя граница совпадает с окончанием емкости. Нижней границей является точка наибольшей локальной кривизны линии. В зависимости от формы в губе выделены части, позволяющие детализировать описание морфологических типов сосудов.

Определение такой части профиля, как щека или шея А.А. Бобринским предложено проводить по отношению высоты этой части к радиусу сосуда у ее основания, доли, которую она занимает в высоте сосуда, степени отогнутости (Бобринский, 1988. С. 8, 9). Предложенный анализ возможен при исследовании целых форм или форм, позволяющих с достаточной точностью определять основные параметры. В случаях, когда исследование морфологических особенностей построено на фрагментарном материале, судить о параметрах всего сосуда (высота, радиусы) затруднительно, что не оставляет возможности для использования этих характеристик в качестве критериев. Определение части профиля (щека или шея) проведено в зависимости степени отклонения от вертикали: щека характеризуется отклонением наружу на 30 и более градусов.

Шея сосуда может быть вертикальной, вогнутой или отогнутой, но не более чем на 30°, за исключением случаев наличия дополнительной части профиля между щекой сверху и плечом снизу. Во всех этих случаях данная часть профиля отождествляется с шеей независимо от того, в какой конкретно форме она находится (Бобринский, 1988. С. 8, 9).

Плечо выделено на профиле от его максимального расширения до начала шеи (щеки, губы). Если кривизна на этом отрезке меняется, то выделяется *предплечье* как часть профиля от максимального расширения до точки изменения локальной кривизны линии контура.

Тулово – часть емкости от максимального расширения профиля до дна.

Дно – нижнее окончание емкости.

Морфологические особенности верхних частей исследованы у сосудов, отнесенных к категории "горшковидные". В рамках этой категории выделены типы. Уточняющие понятия служат для характеристики профиля верхней части горшков и введены в описания отдельных типов в следующей иерархии: 1) подтип (по степени профилированности), 2) вариант (по форме губы), 3) подвариант (по наличию и длине шеи). Применение этих характеристик предпринято только для тех типов, где это необходимо при выявлении датирующих особенностей. Типы обозначены буквами русского алфавита (А, Б, В, Г...); подтипы – римскими цифрами – I, II; варианты, подварианты – арабскими цифрами (рис. 1).

Тип А – губа горшка не имеет утолщения. По профилированности в этом типе выделены два подтипа.

Подтип AI. Слабопрофилированные горшки.

Подтип AII. Профилированные горшки.

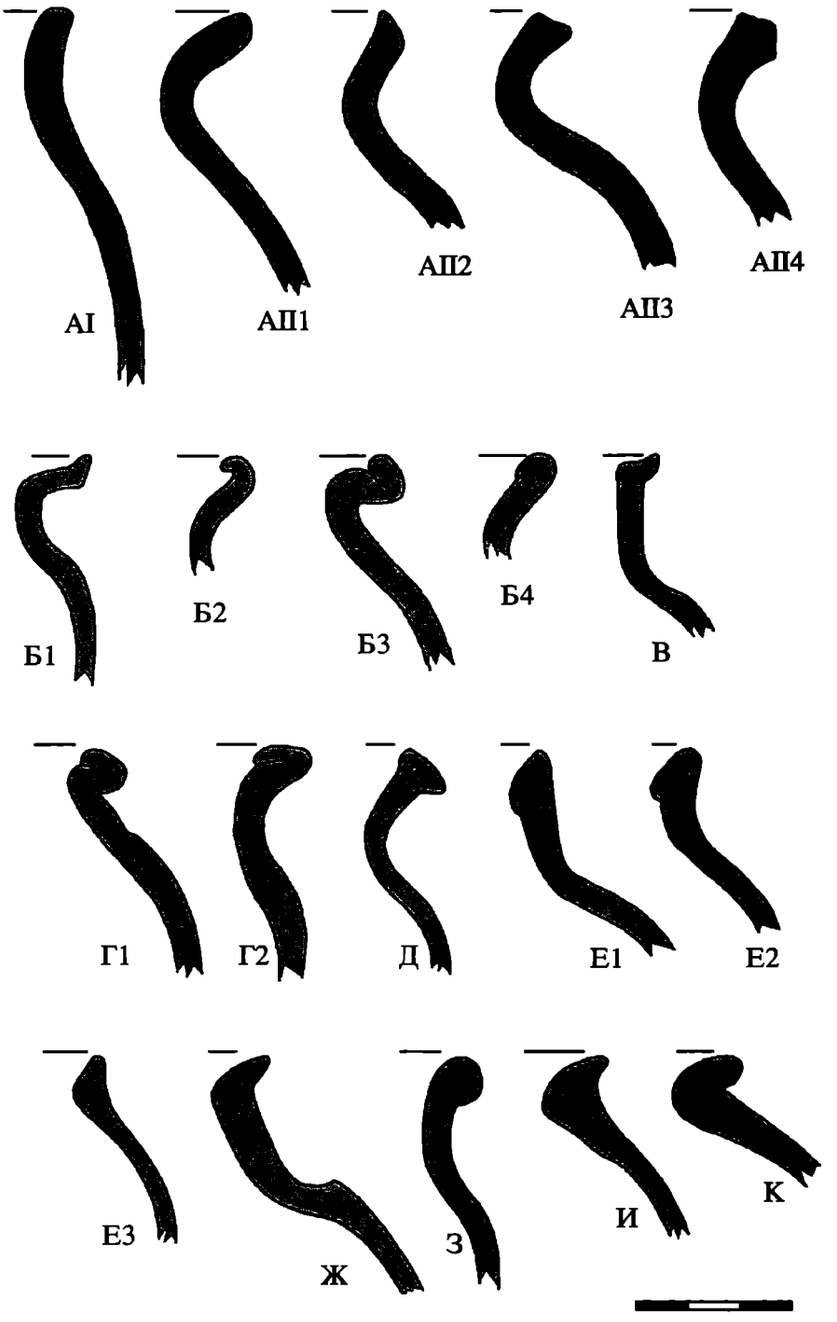


Рис. 1. Типы форм верхних частей горшков Верхнего Поочья.

По оформлению губы в подтипе II выделены четыре варианта.

Вариант 1. Скругленная форма.

Вариант 2. Незначительный выступ (менее 0.5 толщины стенки) с внутренней стороны.

Вариант 3. Незначительный выступ (менее 0.5 толщины стенки) с внешней стороны.

Вариант 4. Незначительные выступы (менее 0.5 толщины стенки) с внутренней и внешней сторон.

Тип Б. Обязательно наличие щеки, губа имеет утолщение с внутренней стороны. К этому типу отнесены четыре варианта горшков, которые выделены по способу профилировки губы.

Вариант 1. Верхняя часть губы оттянута вверх.

Вариант 2. Губа имеет крюкообразную форму профиля: завернута внутрь.

Вариант 3. Губа оформлена в виде валика с внутренней стороны – толщина валика не менее 1/4 толщины стенки сосуда.

Вариант 4. Губа оформлена в виде небольшого валика с внутренней стороны. Вариант 4 отлича-

ется от предыдущего размером валика – менее 1/4 толщины стенки.

Тип В. Губа оформлена в виде утолщения снаружи. Утолщение выполнено путем оттягивания части формовочной массы с внешней стороны. Обязательно наличие шеи и отсутствие щеки.

Тип Г. Губа оформлена в виде утолщения округлой формы с наружной стороны шеи или плеча. Щека отсутствует. Тип *Г* подразделяется на два варианта в зависимости от степени отгиба губы от линии шеи или плеча.

Вариант 1. Губа "прижата" к наружной поверхности шеи (или плеча): между губой и линией шеи (или плеча) угол не более 90°.

Вариант 2. Угол между губой и линией шеи (или плеча) более 90°, т.е. губа в форме валика отогнута по отношению к шее.

Тип Д. Губа оформлена в виде двух валиков с внутренней и внешней сторон.

Тип Е. Губа оформлена в виде валика на внутренней стороне. Щека отсутствует.

По наличию и длине шеи выделены три подварианта. Шея в данном случае определена по внутреннему контуру, так как ее длина зависит от формы губы.

Подвариант 1. Горшки с длинной шеей (длина шеи равна или более удвоенной толщины стенки сосуда).

Подвариант 2. Горшки с короткой шеей (менее удвоенной толщины стенки).

Подвариант 3. Горшки без конструктивно выделенной шеи.

Тип Ж. Губа отогнута от шеи. У горшков этого типа обязательны наличие шеи и отсутствие щеки. Горшки с венчиками типа *Ж* порой сходны по форме с горшками типа *В*, однако способ формовки у горшков этих типов различен. Для горшков типа *Ж* характерен отгиб губы от шеи, в то время как у венчиков типа *В* губа сформирована путем оттягивания части формовочной массы с наружной стороны. Эти различия в формовке прослеживаются по свежим сколам верхних частей горшков.

Тип З. Губа оформлена в виде валика с наружной стороны.

Тип И. Губа оформлена в виде валика с внутренней стороны (подобно типу *Е*) с оттянутым наружу краем. Эта конструктивная особенность отличает горшки типа *И* от горшков типа *Е*. Щека отсутствует.

Тип К. Губа утолщена, отогнута от плеча. Щека и шея отсутствуют.

Предложенное разделение на типы, подтипы, варианты, подварианты практически исчерпывает все многообразие в оформлении верхних частей круговых горшковидных сосудов верхнеокского региона.

ХРОНОЛОГИЯ ТИПОВ КРУГОВЫХ СОСУДОВ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

В результате проведенного анализа материала верхнеокская керамика позднесредневековой эпохи была распределена следующим образом.

Среди типов *А, Б, В* только горшки с формой венчика *АIII, Б3, Б4* выходят за рамки древнерусского времени.

Наличие горшков типа *АIII* (рис. 2, *1, 2*) отмечено в разновременных комплексах. Наибольшее количество фрагментов горшков этого типа (по отношению к общему количеству фрагментов верхних частей горшков) зафиксировано в комплексах, датированных X–XI вв.: до половины керамического набора (селище Кривское). В материалах, отложившихся в XII–XV вв., количество фрагментов таких сосудов находится в пределах 6–26% (городища Серенск, Спас-Городок). Горшки этого типа продолжали бытовать до XVI в., однако в это время их удельный вес в культурном слое незначителен (городище Воротынск – 2%). Тип *АIII* представлен горшками, различающимися по технологии изготовления: если в XI–XIII вв. их производили из ожелезненной глины с примесями частиц среднего и мелкого размера (городище Серенск, селище Кривское), то в XIV–XVI вв. это были уже белоглиняные горшки с примесями мелкого и очень мелкого песка (городища Любутск, Воротынск).

Керамика с венчиками типа *Б3* (рис. 2, *3, 4*) (в литературе горшки подобной формы получили название "курганной керамики" (Рабинович, 1949. С. 59; Розенфельдт, 1962. С. 65)) отмечена при исследовании культурных напластований, отложившихся с XI по XV вв. В комлексах XII–XIII вв. она составляет до 69.2% фрагментов керамических сосудов (городище Серенск). Для XIV–XV вв. характерно снижение количества горшков с подобным оформлением верхней части до 8.7% (городище Любутск). По составу формовочных масс горшки типа *Б3* можно разделить на два класса: 1) изготовленные из ожелезненной глины с добавкой дресвы или песка среднего размера; 2) изготовленные из неожелезненной (редко ожелезненной) глины с добавкой мелкого и очень мелкого песка. Орнаментированы, как правило, прочерченными линиями и/или волнами, которые или покрывают большую часть поверхности сосуда, или собраны в полосы.

Появление горшков типа *Б4* (рис. 2, *5*), вероятно, следует связать с XIV в. Наибольшее распространение относится ко второй половине XV – первой половине XVI в. (комплекс Пафнутьев-

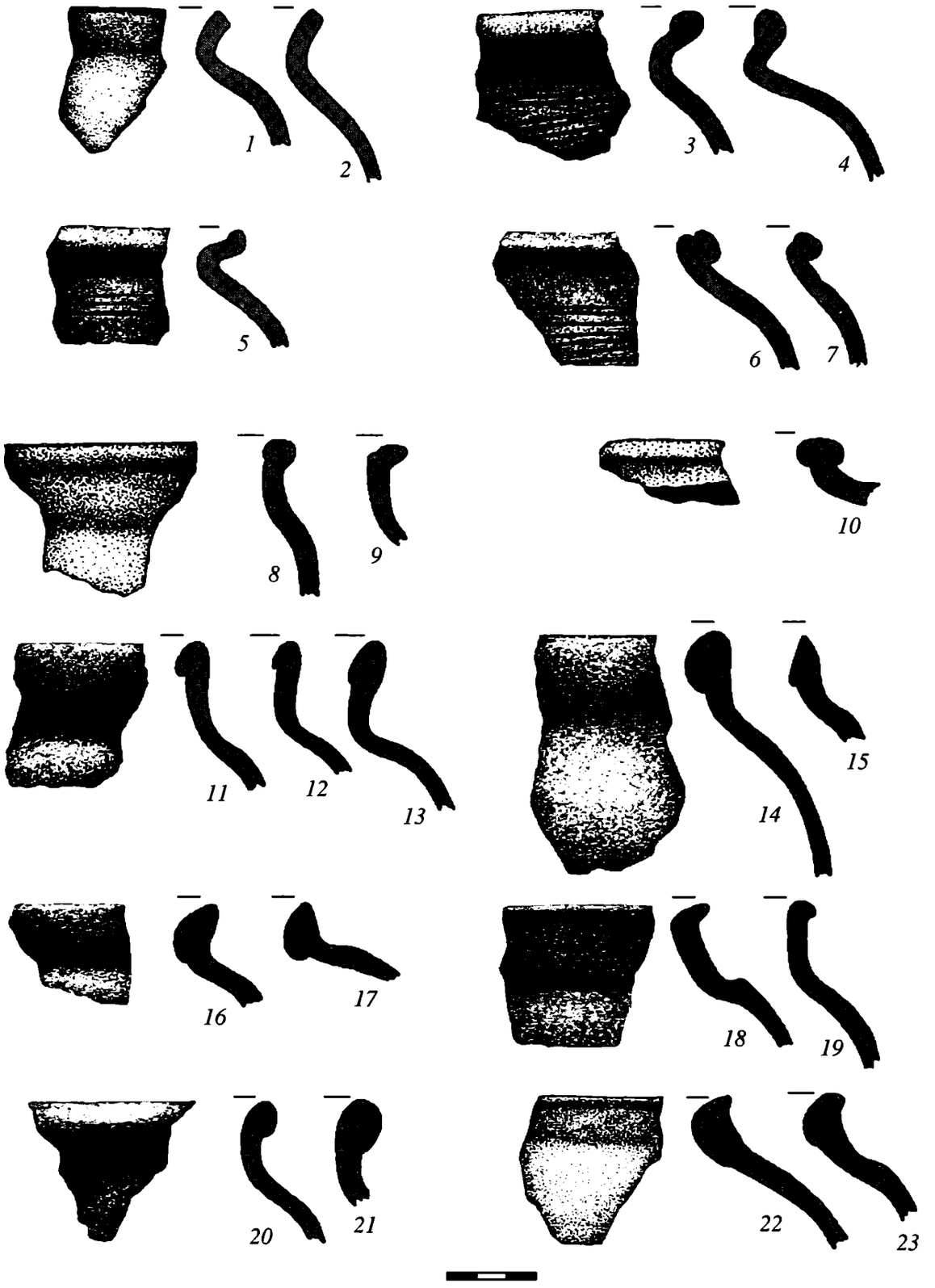


Рис. 2. Типы форм верхних частей горшков позднесредневекового времени: *1, 2* – тип АШ1; *3, 4* – тип Б3; *5* – тип Б4; *6, 7* – тип Г1; *8, 9* – тип Г2; *10* – тип Д; *11–13* – тип Е1; *14, 15* – тип Е2; *16, 17* – тип Е3; *18, 19* – тип Ж; *20, 21* – тип З; *22, 23* – тип И. (*1, 2, 6, 7* – городище Серенск, 1965 г.; *3–5* – Серенск, 1967 г., раскопки Т.Н. Никольской; *8, 9, 20, 21* – Любутск, 1997 г., раскопки И.В. Болдина; *10, 19, 22, 23* – Козельск, 1992 г., *11–15* – Воротынск, 1996 г., раскопки Г.А. Массалитиной; *16–18* – Пафнутьев-Боровский монастырь, 1993 г., раскопки И.В. Болдина).

Боровского монастыря – 34%). В последующее время количество горшков типа *Б4* снижается. Сосуды типа *Б4* изготовлены из неожелезненных глин с примесью мелкого и очень мелкого песка; орнаментированы прочерченными линиями по плечу.

Наличие горшков с венчиками типа *Г1* (рис. 2. *6, 7*) отмечено при исследовании разновременных культурных напластований. Их появление, вероятно, следует относить к XII–XIII вв., а время наибольшего распространения – к XIII–XIV вв. (городище Серенск). Горшки с венчиками типа *Г2* (рис. 2. *8, 9*) встречаются преимущественно в слоях XIV–XV вв. (городище Любутск). Среди керамики типа *Г* преобладают горшки, изготовленные из неожелезненных глин. Для горшков варианта 1 характерны различные минеральные примеси: среднего размера (дресва, песок), мелкие и очень мелкие (песок). Горшки варианта 2 сформованы в основном из глин с примесью мелкого и очень мелкого песка. Стенки горшков типа *Г*, как правило, орнаментированы прочерченными прямыми линиями (или волнами), покрывающими большую часть поверхности сосуда или сгруппированными в полосы.

Предложенная датировка согласуется с данными, полученными при изучении различных памятников, в коллекциях которых есть горшки, аналогичные сосудам типа *Г1* (Чернов, 1991а. С. 21. Рис. 41; Коваль., 1993. С. 74; 1996. С. 109. Рис. 4; 5; 8; 1997; Стрикалов, 1998. С. 31).

Тип Д (рис. 2, *10*) отмечен в слоях, отложившихся с XII по XVI вв. Обращает на себя внимание то, что доля аналогичных форм очень невелика: средние показатели находятся в пределах 1–2%: культурный слой г. Козельска – 1%, культурный слой Пафнутьев-Боровского монастыря – 1.5%, городище Серенск – 1%, городище Воротынск – около 1%. Это не позволяет выделить более узкий временной интервал, для которого присутствие горшков типа *Д* могло бы считаться специфической чертой, а наличие венчиков таких форм в том или ином комплексе или слое соответственно основанием для датировки. Горшки типа *Д* изготовлены из различных по составу формовочных масс, орнаментированы прочерченными линиями и штампом.

Тип Е. Горшки с венчиками подварианта 1 (рис. 2, *11–13*) появились среди керамической посуды, вероятно, в XII–XIII вв. (городище Серенск, Спас-Городок). К этому времени относятся отдельные находки фрагментов таких горшков. В комплексах XIV–XV вв. их количество достигает 22.2% (городище Любутск); наибольшее распространение приходится на период XIV–XVI вв. (до 43% (городище Воротынск, Пафнутьев-Боровский монастырь)).

Горшки подварианта 2 (рис. 2, *14, 15*) в незначительном количестве отмечены в культурных слоях XIII–XIV вв. Массовое их распространение приходится на XV–XVI вв. (до 28.1% – городище Воротынск); в материалах XVII в. удельный вес этой посуды снижается.

Появление горшков подварианта 3 (рис. 2, *16, 17*) относится к XIV–XV вв., массовое распространение эти горшки получили в XVI в. (городище Воротынск – 17%). В XVI в. тип *Е* (подварианты 1, 2, 3) занял доминирующее положение среди горшков Верхнего Поочья (городище Воротынск – 90%). Итогом последующего развития сосудов типа *Е* стало появление на памятниках Верхнего Поочья горшков с венчиками типа *И*. Трансформация последнего, в свою очередь, определила форму профиля горшков XVIII–XX вв. Горшки типа *Е* по технологии производства – это преимущественно изделия, сформованные из неожелезненных глин с примесью очень мелкого песка, орнаментированы в большинстве случаев прочерченными линиями и волнами по плечу (реже – по внешней стороне шеи сосуда) или углублениями по плечу (тычковый орнамент).

Горшки с венчиками, оформленными аналогично типу *Е1*, отмечены при исследовании многих археологических объектов на соседних территориях. Появление таких горшков в Чернигово-Северской земле связывают с XIV в.; преобладающим этот тип стал в XVI в. (Виногродская, 1990. С. 97, 98. Рис. 1, *5, 6*). Появление горшков типа *Е1* в бассейне Средней Оки относится к XIV в. (Судаков, Челяпов, 1997. С. 48. Рис. 3). Широкое распространение керамики с подобным оформлением верхней части в Москве относится к концу XVI–XVII вв. (Коваль, 1993. С. 74; 2001; Чернов, 1992. С. 146).

Тип Ж (рис. 2, *18, 19*). Среди проанализированных комплексов выделяется керамический набор из культурного слоя Пафнутьев-Боровского монастыря (1444–1511 гг.), в котором фрагменты горшков типа *Ж* составляют 66%. В других комплексах XV в. доля горшков этого типа достигает 10% (городище Любутск). В слоях, отложившихся в XIII–XIV вв. (городище Серенск), а также в XVII в. (городище Чекалин), горшки с венчиками типа *Ж* в среднем составляют около 4–5%. Сосуды типа *Ж* изготовлены из неожелезненных глин с примесью мелкого и очень мелкого песка. Орнамент на поверхности горшков, как правило, выполнен прочерченными линиями или ямочными углублениями по плечу (тычковый орнамент).

В московской керамике сходные по профилю формы отнесены ко второй половине XV – первой половине XVI в. (Чернов, 1991б. С. 52, 53. Табл. 128; 129; 133).

Тип З (рис. 2, *20, 21*). Удельный вес горшков с венчиками типа *З* значителен в комплексах, дати-

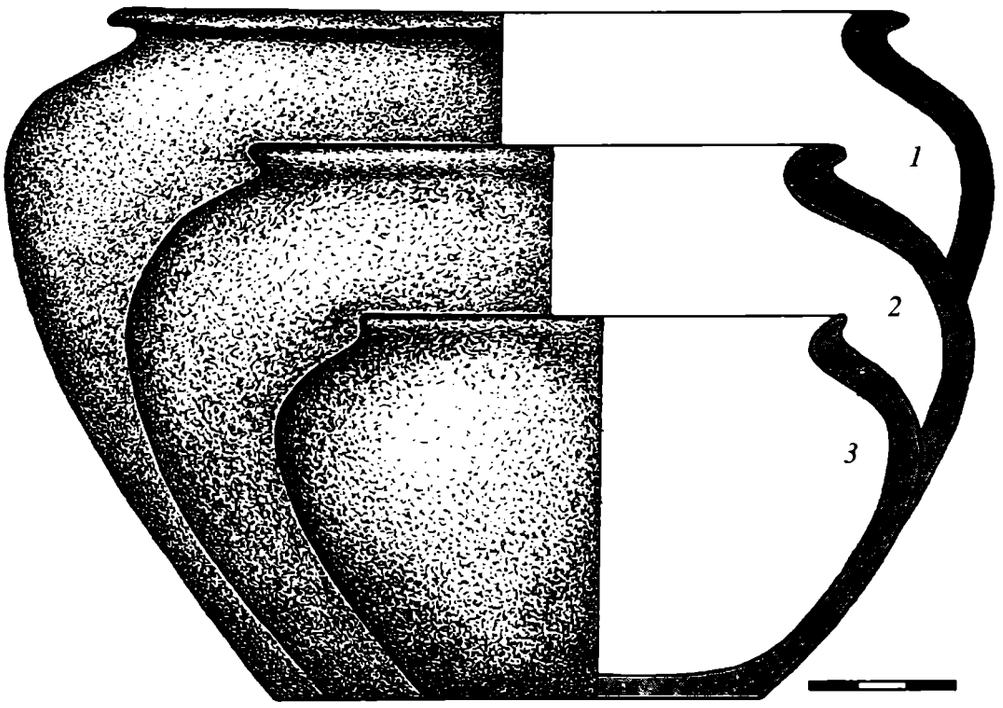


Рис. 3. Горшки типа *К* (XVIII–XX вв.) Старообрядческое кладбище в г. Калуге. 1996 г. Раскопки А.К. Станюковича.

рованных XIV–XV вв., причем на XIV в. приходится их наибольшее распространение – до 60.9% (объекты XIV в. на городище Любутск), что почти вдвое больше, чем в XV в. С конца XV в. количество горшков типа *З* резко уменьшается. Основная масса горшков типа *З* сформована из неожелезненных глин с примесью мелкого и очень мелкого песка. Орнамент – прочерченные линии и волны, сгруппированные в отдельные полосы, реже использован прочерченный орнамент, покрывающий большую часть поверхности сосуда.

В Москве керамика с аналогичным профилем верхней части появилась в конце XV в., возможно, в результате московско-литовской войны 1487–1494 гг. и признания вассальной зависимости "верховских" княжеств от Великого князя Московского (Коваль, 1999; 2001). На памятниках Подмосковья горшки с венчиками типа *З* отмечены в комплексах второй половины XIII–XIV вв. (Чернов, 1992).

Тип И (рис. 2, *22, 23*). Как уже отмечалось, горшки типа *И* стали следствием развития сосудов типа *Е*. Начало массового производства горшков типа *И* возможно отнести к концу XVI в. Среди материалов XVII в. горшки этого типа занимали ведущее место: их доля достигала 63.3% (городище Чекалин). Керамика этого типа может служить хронологическим индикатором для памятников XVII – начала XVIII в. Технологические особенности горшков типа *И*: неожелезненные глины, мелкий и очень мелкий песок. Орнамент на сосудах выполнен тычковыми углублениями или прочерченными линиями по плечу.

Горшки типа *И* постепенно вытеснили из обихода горшки типа *Е*. В XVIII в. развитие оформления верхней части горшков идет в направлении утолщения губы с отгибом ее наружу: появляются горшки типа *К*.

Тип К (рис. 3). Начало производства таких горшков относится к XVIII в.; XIX – начало XX в. – время их безраздельного господства. По технологии изготовления тип *К* относится к классу посуды, сформованной из неожелезненных глин с примесью очень мелкого песка. Орнамент выполнен тычковыми углублениями или прочерченными линиями по плечу сосуда. Фрагменты таких горшков помимо Козельска, Калуги, Боровска отмечены в культурных слоях ряда современных городов и деревень региона.

Таким образом, в результате изучения морфологических особенностей круговых горшков верхнеокского региона были выделены 10 типов, 2 подтипа, 10 вариантов, 3 подварианта сосудов данной категории. Такое разделение позволяет зафиксировать датирующие различия и определить временные рамки бытования рассмотренных совокупностей посуды. Для выяснения датировки проведено сопоставление морфологических особенностей с технологией изготовления керамики и ее орнаментацией. Горшки, сформованные из ожелез-

ненных глин со среднего размера добавками, хронологически более ранние и, как правило, по морфологическим признакам относятся к типам *А*, *Б* (исключая типы *АIII*, *Б3*, *Б4*). Горшки из неожелезненных глин с очень мелкими примесями преобладают в середине и второй половине второго тысячелетия и относятся к типам *Б4*, *Е*, *Ж*, *И*, *К*. Горшки типов *АIII*, *Б3*, *В*, Г, *Д*, *З* по составу формовочных масс принадлежат к разным технологическим классам.

Анализ сосудов "переходных" форм с опорой на хронологическую схему, построенную на результатах наблюдений за изменениями в технологии изготовления керамики, позволяет представить эволюцию выделенных морфологических типов верхнеокской керамики XIII – начала XX в. Изменения в оформлении венчика (горшки типа *Б3*) шли в трех направлениях, что привело к появлению типов *Г1* (XIII в.), *Б4* (XIV в.), *Е1* (XIV в.). В результате развития горшков типа *Г1* появились типы *Г2*, *З*. В целом керамика XIV–XV вв. характеризуется разнообразием в оформлении верхней части горшков – типы *АIII*, *Б3*, *Б4*, *Г1*, *Г2*, *Д*, *Е*, *З*, *Ж*.

С начала широкого распространения типа *Е1* (вторая половина XV в.) происходит унификация в оформлении венчиков горшков. Следующие типы один за другим сменяли друг друга: *Е1* (XIV–XV вв.), *Е2* (XV–XVI вв.), *Е3* (XVI–XVII вв.), *И* (XVII–XVIII вв.), *К* (XVIII – начало XX в.).

Итак, верхние части круговых горшков в своей динамике служат важным критерием для определения времени бытования археологического объекта. Накопленные знания в этой области позволяют конкретизировать датировку типов и, возможно, в дальнейшем дадут возможность выделить локальные виды керамики на данной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблема изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.

Булычов Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899а.

Булычов Н.И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899б.

Булычов Н.И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913.

Виногродская Л.И. Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли второй половины XIII–XV в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Гендуне Ю.Г. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб., 1903.

Зацаринный С.В. Керамический комплекс раннего этапа заселения Тульского кремля (по материалам постройки № 4) // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002.

Зацаринный С.В. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003.

Коваль В.Ю. Археологические исследования Ростиславльского стана // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996.

Коваль В.Ю. Гончарный горн из Ростиславля Рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1997.

Коваль В.Ю. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999.

Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000.

Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1.

Массалитина Г.А., Болдин И.В., Модин И.Н., Спиридонова Е.А. Археологическое исследование микроструктуры региона. Поселенческий комплекс в окрестностях села Воротынск Перемышльского района Калужской области // Тр. регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 1. Калуга, 2000.

Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981.

Полюлях А.А. К вопросу о производстве в Гжели белоглиняной керамики в XVI–XVII вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000.

Рабинович М.Г. Московская керамика // МИА. 1949. № 12. Т. 2.

Рабинович М.Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971.

Розенфельдт Р.Л. Керамика и керамическое производство Москвы в XII–XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1962 // Архив ИА РАН. 1962. Р-2. № 1860, 1860а.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. 1968. Вып. Е1–39.

Стрикалов И.Ю. Керамика Зарайска // Средневековый Зарайск (история и культурный слой). Зарайск, 1998.

Судаков В.В., Челяпов В.П. Материалы славянского времени с Канищевского городища (раскопки 1995 года) // Труды Рязанского исторического общества. Рязань, 1997.

Теплов Н.В. Городище "Дуна" близ г. Лихвина Калужской губернии // ИКУАК. 1899. Вып. 1.

Цетлин Ю.Б. Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (к постановке проблемы) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991а.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991б.

Чернов С.З. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII–XV вв. из раскопок древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М., 1992.

Четыркин И.Д. Значение глиняных сосудов, найденных при раскопках курганообразных возвышений на берегу Оки, вблизи Калуги // ИКУАК. 1898. Вып. 2.

Четыркин И.Д. Пробные раскопки Лихвинского городища 14 и 15 июля 1899 г. // ИКУАК. 1899. Вып. 2.

Юркина Т.В. О чернолощеной керамике Смоленска XIV–XVII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. 5. М., 1976.

The late medieval Russian pottery chronology (the Upper Oka basin)

I. V. Boldin

Summary

Pottery is an important historical source for establishing chronology of sites. The article presents the results of technological and morphological study of pottery originating from the basin of the Upper Oka River (Central Russia). The analysis shows a definite correlation between morphological types of vessels and their technological characteristics. At the same time, technological features are of more constant character than the morphological ones. The data obtained in the process of study of pottery collections from the dwelling sites of the Upper Oka River make medieval pottery a reliable chronological indicator.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 113–122

ПУБЛИКАЦИИ

П-ОБРАЗНЫЕ ХРАМЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ПЕРУ

© 2005 г. В. А. Башилов

Институт археологии РАН, Москва

"Неолитическая революция" на перуанском побережье завершилась к середине III тысячелетия до н.э. сложением продуктивной экономики, базировавшейся на высокоэффективном присваивающем хозяйстве – рыболовстве, морской охоте и собирательстве (Башилов 1999). Одним из археологических проявлений этого было возникновение монументальной архитектуры в так называемом Позднем докерамическом периоде (2-я половина III – начало II тысячелетия до н.э.).

Тихоокеанское побережье Центральных Анд (Коста) представляет собой специфический район с резко отличными от других регионов этой части Южной Америки природными условиями. Прежде всего это касается орографической ситуации. Коста делится на ряд участков, каждый из которых имеет свои особенности. Поднебесная стена андских хребтов вдоль побережья то отступает на 50–80 км, то придвигается почти к самой береговой линии. Ее прорезают русла многочисленных речек, в большинстве своем наполняющихся водой лишь в сезон дождей в горах.

Предлагаемая работа посвящена культовым памятникам долин двухсоткилометрового Центрального участка побережья. Шириной в среднем 20–30 км, он несколько сужается между предгорьями и береговой линией и расширяется в долинах. Археология этих мест разработана явно недостаточно, но общую картину уже можно себе представить. Самые систематические сведения о монументальных сооружениях этой части Косты, так называемых П-образных храмах, связаны с именем К. Уильямса Леона (Williams León, 1971; 1972; 1978–1980), который собрал всю имевшуюся информацию об этих памятниках, расположенных между долинами Уармей и Мала. В этих долинах обнаружено два десятка памятников, зафиксированных на картах и планах (рис. 1, *а*). К сожалению, широкие раскопки на них почти не проводились.

Эти своеобразные сооружения получили наименование по своей достаточно специфической и устойчивой планировке (рис. 1, *б, в*). П-образный храм состоял из нескольких элементов, центральным из которых являлась усеченная пирамида. На ее вершине, вероятно, располагались храмовые постройки. Ниже, на верхней части сооружения, могла находиться углубленная площадка – "атриум", с которой на уровень поверхности спускалась лестница. Прямо перед пирамидой иногда существовала прямоугольная постройка – "вестибюль", в который вел неширокий вход.

Справа и слева от основной пирамиды находились две параллельные насыпи, которые всему архитектурному комплексу придавали в плане форму русской буквы П[1]. Они необязательно строго симметричны и на них могли располагаться различные постройки. Площадь между центральной пирамидой и параллельными насыпями, называемая патио (исп. *patio* – двор), обычно тщательно нивелирована. Открытая ее сторона обращена на ССВ или В. Иногда на патио встречаются круглые углубленные в землю дворики.

Пирамиды и другие храмовые постройки состояли обычно из нескольких слоев сооружений, перекрывающих друг друга и часто дополненных пристройками. Они сооружались из камней и сырцовых кирпичей – адобов и нередко забутовывались камнем, сырцом и тростниковыми плетенками, также заполненными камнями.

К. Уильямс Леон приводит список П-образных храмов на центральном побережье (Williams León, 1978–1980. P. 98). Им учтено 20 памятников, два из которых не имеют отчетливых признаков. Можно полагать, что это если не исчерпывающая, то достаточно представительная выборка.

Важнейшим аспектом характеристики П-образных храмов являются размеры и прежде всего площадь патио. Расположив их по этому критерию, можно увидеть достаточно отчетливую группировку из трех классов (рис. 2). Двенадцать памятников, имеющих площадь от 1 до 7.5 га, составляют класс I. Они разбросаны по всем долинам Центрального побережья. Сооружения класса II – 11Ла Флорида и Гарагай (долина Римак), а также Уакой (долина Чильон) имеют размеры 12–14 га. Три памятника – Сан Хасинто и Мирафлорес (долина Чанкай) и Уаура (долина Уаура) – достигают от 20 до 30 га и образуют класс III.

Таким образом, исходя из данных К. Уильямса Леона, храмы класса III сконцентрированы в долинах Чанкай и Уаура. Памятники класса II – в

[1] В испано- и англоязычных текстах они именуются храмами в форме U.

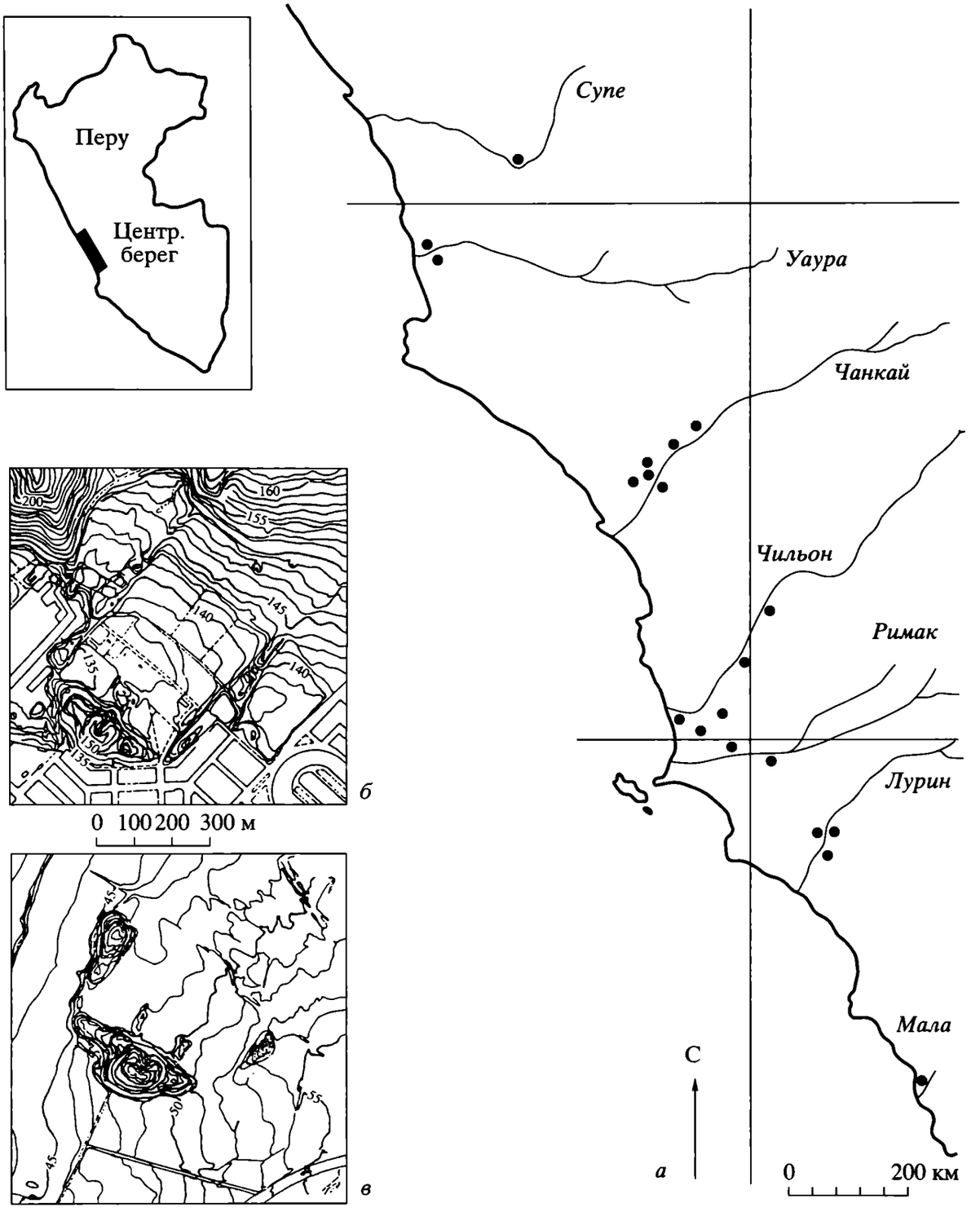


Рис. 1. П-образные храмы на Центральном побережье Перу. *а* – местонахождение храмовых комплексов в долинах Центрального берега; *б* – топографический план храма Ла Флорида; *в* – топографический план храма Гарагай.

долинах Чильон и Римак, а класс I представлен во всех долинах.

Относительная хронология П-образных храмов разработана слабо, поскольку, за исключением нескольких, они никогда не подвергались систематическим раскопкам, тем более широкой площадью. Однако на базе подробных обследований и инструментальных топографических планов между ними обнаружен ряд различий в деталях планировки и К. Уильямсу Леону удалось уловить определенную эволюцию в архитектуре этих сооружений, разбив ее на два периода, включающих в себя 6 фаз (Williams León, 1978–1980. P. 109).

Исходным пунктом этой эволюции (фаза 1) считается Эль Параисо (Чукитанта) – памятник, расположенный на северном берегу р. Чильон близ

ее устья, в двух километрах от океана. (Patterson, Lanning 1964. P. 114, 115; Engel, 1967; Moseley, Willey, 1973; Moseley, 1975. P. 95–100; Quilter, 1985; Башилов, 1999. С. 131–134). Он принадлежит к Позднему докерамическому периоду. Здесь выделено от 8 до 11 архитектурных комплексов, состоящих из остатков каменных построек (рис. 3).

На Эль Параисо были обнаружены две параллельные насыпи длиной около 400 м (комплексы II и VI). Они разделены пространством в 180 м и многими исследователями рассматриваются как внутренний двор или площадь. Сколько-нибудь масштабные раскопки на этих комплексах не проводились, хотя при разведках и шурфовках наблюдались следы многочисленных построек из грубого камня. На вершине комплекса II Дж. Килтер раскопал большое квадратное помещение, на стенах которого были зафиксированы слои обмазки, покрытой розовой или серой краской. Такая обмазка покрывала и несколько последовательно существовавших глиняных полов (Quilter, 1985. P. 287–294).

В 200 м к юго-западу от комплексов II и VI, но не строго на их центральной оси, расположен комплекс I исследованный Ф. Энгелем, а затем Дж. Килтером (Engel, 1967; Quilter, 1985. P. 283–286). Он представляет собой пирамидальное здание с единой, хотя и не единовременной (4–6 последовательных фаз) планировкой, которое поднимается до 8-м высоты. Не исключено, что некоторые постройки на вершине этой пирамиды имели жилое или хозяйственное назначение. Но центральное помещение носило следы огня и было, вероятнее всего, связано с его культом (Engel, 1967. P. 53, 54; Quilter, 1985. P. 283–286).

Можно говорить об определенной планировочной идее, которая была использована при строительстве основных сооружений Эль Параисо. Некоторые исследователи рассматривают пространство между комплексами II и VI как патио, а их совокупность с комплексом I считают прототипом П-образных храмовых центров II тыс. до н.э. Строительство подобных сооружений, несомненно, требовало организованного коллективного труда большого числа людей, а следовательно, и специальной общественной прослойки организаторов, что знаменует собой появление заметной социальной стратификации.

В целом Эль Параисо по планировке сходен с другими памятниками этого круга: те же пирамида, параллельные насыпи и патио. Однако неотработанность плана и наличие жилой застройки на параллельных насыпях говорят скорее всего о первоначальном этапе формирования комплекса П-образных сооружений

Для Эль Параисо опубликовано 16 радиокарбонных дат, относящихся к комплексам I, II и IV (Qilter, 1985. P. 281. Tab. 1). В более ранней монографии я интерпретировал их суммарно, в рамках фазы Гавиота по периодизации М.Э. Мосли (Башилов, 1999. Табл. 8). Однако детальное их рассмотрение по архитектурным комплексам позволило несколько уточнить датировки (рис. 4).

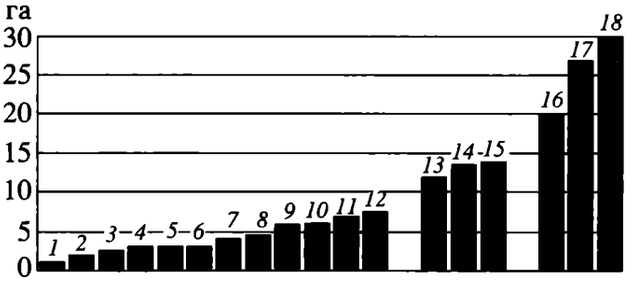


Рис. 2. Распределение храмовых комплексов по размерам. Класс I: *1* – Куйо (дол. Чанкай – 1 га); *2* – Ла Эмпедрада (дол. Супе – 1.8 га); *3* – Эль Параисо (дол. Чильон – 2.5 га); *4* – Барбакай; *5* – Группа Б (дол. Чанкай – 3 га); *6* – Кардаль (дол. Лурин – 3 га); *7* – Манчай Бахо (дол. Лурин – 4 га); *8* – Ла Салина (дол. Римак – 4.5 га); *9* – Чокас (дол. Чильон – 6 га); *10* – Уайябаль (дол. Уаура – 6 га); *11* – Сан Игнасио (дол. Чанкай – 7 га); *12* – Мина Пердида (дол. Лурин – 7.5 га). Класс II: *13* – Уакой (дол. Чильон – 12 га); *14* – Гарагай (дол. Римак – 13.5 га); *15* – Ла Флорида (дол. Римак – 14 га); Класс III: *16* – Мирафлорес (дол. Чанкай – 20 га); *17* – Уаура (дол. Уаура – 27 га); *18* – Сан Хасинто (дол. Чанкай – 30 га).

Из дат комплекса I (храмовая пирамида) две – P-1209 и Beta-8704 (1115 ± 61 и 1070 ± 60 гг. до н.э. соответственно) заметно омоложены по сравнению с остальными пятью (I–1676–1620 ± 150; P-1214 – 1494 ± 59, P-1210 – 1716 ± 59, I-3276 – 1610 ± 100, I-13275 – 1600 ± 100 гг. до н.э.). Исходя из последних датировок, можно полагать, что между серединой XVIII – началом XV вв. до н.э. комплекс I продолжал существовать.

Две даты для комплекса IV (I-13274 – 1840 ± 100 и I-13278 – 1700 ± 100 гг. до н.э.) ложатся в диапазон между XIX–XVII вв. до н.э.. Третья дата – Beta-8703 (1220 ± 150 г. до н.э.) сильно омоложена.

Для комплекса II определены шесть дат, расположенных достаточно компактно. Это I-13277 – 1420 ± 100, I-13503 – 1470 ± 90, I-13504 – 1520 ± 90, I-13505 – 1360 ± 90, I-3506 – 1570 ± 90, I-13531 – 1570 ± 240 вв. до н.э. Последняя датировка, хотя и сильно растянута во времени, в целом совпадает с предыдущими, поэтому комплекс II можно с достаточной уверенностью отнести к XVII – середине XIV вв. до н.э.

Таким образом, опираясь на результаты радиоуглеродного датирования, вполне можно заключить, что Эль Параисо существовал до середины II тыс. до н.э. Нужно учитывать также, что все эти даты происходят из верхних слоев памятника, а его основание может восходить и ко второй половине III тысячелетия.

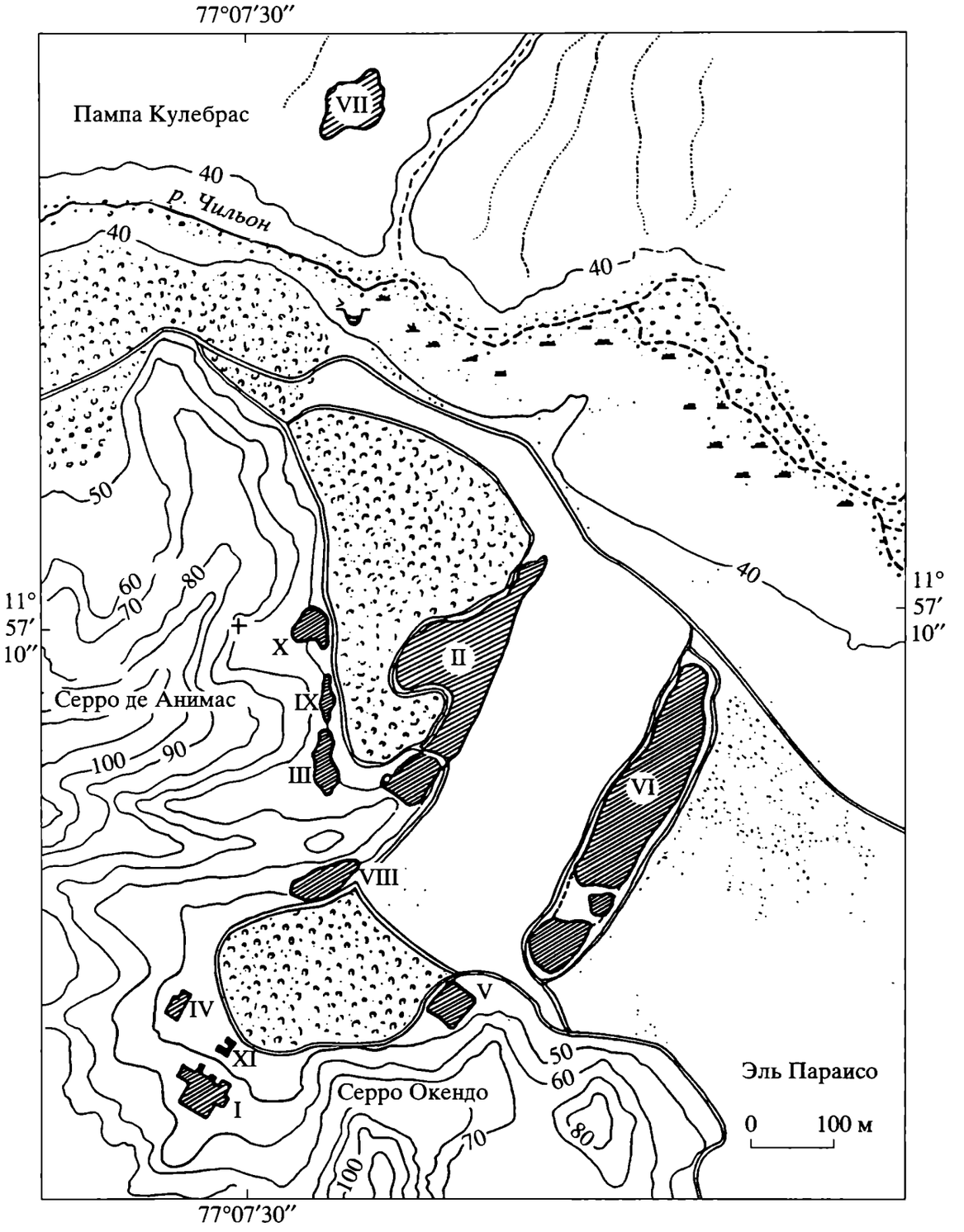


Рис. 3. Эль Параисо (Чукитанта). Общий план памятника.

К следующей группе П-образных построек (фаза 2) К. Уильямс Леон относит Ла Салина (долина Римак), и Барбакай (долина Уармей). Их центральные пирамиды фланкированы двумя параллельными насыпями, и каждое из сооружений составляет единый архитектурный комплекс. Жилая застройка на насыпях не прослеживалась. Она располагалась вблизи комплекса, но вне него. По размерам эти памятники принадлежат к классу I и связаны, видимо, со временем формирования архитектурного канона.

Именно к этому времени относится появление древнейшей керамики на Центральном побережье. Она найдена на большом открытом поселении Танк Сайт у залива Анкон и имеет три радиокарбонных даты: Gx 1240 – 1765 ± 110, Gx 1241 – 1730 ± 130 и I-810 – 1825 ± 220 гг. до н.э. (Patterson,

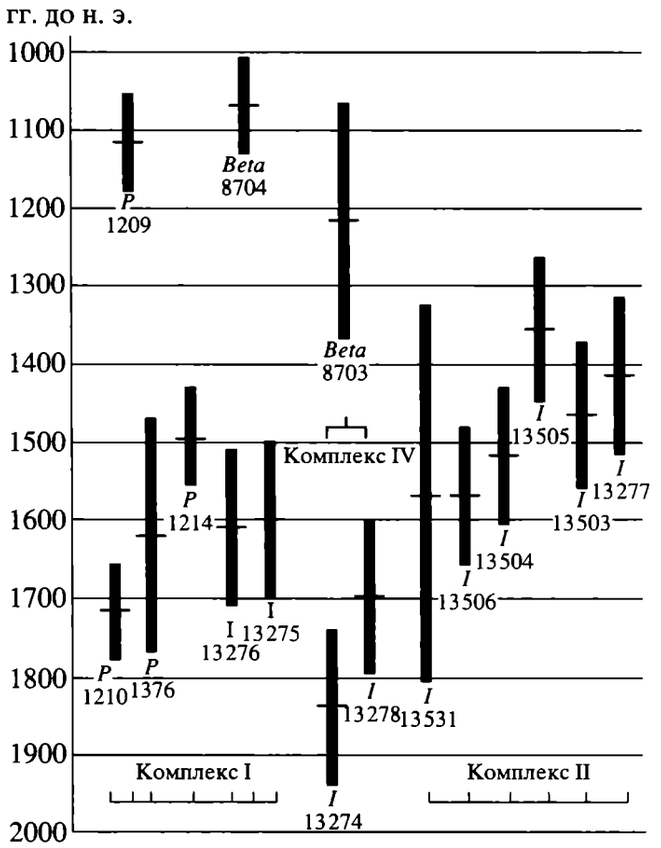


Рис. 4. Эль Параисо (Чукитанта). Даты по ^{14}C.

Moseley, 1969. P. 129). Хотя последняя датировка чрезмерно растянута, она принципиально не противоречит двум первым. В целом эти даты ложатся в диапазон XVIII–XVII вв. до н.э.

Окончательно архитектурный канон П-образных храмов сформировался, видимо, в фазе 3. К ней относится храмовый комплекс Ла Флорида (Patterson, 1985), по размерам принадлежащий к классу II. На нем возвышается 20-м пирамида. Для памятника приводятся следующие радиокарбонные определения: N 44 – 1810 ± 170, Gx 1210 – 1730 ± 120, N 87 – 1710 ± 170 и Gx 0456 – 1695 ± 85 гг. до н.э. (Williams León, 1978–1980. P. 103; Patterson, Moseley, 1969. P. 129). Эта серия дат практически совпадает с предыдущей, что скорее всего объясняется недостаточной разрешающей способностью датировок при относительной кратковременности выделенных фаз.

Однако вряд ли можно сходным образом объяснить совпадение конечных дат докерамического Эль Параисо и начальных датировок раннекерамических слоев Танк Сайт и Ла Флориды. Скорее всего мы имеем дело с исторически кратким, в пределах трех – четырех веков, периодом сосуществования у населения Центрального побережья двух различных жизненных укладов – архаического, еще не знавшего употребления глиняных сосудов, и более развитого, связанного с появлением и распространением керамического производства.

К. Уильямс Леон справедливо указывает на гипотетический характер разделения фаз 3–6 (Williams León, 1978–1980. P. 103). Однако ряд приведенных им планиграфических соображений позволяет считать, что это членение в целом отражает реальную эволюцию, может быть, и не столь дробную. При этом необходимо учитывать, что и здесь мы имеем дело с сооружениями верхнего пласта конструкций. Предшествующие пласты, включая пристройки и перестройки, а также время существования каждого отдельного памятника, остаются неизвестными из-за отсутствия широких раскопок.

Результаты корреляции сооружений фаз 3–6 с их размерами также очень показательны. К фазе 3 относятся два памятника (Мина Пердида и Ла Флорида), принадлежащие к классам I и II. В фазе 4 – пять, а в фазе 5 – семь сооружений, включая такие огромные, как Мирафлорес, Уаура и Сан Хасинто (класс III). К фазе 6 относится лишь один храм класса I – Кардаль.

В этой связи крайне интересны данные, связанные с храмом Гарагай (долина Римак, класс II, фаза 4). Это один из тех случаев, когда все основные принципы формирования архитектурного комплекса достаточно хорошо выражены, что дает конкретное представление о структуре П-образных храмов. Расположенный на окраине Лимы, памятник известен по архитектурным обследованиям и зачисткам в его центральной части (Ravines, Isbell, 1976). Хотя восточная часть сильно повреждена современной застройкой, общая планировка сооружения сохраняет характерную П-образную структуру (рис. 5, *а*).

Центральная пирамида храма имеет 385 м в длину и 155 м в ширину (рис. 5, *б*). Она возвышается на 23 м над патио. С двух сторон к ней примыкают боковые платформы – "крылья". Фасад центральной пирамиды имеет несколько террас. Перед фасадом находятся две перпендикулярные к нему 2-м насыпи, ограничивающие "вестибюль". От него наверх ведет узкая лестница, которая примерно на середине высоты постройки заканчивается "атриумом" – двором, углубленным в тело пирамиды. Вероятно, его часть – "галерея" была перекрыта кровлей из органических материалов (листья, камыш – ?).

Атриум раскопан лишь частично: в своей северо-восточной части. Здесь выявлены по крайней мере три горизонта конструкций. Верхний, лежавший у самой поверхности и получивший условное название "Поздний храм", был почти полностью разрушен. Второй ("Средний храм") сохранился гораздо лучше и стал основным объектом раскопок. Под этим горизонтом находился следующий слой конструкций, но он практически не вскрывался.

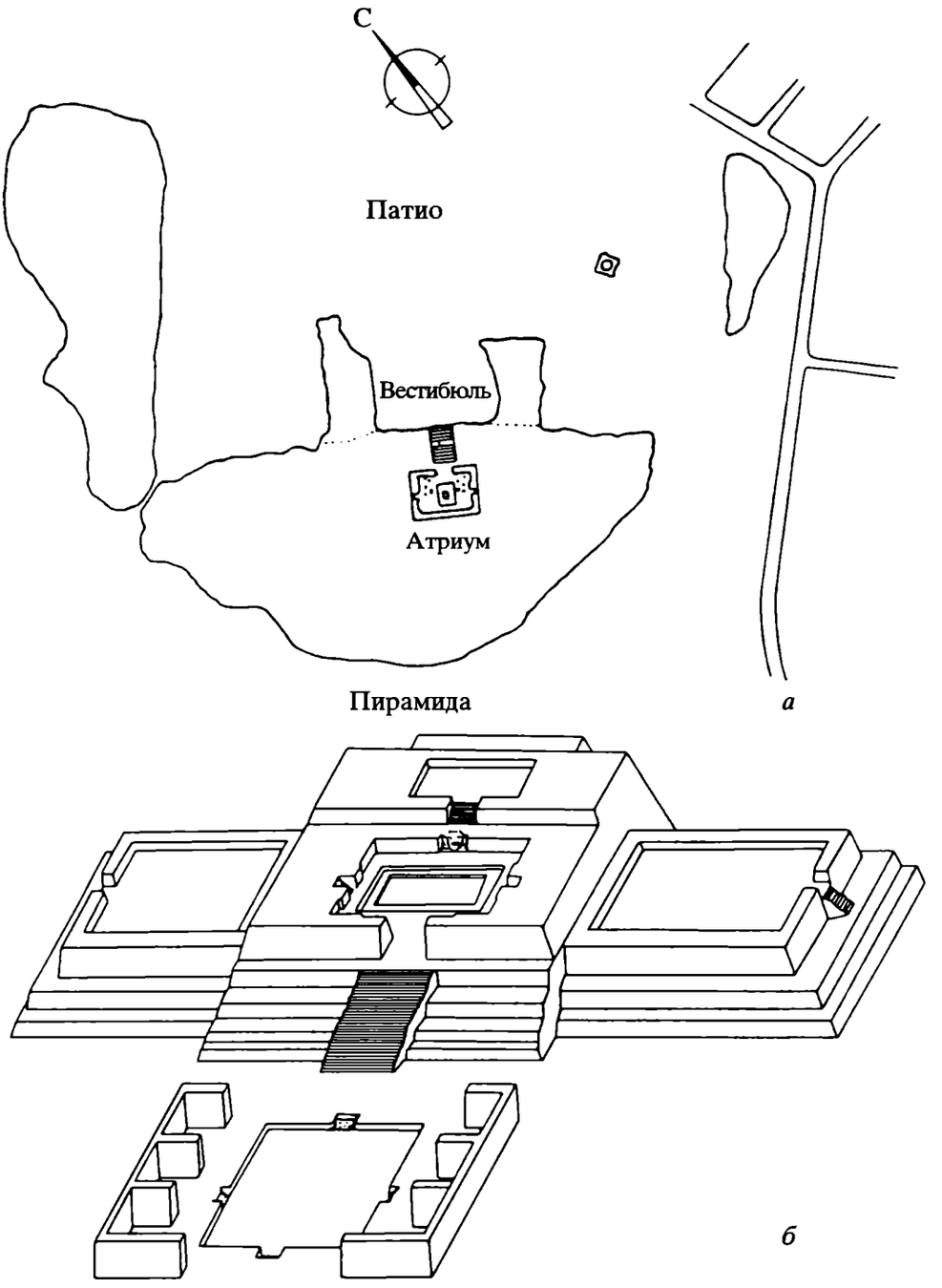


Рис. 5. Гарагай. *а* – план; *б* – центральная пирамида (реконструкция).

Сам атриум представляет собой квадратный, со стороной 24 м, углубленный двор, имеющий вокруг по два невысоких уступа – террасы. На этих уступах в пределах раскопанной площади, прослежены по три неглубокие ямы, в центре которых встречены следы дерева, возможно, от столбов, поддерживавших перекрытие галереи.

В заполнении этих ям обнаружены предметы, которые можно рассматривать как ритуальные приношения при постройке и перестройках храма. Среди них небольшая трапециевидная кальцитовая пластинка с гравированной личиной (рис. 6, *а*) и красная бусина из раковины *Spondilus*. Здесь же, в ямах, найдены небольшие антропоморфные фигурки из гипса в одежде из грубой ткани (рис. 6, *б–г*). Их стратиграфическое положение не совсем ясно. Они могли относиться как к Позднему, так и к Среднему храмам. Черты лица двух из них, с клыкастой пастью ягуара, переданы росписью в стиле Чавин, характерном для этой североперуанской культуры I тыс. до н.э. (Ravines, Isbell, 1976. P. 265. Fig. 32–35).

Самым ярким элементом орнаментики Среднего храма является полихромный скульптурный фриз на его стенах, покрытых трехслойной глиняной обмазкой. По верхнему слою обмазки идут

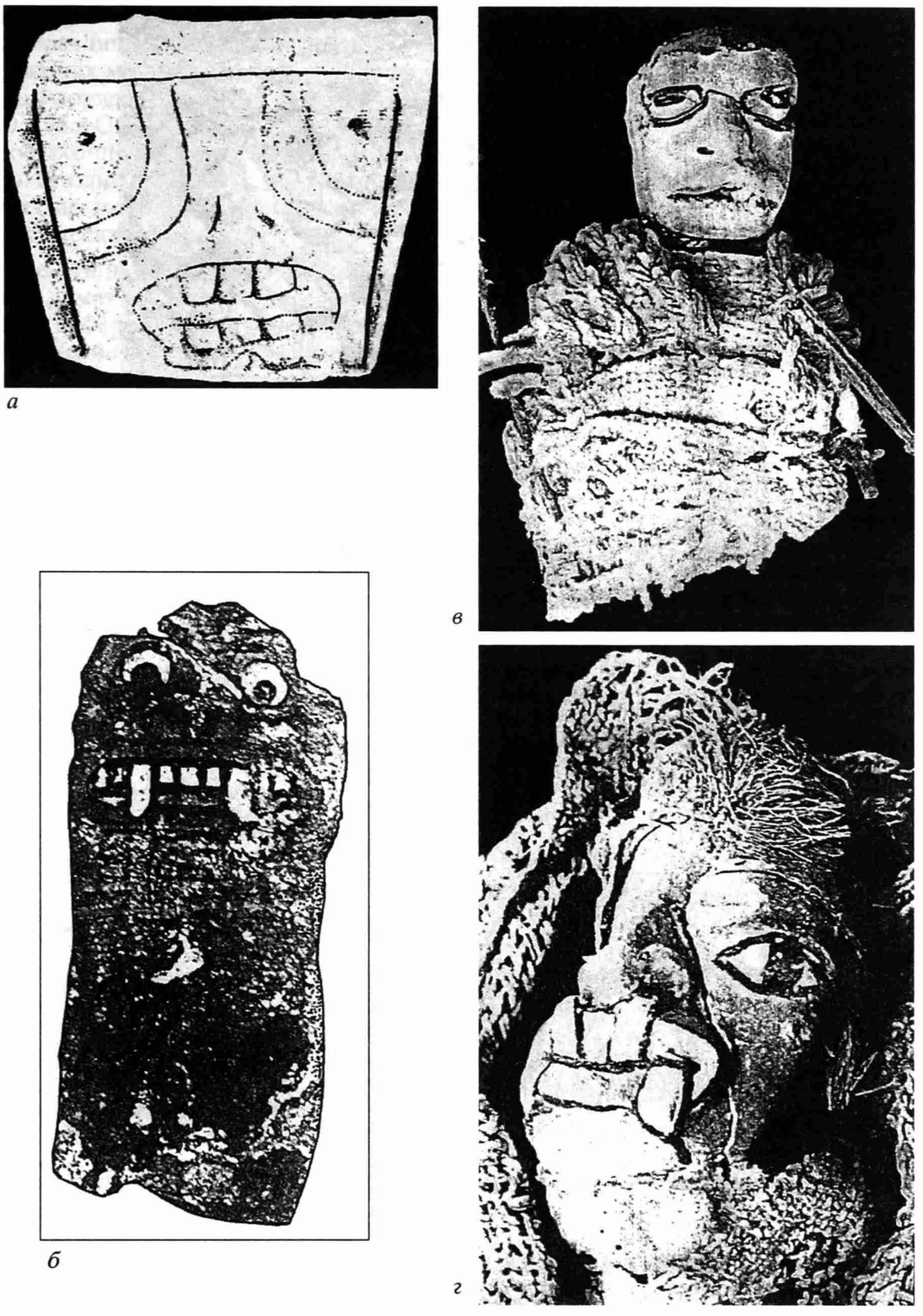


Рис. 6. Гарагай. Вотивные предметы мелкой пластики в ямах Среднего и Позднего храмов; *а* – пластинка из кальцита (выс. 3.3 см.); *б* – изображение мифического существа с росписью в стиле Чавин (камень, нить, гипс; выс. 7.5 см.); *в* – антропоморфная фигурка из растительных стеблей, одетая в ткани. Гипсовая голова расписана (выс. 10 см.); *г* – деталь другой фигурки с характерными чавиноидными чертами лица.

рельефные изображения фантастических существ, детали которых раскрашены в различные цвета – красный, синий, желтый и др. Среди них лучше всего сохранились профильные маски с подчеркнуто выделенными клыками и четвероногий монстр с человеческим лицом и "рыбьим" хвостом (рис. 7, *а, б*). Клыкастые маски окаймляют лестницу, ведущую на юго-восток к верхней части пирамиды. Хотя атриум исследован менее чем наполовину, можно предполагать, что его

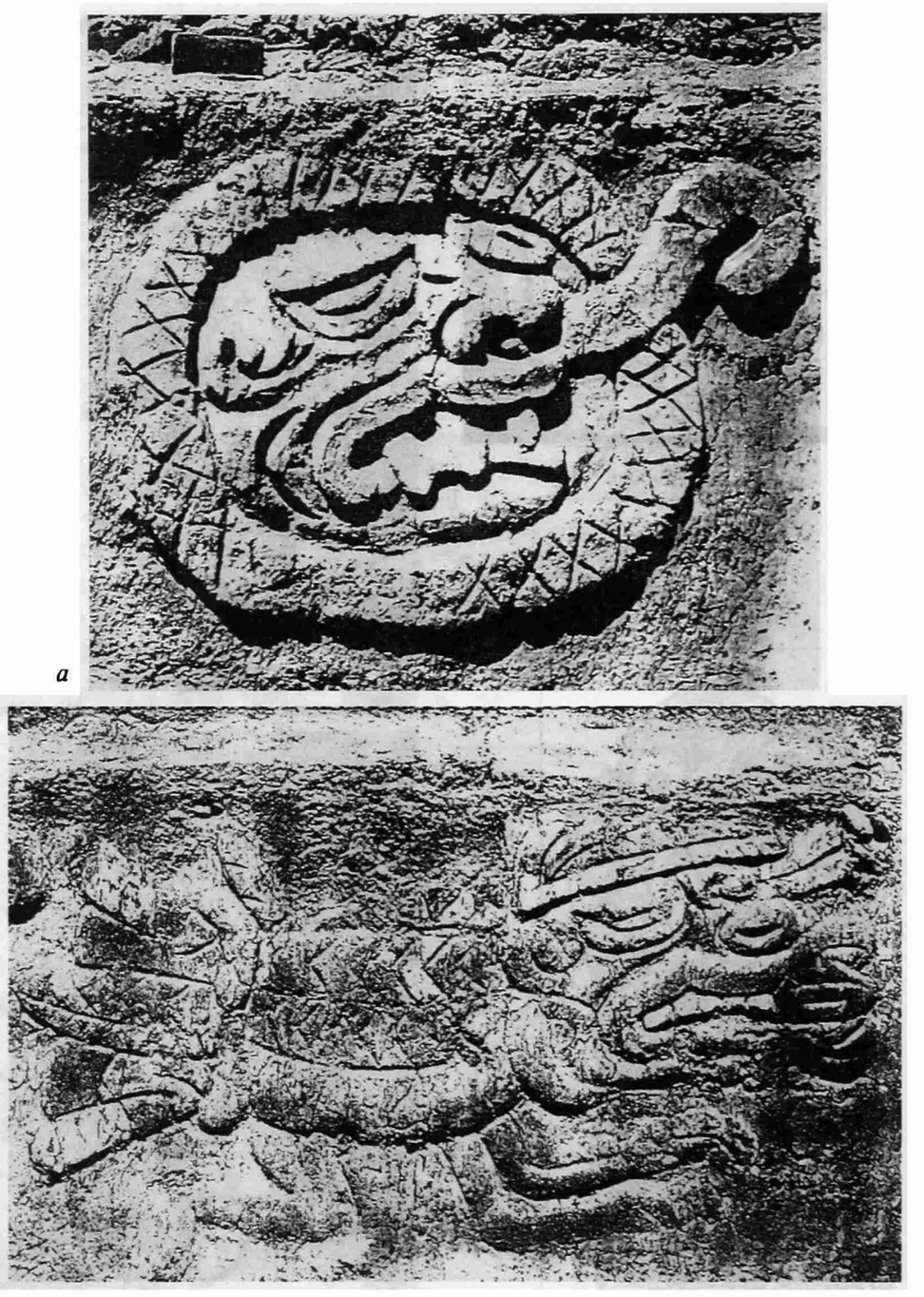


Рис. 7. Гарагай. Полихромные рельефы на стенах атриума. *а* – антропоморфная личина; *б* – фантастическое чудовище.

скульптурный декор симметрично повторялся в нераскопанной части сооружения.

Для Гарагая нет абсолютных дат и в определении времени этого памятника исследователи опираются на аналогии в материалах более поздней культуры Чавин (I тыс. до н.э.). Пасти с подчеркнутыми клыками, форма глаз, рта и другие иконографические детали настенного фриза и мелкой пластики имеют явный чавиноидный облик, хотя набор образов не совпадает с памятниками Чавина. Р. Равинес и У. Исбель вполне справедливо полагают, что искусство Гарагая предшествует широкому распространению этого североперуанского стиля, и относят описываемый храмовый центр к концу II тыс. до н.э. (Ravines, Isbell, 1976. P. 266).

Еще до работ этих исследователей, в 1959 г., пирамида Гарагая подвергалась шурфовке М. Онранеда Ольмосом. В близких к поверхности памятника слоях был обнаружен 171 фрагмент керамики (Ravines, Isbell, 1976. P. 273, 274).

В раннекерамических слоях поселения Танк Сайт прослежена интересная количественная эволюция найденного материала (Moseley, 1975. P. 29, 34). В слое 3 шурфа 1 было обнаружено 18, в слое 2 – 415, а в слое 1 (верхнем) более 3000 фрагментов кера-

мики. При этом М.Э. Мосли отмечает заметное стилистическое различие материала слоев 3–2 и 1. Два первых из них могут быть сопоставлены с материалами Ла Флориды. Слой 1 имеет даты по ^{14}C: Gx 1233 – 1120 ± 95 и Gx 1234 – 1325 ± 95 г.г. до н.э. и его можно достаточно широко датировать XIV – сер. XI в. до н.э. Вполне возможно, что между двумя указанными свитами слоев существовал некоторый хронологический разрыв.

Учитывая все эти данные, включая даты Эль Параисо, можно думать, что появление керамики на Центральном побережье Перу не было одномоментным. В течение по крайней мере двух-трех веков (2-я четверть II тыс. до н.э.) докерамические и раннекерамические памятники здесь сосуществовали и только во втор. пол. II тыс. до н.э. керамика распространилась по всему этому району.

Распределение П-образных храмов по долинам, размерам и фазам (рис. 8) достаточно убедительно свидетельствует о росте их числа в фазах 3–5. При этом небольшие и средние сооружения (классы I и II) концентрируются в долинах Чанкай, Римак и Лурин. Памятники фазы 5 сосредоточены в долинах Чанкай и Уаура. Именно здесь находятся гигантские сооружения класса III. Все это, несомненно, указывает на перемещение исторического центра Центрального побережья к северу, как и предполагал К. Уильямс Леон (Williams León, 1978–1980. P. 107).

Формирование трех классов П-образных храмов, контрастно различающихся по размерам, может быть интерпретировано как свидетельство их трехступенчатой иерархии, что, в свою очередь, сопряжено с заметным усложнением социальной структуры.

Хотя совершенно невозможно представить себе конкретное функциональное назначение П-образных храмовых комплексов, единообразие их структуры и наличие декора с явно мифологическим содержанием, несомненно, свидетельствуют о ритуальном характере этих построек и соответственно о достаточном развитии архитектурного канона и связанных с ним религиозных представлений. Памятники со сходной планировкой и декором известны и на Северном побережье Перу (Башилов, 2000. С. 20–22).

По-видимому, можно говорить о единой линии постепенной эволюции монументальной архитектуры, которая продолжалась на Центральном побережье от Позднего докерамического к Раннекерамическому ("Начальному" по перуанской периодизации) периоду. При этом можно полагать, что появление керамического производства в этом регионе было связано не с кардинальными изменениями образа жизни населения, а лишь с общим его усложнением. Это, со своей стороны, позволяет думать об отсутствии принципиальной и жесткой границы между Поздним докерамическим и Раннекерамическим периодом, а также о взаимном перекрытии их радиокарбонных датировок во второй четверти II тыс. до н.э.

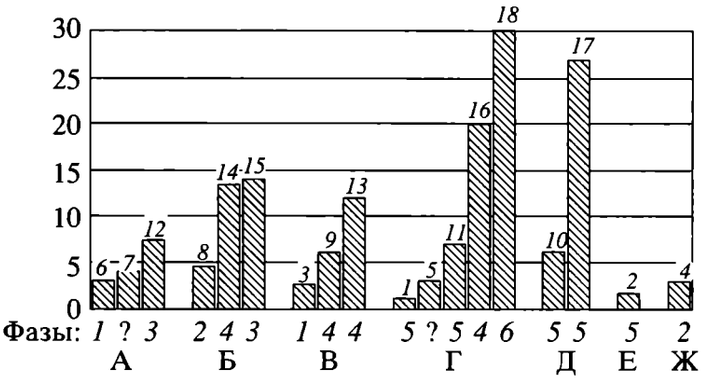


Рис. 8. Распределение П-образных храмовых комплексов по долинам. А – Лурин; Б – Римак; В – Чильон; Г – Чанкай; Д – Уаура; Е – Супе; Ж – Уармей.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что "неолитическая революция" IV – начала III тыс. до н.э. на перуанском побережье привела во II тыс. к распространению на Центральном его участке монументальных сооружений храмового характера. Типологически эту фазу исторического развития скорее всего можно сопоставить с начальной стадией "номовых" территориальных образований в Зоне древних цивилизаций Нового Света (Гуляев, 1979, С. 6, 282; Башилов, 2000. С. 20–23, 42).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Башилов В.А. "Неолитическая революция" в Центральных Андах. Две модели палеоэкономического процесса. М., 1999.

Башилов В.А. История доинкского населения Перу // История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000.

Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979.

Engel F. Le complexe précéramique d'el Paraiso (Pérou) // SAP-J. 1967. T. 55.

Moseley M.E. The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park, 1975.

Moseley M.E., Willey G.R. Aspero, Peru: A Reexamination of the Site and its Implications // Am Ant. 1973. V. 38. № 4.

Patterson Th.C. The Huaca La Florida, Rimac Valley, Peru / Ed. Ch. B. Donnan. Early Ceremonial Architecture in the Andes. Washington D.C., 1985.

Patterson Th.C., Lanning E.P. Changing Settlement Patterns on the Central Peruvian Coast // ÑP. 1964. 2 (1964).

Patterson Th.C., Moseley M.E. Late Preceramic and Early Ceramic Cultures of the Central Coast of Peru // ÑP. 1969. 6 (1968).

Quilter J. Architecture and Chronology at El Paraiso, Peru // JFA. 1985. V. 12.

Ravines R., Isbell W.H. Garagay: sitio ceremonial temprano en el valle de Lima // RMN. 1976. T. XLI (1975).

Williams León C. Centros ceremoniales tempranos en los valles del Chillon, Rimac y Lurin // Apuntes arqueológicos. 1. Lima, 1971.

Williams León C. La difusión de los pozos ceremoniales en la Costa peruana // Apuntes arqueológicos. 2. Lima, 1972.

Williams León C. Complejos de pirámides con plante en U. Patrón arquitectónico de la costa central // RMN. 1978–1980. T. XLIV.

СОКРАЩЕНИЯ:

Am Ant – American Antiquity, Sult Lake City.

JFA – Journal of Field Archaeology, Chicago.

ÑP – Ñawpa Pacha, Berkely.

RMN – Revista del Museo Nacional, Lima.

SAP-J – Société des Américanistes de Paris Journal. Paris.

U-shaped temples of the II millennium BC on the Central Peru coast

V. A. Bashilov

Summary

The "Neolithic revolution" on the Peru coast was accomplished by the mid 3rd millennium BC. It was followed by appearance of monumental architectural constructions in the coastal region. Starting from the second quarter of the 2nd millennium BC in the central part of the Peru coast emerged temple constructions with specific U-shaped layout. They are enclosed with long parallel earthen embankments and surmounted by stepped pyramids up to 20 m high (El Paraiso, La Florida, Garagai and other). The total area of the sites is up to 30 ha. According to their size they can be divided into three classes, which may be interpreted as the evidence of three-level hierarchy of the discussed ritual assemblages. It was in the second quarter of the 2nd millennium BC that pottery made its appearance on the Peru Central coast. For several centuries prepottery and early pottery sites coexisted; only in the middle of the millennium clay vessels were known everywhere. Probably, there was no strict border dividing the Late aceramic and the Early ceramic periods, but the general process of more complicated life-style took place. Among its manifestations was working out strictly observed architectural tradition of building monumental temple U-shaped constructions.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 123–127

ПУБЛИКАЦИИ

ФИБУЛЫ БАЛТИИ С КОЛЬЦЕВОЙ ГАРНИТУРОЙ ИЗ АРХИВА КОПИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО РИМСКО-ГЕРМАНСКОГО МУЗЕЯ (МАЙНЦ)

© 2005 г. **В. И. Кулаков**

Институт археологии РАН, Москва

В апреле 2004 г. автору этих строк удалось в очередной раз работать в архиве копий Центрального Римско-Германского Музея в Майнце (*RGZM*). При этом необходимо с глубокой благодарностью отметить дружеское содействие, оказанное мне при организации этой работы сотрудниками Музея и в первую очередь – директором Музея проф. др. Фалько Дайм. В Музее была продолжена обработка рукописного Каталога копий находок (*RGZM, Katalog der Fundkopien*), поступавших в Музей во второй половине XIX в. По сей день копии особо ценных археологических находок из различных регионов Европы украшают витрины *RGZM*. Ранее в упомянутом Каталоге уже был обнаружен ряд фибул римского времени, происходящих из юго-восточной Балтии и оперативно опубликованных (Кулаков, 1998. С. 40–58). На этот раз в Каталоге было обнаружено несколько фибул с кольцевой гарнитурой, позволяющих представить часть типологического ряда происходящих из памятников археологии Балтии фибул с подвязной ножкой и с кольцевой гарнитурой на финальном этапе их существования. В Каталоге копий находок из *RGZM* в 2004 г. были обнаружены следующие фибулы с кольцевой гарнитурой.

№ 569 (порядковый номер по Каталогу) – серебряная фибула с подвязной ножкой из грунтового могильника *Drengfurtshof, Kr. Rastenburg, Ostpreußen* (ныне – *Srokowski Dwór, woj. Kętrzynskie*), длина 9 см, вариант К (Кулаков) 3в1 (рис. 1, *5*), в западной части Мазурского Поозерья датируется временем ок. 575–675 гг. (Кулаков, 1990. С. 151, 152, 172. Рис. 1, *3в*). Впервые опубликована более века тому назад (Tischler, 1880. S. 443. № 1061).

№ 14293 – серебряная, с позолоченными деталями (вставками золотой фольги на ножке?) фибула с подвязной ножкой из погр. 108[а] грунтового могильника *Daumen, Kr. Allenstein, Ostpreußen* (ныне – *Tumiany, woj. Warmińsko-Mazurskie*), длина 6 см, симбиоз артефактов подтипа К4 и вар. 3в1, датируется временем ок. 675–700 гг., последний раз опубликована 15 лет тому назад (Кулаков, 1990. С. 152, 172) (рис. 1, 6).

№ 15168 – серебряная фибула с подвязной ножкой из грунтового могильника *Hansdorf, Kr. Elbing, Westpreußen* (ныне – *Janów Pomorski, woj. Warmińsko-Mazurskie*), длина 5 см, тип А (по Åberg, 1919) 2 (рис. 1, *1*), отнесенный Н. Обергом ко второй половине III в. н.э. (Åberg, 1919. S. 13, 14. Abb. 2), но без третьей кнопки на стойке оси пружины. Фибула была опубликована более века тому назад (XIII. Bericht..., 1897. Abb. 2).

Типичным признаком находок, составляющих отдел фибул, чья ножка украшена кольцевой гарнитурой (точнее – обтянута несомкнутыми кольцами из рифленой проволоки, *Ringgarnitur-RG*), являются "кнопки" на стойке, крепящей ось фибулы. Впервые граненые навершия-фиксаторы концов пружины и S-видноизогнутый бронзовый крючок, крепящий верхнюю тетиву, появляются в низовьях Рейна на фазе B_{1a} на фибулах типа AI,22a (т.е. группа I, тип 22a по О. Альмгрену) (Völling, 1998. S. 47, 48). Таким образом, схема с тремя "кнопками" на фибулах была опробована провинциально-римскими мастерами еще в эпоху Августа. В массовом количестве этот элемент появляется на фибулах типа AIV,81. На них такие же съемные "кнопки", как и в случае с типом AI,22a, фиксируют края пружины на концах стержня пружины. Здесь их функции сугубо практические. Столь же функциональна была первоначально и третья "кнопка". Ее роль – обезопасить от повреждений и поломок внутренние части двух отрезков пружины, от одного из которых к тому же отходит игла фибулы. Такие "кнопки" на некоторых фибулах типа AIV,81 венчают появившийся несколько ранее крюк, фиксирующий внешнюю, "верхнюю" тетиву пружины (Perškař, 1972. Taf. 14, *5-8*). Возможно, такие фибулы "с крюком" стали прототипами для родственных и синхронных балтийским застежкам *RG* на раннем этапе развития "сарматских" фибул с кольцевой гарнитурой (Мончыньська, 1999. С. 87) с верхней тетивой. Правда, в отличие от них балтийские застежки *RG* обладают исключительно нижней тетивой.

При осмотре рисунков фибул из Каталога копий *RGZM* сразу было обращено внимание на отсутствие третьей "кнопки" на представленных там фибулах *RG*. Учитывая даты этих фибул, можно сделать вывод об утрате застежками *RG* третьей кнопки на финальной стадии существования этого отдела украшений.

В Янтарном крае в III в. н.э. появляются упрощенные реплики фибул с кольцевой гарнитурой.

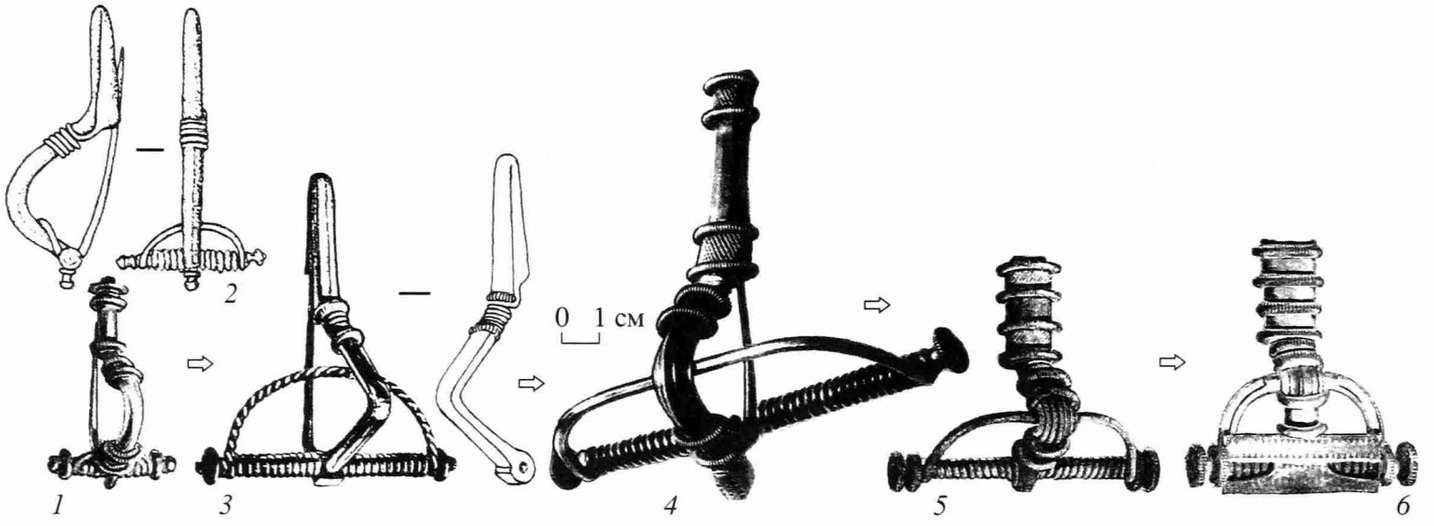


Рис. 1. Этапы развития поздних фибул с подвязной ножкой в Балтии: *1* – Янув Поморски; *2* – погр. Do-251 (Коврово); *3* – погр. 261 бывш. Айслитен (Зеленоградский р-н Калининградской обл.); *4* – погр. 50 Плинкайгалис (Кедайняйский р-н Литвы); *5* – Сроковски Двур (Кентшиньское воев. Польши); *6* – погр. 108а Тумяны (Варминьское-Мазурское воев. Польши). *1* – *RGZM*. № 15168; *2* – Kulakov, 2000. Abb. 4; *3* – Кулаков, 1998. Рис. 5; *4* – *Tautavičienė*, 1981. P. 10. № 59 (37); *5* – *RGZM*. № 5644; *6* – *RGZM*. № 14293.

Эти реплики имеют или местное, или, скорее, вельбарское происхождение. Примером таких застежек является одна из трех бронзовых фибул типа AVI,164 (рис. 1, *1*) из комплекса погребений Do-251 (грунтовой могильник Коврово, Зеленоградский р-н Калининградской обл.) (Кулаков, 2003. Рис. 113, *10*), датируемая по аналогичным находкам в могильнике Цецеле этапами C_{1b}–C_2 = 250–300 гг. (Jaskanis, 1996. S. 21. Taf. XI, 3). Образцом для такой реплики являлись упрощенные версии фибул типа AIV,81 – застежки с подвязной ножкой типа Å2. Эти фибулы первыми теряют третью "кнопку", отсутствующую на всех позднейших версиях таких застежек. Следующий после находок типа AVI,164 этап их развития зафиксирован в исторической Пруссии на примере фибулы с тордированной тетивой из погр. E-261 (грунтовой могильник Геройское-Рощино, Зеленоградский р-н) (рис. 1, *3*), по комплексу относимого ко времени ок. 375 г. н.э. (Кулаков, 1998. С. 41). Ведущим признаком данной разновидности фибул *RG* является ставшая декоративной муфта у прогиба корпуса фибулы. Эта муфта, по краям ограниченная двумя рифлеными кольцевидными зажимами, составлена проволочными петлями обмотки крепления подвязного иглоприемника.

Дальнейшая линия развития таких застежек фиксируется на материалах правобережья р. Неман, в племенном ареале аукштайтов VI в. н.э. Там завершается оформление держателя стержня пружины в виде вертикально расположенного прямоугольного бруска. Длина ножки фибул увеличивается, превышая 10 см. Тетива из С-образной становится в плане П-образной. Наконец, упоминавшаяся выше муфта в центре спинки фибулы удваивается. Эти две муфты становятся полностью декоративными, с двух сторон фиксируя спиральное крепление подвязного иглоприемника. Такие муфты, изготовленные нередко из золотой фольги, появляются и на концах ножки фибулы (рис. 1, *4*). Данные престижные, социально значимые элементы убора становятся приоритетной деталью мужского и, реже, женского убора членов балтской племенной аристократии, сохраняющей верность устойчивым традициям местной культуры.

Следующая фаза развития таких фибул *RG* приходится на конец VI – третью четверть VII вв. Такая дата устанавливается по сопутствующему этим застежкам, отнесенным Н. Обергом к типу Å4, материалу западномазурских могильников этапа II развития мазурской культурной группы, где такие фибулы представлены в небольшом количестве. Напротив, такие застежки в указанном периоде превалируют в могильниках дельты Немана (ареал ламатов) и в области Куршяй (Кулаков, 1990. С. 153, 172). Есть все основания полагать перемещение ареала фибул *RG* с двумя "кнопками" в VI в. из Самбии в центральную часть неманского правобережья, в VII в. – в неманскую дельту, из ареала аукштайтов – в ареалы ламатов и куршей. При этом в VII в., как отмечалось выше, фибулы *RG* типа Å4 известны в небольшом количестве и в могильниках мазурской культурной группы. Ее мастера, скорее всего, изготавливали по балтским образцам в обмен на янтарь разнообразные украшения, которые имели сбыт на торжищах в различных племенных ареалах (Кулаков, 1990. С. 178, 179), в том числе – и на восточном берегу р. Немана.

Наконец, завершение времени использования подвязных фибул в юго-восточной Балтии и во всем балтийском регионе приходится на период ок. 675–700 гг. Этому времени соответствует застежка с сугубо декоративной, съемной тетивой и с прикрывающей пружину накладкой, являющейся деталью арбалетовидных фибул типа *Sproßenfibeln* (подтип K4). В Мазурском Поозерье такие артефакты маркируют завершение эпохи переселения народов на рубеже VII–VIII вв. (Кулаков, 1990. С. 172). Сосуществование этих артефактов с фибулами *RG* подтверждается присутствием на фибулах типа Sproßenfibeln шайб из сдвоенных колец *RG* (в качестве фиксаторов пружины на концах ее стержня).

Финал распространения подвязных фибул в Балтии, представленных в эпоху раннего средневековья лишь единственным, вероятно, социально значимым типом Å4, сопоставим с использованием пальчатых фибул в вендельской Скандинавии, где их крупные и весьма деградированные экземпляры в VII–VIII вв. являются принадлежностью убора знатного представителя родового коллектива. Одновременно застежки типа *Tierkopffibel* (дериват, точнее – литая реплика западнобалтских арбалетовидных фибул типа *Duratón* по М. Шульце) скрепляют одежду на плечах женщин различных социальных групп на пороге эпохи викингов. Данный феномен длительного использования архаичных типов украшений, в частности – подвязных и, шире, арбалетовидных, фибул требует специального изучения.

Анализ развития фибул *RG* с двумя "кнопками" приводит к выводу о деиндивидуализации в V в. н.э. производства таких фибул, серийности их выпуска и одновременно подчеркивает балтский этнос производителей застежек *RG*. На всем протяжении железного века представителям этого этноса присущ очевидный консерватизм как в развитии собственных этнических конструктивных и декоративных мотивов, так и в копировании и творческом осмыслении влияний иных материальных культур. Использование древнегерманских по своему происхождению подвязных фибул с кольчатой гарнитурой еще тогда, когда Европа стояла на пороге эпохи викингов, лишний раз подтверждает консервативный характер балтского национального характера и, соответственно, балтских археологических культур.

Приложение

Отечественный читатель наверняка впервые сталкивается в этой и прочих публикациях, посвященных прусскому археологическому материалу, с кратким обозначением могильника и номера погребения, обнаруженного при его раскопках, в виде буквенно-цифрового индекса. Этот не совсем привычный для восточноевропейских коллег подход связан в первую очередь с невероятным даже для Центральной Европы обилием археологического материала, добытого представителями прусской археологической школы с 1724 г., времени первых раскопок на территории исторической Пруссии. Один могильник в ходе раскопок XIX–XX вв. давал многие сотни весьма представительных комплексов. Для того, чтобы не запутаться в этом море находок, комплексов, номеров погребений и названий могильников, чтобы не заполнять этой объемной информацией далеко не бесконечный объем публикаций, известный кенигсбергский археолог Генрих Кемке (Kemke, 1901. S. 89, 90) предложил индексировать погребения таким образом, чтобы кратко обозначать могильник, ему соответствующий. Таким образом в начале XX в. были проиндексированы следующие могильники имперских провинций Восточной и Западной Пруссии (рис. 2):

1. *Alt-Bodschwingken (Alt-Bo.) Kreis Goldap* (ныне – *Nowa Boczwinka, woj. Białystockie*)

2. *Neu-Bodschwingken (Neu-Bo.=Klein Bo.) Kreis Goldap* (ныне – *Stara Boczwinka, woj. Białostockie*)

3. *Brödienen (Brö) Kr. Sensburg* (ныне – бывш. *Brödienen, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

4. *Dietrichwalde (Die.) Kr. Sensburg* (ныне – *Wólka, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

5. *Dollkeim (Do.) Kr. Fischhausen* (ныне – Ковровo, Зеленоградский р-н Калининградской обл.)

6. *Eisselbitten (Eiss.) Kr. Fischhausen* (ныне – Сиренево, Зеленоградский р-н Калининградской обл.)

7. *Gegend von Elbing (Elb.) Westpreussen* (ныне – *koło Elblaga, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

8. *Fürstenwalde (Fü.) Kr. Königsberg* (ныне – Поддубное, Гурьевский р-н)

9. *Waldhaus Görlitz (Go.) Kr. Rastenburg* (ныне – *Gierłoż, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

10. *Gruneiken (Gru.) Kr. Darkehmen* (ныне – *Grunajki, woj. Białostockie*)

11. *Kampischkehmen (Ka.) Kr. Gumbinnen* (ныне – Синявино, Гусевский р-н)

12. *Liekeim (Lie.) Kr. Friedland* (ныне – *Nalikajmy, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

13. *Osterode (Ost.) Kr. Osterode* (ныне – *Ostróda, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

14. *Perkuiken (Perk.) Kr. Fischhausen* (ныне – окрестности Димитрово, Зеленоградский р-н)

15. *Pokalstein (Pok.) Kr. Fischhausen* (ныне – Богатое, Зеленоградский р-н)

16. *Potawern (Pot.) Kr. Wehlau* (ныне – Потапово, Гвардейский р-н)

17. *Rantau (Ra.) Kr. Fischhausen* (ныне – Заостровье, Зеленоградский р-н)

18. *Robitten (Ro.) Kr. Heiligenbeil* (ныне – Александровское, Багратионовский р-н)

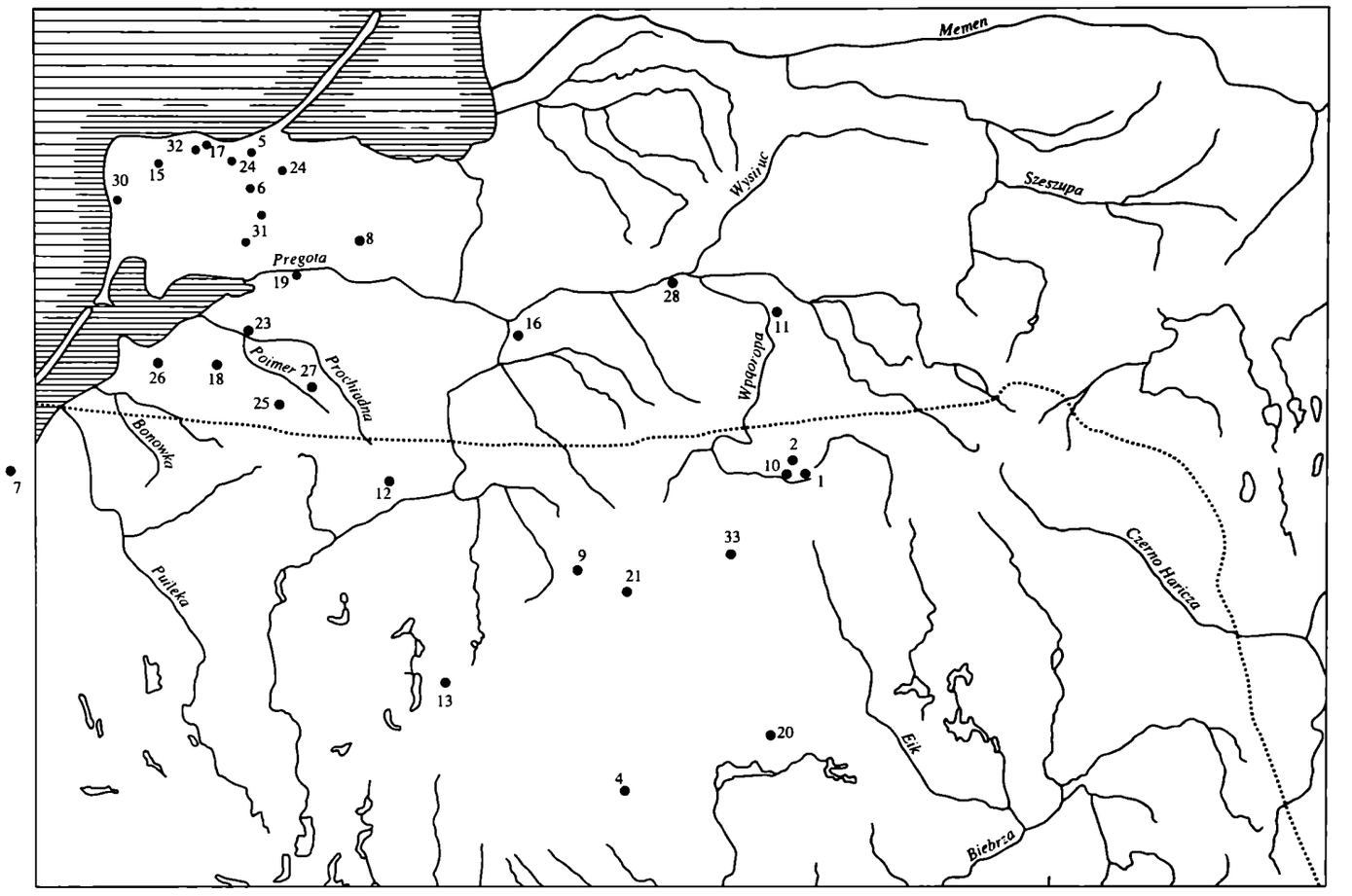


Рис. 2. Памятники археологии юго-восточной Балтии, проиндексированные Г. Кемке в 1901 г. (по: Jaskanis, 1977. Мара II) с дополнениями автора.

19. *Rosenau (Ros.) Kr. Königsberg* (ныне – аллея Отважных – ул. Дзержинского, г. Калининград)

20. *Gegend von Sensburg (Se.) Kr. Sensburg* (ныне – *koło Mragowo, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

21. *Skomatzko (Sko.) Kr. Lötzen* (ныне – *Skomack Mały, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

22. *Steinbach (Ste.) Kr. Angerburg* (ныне – *Kamienna Struga, woj. Warmińsko-Mazurskie*)

23. *Tengen (Te.) Kr. Heiligenbeil* (ныне – окрестности Ушаково, Гурьевский р-н)

24. *Trömpau (Trö.) Kr. Königsberg* (ныне – Лазовское, Гурьевский р-н)

25. *Wackern (Wack.) Kr. Pr. Eylau* (ныне – Елановка, Багратионовский р-н)

26. *Warnikam (Wa.) Kr. Heiligenbeil* (ныне – Первомайское, Багратионовский р-н)

27. *Wogau (Wo.) Kr. Pr. Eylau* (ныне – Лермонтово, Багратионовский р-н).

В нескольких предыдущих статьях, посвященных проблеме подвязных фибул с территории Пруссии, автор этих строк применил некоторые из приведенных выше индексов и ввел по принципам Г. Кемке новые индексы для памятников, им не охваченных.

28. *Althof-Insterburg (A) Kr. Insterburg* (г. Черняховск Калининградской обл.)

29. *Eislieten (E) Kr. Fischhausen* (Геройское-Рощино, Зеленоградский р-н)

30. *Grebieten-Süd (G(süd) Kr. Fischhausen* (ныне – окрестности Покровское, Зеленоградский р-н)

31. *Greibau (Grei) Kr. Fischhausen* (ныне – окрестности Космодемьянского, г. Калининград)

32. *Hünenberg (H) Kr. Fischhausen* (южная окраина г. Пионерский, Зеленоградский р-н)

33. *Kruglanken (Kr), Kr. Angerburg* (ныне – *Kruglanki woj. Warminsko-Mazurskie*).

Кроме того, в публикациях для удобства маркировки отдельных комплексов были применены индексы, в которых буквенные обозначения указывают на название могильника, а следующие за дефисом цифры соответствуют номеру погребения (E-148, A-67). Случайные находки обозначаются индексом F (Fund – "находка"). Например, Kr-F обозначает находку, случайно сделанную на могильнике Kruglanken, Kr. Angerburg. При помощи словаря переименований (Rospond, 1951) можно определить современное наименование могильника – Kruglanki, woj. Warmińsko-Mazurskie. Только таким путем, достаточно сложным, но не допус-

кающим разночтений, можно раскрыть базы данных по археологии юго-восточной Балтии, собранных в сотнях старых публикаций и в тысячах единиц архивных хранений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // Barbaricum-1989, Warszawa, 1990.

Кулаков В.И. Майнцский регистр фибул из музеев Кёнигсберга // Гістарычна-археалагічны зборник. № 3. Мінск, 1998.

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

Мончыньська М. О так называемых "сарматских" фибулах в Средней и Восточной Европе // Сто лет Черняховской культуре, Киев. 1999.

Åberg N. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig, 1919.

XIII. Bericht über die Verwaltung der Westpreussischen Provinzialmuseum. Danzig, 1897.

Jaskanis J. Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrzadkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wszesnośredniowieczne. T. IV. Warszawa, 1977.

Jaskanis J. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Kraków, 1996.

Kemke H. Fundverzeichnis zu Tafel 7–15 der 1. (ostpreussischen) Section des Photographischen Albums der Berliner Anthropologischen Ausstellung vom Jahre 1880 // SPÖG. 1901. Jg. XLII.

Kulakov V. Dollkeim 1992: Neue Ausgrabungen des spatkaiserzeitlichen Graberfeldes im Samland (Russland) // Archaologisches Korrespondenzblatt. Bd. 30. H. 4. Mainz, 2000.

Perškař I. Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren. Praha, 1972.

RGZM. Katalog der Fundkopien.

Rospond St. Slownik nazw geograficznych Polski Zachodniej i Polnocnej. Wroclaw; Warszawa, 1951.

Tischler O. Ost-Preussen // Katalog der Ausstellung Prähistorischer und Anthropologischer Funde Deutschlands. Berlin, 1880.

Völling T. Die Fibeln Almgren Fig. 2, 18 und 22 // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5. Wünsdorf, 1998.

Tautavičienė B. III–XIVa. sidabriniai ir sidabru puosti dirbiniai. Vilnius, 1981.

The baltic zone fibulae with circular elements from Fundkopien of Römisch-Germanischen Zentralmuseum in Mainz

V. I. Kulakov

Summary

The paper is devoted to the consideration of the fibulae with circular elements registered in the Catalogue of Römisch-Germanischen Zentralmuseum in Mainz that originate from the archaeological sites of the Baltic zone. These are: № 569 in Catalogue, a silver brooch from the ground cemetery Drengfurtshof, Kr. Rastenburg, Ostpreussen (now Srokowski Dwór, woj. Kętzyńskie, Poland) attested to variant K (according to Kulakov) 3b1, 9 cm long; in the Western part of the Mazury Lake land it dates to 575–675 AD. № 14293 is a silver brooch with gilded details (golden foil inlays?) from burial 108 a of the ground cemetery Daumen, Kr. Allensein, Ostpreussen (now Tumiany, woj. Warmińsko-Mazurskie, Poland), a mixture of subtypes K4 and variant 3b1, dating from around 675–700 AD. № 15168 – a silver brooch from the ground cemetery Hansdorf, Kr. Elbing, Westpreussen (now Janów Pomorski, woj. Warmińsko-Mazurskie, Poland) 5 cm long, attested to type Å2 dated by N. Åberg to the second part of the 3rd c. AD, but some details on its spring are missing.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 128–132

ПУБЛИКАЦИИ

ДВЕ "ХАЗАРСКИЕ" НАДПИСИ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

© 2005 г. А. Ю. Виноградов*, А. В. Комар**

* Институт всеобщей истории РАН, Москва

** Институт археологии НАН, Украина, Киев

Несколько лет назад один из авторов настоящей статьи познакомился в фондах Национального заповедника "Херсонес Таврический" с примечательной греческой надписью, не привлекавшей до этого внимания исследователей (рис. 1). Разной высоты, неправильно написанные буквы (например, И вместо N), неровные строки производили впечатление чего-то варварского, нелитературного, а изучение содержание текста подтвердило возникшие подозрения.

Строительная надпись Илиха и Гапра[1]

Носитель: плита с изображением маленького креста в левом верхнем углу. *Мат.*: известняк. *Сост. пам.*: расколот на 5 частей, отбит правый нижний угол, поверхность выветрена.

Место находки: Херсонес, сев. район, IX кв., II продольная ул., забутовка стены. *Обст. находки*: 1983 г., раскопки С.Г. Рыжова. *Место хран.*: НЗХТ. *Инв. номер*: 37068. *Выс.*: 44. *Шир.*: 38. *Толщ.*: 12.

Эпиграф. поле: 1 – в углах между рукавами креста.

Датировка текста: VIII–IX вв. *Источник датировки*: шрифт. *Шрифт*: буквы неравной высоты, строки неравномерные; альфа с петлей, дельта, лямбда и сигма минускульные, эта с прогнутыми внутрь вертикалями, пи с удлиненной горизонталью; лигатуры; нерегулярные и ошибочные ударения.

Публ.: ined.

Выс. букв: 1.5–5.

1: Ἰ(ησοῦ)ς] Χ(ριστὸ)ς
νι]κᾷ.
2: Δι̣ὰ δυνάμε-
ω]ς κ(υρί̣ο)υ ἡ-
[μῶν Ἰ(ησο)ῦ] Χ(ριστο)[ῦ] ἀνη-
κ[ε]νή[σθη ὁ να]ὸς (?)
τοῦτος παρὰ
.(?)ηλιχ τοῦ Ὀδ(vel β).-
.λη καὶ Γὰπρ
τοῦ Κα.(?)ζα-
ρηβ̣η.

Силой Господа нашего Иисуса Христа освящен этот храм (?) Илихом Об(или: в)..ли и Гапром Ка.(?)зариби.

Так как камень использован вторично, местонахождение указанного в нем храма выяснить невозможно. Ясно лишь, что камень происходит либо из самого Херсона, либо же из его ближайшей округи. Судя по ряду моментов (формула "силой Господа нашего Иисуса Христа", чисто варварские имена строителей), мы имеем дело с памятником, отличным от основной эпиграфической традиции Херсона. При этом надпись носит явные черты упадка эпиграфического искусства: строки неровные, буквы разной высоты, неправильно расставлены ударения. Это хорошо согласуется с варварскими именами дедикантов.

Языковая принадлежность составляющих первого имени надписи – .(?)ηλιχ и Ὀδλη – определяется древнетюркскими аффиксами *-lyγ/-lig*, *-ly/-li*, используемыми для образования относительных прилагательных (Тенишев, 1997. С. 42). Еще более прозрачно тюркское происхождение второго дедиканта – Γὰπρ τοῦ Καζ[α]ρηβη[.] – "Гапр [сын] Казариби[.]". Греческий автор надписи записал имена в традиционной форме "некто [сын] такого-то", но вероятно, что так просто отражены двусоставные тюркские имена. Их реконструкция в значительной степени гипотетична, учитывая возможную утрату части литер, также следует учитывать и вероятность фонетического искажения имен при их записи.

Имя дедиканта сохранилось либо полностью в виде Ἠλιχ, либо же с потерей двух начальных литер – [..]ηλιχ. Окончание -λιχ в последнем случае указывает на форму тюркского относительного прилагательного. Но полная форма Ἠλιχ несомненно отражает д. тюрк. *ilig* – "правитель" (ДТС, 1969. С. 170; СИГТЯЛ, 2001. С. 320). Сочетание Ἠλιχ τοῦ Ὀδ[..]λη приобретает значение "правитель [области] Од[..]ли" или "правитель Од[..]ли" (или: "Об[..]ли"). Замещение имени кочевников титулом, характерное для письменных источников VI–IX вв., возможно, отражает специфику самоидентификации древних тюркоязычных народов в общении с иностранцами, поскольку в собственно тюркской традиции титул всегда стоит на втором месте после имени (ср.: СИГТЯЛ, 2001.

[1] Для описания надписей использована система PETRAE с любезного разрешения ее создателя проф. А. Брессона (Бордо).

Рис. 1. Надпись из Херсонеса.

С. 703–717). Второй компонент имени – 'Οδ[..]λη – также неопределенный и по сохранности, и по значению. В тюркской антропонимии известно использование компонента *öd* – "время" (СИГТЯЛ, 2001. С. 713), но форма **ödli* – "временный" в качестве имени позиционируется слабо, закономернее сочетание **ilig ödli* – "временный правитель".

Имя второго основателя сохранилось лучше. Форма Γὰπρ в древнетюркской антропонимии нам неизвестна; исходя из тенденции оглушения заднеязычных и увулярных согласных в передаче или, возможно, даже в произношении тюркских антропонимов древних западнотюркских языков, можно лишь предположить, что *γapr* восходит к д. тюрк. *qap-*. Глагол полисемантичен, но в личных именах обычно трактуется как "одолевать" (СИГТЯЛ, 1969. С. 717). Реконструируемая форма **Qap-r* – причастие н. вр. "одолевающий" – близка древнеуйгурским, аналогичное же тюркютское имя имело вид *Qapaγan* (ДТС, 1969. С. 420). Отметим еще одно: известен титул "кап-хан" (дословно "закрывающий, замещающий хана"), который носил соправитель болгарского хана (Бешевлиев, 1992. С. 67, 68). Обратить внимание на это обстоятельство нас заставляет вероятное наличие титула (*ilig*) в первом имени надписи, вследствие чего и расположенная ниже должность "заместителя" также становится довольно уместной.

Вторая часть имени – Καζ[α]ρηβη[.] – имеет хорошо узнаваемую основу *Qazar*, но форма **Qazaribi*[.] сложнее – объяснить ее можно через **qazarï bi*[*s*] – "мы хазары". В отличие от обычного греческого Χαζαρος, этноним передан через каппу. Начальная "х" преобладает не только в греческих, но и арабских, армянских, грузинских источниках. В тюркских рунических надписях хазары известны в форме *qasar* (Кляшторный, 1983. С. 88), в китайских источниках – Кэ-са (Малявкин, 1989. С. 272), в древнерусских – "козаре". Херсонесская надпись, очевидно, выполненная со слов носителя хазарского языка, таким образом, оказывается ценным свидетельством в пользу оригинальности именно формы qazar.

Итак, надпись несомненно свидетельствует об основании христианского храма в Херсоне или его ближайшей округе тюркоязычными выходцами из Хазарского каганата. О распространении христианства в среде хазарских колонистов Юго-Западного Крыма говорит и вторая публикуемая надпись.

В ФА ИИМК РАН (№ О.1529. Л. 81, 82) сохранились две фотографии 1940 г. с подписью: "Обломок камня с надписью в Бахчис. Муз. пещ. городов" (рис. 2). Размеры памятника неизвестны: на фотографии его вертикальная часть шире деревянной скамьи – таким образом, и первоначальная высота, и ширина камня превышали 30 см. Неизвестны также обстоятельства находки надписи. Ничего не дали и наши поиски в фондах Бахчисарайского музея-заповедника. Судя по описи фотографий Крымской экспедиции ИИМК 1940 г. (1940. С. 10), к этому времени камень уже хранился в Бахчисарайском музее. Исходя из

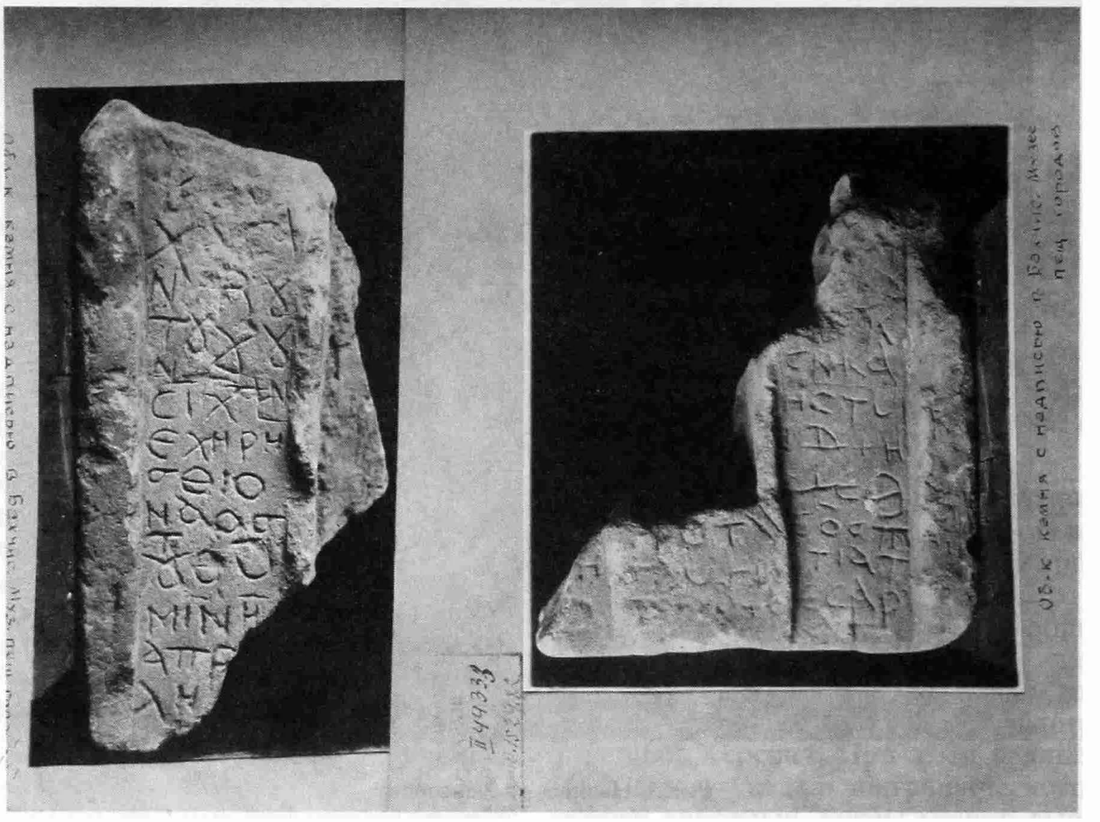


Рис. 2. Надпись из Бахчисарая.

бывшего места хранения надписи, она, несомненно, относится к Горному Крыму (довоенные эпиграфические находки в Бахчисарайском музее происходят из района от Инкермана до Бахчисарая). В отчете Репникова за 1940 г. надпись отдельно не упомянута (1940. № 175). По шрифту и по присутствию негреческих имен данный памятник очень близок к предыдущей надписи из Херсонеса.

Строительная надпись неизвестных

Носитель: плита с заглубленными вертикальными полосами слева и справа и с углублением в центре. *Мат.*: известняк. *Сост. пам.*: обломан сверху, разбит на 2 части.

Место находки: неизв. *Обст. находки*: неизв. *Место хран.*: неизв. *Разм.*: неизв.

Эпиграф. поле: 1: слева и справа от углубления; 2: вокруг углубления; 3: на правом поле рамки.

Датировка текста: VIII–IX вв. *Источник датировки:* указание надписи. *Шрифт:* буквы неравной высоты; альфа с петлей, дельта сложной формы, сигма минускульная; лигатура омикрон-ипсилон.

Публ.: ined.

Выс. букв: неизв.

1: {'Ι(ησοῦ)ς} Χ(ριστὸ)ς νηκᾷ.

2:

Слева вверху:

['Επὶ β-]

[ασιλή-]

α̣[ς (?) ..-

ουθ̣ο̣υ̣

Χαγα-

ν, 'Ηζ(?)ου

Τουδού-

ν.

Справа вверху:

[...]

[...]

[...]

[...]

..ου ἀ[ν-

ακε]νοῦ-

τ]ε̣ κ

ὲ̣

Слева внизу:

ἀν-

εχηρή-

σθι ὁ

ναὸς

τοῦ θ(εο)ῦ

μινὶ

'Απρη-

λήο

Справа внизу: ἠς τ{ὰ}
ιδ΄+˘Η-
δ(?)ε, θ-
εό(ς) (vel θε|), σπ-
ίτια τ-
έσαρ-
α +
Снизу:
ἠς τ(ὸν)
Σαυγα-
τουχατε (?).
3: ...]
.]ε,
κ(ύρι)ε,
τα-
[υτ-]
[α.] +

Orig.: 1: C. 1: ΣΙ; 2: справа внизу C. 2: TU.

1: *Иисус Христос побеждает.*

2: *В царствование (?) ..ута хагана, Иза (?) тудуна, ... освящается и устроен (?) храм Божий 14 апреля. Призри, Бог (или: Вот, Бог), четыре дома в Савгатухате (?).*

3: ..., *Господи, их.*

По сторонам от углубления помещена традиционная формула "Иисус Христос побеждает" (1). Она должна находиться на половине высоты камня, из чего можно реконструировать количество пропавших строк в его верхней части. Неясно, был ли текст на поле над углублением: возможно, там было описание его содержимого, скорее всего реликвии или иконы.

Основная надпись (2) идет по сторонам от углубления: над надписью 1 слева, а затем справа, под ней в том же порядке (только две первые буквы слева помещены над надписью 1) и, наконец, снизу. Надпись 2 нанесена позднее надписи 1, так как местами заходит на нее. На правой рамке внизу видны следы букв, возможно, как-то связанных с концом надписи 2 (ταῦτα может относиться к σπίτια).

В начале надписи 2 логично восстанавливать обозначение датировки по правителю, причем не исключено, что хазарские правители де-факто приравнивают себя к византийскому императору формулой ἐπὶ βασιλείας. Если термины "хаган" и "тудун" хорошо сохранились на камне, то прочтение их имен вызывает немалые сложности.

Сохранился конец имени кагана, состоящий из букв ΟΥΘΟΥ. Следуя реконструкции начала текста как 'Επί βασιλήας, для имени кагана в третьей строке остается место для одной или, скорее, двух литер. Конечные буквы –ου могут как относиться к корню, так и представлять собой обычное греческое окончание генетива. В последнем случае имя было построено по модели CVC-ουθ.

Имя тудуна в бахчисарайской надписи передано в виде двух лигатур: *Hζ* (менее вероятно *Hξ*) и ου. Поперечная линия литеры Η первой лигатуры продолжена вправо, образуя еще одну литеру лигатуры – Ρ. Учитывая, что резчик надписи испытывал явные трудности с изображением округлых частей литер, часто создавая треугольный контур, в который вписывались сегменты (ср. начертание лигатур ου в имени кагана, слове "тудун" и др.), литерой Ρ лигатуры можно пренебречь. Но и полностью исключать вариант прочтения *Hρρου* также нельзя. Лигатура ου в конце греческих имен обычно означает форму генетива (ср. выше), хотя следует заметить, что в нашем случае титулы "хаган" и "тудун" стоят без падежного окончания (ср. форму Χαγάνος). Это дает альтернативные формы имени тудуна в номинативе: 'Ηζ или 'Ηζου, Ηρζου. Греческая дзета в произведениях VII–X вв. обычно использовалась для передачи тюркских звуков "з" (Χαζαρία) и "дж" (Ζιεβηλ – ζαβγυ, "джабгу"). Форма 'Ηζ в этом звучании ближе всего к тюрк. *Ys*, *Yš* – "дым", зафиксированной среди древнетюркских имен; форма 'Ηζου может восходить к тюрк. *jezä-* "осматривать" (ср. *jezäk* – "дозор") со значением "дозорный", а Ηρζου ближе всего к тюрк. *Yrʒy*, *Jyrčy* – "певец, сказитель" (СИГТЯЛ, 2001. С. 370, 371, 564, 565, 612, 704).

Следующие строки нашей надписи говорят о строительстве храма. Если термин ἐγκαινίζω (букв. "обновлять") имел в византийской литургической практике устойчивое значение "освящать храм" (Lampe, 1961. P. 399), то глагол ἀναχείρζω встречается лишь однажды в значении "мешать". Ближе к нашему случаю ἀναχειροῖ, который Гесихий (*s.v.*) объясняет как οἰκειοῦται.

Упоминание о "храме Божьем" без дальнейшего уточнения указывает, вероятно, на посвящение церкви Христу. На 14 апреля, дату освящения храма не падает сколь-либо важных памятей. "Четыре дома" из конца надписи – это возможные строители храма, которые могли представлять четыре рода или знатные семьи селения.

Название самого населенного пункта, где была выполнена надпись, записано в две строки: верхний – Σαυγα, нижний – τουχατε. Теоретически здесь можно было бы выделить артикль τοῦ, указывающий, в таком случае, на принадлежность селения "Савга" некоему "Хате" (скорее даже "некой", поскольку тюрк. *xat*, *qat* – "ягода", не просто напоминает женское имя, но и созвучно с тюрк. *xatyn*, хакасским *xat* – "жена" (СИГТЯЛ, 2001. С. 121, 296)). Формы *sawγa* и *sauγat* – "дар" – в тюркских языках распространены в равной степени (СИГТЯЛ, 2001. С. 349, 350). Но полная форма "Савгатухате" также возможна. Древние тюрк-

ские языки западной группы на сегодня исследованы крайне слабо. Немного сравнительной информации есть лишь о булгарском языке, и здесь в дунайских и кубанских надписях известны аффикс *–tuγ/tügi*, трактуемый как причастный (Хакимзянов, 1997. С. 51), который можно выделить и в нашем случае: *Sauγa-tuγä-t-e* – "Дарованный [город]". Интересно, что этимология самого слова sawγat производится от глагола *saw-* – "угощать, принимать гостей" (СИГТЯЛ, 2001. С. 350), с аффиксом *-γat*. Полная форма *Sauγat-u-γat-e*, в таком случае, отображает длительный ряд преобразований: глагол-существительное-глагол-причастие-существительное, с тем же значением "Дарованный [город]". Совсем иной оттенок приобретает этимология названия *Sauγa-tuγ-ät-e* при рассмотрении компонента *tuγ* как существительного (тюрк. "знамя") – "[город] с дарованным знаменем". Поскольку у тюрков знамя отображало военно-административную единицу, второй вариант этимологии дает возможность рассматривать Савгатухате как центр определенной административной области.

Бахчисарайская надпись сообщает нам сразу несколько интереснейших фактов: учреждение в Юго-Западном Крыму института прямого управления хазарского тудуна и имя одного из таких тудунов – Из (Изу); существование в этом регионе поселения с тюркским названием Савгатухате, возникновение которого несомненно связано с салтовской колонизацией Крыма; свободное распространение христианства в среде населения Хазарского каганата во 2-й пол. VIII в. во время правления кагана "[..]ута". Исторический анализ описанной ситуации будет предложен нами в отдельной работе, пока же следует отметить, что наиболее вероятное время основания хазарского селения Савгатухате и христианского храма в нем, а следовательно, и время создания бахчисарайской надписи – это конец VIII в., когда на территории Готии появляется целая группа поселений салтовских колонистов (Айбабин, 1999. С. 211, 212). Это время можно назвать пиком хазарского влияния в Юго-Западном Крыму: хазары не только занимаются активной строительной деятельностью в горной части полуострова, но и, возможно, появляются даже среди храмовых ктиторов византийского Херсона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1992.

ДТС. Л., 1969.

Кляшторный С.Г. Тэсинская стела // Советская тюркология. 1983. № 6.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.

Опись фоторгафий Крымской экспедиции ИИМК 1940 г. // ФА ИИМК РАН. 1940. Ф. 47. Колл. 1099.

Репников Н.И. Работы Крымской экспедиции 1940 г. // РА ИИМК РАН. 1940. Ф. 35.

СИГТЯЛ. М., 2001.

Тенишев Э.Р. Тюркоязычных письменных памятников языки // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.

Хакимзянов Ф.С. Булгарский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.

Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.

Two Khazarian inscriptions from South-West Crimea

A. Yu. Vinogradov, A. V. Komar

Summary

The paper is devoted to the preliminary publication of two Greek lapidary inscriptions discovered in the 1930-s in the Crimea and preserved in the Bakhchisarai museum and the State-preserved museum "Chersonese of Tauria". The insriptions have not been introduced into scientific circulation yet. The both stones have been studied without archaeological context and lack reliable chronology; according to the palaeographic indications and the general historical situation their chronology is determined as the 8th – the 9th cc. The inscriptions clearly recount consecration in Chersonese or its close vicinity of a Christian church founded by Turkic-speaking immigrants from Khazar kaganate. The inscriptions contain Christian formulas and the name of Jesus Christ ("By force of Our Lord Jesus Christ", "Jesus Christ victorious"). At the same time, the inscription from Chersonese accouts for entirely barbarian personal names of the founders – Ilikh and Ghapr, the latter has got the ethnic determination "Ka. (?)zaribi", that is, "the Khazarian" ("son of the Khazarian"). This confirms the Turkic attribution of the names. The inscription from Bakhchisarai contains clearly legible titles of "khagan" and "tudun" combined with poorly preserved personal names. The Turkic name of the settlement also can be read – Savgatukhate. Emergenece of this site is probably related with the colonization of the territory of the Goths' state by the bearers of Saltovo archaeological culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 133–140

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ (НАХОДКИ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА)

© 2005 г. С. А. Ахмедов*, Э. Б. Джафарова**

* *Институт истории им. А. Бакиханова АН Азербайджанской Республики, Баку*

** *Институт археологии и этнографии АН Азербайджанской Республики, Баку*

Средневековье Южного Кавказа – один из интереснейших, но слабо изученных периодов истории региона. Военные конфликты в значительной степени определяли социальный, политический, а в ряде случаев экономический и этнический облик эпохи, поэтому история южнокавказского средневековья не может быть освещена вне проблем, касающихся военной стороны жизни общества. Несмотря на наличие несомненного интереса к военной проблематике, можно констатировать отсутствие всесторонних разработок в этой области. Во многом это объясняется недостаточностью археологического материала. Традиционным источником для решения проблем истории военного дела является анализ образцов оружия, однако для периода средневековья подобных находок не так много (по сравнению с древней эпохой). В данной статье на примере анализа найденных в Азербайджане образцов полихромной и монохромной керамики показана важность изучения иллюстративного материала с целью изучения различных аспектов средневекового военного дела, в первую очередь вопросов оружиеведения.

Изображение воина на фрагменте блюда из Оренкалы. В ходе археологических раскопок в 1959–1961 и 1968 гг. в средневековом азербайджанском городе Оренкала (Байлакан) были найдены образцы полихромной керамики IX–X веков (Ахмедов, 1979. С. 53). Особый интерес представляет фрагмент блюда, обнаруженный во время раскопок в комнатах в северо-восточном углу крепостной стены. На фрагменте сохранилось изображение верхней части туловища и головы всадника в шлеме и доспехе, с копьем, а также изображение шеи его коня (Ахмедов, 1979. Рис. 19а) (рис. 1, *7*).

Рисунок на фрагменте носит многослойный характер. Так, по мнению исследователей, поверхность блюда была покрыта белой краской (ангоб), затем марганцовкой нанесено изображение. Такой стиль работы характерен для небольших сосудов и позволял художнику, работающему тонкой кистью, подробно передавать даже мелкие детали (Ахмедов, 1962. С. 109; Якобсон, 1959. С. 230). Относимые к IX–X вв. такие сосуды (блюда) были обнаружены также во время раскопок в средневековых городах Азербайджана Кабале, Баку, Шемахе, а также в Тифлисе (Грузия) (Якобсон, 1959. С. 231, 232).

Художник поместил изображение так, что зритель смотрит на всадника спереди слева, что дает возможность довольно подробно описать черты всадника и его вооружение.

Головной убор всадника изображен в виде шлема, повторяющего контур головы и покрытого точками. Такой тип шлема применялся на Востоке в IX–XVIII вв. и обозначался понятием "мисюра" ("шлем из Мисра", т.е. Египта) (Мамедов, 1997. С. 280). Образцы мисюр довольно часто встречаются в музеях и коллекциях мира (например, в Британском Музее, Оружейной палате Кремля, Музее истории Грузии (под названием "чабалахи"), пять экземпляров хранится в Музее истории Азербайджана, также встречаются изображения мисюр на азербайджанских миниатюрах (Денисов и др., 1953. С. 42; Этнография Грузии, 1964. С. 4; The visual dictionary, 1992. P. 30). Шлем сплетался из стальных колец диаметром 7–8 мм, в ряде случаев укреплялся пластиной, прикрывавшей макушку головы, и надежно защищал от рубящего оружия.

Доспех всадника изображен в виде сетки: так обычно изображали кольчатую броню. В Азербайджане такой тип брони применялся с конца I тыс. до н.э. (находка в с. Рустов Кубинского р-на) (Алиев, 1978. С. 13). 11 образцов кольчуг хранится в Музее истории Азербайджана, также встречаются изображения на азербайджанских миниатюрах (Ахмедов, 2001. С. 128, 129). Кольчуга предназначалась для защиты от рубяще-режущего оружия и сплеталась из стальных колец диаметром 5–8 мм в виде рубашки или халата (редко). Кольчуга с длинными рукавами и подолом называлась "зирех", с короткими – "дэр" (Ахмедов, 2001. С. 130, 132). Так как нижний край блюда обломан, точно определить вид изображенной кольчуги не представляется возможным. На плече воина изображена выпуклая пластина, вероятно, наплечник. Известно, что подверженные наибольшему количеству ударов части тела защищались дополнительными защитными элементами (боевой пояс, наплечники, нагрудник, поножи, нару-

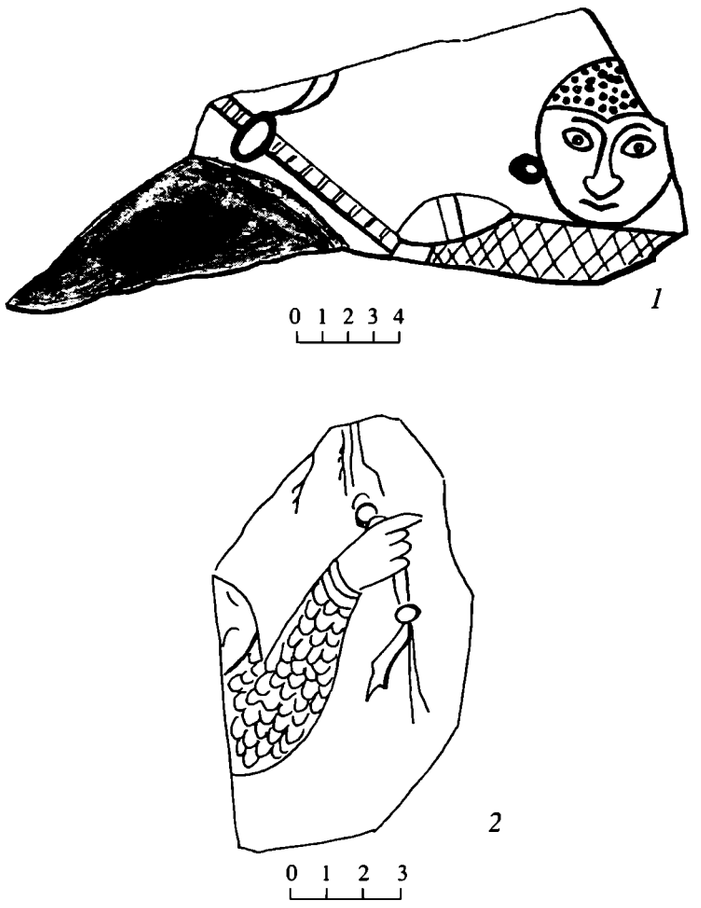


Рис. 1. Изображение воина на фрагменте блюда из Оренкалы (*1*); из Шемахи (*2*).

чи). На рисунке на наплечнике изображены полосы, вероятно, ремни наплечника.

Воин вооружен копьем, на рисунке видна часть древка копья и привязанная к нему лента. Наличие на древке поперечных полос позволяет сравнить его с изображениями копий на миниатюрах. Так, копья такого типа раскрашивались в красный цвет, украшались желтыми или позолоченными полосами и обозначались в источниках понятием "алтун низе" (в эпосе "Китаби Деде Коркут" – "алтун джида" (Китаби..., 1988. С. 72. Что же касается ленты, то еще с III–IV вв. такие ленты обозначали социальный статус владельца копья (Nicolle, Hook, 1994. С. 32).

Точность и детальность изображения позволяют определить этническую и социальную принадлежность воина. Так, у него миндалевидные глаза, брови вразлет, нос с широкими крыльями. Обычно таким типологическим шаблоном художники средневековья изображали воинов тюркского происхождения (Nicolle, Hook, 1994. С. 28). В IX–X вв. усы и борода являлись одним из элементов, демонстрировавших социальный статус мужчины, но воин на рисунке изображен без них. Чисто выбритое лицо в рассматриваемое время было характерно для гуламов. Как известно, в IX в. после подавления антиарабского восстания хуррамитов в армиях мусульманского Востока ведущую роль играли гуламы – профессиональные воины тюркского происхождения. Они считались невольниками, принадлежащими хозяину (отсюда и название гулам – "раб", "принадлежащий кому-либо") и в знак этого носили в правом ухе серьгу (Nicolle, Hook, 1994. С. 29). В Азербайджане институт гуламов существовал в IX–XIII вв. (Мамедов, 1997. С. 147). Воин на рисунке изображен с серьгой в правом ухе, что показывает его принадлежность к корпусу гуламов. Гуламы проходили восьмилетний курс обучения-службы, причем гуламам 1-го и 2-го годов запрещалось иметь бороду и усы. Известно, что гуламы 1-го года службы проходили обучение-службу пешими и только на 2-й год им выдавался боевой конь (Мамедов, 1997. С. 148). Наличие у воина, изображенного на рисунке, серьги и коня, отсутствие усов и бороды показывают, что изображен гулам 2-го года службы. Это предположение подтверждается наличием у него кольчуги: молодым гуламам выдавали только кольчугу, более опытные получали поверх кольчуги пластинчатый доспех (воин на рисунке не имеет такого доспеха) (Николль, Мак-Брайд, 2003. С. 20).

В свое время Г.М. Ахмедов, опираясь на косвенные признаки, отнес данный фрагмент керамики к IX–X вв. (Ахмедов, 1962. С. 109). Проведенный нами анализ изображения подтверждает, данный вывод.

На территории Азербайджана в IX–X вв. имелось несколько феодальных государств: государство Ширваншахов (861–1538 гг. охватывало северо-восточную часть современной Азербайджанской Республики); государство Саджидов (879–941 гг. охватывало территорию Южного (ныне Иранского) Азербайджана и частично земли Северного Азербайджана (ныне – Азербайджанская Республика)); государство Саларидов (941–981 гг. охватывало территорию Южного (ныне Иранского) Азербайджана и частично земли Северного Азербайджана (ныне – Азербайджанская Республика)). Исследования показывают, что войска государства Ширваншахов состояли в основном из местной пехоты; государства Саларидов – из пехотинцев-дейлемитов; государства Саджидов – из тюркских гуламов (Мамедов, 1997. С. 157–159). Учитывая время изготовления фрагмента (IX–X вв.), можно предположить, что блюдо было изготовлено в государстве Саджидов, тем более что город Оренкала (Байлакан), где найден фрагмент, в свое время входил в состав этого государства.

Учитывая сказанное выше, можно прийти к следующим выводам:

1) шлем всадника, изображенного на фрагменте, относится к типу "мисюра";

2) доспех всадника относится к типу "дэр" или "зирех";

3) плечи воина были защищены наплечниками;

4) копье воина было украшенным, привязанная лента показывала социальный статус владельца;

5) воин принадлежал к корпусу гуламов государства Саджидов, был тюрком по происхождению, служил в отряде гуламов 2-го года обучения-службы.

Изображение воина на фрагменте блюда из Шемахи. В ходе археологических раскопок в 1987 г. в средневековом городе Шемахе были найдены образцы полихромной керамики IX–XI вв. (Джидди, Юнусов, 1986. С. 61). Особый интерес вызывает фрагмент блюда, обнаруженный во время раскопок в ремесленном квартале города (рис. 1, *2*). Он относится к той же группе полихромных сосудов и расписан в том же стиле, что и описанный выше образец. На фрагменте был изображен воин, однако до наших дней дошел лишь фрагмент изображения, где отчетливо видны плечо и рука воина, его оружие.

В свое время исследователи Г. Джидди и А. Юнусов посвятили данному фрагменту статью, высказав мнение, что на фрагменте изображен пластинчатый доспех (Джидди, Юнусов, 1986. С. 62). Однако мы полагаем, что данное мнение ошибочно. Пластинчатым называется доспех, в котором основную защитную роль выполняют крупные квадратные (подквадратные или квадратные с закругленными концами) пластины, прикрепляемые друг к другу или к основе. Отверстия для соединительных ремешков или колец на таких доспехах шли по всей кайме равномерно. Пластины соединялись встык или слегка надвигались одна на другую (Соловьев, 1987. С. 54–56). Пластинчатый доспех при всех своих преимуществах имел большой недостаток: соединенные с основой или друг с другом пластины лишали доспех эластичности и гибкости. Такая подвижная часть тела, как рука (а именно рука изображена на пластине), просто не могла бы сгибаться и разгибаться, если бы рукав был плотно (как на рисунке) обшит пластинами. К тому же топорщащиеся на рукаве пластины (площадь рукава небольшая и пластины обязательно должны были топорщиться) причиняли бы неудобство и даже боль в подмышках. Именно по этой причине пластинчатые доспехи либо вообще не имели рукавов, либо их рукава были кольчатыми. На рисунке же отчетливо видно, что воин свободно согнул руку. На наш взгляд, изображенный рукав принадлежит кольчатому доспеху. Так, кольчатый доспех типа "зирех" имел длинные рукава. Изображения кольчатых доспехов с длинными рукавами встречаются на миниатюрах XIII в. (например, на миниатюре "Варга и Гюльша") (Бретаницкий, Веймарн, 1976. Рис. 73).

Г. Джидди и А. Юнусов также не обратили внимание на такие детали, как пластина на плече и выступающие из-под рукава доспеха в районе запястья рукава двух рубашек. На наш взгляд, изображенная на плече пластина – это наплечник. Изображенные рукава показывают, что доспех надевался не на голое тело, а на обычную рубашку и поддоспешную одежду. Именно поддоспешная одежда (обычно ватно-войлочная) гасила силу полученного удара, предохраняя воина от контузии и внутренних кровотечений. Такая одежда в источниках обозначалась как "джазеран" (Кирпичников, 1976. С. 36, 38).

Оружие воина Г. Джидди и А. Юнусов охарактеризовали как меч (1986. С. 61), т.е. рубяще-колющее оружие с прямым клинком. Мы согласны с этим мнением и хотели бы добавить следующее. На наш взгляд, художник изобразил меч клинком вверх, в этом случае вниз смотрит рукоять с шаровидным навершием и привязанным к нему темляком (темляк – ремешок, надеваемый на запястье) и лентой. Похожий меч X в. хранится в Музее Бодрума в Турции (Николль, Мак-Брайд, 2003. С. 38).

Таким образом, подводя итог сказанному выше, можно прийти к следующим выводам:

1) изображенный на фрагменте воин был одет в кольчугу и именно рукав кольчуги виден на фрагменте;

2) вероятно, кольчуга принадлежала к виду "зирех";

3) под доспех была надета обычная рубашка и поддоспешная одежда;

4) плечи воина были защищены наплечниками;

5) воин держит оружие клинком вверх;

6) оружие воина – меч с шаровидным навершием и привязанным к нему темляком и лентой;

7) учитывая, что в рассматриваемое время доспех и меч мог купить обеспеченный воин, можно предположить, что он принадлежал к классу феодалов;

8) вероятно, изображенный воин принадлежал к государству Ширваншахов, так как фрагмент изготовлен местными городскими мастерами, а Шемаха в рассматриваемое время входила в состав государства Ширваншахов в качестве столичного города.

Изображение лучника на чаше из Байлакана. Среди антропоморфных изображений из археологических памятников средневекового Азербайджана наиболее известно блюдо с изображением охотника (рис. 2). В историографии достаточно много места уделено описанию данной чаши, условий ее изготовления, оценке чаши с художественной точки зрения (Якобсон, 1959. Табл. 9; Ахмедов, 1979. С. 60. Табл. 65в; Гюзальян, 1959. С. 335), поэтому нет нужды касаться этих моментов вновь, равно как заново описывать весь рисунок. Однако нам хотелось бы подробно рассмотреть оружие и вооружение изображенного воина, так как

они представляют несомненный интерес для изучения военного дела периода IX–XIII вв.

Оборонительное вооружение воина, состоит из шлема и мягкого доспеха. Шлем представляет собой небольшой заостренный кверху головной убор. Как показано в тюркоязычных источниках "Дивани лугат ат-турк" и "Китаби Деде Коркут", так выглядел шлем типа "тарк" ("торк", "ашык", "йышык") (El-Kaskari, 1941. C. I. S. 64; Китаби..., 1988. С. 43, 70, 124, 174. В этом типе шлема, отличающемся невысокой тульей, невысоким коническим навершием, обтекаемой поверхностью идеально сочетались надежность, невысокая цена, удобство ношения, способность к модернизации (за счет установки дополнительных элементов можно было защитить лицо, шею, горло), что и привело к длительному использованию данного типа. Похожий шлем на воине изображен на блюде IX–X вв., найденном на территории Ирака (Nicolle, 1994. P. 43).

Со шлема воина, изображенного на чаше, с обеих сторон лица до уровня груди и пояса свисают какие-то элементы. Н. Наджафова описала их как часть головного убора типа "шапка-треух" (Наджафова, 1961. С. 111), хотя такой головной убор не применялся в Азербайджане в средние века и к тому же не соответствует изображению на чаше. Как показывают миниатюры и исследования, соответствующие тюркские воины в государствах мусульманского Востока имели обычай заплетать длинные волосы в косы. Вероятно, свисающие на рисунке элементы и есть косы. Аналогичное изображение мы встречаем на керамике из Дехистана (современный юго-западный Туркменистан), относящейся к XII – началу XIII в. (Атагаррыев, 1986. С. 117. Рис. 34, 2).

Одежда на воине, изображенном на чаше не рассматривалась как предмет вооружения, ее описывали просто как рубашку с узорами в горошек. Однако стоит отметить, что в рассматриваемое время на Востоке были широко распространены мягкие доспехи, усиливаемые за счет пришиваемых металлических бляшек. Этот вид доспеха состоял из нескольких слоев шелковой или ватно-войлочных тканей, вся его поверхность обшивалась металлическими бляшками обычно круглой формы. Такой доспех был дешевым, удобным в транспортировке, легким, хотя по надежности уступал металлическому. На охоте такой тип защитной одежды был идеален: не шумел и не бренчал, достаточно надежно защищал как от непогоды, так и от когтей и клыков крупных животных, колючек и шипов растений. В случае необходимости его можно было легко снять и, свернув, закрепить на луке седла. В широкой части рукавов одежды нашиты широкие полосы желтой ткани: этот элемент средневековой восточной моды был присущ одежде знати (на полосах обычно вышивались различные изречения).

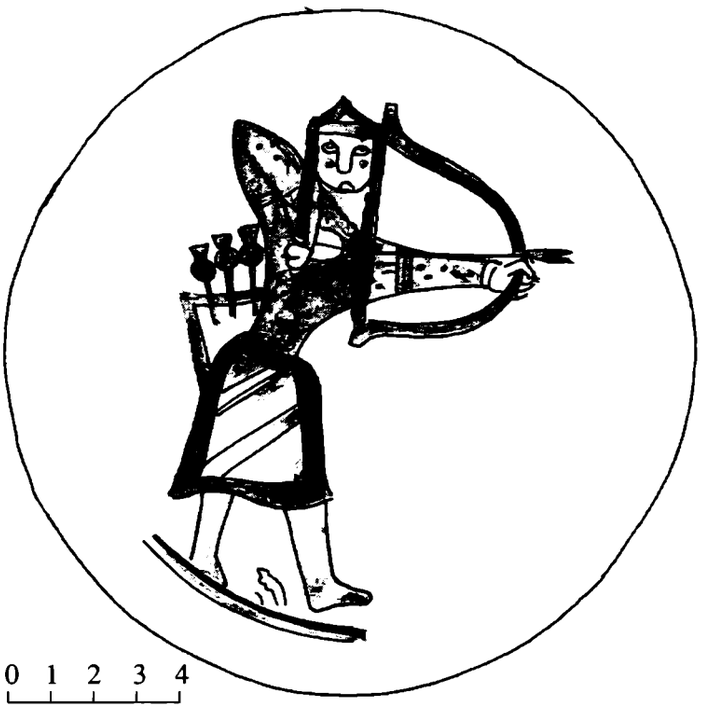


Рис. 2. Изображение лучника на чаше из Оренкалы.

Наступательное оружие воина представлено луком и колчаном со стрелами. Лук он держит в правой руке, левой натягивает тетиву, колчан изображен на правом боку. Детальность изображения позволяет высказать определенное мнение об этих видах оружия. Учитывая, что на рисунке не выделены рога и центральная часть лука, можно предположить, что он относится к типу простых луков. В рассматриваемое время лучники использовали пять видов луков, из них только охотничий лук был простым. В данном случае мы лишний раз убеждаемся в этом. Все остальные виды луков (боевой, спортивный, учебный, лук для максимально точной стрельбы) относятся к типу сложных или сложносоставных (Горелик, 1993. С. 66; Мамедов, 1997. С. 150). Изображения простого типа лука довольно редки для данного периода, так как изображая батальные и другие сцены художники обычно изображали луки сложного типа. Простой тип лука встречается на терракоте из городища Шахр-Ислам (Атагаррыев, 1973. С. 61). Возможно, именно типом лука объясняется необычный для Азербайджана способ натяжения тетивы к груди. Судя по миниатюрам и изображениям на предметах торевтики и эпиграфики, в Азербайджане тетива обычно натягивалась отведением руки к уху, а не к груди.

Стрела на рисунке, наложенная на лук, состоит из наконечника, древка и оперения. Наконечник стрелы раздвоен. Такого рода наконечники обнаружены в ходе археологических раскопок на территории Азербайджана и классифицируются

Рис. 3. Фрагмент блюда из Оренкалы с изображением конного охотника.

как вильчатые (Ибрагимов, 1988. С. 48). У них два остроугольных острия и широкоугольные плечики. Такие наконечники в источниках обозначаются понятием "душахэ" (McEwen, 1974. P. 83, 84). Находки наконечников стрел в Азербайджане довольно многочисленны, однако цельные древки стрел не обнаружены (исключение составляют фрагменты, сохранившиеся у наконечников). Однако восстановить внешний вид древка позволяют многочисленные миниатюры, а также параллели с находками на Северном Кавказе и в Средней Азии. Так, древки стрел имели диаметр 0.7–1.2 см, были круглыми в сечении (Чахкиев, Наружный, 1984. С. 102; Абакаров, 1974. С. 258). Встречались как цельные, так и составные древки (Бентович, 1958. С. 366).

Для лучшей устойчивости в полете к концу древки приклеивалось оперение: несколько жестких перьев хищных птиц (Денисов и др., 1953. С. 94; Медведев, 1966. С. 51). Иногда, если древко стрелы было камышовым, оно обматывалось тонким слоем сухожилий, предотвращавших расщепление (Бентович, 1958. С. 366). Древки стрел изготавливались из камыша, самшита, березы, тополя. Древко оканчивалось небольшим ушком-разрезом для зацепления за тетиву. По мнению Н. Наджафовой, в колчане охотника, изображенного на чаше, стрелы уложены наконечниками вверх (Наджафова, 1961. С. 111). Однако на рисунке хорошо видно, что стрелы уложены классическим способом, т.е. наконечниками вниз, отчетливо видны почти круглые крупные завершения древков, которые мы считаем оперением, а также вырезы для тетивы.

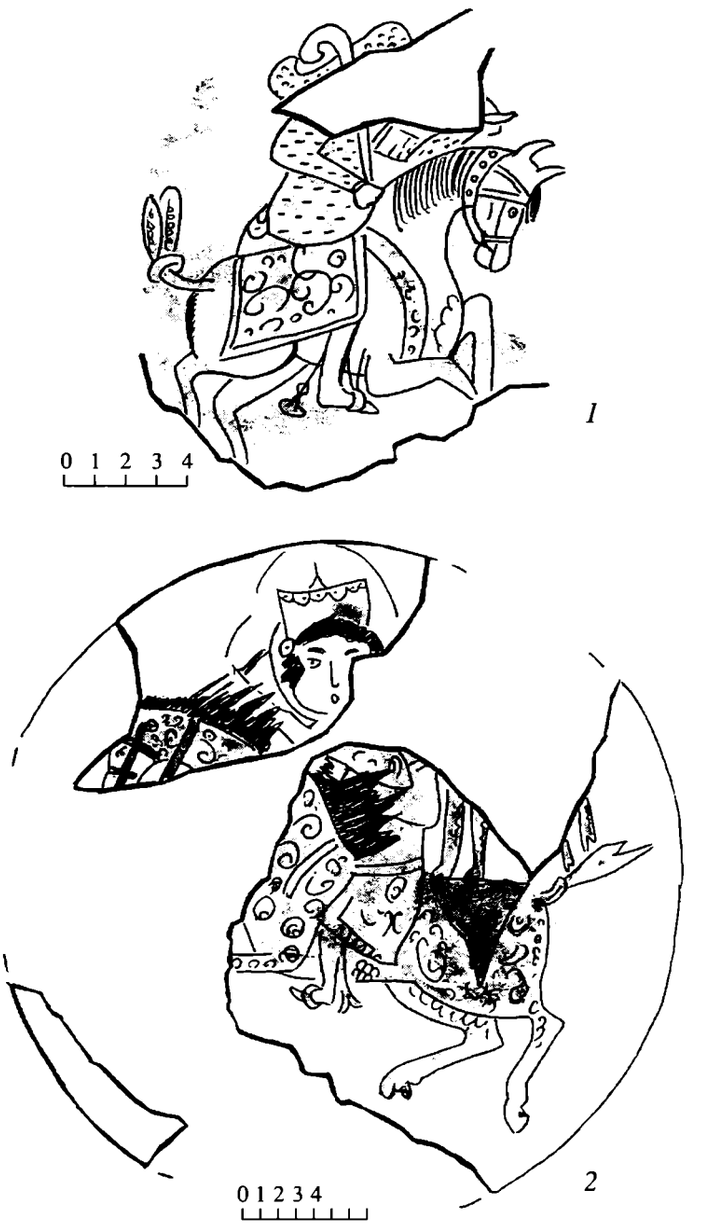


Рис. 4. Фрагмент блюда из Оренкалы с изображением конного игрока в "чоуган" (конное поло) (*1*) и конного охотника и гепарда, сидящего на крупе его коня (*2*).

Подводя итог сказанному выше, можно прийти к следующим выводам:

1. Оборонительное вооружение лучника представлено шлемом типа "тарк" и, возможно, мягким доспехом.

2. Наступательное оружие лучника представлено луком простого типа со стрелой "душахэ" и колчаном с запасом стрел.

Изображения всадников на фрагментах керамики. Помимо анализа фрагментов керамики, где непосредственно изображены военные персонажи, необходимо коснуться и тех фрагментов, где изображены всадники, пусть даже без оружия, так как снаряжение коня и военных, и граждан-

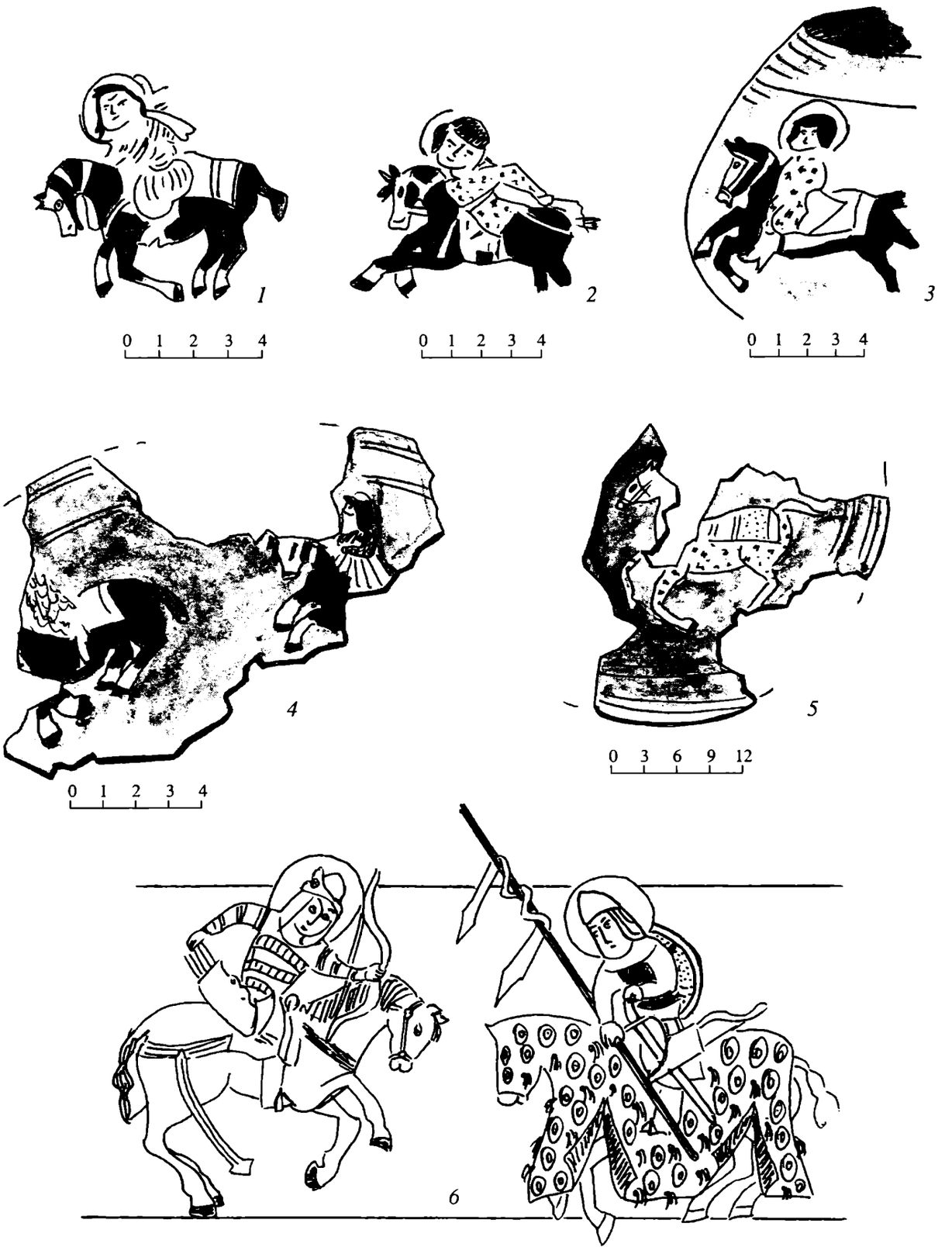


Рис. 5. Фрагменты керамики и миниатюры с изображениями всадников. *1* – фрагмент шестиугольной чашечки; *2* – фрагмент сосуда с носиком; *3* – фрагмент вазы; *4–5* – фрагменты блюда; *6* – фрагмент миниатюры.

ских лиц в период средневековья различалось незначительно.

1. Фрагмент блюда из раскопок 1953–1955 г. в Оренкале с изображением конного охотника (рис. 3). В отличие от описанных выше образцов с антропоморфными изображениями данный образец достаточно стилизован, бросается в глаза отсутствие детальности, тщательности изображения, художник не заботился о соблюдении элементарных пропорций, не говоря уже о точности изобра-

жаемых деталей. Фрагмент достаточно подробно описан в научной литературе (Якобсон, 1959. С. 242. Табл. 5. Рис. 1; Ахмедов, 1979. С. 60. Табл. 65а), однако одежда всадника и конское снаряжение не подвергались анализу. Так, на наш взгляд, одежда всадника является таким же образцом мягкого доспеха, подбитого металлическими бляшками, как и описанная выше одежда охотника-лучника. Не случайно, что этот всадник в такой одежде изображен на охоте. Всадник одет также в брюки и полусапожки с каблуками. Из конского снаряжения видна попона коня и лунообразное седло, обычно характерное для легковооруженных всадников.

2. Фрагмент блюда из раскопок 1953–1955 гг. в Оренкале с изображением конного игрока в "чоуган" (конное поло) (рис. 4, *1*). В отличие от описанных выше образцов с изображениями воинов данный образец достаточно стилизован, бросается в глаза отсутствие детальности и тщательности изображения, художник не заботился о соблюдении точности изображаемых деталей. Фрагмент достаточно подробно описан в научной литературе (Якобсон, 1959. С. 270. Табл. 10; Ахмедов, 1979. С. 60. Табл. 65г; Гюзальян, 1959. С. 335; Наджафова, 1961. С. 111). Обращает внимание наличие круглого стремени. Как известно, такое стремя использовали всадники, носившие преимущественно мягкую обувь. И действительно, на рисунке обувь всадника без каблука. Также необходимо обратить внимание на завязанный хвост коня (символ знатности всадника) и довольно необычный головной убор.

3. Фрагмент блюда из раскопок 1954 г. в Оренкале с изображением конного охотника и гепарда, сидящего на крупе его коня (рис. 4, *2*). Данный образец также достаточно стилизован. Фрагмент достаточно подробно описан в научной литературе (Якобсон, 1959. С. 254. Табл. 6; Ахмедов, 1979. С. 60. Табл. 65б; Наджафова, 1961. С. 109, 110). Обращает внимание наличие круглого стремени и мягкой обуви, подобных описанному выше образцу. Также необходимо обратить внимание на завязанный хвост коня и на довольно необычный головной убор в виде цилиндра с возвышающейся задней кромкой.

4. В дальнейшем в ходе реконструкции внешнего облика воинов всадников необходимо использовать фрагменты пяти сосудов из Байлакана, где изображение коня и конского снаряжения идентично. Так, это шестиугольная чашечка с изображением невооруженного всадника (рис. 5, *1*) (Шелковников, 1959. Табл. 4. Рис. 3); сосуд с носиком с изображениями всадников (рис. 5, *2*) (Шелковников, 1959. Табл. 1. Рис. 2); ваза с изображениями всадников (рис. 5, *3*) (Шелковников, 1959. Табл. 1. Рис. 1); фрагмент блюда с двумя всадниками (рис. 5, *4*) (Ибрагимов, 1965. С. 195. Табл. 1. Рис. 1); фрагмент блюда с изображением белого с черными пятнами коня и его всадника (рис. 5, *5*) (Ибрагимов, 1965. С. 195. Табл. 1. Рис. 2). Интересно, что стиль изображения коня и его снаряжения на этих сосудах идентичен изображениям на миниатюрах азербайджанской рукописи произведения "Варга и Гюльша" начала XIII века, выполненных художником Абд аль-Мумином ибн Мухаммедом аль-Хойи (рис. 5, *6*) (Бретаницкий, Веймарн, 1976. С. 155) (хранится в Стамбуле в библиотеке музея Топкапы). Керамический фрагмент с аналогичным изображением был найден в Бухаре (Абдуллаев, 1979. С. 77).

Военное дело как объект исследования носит многоплановый характер и соответственно требует к себе многопланового подхода. В первую очередь многоплановость должна соблюдаться при анализе источников, так или иначе связанных с военным делом. Интерпретация изображений на предметах керамики периода средневековья дает возможность не замыкаться на создании формально типологической схемы предметов вооружения, позволяя подойти к решению общеисторических аспектов (например, установление социальной и этнической принадлежности воинов того или иного периода).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакаров А.И. Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана. // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

Абдуллаев К. Два фрагмента люстровой керамики из Бухары // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 15. Ташкент, 1979.

Алиев А.А. Оружие древних албан. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1978.

Атагаррыев Е. Материальная культура Шахр-Ислама. Ашхабад, 1973.

Атагаррыев Е. Средневековый Дехистан. Л., 1986.

Ахмедов Г.М. Оренкала (краткий историко-археологический очерк). Баку, 1962 (на азерб. яз.).

Ахмедов Г.М. Средневековый город Байлакан. Баку, 1979 (на азерб. яз.).

Ахмедов С. А. Оборонительное вооружение в коллекции Музея истории Азербайджана (зирех, дэр, бадана) // Музей истории Азербайджана – 80 лет. Баку. 2001 (на азерб. яз.).

Бентович И.Б. Находки на горе Муг (Собрание Гос. Эрмитажа) // МИА. 1958. № 66.

Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В. Искусство Азербайджана (IV–XVIII века). М., 1976.

Горелик М.В. Куликовская битва 1380 г. // Цейхгауз, 1993, № 1.

Гюзальян Л.Т. Надписи на местной керамике из Оренкалы // МИА. 1959. № 67.

Денисов Е.Н., Портнов М.З., Денисова М.М. Русское оружие (IX–XIX вв.). М., 1953.

Джидди Г.А., Юнусов А.С. Из истории доспеха в средневековом Азербайджане (об одной археологичес-

кой находке) // Докл. АН АзССР. 1986. Т. XLII. № 12.

Ибрагимов Ф.А. Фаянсовые сосуды с позолотой из Оренкала // Материальная культура Азербайджана. Т. VI. Баку, 1965.

Ибрагимов Ф.А. Металлообрабатывающие ремесла в средневековых городах Азербайджана (IX–XIII вв.). Баку, 1988 (на азерб. яз.).

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв., Л., 1976.

Китаби Деде Коркут. Баку, 1988 (на азерб. яз.).

Мамедов С.Г. История войн и военного искусства Азербайджана (с древнейших времен до XVII века). Баку, 1997.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (лук, стрелы, самострел). М., 1966.

Наджафова Н. Поливная художественная бытовая керамика Азербайджана XII–XIII веков (изобразительные мотивы) // Изв. АН АзССР. Сер. обществ. наук. 1961. № 6.

Николль Д., Мак-Брайд А. Армии мусульманского Востока VII–XI века. М., 2003.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири (эпоха средневековья). Новосибирск, 1987.

Чахкиев Д.Ю., Наружный Е.И. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии. // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

Шелковников Б. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури из Оренакалы // МИА. 1959. № 67.

Этнография Грузии: оружие. Тбилиси, 1964.

Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана по раскопкам 1953–1958 гг. // МИА. 1959. № 67.

Donuk A. Eski tyrk devletlerinde idary-askeri unvan ve terimler. Istanbul, 1988.

El-Kaskari M. Divani luqat it turk. Haz. B. Atalay. Istanbul, 1941.

McEwen E. Persian archery. Text: Chapter 12 of Fakhr-i Mudabbir "Adab al harb" early 13 c. // Islamic Quertly. V. 18. № 3–4. 1974.

Nicolle D. Armies of the muslim conquest. L., 1994.

Nicolle D., Hook C. Saracen faris (1050– 1250 ad). L., 1994.

The visual dictionary of military uniform. L., 1992.

Figurative representations on medieval pottery as a source of information on warfare (the finds from Azerbaijan)

S. A. Akhmedov, E. B. Djafarova

Summary

The paper represents an attempt to demonstrate how important can be the sources usually viewed as supplementary ones for investigation of the medieval warfare. The authors present the results of the analysis of polychrome and monochrome pottery of the 9th – the 13th cc. from Azerbaijan. The potsherds show visual materials important for investigation of various aspects of warfare, first of all, the history of weapons. The finds are presented in Figs. 1–5. These include: 1) dish fragment from Orenkala (Bailakan) bearing the representation of a *gulam* warrior; 2) dish fragment from Shemakha with the portrayal of a warrior (only an arm holding a weapon is preserved); 3) bowl from Orenkala (Bailakan) adorned with the image of a hunter armed with a bow; 4) pottery fragments from Orenkala (Bailakan) with the images of warriors. Analysis of the representations gives grounds to consider a number of weapons of the discussed epoch. It is also related with more general historical questions, such as social and ethnic attribution of the warriors' portrays of one or other period.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 141–148

ПУБЛИКАЦИИ

К ИЗУЧЕНИЮ ЮЖНОРУССКИХ КОЛОДЦЕВ X–XIII вв.

© 2005 г. Ю. Ю. Моргунов

Институт археологии РАН, Москва

Летописные свидетельства показывают, что судьбы поселений и их защитников нередко зависели не только от прочности защитных стен или отваги осажденных, но и от наличия в форпостах специальных водозаборников или сооружений для хранения запасов питьевой воды. Поэтому проблема снабжения влагой древних крепостей, пожалуй, должна была служить одной из первостепенных задач обеспечения их обороноспособности.

Тем не менее не всякий город был в достатке обеспечен этим существенным залогом его безопасности: судя по статье 968 г. Повести временных лет (далее – ПВЛ), в осажденном Киеве "изнемогаху же людье гладом и водою". Видимо, поэтому и коней поили в реке Лыбеди, т.е. за пределами города (ПСРЛ, 1926. С. 65, 67). Нет сомнений и в том, что порой значительные крепости и вовсе не имели источников внутреннего водоснабжения, и тогда осады оборачивались для горожан трагедией. К примеру, в 988 г. Владимир Святославич покорил Корсунь, только перекопав трубы, по которым вода поступала из окрестных колодцев, а в 1093 г. половцы с этой же целью отводили воду от Торческа. В 1186 и 1207 гг. по той же причине страдали жители г. Пронска: попытки их ночных вылазок за водой пресекались поставленной противником стражей (ПСРЛ, 1926. С. 109, 221, 402, 431, 432).

Наиболее просто вода извлекалась из ключей и родников, но их выходы обычно приурочивались к склонам или пониженным стрелкам мысов. Поэтому на городищах Юго-Запада Руси нередки примеры намеренного изгиба линии валов для включения поныне функционирующих родников в состав жилой площадки (Хавлюк, 1969. С. 162; Кучера, 2000. С. 98). В Ломачинцах это удалось сделать, не нарушая традиционных кольцевидных очертаний крепости, но трассу валов пришлось сдвинуть на береговой склон, а это нетипично для местной фортификации (Тимощук, 1982. С. 82, 178).

Иногда считают, что запасы воды могли храниться на городищенских площадках в материковых ямах небольших размеров. Массово они встречены, кажется, только в Любече, где могли содержать объем влаги, сравнимый с годовой потребностью 250–300 обитателей замка (Рыбаков, 1964. С. 23).

В литературе встречаются сведения и о применении значительных накопительных емкостей. Такой выдолбленный в скале колодцеобразный резервуар был исследован на высоком скальном останце карпатского городища Тустань. Сверху сооружение открывалось подквадратным расширением, а ниже следовала 14-м шахта меньшего диаметра (Рожко, 1996. С. 82–89) (рис. 1, *4*). Сходный резервуар городища-святилища Звенигород сверху прослеживался в виде воронки диаметром 15 м и глубиной около 5 м. А его вырубленная в скале шахта имела квадратное сечение со стороной 2.4 м. (Русанова, Тимощук, 1993. С. 49). Любопытно, что оба устройства дополнялись обычными колодцами, размещенными у подножья высоких городищенских мысов. Тустанский колодец имел овальное поперечное сечение и глубину 30 м (Рожко, 1996. С. 101–106), а в Звенигороде от нижнего колодца наверх вела замощенная камнем дорожка (Русанова, Тимощук, 1993. С. 49).

Питьевую воду могли получать и при помощи тоннелеобразных выходов к реке, напоминающих известные по домонгольским памятникам патерны. В XV–XVII вв. такие сооружения широко применялись во множестве русских крепостей и городов (Фальковский, 1947. С. 50–65) (рис. 1, *1*).

Приведенные наблюдения в определенной мере имеют исключительный и нередко спорный характер. Поэтому нас больше интересуют наиболее массовые водозаборные сооружения – колодцы. Представления о них весьма разноречивы: Н.Н. Воронин считал срубные колодцы обычным бытовым явлением домонгольской Руси (1951. С. 194–196). По мнению других исследователей, их устраивали только в крепостях, а венчатые обшивки распространились только с XV в. (Рабинович, 1976. С. 37). Согласно третьим, бытовые колодцы рыли только в низких местах, поэтому их глубина не превышала 2–5 м при диаметре 1 м (Русанова, Тимощук, 1993. С. 64).

Между тем проведенное в 20-е годы XX в. статистическое обследование водозаборников лесостепной Воронежской области показало, что около 40% колодцев имело глубину менее 10 м, а 47% – достигало глубины 50 м и более (Бломквист, 1956. С. 290). Таким образом, и древние колодцы вполне могли иметь различную глубину.

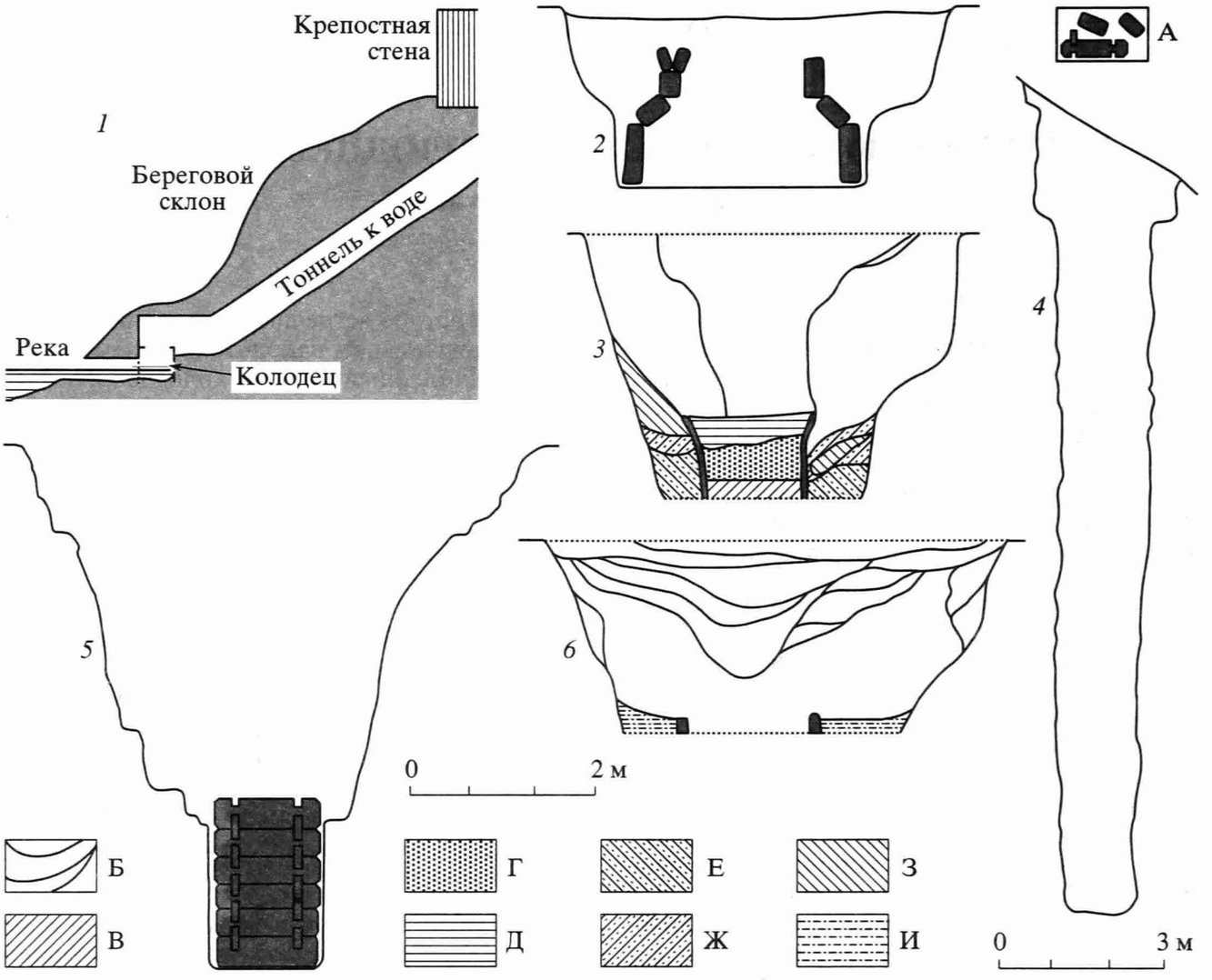


Рис. 1. Сооружения колодезного типа. *1* – реконструкция тайника Чернавской крепости (по Н.И. Фальковскому); *2* – колодец из Чернигова (по И.А. Готуну и др.; *3* – колодец поселения Шумлай; *4* – разрез цистерны из Тустани (по М.Ф. Рожко); *5* – колодец Билярского городища (по Р.Ф. Шарифуллину); *6* – колодец из Автуничей (№ *3* и *6* – по О.М. Веремейчик и И.А. Готуну). Условные обозначения: А – остатки деревянных конструкций; Б – поздние наслоения; В – темно-серая супесь; Г – серая супесь; Д – темная супесь; Е – серо-белая супесь; Ж – серо-желтая супесь; З – светло-серая супесь; И – серый суглинок.

Действительно, археологически изученные неглубокие водозаборники встречены на низко расположенных поселениях. Глубина колодца на городище Глибочок на Горыни насчитывала всего 3 сажени (Антонович, 1901. С. 93). Наиболее подробно изданы аналогичные сооружения поселений Шумлай, Автуничи и черниговского предградья. Для них характерны впоследствии сглаженные воронкообразные углубления диаметром 4–5 м и глубиной 2–3 м, переходящие в шахты прямоугольного сечения с невысокими дубовыми срубами и коробами фильтрационных отстойников. В Шумлае короб имел столбовую конструкцию с дощатыми элементами; пространство между ним и стенками шахты было засыпано водопроницаемым песчанистым грунтом. В Автуничах были прослежены и следы ремонта сруба (Веремейчик, 1993. С. 75; 1993а. С. 18; Веремейчик, Готун, 1995. С. 85, 87–92; Готун и др., 2002. С. 112; Готун, 2003. С. 180) (рис. 1, *2, 3, 6*).

Сходные колодцы известны и за пределами Южной Руси: западными славянами они строились еще со времени пшеворской культуры II–III вв. (Веремейчик, Готун, 1995. С. 83, 84), а в землях волжско-камских болгар они подробно изучены на городище Биляра и в средневековом Болгаре (Шарифуллин, 1979. С. 102–113; Баранов, 2001) (рис. 1, *5*).

В соответствии с этнографическими параллелями на высоко размещенных над поймой городищах встречаются глубокие водозаборные устройства. В лесостепи с мягкими подстилающими породами их следы распознаются как округлые воронки глубиной от 3 до 5 м, а диаметром – от 6 до

25 м[1]. В одном случае такая выемка даже сохранила название "княжая криница" (Корчинский, 1987. С. 115). Впервые эти углубления с остатками колодцев отождествил П.А. Раппопорт: по его мнению, конусовидные выемки – это результат постепенного осыпания краев колодцев (1951. С. 115; 1956. С. 149; 1967. С. 154–156). С такой трактовкой не согласны, кажется, только некоторые украинские коллеги. Они принимают воронки за остатки искусственных резервуаров для сбора необходимой в случае осады талой и дождевой воды, "которая стекала в нее на протяжении всего года" (Кучера, 1964. С. 103; Сухобоков, 1992. С. 146; Моця, Халиков, 1997. С. 111).

Недавно такими выемками вновь заинтересовался М.П. Кучера и пришел к выводу, что это следы выборки грунта, необходимого для насыпки защитных валов, а затем "в ямы стекала дождевая и талая вода от снега, который за зиму накапливался на окруженной валом площадке". Следовательно, защитники укреплений постоянно проживали у их подножия: при необходимости там было легче соорудить неглубокий колодец, а поэтому большинство таких городищ отличает незначительный культурный слой (Кучера, 2000. С. 98). Похоже, что эти наблюдения не вполне точны: в исчерпывающий реестр памятников с воронками попали как летописные города (Белгород, Волковыск, Дорогобуж, Снепород, Сутейск), так и безымянные укрепления с насыщенными культурными напластованиями.

И все же мнение П.А. Раппопорта прямо или косвенно подтверждается многими примерами, из которых одна группа представлена как сочетание хорошо сохранившегося верхнего расширения с резко суженой и прямоугольной в сечении шахтой, обшитой дубовым срубом. В одном из колодцев Белгорода перекрытая деревянным навесом верхняя часть сооружения имела форму обширного цилиндра диаметром 9 м и глубиной 15 м. На уровне 8 м от дневной поверхности внутри него был устроен опиравшийся на горизонтальные балки дощатый настил. Верхний раздел другого белгородского сооружения по верху имел четырехугольный абрис и размеры 6 × 5 м, далее выемка конусообразно сужалась до глубины 9.6 м (Хвойка, 1913. С. 89, 90). В Дорогобуже на Горыни колодец открывался верхним срубом размерами 4 × 4 м, который следовал до глубины 9 м (Петегирич, 1990. С. 131). Не исключено, что сохранность этих сооружений объясняется их скорой засыпкой, что предотвратило их дальнейшее осыпание.

В других примерах в резкое сужение обустроенных срубами шахт переходили оплывшие материковые воронки: такой вид имели водозаборники в Екимауцах и Алчедаре (Федоров, 1968. С. 86–88; Федоров, Чеботаренко, 1974. С. 79). На курском городище Липино ниже внешней воронки следовало более глубокое и постепенно сужающееся углубление-раструб со следами горизонтального деревянного настила и срубной обшивки, имеющей в плане очертания восьмигранника. На уровне настила длина граней, сложенных из дубовых бревен, составляла около 3.4 м, а в нижней части воронки – 1.8 м (Енуков, Енукова, 1999. С. 181; Кашкин, 2000. С. 66).

Определенный интерес представляет и конусовидная часть водозаборника городища летописного Снепорода, который с небольшими перерывами эксплуатировался с черняховского времени до середины XIII в. По верху воронка имела диаметр 21 × 22 м и глубину 4 м, а в ее верхней половине сохранились следы двукратной подрезки в виде грунтовых ступенек.

Первоначально в суглинистом склоне было сделано четыре ряда концентрически подрезанных уступов, не имевших геометрически правильных очертаний: их высота колебалась от 0.4 до 1 м, а ширина насчитывала от 0.5 до 2 м. В ряде случаев прослежены остатки цепочек столбовых ямок от кольев, прижимавших к ступеням подпорные доски или плахи. Ниже ступенек склоны воронки становились более крутыми и книзу почти вертикально упирались в округлое пятно шахты диаметром около 6.5 м (рис. 2). Поверх плоской поверхности широкой верхней ступеньки были размещены две полусферические глинобитные печи, устьями обращенные к середине котлована.

О времени эксплуатации этих ступенек можно судить по найденному на них археологическому материалу. К примеру, в культурном слое городища найдено ничтожное количество обломков черняховской посуды, в то время как у подножья крепости раскинулось обширное поселение этого времени (Моргунов и др., 1984. С. 45). Тем не менее на ступеньках были расчищены остатки четырех небольших скоплений лощеной черняховской керамики, укреплявших поверхность ступеней. При этом ни одна пара обломков не склеивалась: очевидно, их принесли сюда специально, собрав внизу в качестве своеобразного подъемного материала. Другие аналогичные скопления-вымостки содержали позднероменскую керамику конца X в.

Подобными скоплениями встречались и обломки гончарной посуды с манжетообразными венчиками: по профилировке, составу теста и примесей это фрагменты хорошо известных тонкостенных сосудов хорошего обжига, относящихся к рубежу

[1] Наиболее полный перечень южнорусских городищ с конусовидными воронками принадлежит перу М.П. Кучеры (2000. С. 94–97). К сожалению, в указанный реестр по недоразумению попали посульские укрепления Тарасовка и Ляшевка, на поверхности которых кроме селитряных отвалов иных аномалий не прослеживается (Моргунов, 1996. С. 105–107, 114–116).

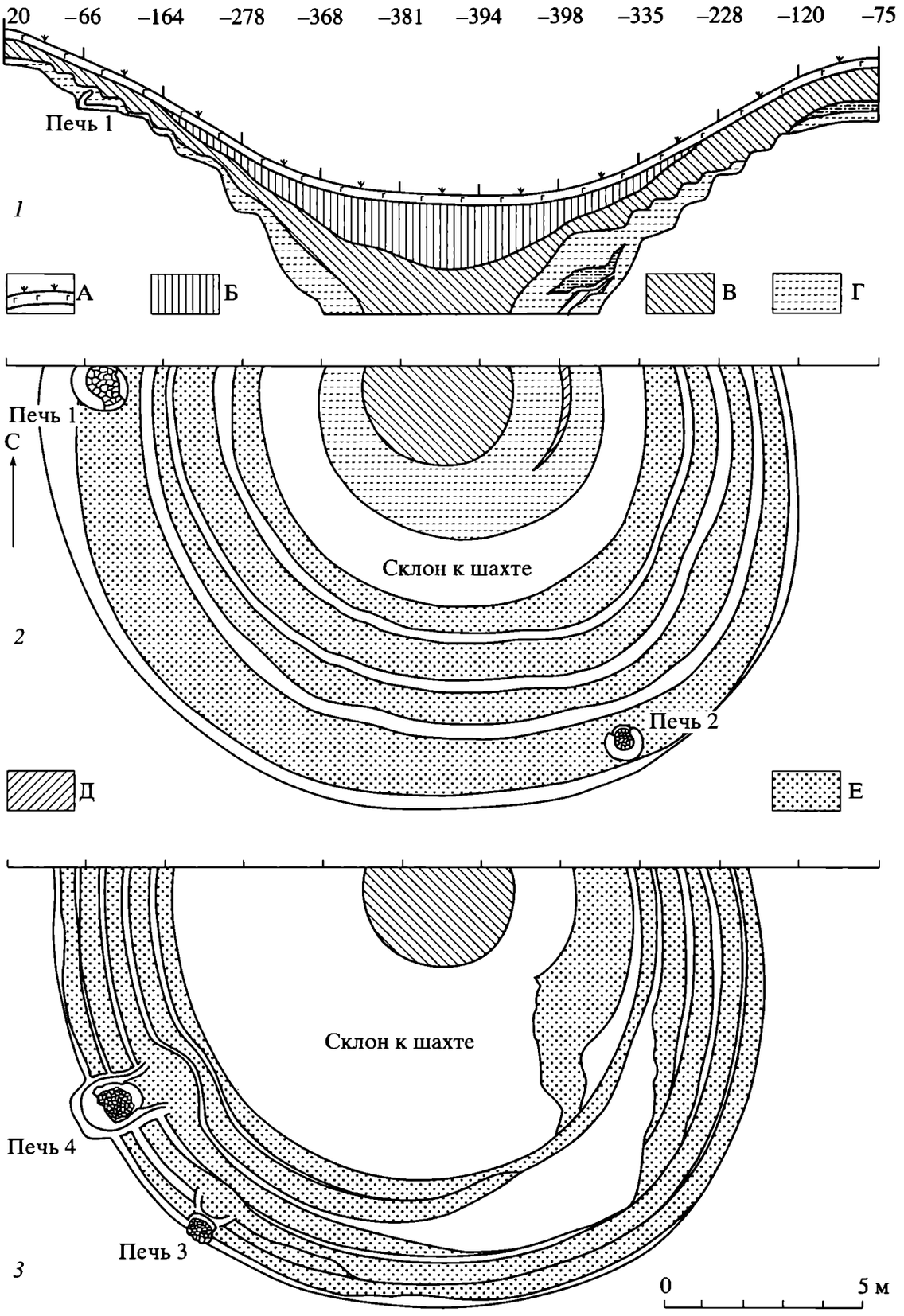


Рис. 2. Колодец на городище летописного г. Снепорода. *1* – разрез верхней части сооружения; *2* – ранний строительный период колодезного устройства; *3* – второй строительный период существования колодца. Условные обозначения: А – дерн; Б – позднее заполнение котлована; В – затеки культурного слоя; Г – светлый суглинок с примесью чернозема; Д – желтый суглинок; Е – горизонтальная плоскость ступеней.

X–XI вв. – началу XI вв. Такие же черепки содержались и в подсыпке, поверх которой была вылеплена печь № 2. В Посулье такая керамика типична для больших открытых поселений, заложенных Владимиром Святославичем: одно из них и размещалось на береговом мысу под защитой змиевых валов (Моргунов, 1996. С. 99, 134–138).

Далее активная эксплуатация колодца заметно ослабла, и ранние ступеньки постепенно затекли серым суглинком. В его составе преобладали обломки посуды, которые принято относить к широкому диапазону XI в. Этого материала относительно немного, как немного его и в других частях поселения. Данный хронологический этап хорошо увязывается с обширной эпохой, наступившей в результате устранения печенежской опасности после киевской битвы 1017 г., "идеже стоить ныне Святая София". Как и в других стратегически важных точках Посулья, в этот период большие открытые поселения эпохи Владимира Святославича стали уменьшаться, поскольку с окончанием печенежской экспансии собранные сюда контингенты "мужей лучших" не пополнялись, а оставшиеся поселяне получили возможность расселиться по окрестностям, более удобным для проживания.

Новый всплеск жизни на поселении фиксируется материалами второй половины – конца XI в. и увязывается с постройкой крепости Снепород. На фоне распространившихся тогда укреплений округлых очертаний планировка памятника отличается округло-подтреугольной формой, раскрывающей стремление включить более древний колодец в состав защищенной стенами площадки. Тогда же по верхней кромке серого суглинистого наплыва было прорезано пять новых лент концентрических ступенек, а на их уступах появились две новые печи, также обращенные к центру котлована.

Как мы видим, непосредственная связь конусовидных выемок с мелкими или глубокими колодцами принципиальных сомнений не вызывает. Тем не менее вопрос об их происхождении остается дискуссионным, поскольку слишком обширные размеры котлованов объяснения не находят. Неясной остается и необходимость создания обширных надшахтных расширений: таким аномальным объемом была снабжена даже тустанская скальная "цистерна". Вероятно, подобные выемки все же представляют собой следы определенного конструктивного решения или реликтово воплощали память о ранее применявшейся методике создания колодцев.

Если же обратиться к поздним техническим руководствам по рытью колодцев, то и они в подавляющем большинстве не содержат на этот счет никакой информации, но первый цикл колодезных работ непременно связывали с выборкой обширного и обязательно неукрепленного деревянной обшивкой (?) котлована (Синельников, 1926. С. 23; Зрелов, 1914. С. 22). Судя по приведенным расчетам, диаметр этой выемки должен не менее чем вдвое превышать сечение ствольной шахты (Спарро, 1908. Чертеж 14). Порой разъяснялось, что это углубление необходимо для сборки в нем сруба перед опусканием последнего в шахту (Новгородский. С. 17). Рациональный смысл сборки сруба именно в углублении и здесь не обоснован, но последствия этого инженерного решения все же в общих чертах объяснимы.

Получить разумное обоснование в необходимости надшахтных расширений удалось только на примере проходки колодцев через плывуны – насыщенные водой песчаные отложения (такими подпочвенными условиями отличаются южнорусские лесостепи). В подобных случаях на дне первоначального грунтового углубления создавался сруб с заостренным нижним венцом. Его высота (как и глубина расширенной выемки) соответствовала толщине слоя плывуна. После этого на верхнем венце прочно закреплялось четыре крестообразно уложенных бревна, длина которых укладывалась в пределы земляной выемки. Затем поверх бревен укладывался сплошной дощатый настил с центральным отверстием, равным внутренним габаритам сруба.

Это устройство называли "четырехкрыльной навалкой": на нее с дневной поверхности насыпалась земля, тяжесть которой продавливала плывун вплоть до твердого грунта, а мокрый песок выбирался через отверстие сруба (Зрелов, 1914. С. 25–27). На чертежах (Зрелов, 1914. № 7) навалка изображена как почти правильная восьмиугольная опорная площадка, насчитывавшая в поперечнике около 6 м (рис. 3). На самом деле ее размеры зависели от вертикальной протяженности плывуна: чем его толщина была выше, тем больший вес наваленного на площадку грунта требовался для продавливания зыбучего слоя. А для увеличения объема грунта требовалась и площадка большего размера. В иных случаях, когда плывун не отличался мощностью, сооружалась "двухкрылая навалка": в плане она соответствовала первоначальной земляной выемке квадратного сечения.

В конечном итоге наваленный грунт убирался, и венцы опускали до нужной глубины обычными методами; над отверстием дощатого настила сруб достраивался до удобной высоты. Затем все сооружение во избежание попадания в колодец дождевых и талых вод тщательно герметизировалось, а иногда, судя по белгородской аналогии, и перекрывалось навесом. Со временем вертикальные стенки первоначального котлована оплывали, постепенно обращаясь в конусовидные склоны, более удобные и для выноса снизу ведер с водой. Кроме того, в результате многолетнего цикла ремонтных и очистных мероприятий восьмиугольный котлован приобретал более округлые очертания.

В этом свете сужающийся книзу восьмигранный липинский сруб, видимо, реально объясним как итог многократного применения восьмиугольных "навалок"–настилов: колодец функционировал, начиная со скифского времени и вплоть до второй половины XIII–XIV вв. (Енуков, Енукова, 1999. С. 181). При существующем там мощном плывуне воронка постоянно осыпалась, поэтому с каждым ремонтом водозаборника размеры "навалки" приходилось увеличивать: в итоге следы древесного тлена могли выстроить подобие сходящего на конус многоугольника.

Для борьбы с особо текучими плывунами техника проходки усложнялась. Сначала "навалка" продавливала большой сруб. После тщательной внешней гидроизоляции в него вставлялись венцы меньшего диаметра, также снабженные плотной внешней изоляцией (Зрелов, 1914. С. 28). Этим объясняется происхождение спаренной конструкции, исследованной на городищах Екимауцы и Алчедар. В одном колодце Болгара содержалось даже три последовательно впущенных друг в друга сруба (Баранов, 2001. С. 326).

Существенным атрибутом колодцев являлось обустройство шахт срубами, среди них наиболее сложная конструкция известна по раскопкам Алчедара. Здесь внешнее венчатое устройство имело размеры 4.8 × 1.9 м, посередине оно было разделено стенкой из бруса на две равные камеры. В свою очередь, каждая камера была снабжена дополнительными внутренними срубами размерами 1.6 × 1.3 м (Федоров, 1968. С. 86–88).

В остальном техника устройства археологических и этнографических колодцев одинакова, поскольку она сложилась в оптимальных формах. В поперечном сечении срубы, сложенные из влагостойких дубовых колод, брусьев или бревен, имели очертания прямоугольника или квадрата. В эксплуатационном плане предусматривалась и конструктивная возможность замены венчатых элементов (Синельников, 1926. С. 32; Бломквист, 1956. С. 288).

Существенная роль всегда отводилась гидроизоляции сооружений. В верхних разделах срубов промежуток между ними и стенками шахты тщательно уплотнялся глинистым грунтом (Автуничи). В Биляре на этом уровне пазы между венцами дополнительно промазывались глиной, здесь встречена и обмазка бревен известково-цементной штукатуркой (Шарифуллин, 1979. С. 102). В Алчедаре пространство между внешними и внутренними венцами также было плотно заполнено камнями и глиной. (Федоров, 1968. С. 86–88).

На дне колодцев, на уровне водоносного слоя, пространство между стенками шахты и срубом из фильтрационных соображений заполнялось водопроницаемыми субструкциями из песка, досок, щебня и древесной щепы (Шумлай, Биляр). Такие колоколовидно расширявшиеся коробчатые от-

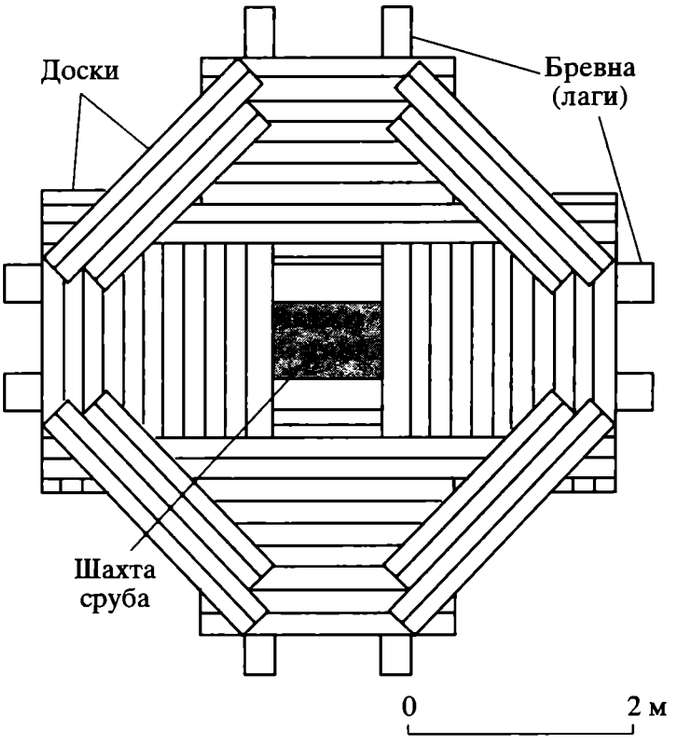


Рис. 3. Конструкция "четырехкрылой навалки" (по В.А. Зрелову).

стойники преимущественно устраивались в неглубоких колодцах, опущенных до уровня наименее качественных водоносных пластов.

Среди глубоких водозаборников оптимальным считался выход на обильные слои с большим напором: тогда уровень воды в срубе поднимался значительно выше водоносного слоя (Новгородский. С. 4). Видимо, поэтому в Екимауцах вода до сих пор вытекает из обширной грунтовой воронки, а в Алчедаре естественный напор не позволил обследовать устройство колодца на глубину более семи венцов (Федоров, 1968. С. 86).

В свое время П.А. Раппопорт объяснял летописные сведения о трудности водообеспечения "горовых" крепостей слишком большой высотой их размещения над уровнем подпочвенных вод. Тем не менее исследователь приводил и примеры весьма высоко размещенных укреплений с колодцами. Из них летописный Белгород возвышается над Ирпенем на 40–45 м, городище Старые Безрадичи – на 24 м выше уровня Стугны, а колодец в Снепороде на 45 м выше современного уровня течения Снепорода. Припоминается и летописный пример с Холмом, где "стюденец, рекомый кладезь" имел глубину 35 саженей, т.е. более 70 м (ПСРЛ, 2001. С. 844). Это показывает, что высота размещения крепости не всегда препятствовала устройству стационарных водозаборников: очевидно, многое зависело от состояния или изменения гидрогеологических условий местности.

К примеру, возвращаясь к сюжету 968 г. ПВЛ об осаде Киева, трудно поверить, что столица Руси изначально задумывалась как город с недостаточным водоснабжением. Косвенно, из сравнения информации статей ПВЛ под 945 и 968 гг., можно предположительно отыскать причину той печальной ситуации. Так, из сюжета 945 г. известно, что древлянские сваты "приставша под Боричевым в лодьи, бе бо тогда вода текущи возле горы Киевския, и на подольи не седяху людье" (ПСРЛ, 1926. С. 55). Через 23 года, в 968 г., посланный из Киева за подмогой отрок, был вынужден пробираться к реке через печенежский лагерь, разместившийся на Подоле, где еще в 945 г. плескались днепровские волны (ПСРЛ, 1926. С. 66). Возможно, это указывает на резкое понижение уровня Днепра, которое не могло не вызвать и общего изменения гидрологии всего киевского региона. В современном сельском быту примеры, когда "вода уходит из колодцев", нередки; и особенно часто подобное явление приурочено к наиболее засушливым сезонам.

Известно, что рытье даже глубоких колодцев не всегда приводит к искомому результату. Примеры этому известны и из этнографической литературы. Так, жители окрестностей городища летописного Лукомля, размещенного на 38 м выше поймы Сулы, на рубеже XIX–XX вв. не строили колодцев, а носили воду из реки (Милорадович, 1904. С. 182). Поэтому в литературе сложилось мнение о приоритетной значимости глубины залегания так называемых "подпочвенных" вод, которые непременно должны быть связаны с приречными низинами. Очевидно, такое представление скрывается и за подсчетами высот городищ, произведенных П.А. Раппопортом.

Но площадка Липинского городища размещена на высоте 16–18 м от уровня поймы, а эксплуатационная глубина колодца, установленная гидрологическим бурением, не превышала 14 м (Кашкин, 2000. С. 66). Следовательно, прямой зависимости между высотой населенного пункта над поймой и глубиной полноводного водозаборника нет, а определяющее значение имеет размещение водоносных слоев.

На это указывают и сведения, почерпнутые из специальной литературы вековой давности. И в первую очередь технические пособия по водоснабжению запрещают использовать для питья "стоячие" воды", т.е. содержащиеся в запрудах, резервуарах и котлованах; столь же непригодны дождевые и талые воды (Синельников, 1926. С. 18). Поэтому вероятность использования для постоянного водоснабжения археологически известных резервуаров, ям или воронок, представляется сомнительной. Не исключено, что дублирование верхних цистерн Тустани и Звенигорода пойменными колодцами было далеко не случайным: оно позволяло в случае опасности быстро ("всем миром") поднять снизу свежую воду наверх для употребления в течение ограниченного периода ее пригодности для питья. Если такая интерпретация верна, то получают объяснение и следы дубовой обшивки скального резервуара Тустани, и расчищенный на его дне мощный пласт хвойных веток (Рожко, 1996. С. 87–89). Возможно, дубильные свойства дерева продлевали питьевые качества стоячей воды на более длительный срок.

Согласно наблюдениям гидротехников, среди содержащихся в земле водоносных (или "водопроницаемых") пластов различается несколько горизонтов. Из них влага, залегающая под дерном, среди специалистов именуется "почвенными водами". Ее глубина не превышает уровня ежегодного промерзания грунтов, и она не годится для питья в силу ее наибольшей загрязненности и небольшого количества.

Ниже, вплоть до глубины 3–6 м от поверхности, расположен водоносный пласт столь же низкого качества: это так называемая "верховодка" (Тугай, Прокопчук, 1990. С. 5). Она загрязнена проникающими в грунт остатками гниющей органики, а также продуктами жизнедеятельности человека и животных (Новгородский. С. 5; Синельников, 1926. С. 19). Мастера по устройству колодцев во все времена тщательно изолировали срубы от проникновения этой влаги в колодцы. Это особенно важно для неглубоких водозаборников: на рубеже XIX–XX вв. за наихудшие принимались устройства, не превышавшие глубины 8 м (Новгородский. С. 6). В народе до сих пор считается, что вода, добытая из мелких колодцев, зачастую "невкусная". Видимо, далеко не случайно мелкие колодцы подгорной и заречной частей средневекового Болгара нередко использовались только для банных надобностей (Баранов, 2001. С. 322, 325, 326, 328).

Наиболее качественными и продуктивными считаются грунтовые воды межпластовых водоносных слоев, размещенных на глубине 10–50 м от поверхности (Новгородский. С. 5; Тугай, Прокопчук, 1990. С. 5). Но они встречаются не повсеместно, редко выклиниваясь в излишне изрезанный межбалочный рельеф (Новгородский. С. 6). Возможно, этим объясняется отсутствие колодцев в овражистых окрестностях городища летописного Лукомля.

В благоприятных условиях в толще высоких надпойменных мысов встречается по нескольку качественных водоносных слоев. Так, по сведениям местных бурильщиков, на городище летописного Снепорода (45 м над уровнем поймы), верхний пригодный для питья водоносный слой залегал всего двенадцатью метрами ниже уровня плато. Кроме того, специалистам было известно еще о двух, более глубоких пластах и, наконец, родники с наиболее "вкусной" водой ныне цепочкой размещаются вокруг подножья этого городища на высоте 5–6 м над уровнем поймы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонович В.Б. Археологическая карта Волынской губернии // Тр. XI АС. Т. 1. М., 1901.

Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое значение // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

Веремейчик О.М. Нові дослідження поселення Шумлай // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993.

Веремейчик О.М. Охоронні розкопки поселення Шумлай біля Чернігова // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993а.

Веремейчик О.М., Готун І. А. Колодязі на давньоруських сільських поселеннях // Археологія. 1995. Вип. 4.

Воронин Н.Н. Поселение // ИКДР. Т. 1. М.; Л., 1951.

Готун І.А. Типи будівель // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ, 2003.

Готун І.А., Сорокін С.О., Дудко О.С. Роботи Північної експедиції 2001 р. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ, 2002.

Енуков В.В., Енукова О.Н. "Городы посемьские": древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.А. Ломоносова. Тез. докл. М., 1999.

Зрелов В.А. Очерк приемов колодезных работ. Инструкция для гидротехников и десятников. М., 1914.

Кашкин А.В. Курская область. АКР. М., 2000.

Корчинский О.М. Городище-гигант в предгорьях украинских Карпат // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. Ш. Вып. 1а. М., 1987.

Кучера М.П. Древньоруські городища біля хутора Кизивер // Археологія. 1964. Т. XVI.

Кучера М.П. Залишки водозбірних споруд на слов'яноруських городищах X–XIII ст. // Археологія. 2000. № 2.

Милорадович В. Степная Лубенщина // КС. 1904. № 2.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996.

Моргунов Ю.Ю., Неприна В.И., Супруненко А.Б. Отчет Посульской комплексной экспедиции институтов археологии АН СССР, АН УССР и Полтавского областного музея о раскопках и разведках в Лубенском районе Полтавской области в 1984 г. // НА ИА НАНУ. 1984/51, № 2436.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар–Киев. Пути–связи–судьбы. Киев, 1997.

Новгородский М.П. Колодцы. СПб., (б.г.).

Петегирич В.М. Дорогобуж // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Киев, 1990.

ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926.

ПСРЛ. Т. 2. М., 2001.

Рабинович М.Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 1976.

Раппопорт П.А. Оборонительные сооружения на городище в с. Старые Безрадичи // КСИИМК. 1951. Вып. XLI.

Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. 1956. № 52.

Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // МИА. 1967. № 140.

Рожко М.Ф. Тустань – давньоруська наскельна фортеця. Київ, 1996.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

Рыбаков Б.А. Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. 1964. Вып. 99.

Синельников Н.П. Сельское водоснабжение. М., 1926.

Спарро Р.П. Атлас чертежей водосливов и водоспусков при плотинах и колодцах для водоснабжения деревни. М., 1908.

Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). Київ, 1992.

Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ, 1982.

Тугай А.М., Прокопчук И.Т. Водоснабжение из подземных источников. Киев, 1990.

Фальковский Н.И. История водоснабжения в России. М.; Л., 1947.

Федоров Г.Б. Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. // КСИА. 1968. Вып. 113.

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян. Кишинев, 1974.

Хавлюк П.І. Древньоруські городища на Південному Бузі // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969.

Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

Шарифуллин Р.Ф. Колодцы центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.

Concerning investigations of South Russian wells of the 10th–13th cc.

Yu. Yu. Morgunov

Summary

Medieval annalists pointed to the important role water supply played in defensive capacity of fortified dwelling sites. Drinking water was often provided from water springs and stored in artificial reservoirs, but the basic way of obtaining water was construction of deep or shallow wells. The wells arranged at the sites situated in the floodplains look like funnel-shaped constructions gradually transformed into rectangular shafts furnished with log constructions and with special precipitation chambers. Deep wells are known from the strongholds situated on heights. These were supplied with sheds and plank pavements. Large upper openings transformed into narrow shafts furnished with log constructions of various types. At present their remains look like large funnel-like depressions in the ground. At the hillfort Sneporod in such funnel-like depression concentric ground steps have been uncovered. Cone-shaped ground funnels were related with specific modes of sinking well shafts through quicksand – typical bedrocks of the south Russian forest-steppe. Specific features of water-well constructions are closely connected with the conditions in which the water-bringing deposits of different quality were disposed.

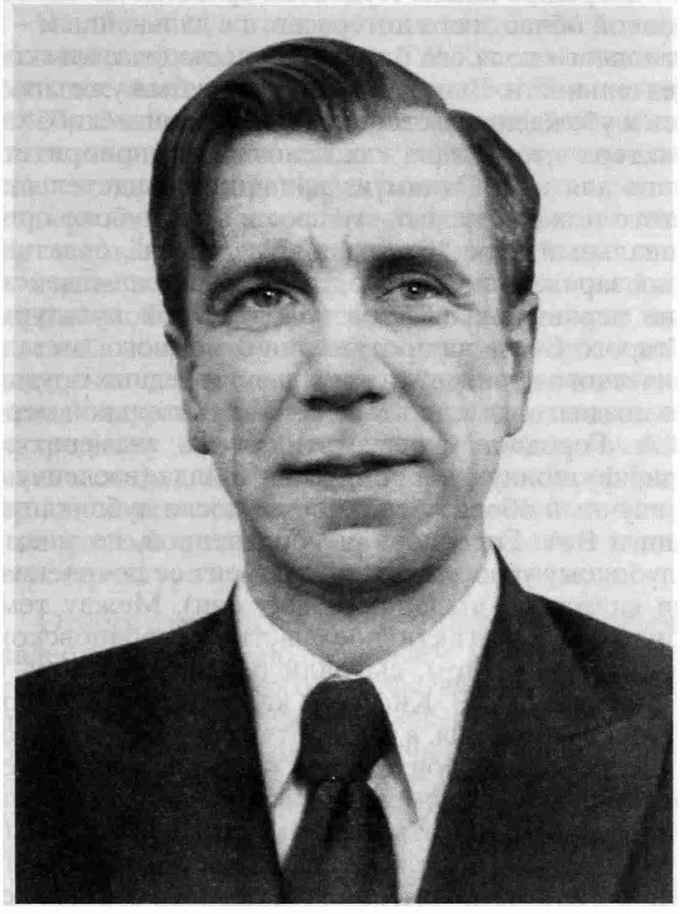
РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 149–155

ИСТОРИЯ НАУКИ
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.В. КИСЕЛЕВА

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КИСЕЛЕВ (1905–1962 гг.)

© 2005 г. Н. Я. Мерперт

Институт археологии РАН, Москва



Минуло сто лет со дня рождения одного из наиболее ярких, талантливых и плодотворных археологов минувшего века, члена-корреспондента Российской академии наук, профессора Сергея Владимировича Киселева. Вот уж более сорока лет нет его с нами. Но у всех (уверенно пишу это!) эти цифры абсолютно не вяжутся ни с образом замечательного ученого, ни с поразительно живой его натурой, ни с его темпераментом, ни с охватом им безошибочно избранной, предельно актуальной и блестяще воплощенной научной проблематикой. Этот список требует еще длительного продолжения, исчерпать его практически невозможно. И дело не только в фактическом раскрытии хода исторического процесса, охватившего на протяжении нескольких тысячелетий ряд важнейших регионов Евразии, включая бескрайние просторы Сибири и Центральной Азии. Не только в открытии беспримерных по исторической значимости, информативности, материальной и духовной насыщенности археологических феноменов. Дело в коренном и принципиальном пересмотре методики и методологии использования археологического материала многочисленных, в значительной мере "немых" ранее народов, а также культурных, социальных, этнических свершений для выхода на исторический уровень и создания общей схемы древнейшей истории значительной части Евразии с определением подлинной роли конкретных групп ее многообразного населения в конкретные же периоды этой истории. Фактически все эти проблемы в результате упорных и – главное – предельно целенаправленных трудов С.В. Киселева либо были поставлены впервые, либо потребовали коренного пересмотра на основании новой апробированной им методики. Это оказало значительное позитивное воздействие на ряд складывавшихся в первой половине XX в. специальных направлений археологии. Среди них должны быть выделены такие важнейшие феномены, как археологические свидетельства перехода от присваивающей к производящей экономике, "поселенческая археология", истоки и развитие урабанизационного процесса, а также специфика его в самых различных экологических и историко-культурных условиях, начало, развитие и формы кочевого скотоводства и многие другие. Но при всей безусловной значительности этих конкретных проблем, касались ли они открытия (в значительной мере самим С.В. Киселевым) целой серии глубоко оригинальных культур бронзового и железного веков, представлений об уровне развития огромных регионов и взаимоотношений между ними, форм этого развития, вопросов происхождения городов и сложения государственности на совершенно неожиданных казалось бы территориях и т.п. – во всех случаях археологические феномены и их интерпретация являлись для С.В. Киселева основой широких исторических построений. И в этом аспекте имя его по праву должно стоять рядом с именами класиков исторической археологии, таких как Ж. Дешелле, В.Г. Чайлд, В.А. Городцов. Вся же деятельность С.В. Киселева получила широкое и единодушное признание как в отечественной, так и в зарубежной науке. Особо подчеркну его заслуги как в направлении, так и в самом положении, структуре и организации археологии внутри русской исторической науки, определившие всемирно известные ее достижения во всех

хронологических срезах, во всех регионах, во всех областях археологической проблематики. Полагаю, что методологическое, методическое, идейное наследие замечательного ученого еще далеко не исчерпано и еще многие десятилетия будет способствовать как расширению и обогащению археологической практики, так и непрестанному и плодотворному развитию творческих идей.

Сравнительно недолгая жизнь С.В. Киселева может быть по праву названа постоянным и бурным восхождением. Достаточно перечислить основные (только основные!) ступени этого восхождения.

Сергей Владимирович родился 17 июля 1905 г. в Мытищах, в семье дорожного мастера Владимира Александровича Киселева, и всю жизнь прожил в Москве. Семья была истинно интеллигентной и истинно русской. Таковы были весь склад их жизни, их убеждения, их постоянный самоотверженный труд во благо Отчизны. До глубоко преклонного возраста Владимир Александрович продолжал строить дороги и возводить мосты в Подмосковье. Подлинной душой семьи была супруга его Ольга Дмитриевна – человек поразительных доброты и обаяния. Младший сын Андрей окончил химический факультет МГУ, стал профессором и очень заметным ученым в своей области. И, наконец, дочь Вера, тоже химик и очень хороший, духовно же абсолютный двойник Ольги Дмитриевны: воплощенная тихая доброта, полное посвящение благу престарелых родителей с фактически абсолютным отказом от личной жизни. А те, кому выпало счастье знать эту маленькую женщину с умиротворяющей улыбкой и лучистыми глазами, запоминали ее на долгие годы.

Много лет после 1960 г. старшие Киселевы и моя семья были ближайшими соседями, поэтому я и позволил себе привести здесь эти краткие характеристики. С не утихающей болью думаю о том, что все они давно ушли из жизни и что все тоньше становится тот удивительный, неповторимый пласт русской интеллигенции, к которому они принадлежали. Вечная им память и счастливы повстречавшие их! И очень многое в жизни С.В. Киселева было определено традициями этой замечательной семьи.

В 1915 г. Сергей Владимирович поступил во 2-ю Московскую гимназию, одну из лучших в городе, славившуюся демократизмом и особым вниманием к гуманитарным наукам. И не удивительно, что уже в школьные годы у С.В. Киселева пробудилась склонность к истории, к различным ее периодам и различным проявлениям в конкретных областях, прежде всего в пределах его бескрайней Родины. Среди последних же очень рано особое внимание его привлекла Сибирь. Немалую роль сыграло здесь знакомство с трудами нашего выдающегося историка, блестящего исследователя истории Сибири С.В. Бахрушина, а далее и с самим их автором.

Совершенно закономерно, что по окончании гимназии вопрос о выборе профессии перед Сергеем Владимировичем не стоял: он поступил в Московский университет на историко-археологическое отделение Факультета общественных наук, где замечательные лекции классика русского археологии В.А. Городцова решительно способствуют избранию юным студентом археологии как основной области его интересов, а в дальнейшем – и основного поля его блестящей исследовательской деятельности. Выше В.А. Городцов был уже отнесен к убежденным сторонникам исторического характера археологии, как основного и приоритетного для нее. Одним из ярчайших свидетельств этого может служить его сводный и глубоко оригинальный курс "Бытовая археология", охвативший зарождение, распространение и взаимодействие первичных центров человеческой культуры Старого Света на протяжении огромного "металлического периода" – от появления медных орудий до позднего железного века. В значительной мере В.А. Городцов предвосхитил здесь знаменитую "диффузионную теорию" В.Г. Чайлда (введенную в научный оборот через 15 лет после публикации книги В.А. Городцова, недооцененной, по моему глубокому убеждению, ни в момент ее появления, ни вплоть до нынешнего времени). Между тем, книга эта, как и активное участие в городцовском семинаре в целом, сыграли решающую роль в становлении С.В. Киселева как археолога широчайшего профиля, в выработке специфического, "киселевского" подхода как к конкретным археологическим феноменам, так и к синтетическим построениям, охватывающим судьбы огромных территорий на протяжении ряда последовательных эпох. Фактически именно этот семинар открыл перед молодым исследователем бесконечно многообразную и в то же время логически взаимосвязанную программу исследований факторов, определяющих развитие ключевых территорий Старого Света с соотнесением их во времени и пространстве. С самого начала Сергей Владимирович проявил себя горячим и последовательным приверженцем историзма археологии, вывода археологических исследований на уровень исторических обобщений. И, как уже отмечалось, эта направленность характерна для всей его дальнейшей деятельности. А в университетские годы в ее формировании, наряду с городцовским семинаром, существенную роль сыграло активное общение С.В. Киселева с такими выдающимися учеными-историками, как Ю.В. Готье, Д.М. Петрушевский, С.В. Бахрушин; благотворное воздействие последнего способствовало все большему возрастанию интереса С.В. Киселева к сибирской проблематике. Но при этом общий спектр интересов молодого исследователя непрестанно расширялся, что пре-

допределило в дальнейшем беспримерное по многообразию творческое обращение его к самым различным регионам (от Центральной Европы до Восточной и Юго-Восточной Азии), хронологическим периодам (от нижнего палеолита до позднего средневековья), историко-археологическим проблемам (от гигантских обобщений, подобных древней истории Южной Сибири, до фортификаций позднесредневековой Москвы или техники скальных рисунков).

Наиболее значительной и специфичной для начального периода творчества С.В.Киселева явилось большое синтетическое исследование "Поселение" (1929). Выполненное в рамках того же "городцовского семинара", оно явилось первым опытом комплексного, всестороннего рассмотрения общего хода развития поселений в истории человечества. Исследование по ряду параметров сохраняет свое значение по сей день. Для момента же своего создания оно было новаторским в полном смысле этого слова, ибо знаменовало совершенно особый подход фактически ко всем аспектам истории одного из основных факторов человеческого существования: природному (экологическому, ландшафтному, климатическому), техническому (орудийный репертуар), экономическому (характер хозяйства), впервые рассмотренному социологическому (характер, структура и размеры коллективов) и др.

Относя следы первых поселений еще к раннему палеолиту, автор подчеркивает минимум свидетельств человеческого воздействия на их создание, прежде всего утверждая принадлежность их небольшим подвижным охотничьим группам. Такие памятники он именует "примитивными временными становищами", внутри которых не сохранилось ни остатков сооружений, ни сколько-нибудь стационарных очажных ям, и индикаторы которых ограничиваются следами небольших костров и скоплениями костей. Этому полностью соответствует и примитивность связанных с ними каменных орудий.

Изменение этой картины автор соотносит прежде всего с общим развитием производительных сил, обусловленным совершенствованием техники производства и возрастанием репертуара каменных орудий, интенсификацией охоты, ростом численности и сплоченности коллективов и заметным усложнением их поселений. Последние отличаются уже наличием определенных искусственных сооружений, как внешних (ограды из дикого камня), так и внутренних (оформленные долговременных очаги). И с этими антропогенными факторами сочетаются факторы природные: активизация процесса орогенеза и климатические сдвиги в конце нижнего и начале среднего палеолита, обусловившие усиление заселения пещер в ряде горных регионов, при этом природные пещеры и гроты во многих случаях усиливались дополнительными – уже искусственными каменными преградами. Но это не исключало продолжения развития и совершенствования открытых поселений. Автор еще раз подчеркивает, что многие тысячелетия совершенствование это носило скорее количественный и пространственный, нежели принципиальный характер, связанный с приобретением новых признаков.

Но далее фиксируется сильное потрясение, перевернувшее, наконец, все хозяйственные основы старых общественных организмов. При этом дальнейший прогресс в производстве орудий сочетается с резким изменением стратегии добычи пищи: абсолютная доминанта присваивающей экономики – прежде всего охоты, собирательства, позже рыболовства, сменяется значительной активизацией использования растительной пищи, прежде всего злаков, и первыми шагами доместикации последних.

Подчеркну, что этот тезис – пусть еще в самом общем виде – был выдвинут С.В. Киселевым одновременно с началом обоснования В.Г. Чайлдом, Р. Брейдвудом и другими корифеями западной археологии понятия "неолитической революции".

И с предельно сложным, комплексным характером этого феномена связывает С.В. Киселев на сей раз уже принципиальные изменения в социологическом и экономическом содержании, и всех прочих параметрах древних поселений. При этом особое внимание уделяется конкретному своеобразию последствий новой формационной системы в различных регионах Старого Света. К данному вопросу автор подходит крайне осторожно, вопреки унификации стадиальности, доведенной до крайности создателями "марксистской истории материальной культуры", рассматривавшейся как универсальный закон развития вне времени и пространства. «...Следует сейчас же заметить, – писал С.В. Киселев в рассматриваемом сочинении, изданном в 1929 г. – т.е. в разгар недоброй памяти "теоретических дискуссий", что эти последствия далеко не сразу и не везде одновременно привели к новым формам... Однако земледелие было несомненным новшеством».

Все дальнейшее исследование перехода к производящим формам экономики и прежде всего к земледелию, а далее и освоению металлов, подтвердили справедливость этого утверждения.

С этих же позиций конкретики и многосторонней обусловленности рассматривается и развитие поселений, – переход доминанты к антропогенному его принципу с непрестанным совершенствованием согласно отмеченным выше факторам и ряду новых, таких как политические, духовные, функциональная дифференциация, новые формы использования природных богатств, торговля и пр.

Таковы принципы интерпретации изменений, связанных, по безусловно справедливому заключению С.В. Киселева, с переходом к производящим

формам экономики и нашедших самое прямое отражение во всех параметрах поселений: их содержании, размерах, распространении, строительной технике, функциях, соотношении с окружающими территориями и их населением. С этих позиций намечает он типологию поселений, выявляя их специфику в самых различных регионах – от Северной и Средней Европы до Южной Франции, Италии, Венгрии, Подунавья, Балканского полуострова, Восточной Европы и т.д. По сути дела заложены основы как типологии древних поселений этой огромной территории, так и эволюции или резкой их смены на протяжении многих тысячелетий и нескольких археологических эпох – вплоть до славянского средневековья.

Естественно, я не буду касаться здесь каждой территориальной и хронологической группы, нашедших свое место в системе С.В. Киселева. Задачу свою в данном случае я видел в определении ее принципов и создании самой системы, резко отличной от формального описания отдельных, разновременных и представленных в различных аспектах вне исторических контекста и взаимосвязи памятников в ряде предшествующих работ. Еще раз повторю, что речь здесь идет о совершенно новом подходе к важнейшей проблеме, глубоко плодотворном и получившем в дальнейшем неизменную апробацию в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях. Заложенные здесь, пусть еще в первоначальном, поисковом варианте, методологические и методические принципы получили в дальнейшем претворение, а более широкое и последовательное развитие в заслуживших мировую известность полевых исследованиях С.В. Киселева на гигантских просторах Южной Сибири и Центральной Азии. С ними связана исчерпывающая археологическая систематизация и, главное, историческая интерпретация ценнейших, предельно информативных материалов, позволяющих говорить о фактически неведомом ранее, глубоко своеобразном мире, охватывавшем целый ряд сложившихся здесь регионов.

Исследовательскую деятельность в аспирантуре Института археологии и искусствознания РАНИОН со второй половины 20-х годов минувшего века С.В. Киселев совмещал с работой в Государственном историческом музее, где непосредственное изучение коллекций явилось еще одним фактором в освоении им специфики анализа археологических источников. Полученные там навыки были плодотворно использованы при первой, совершенной в 1928 г., поездке С.В. Киселева в Сибирь и изучении богатейших, но далеких еще от исчерпывающей систематизации, коллекций Минусинского музея. Одновременно он произвел и первые разведки археологических местонахождений в бассейнах рек Тубы и Амыла, а далее и раскопки могильников нескольких эпох, положив начало одному из главных свершений своей жизни – регулярному и целенаправленному исследованию ключевых территорий Южной Сибири и созданию основного фонда ее археологических источников. Началась тридцатипятилетняя "сибирская эпопея" С.В. Киселева – одно из наиболее научно значимых и славных свершений отечественной археологии минувшего века. Беспрецедентные по масштабам, целенаправленности и результативности исследования на всех этапах своих осуществлялись под постоянным непосредственным руководством С.В. Киселева и его супруги Лидии Алексеевны Евтюховой – также превосходного археолога и высокоодаренного человека в целом.

Коснусь лишь самых коренных моментов названной эпопеи.

Начавшись с Минусинской котловины в конце 20-х годов минувшего века, фактически ежегодные экспедиции С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, а далее и по ее окончании. Уже первые сезоны исследований были чрезвычайно результативными. Материалы их легли в основу разработки основных проблем тагарской и таштыкской культур – главных феноменов раннего железного века исследуемой гигантской территории. И уже в 1930 г. С.В. Киселев на этих материалах защищает кандидатскую диссертацию на тему "Минусинский неометалл". Тогда же его зачисляют в штат сектора археологии Института археологии и искусствознания, а в 1932 г. – Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры. В 1937 г. Академия была преобразована в Институт истории материальной культуры (ныне Институт археологии). С коллективом этого Института и была неразрывно связана вся дальнейшая научная и административная деятельность, да и вся жизнь Сергея Владимировича Киселева.

А полевые исследования в Южной Сибири охватывали все новые территории (помимо Минусинской котловины – Хакасию, Алтай, Туву, Забайкалье, Монголию) и все новые периоды (от раннего бронзового века до позднего средневековья). Многие из открытий экспедиции приобрели мировую известность. Достаточно назвать галерею таштыкских глиняных погребальных масок и металлических украшений – замечательных произведений искусства древнехакасской знати из Копенского чаа-таса, остатки дворца ханьского полководца Ли-Лина под Абаканом, многочисленные, часто художественно оформленные клевцы и прочие образцы бронзового вооружения тагарской эпохи, художественные бронзовые, железные, золотые изделия той же эпохи и многие, многие прочие.

Бескрайние археологические богатства Южной Сибири известны уже издавна – со времен Петра Великого. С XIX в. известны и специальные, достаточно совершенные и успешные их исследова-

ния. Но превращение их в подлинную систему информативнейших исторических источников, вскрытие подлинной роли этой огромной и бесконечно многообразной территории в судьбах древнего мира на протяжении более четырех тысячелетий явилось в значительной мере результатом научного подвига Сергея Владимировича Киселева. Монографическое обобщение исследований его уже к середине 1940-х годов было по праву названо "Древней историей Южной Сибири" (1949). Оно явилось первым опытом реконструкции далекого прошлого племен и народностей этого столь мало изученного ранее важнейшего региона Старого Света. В виде монографии была опубликована докторская диссертация С.В. Киселева, блестяще защищенная им в мае 1946 г. В 1947 г. этот выдающийся труд был удостоен Ломоносовской премии Московского государственного университета, а в 1950 г. – Государственной премии нашей страны.

Широкие археологические исследования С.В. Киселева продолжались и позднее – в 1950-е годы, – фактически до конца жизни замечательного ученого. Среди последних выдающихся открытий должен быть отмечен Большой Салбыкский курган тагарской эпохи в Хакасии (IV–III вв. до н.э.), грандиозность и сложность оформления которого заставили пересмотреть представления об уровне развития и социальной структуре его создателей – далеких предков хакасского народа.

Но еще ранее – в конце 1940-х годов исследования С.В. Киселева впервые охватили еще одну важнейшую область, сопредельную Южной Сибири и многие годы привлекавшую особое внимание Сергея Владимировича. Ею была Монголия, земли которой являлись ареной важнейших событий, решительно повлиявших на ход исторического процесса значительной части Евразии, но до середины XX в. изученных далеко не достаточно фактически для всех периодов древней и средневековой истории. Отсутствие фонда хорошо документированных археологических источников препятствовало созданию подлинно научной истории этой части Центральной Азии и выяснению соотношения протекавших здесь сложных культурно-исторических процессов с Южной Сибирью и более западными территориями. И охват исследованиями С.В. Киселева монгольского ареала являлся совершенно закономерным их продолжением, активную подготовку к которому он начал в первые же послевоенные годы. А в 1947 г. он впервые был командирован в Монголию для ознакомления на месте с состоянием и перспективами археологических исследований на ее территории. В ходе этой командировки Сергей Владимирович систематизировал фактически все археологические материалы и впервые создал последовательную их сводку, представленную в большой и предельно информативной статье "Монголия в древности" (1947). В то же время была представлена программа систематических исследований памятников страны от бронзового века до эпохи Чингиз-хана. Можно удивляться огромной работе, блестяще выполненной тогда Сергеем Владимировичем за чрезвычайно короткий срок.

При этом особое внимание было обращено на впервые поставленную в исторической науке проблему городской жизни древней Монголии, проблему древнемонгольского города. Огромный опыт изучения древней и средневековой истории Центральной Азии, глубокое проникновение в закономерности протекавшего здесь исторического процесса, привели С.В. Киселева к обоснованному выводу о существовании таких городов и значительной роли их в развитии монгольского общества.

Этот смелый вывод противоречил укоренившимся ранее представлениям о чисто кочевом характере даже самого государства монголов. Специальным исследованиям такие города никогда не подвергались, а сведения о них, почерпнутые из немногочисленных письменных источников, считались полуфантастическими. Это касалось и знаменитого Кара-Корума, первой столицы монгольского государства, яркие описания которого оставили, посетившие его в середине XIII в. Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук. Долгое время даже расположение этого большого города оставалось загадкой. И хотя оно было с большой долей вероятия намечено экспедициями русских ученых во второй половине XIX в., далеко не все исследователи верили в "открытие" Кара-Корума, а некоторые предлагали свои версии, путая, в частности, Кара-Корум с расположенными несколько севернее развалинами древнеуйгурского города Хара-Балгоса. Дальше вопроса о местоположении речь не шла: никаких археологических свидетельств, касающихся характера города и его судьбы не было.

И именно этот памятник, имеющий решающее значение для разработки коренных вопросов истории, культуры и быта древних монголов, и был избран С.В. Киселевым в качестве главного объекта исследований организованной в 1948 г. Советско-Монгольской археологической экспедиции.

Два длительных полевых сезона проработала экспедиция под руководством Сергея Владимировича, который с предельной четкостью планировал и направлял эти ответственные работы, всегда ясно видел основную цель их и добивался максимальной концентрации сил на "направлении главного удара".

Свыше 6000 м^2 вскрыто на территории Кара-Корума. Огромные раскопы прорезали семиметровый культурный слой городища. Обильные находки освещали различные периоды, все новые и новые стороны краткой, но яркой истории города. Место раскопов С.В. Киселев выбрал так, чтобы

разрешить максимальное число вопросов жизни Кара-Корума. Знаменитый дворец хана Угэдэя с гранитным парапетом, шестидесятичетырехколонным залом, павильонами, искусственным озером; "Дом на перекрестке" – целый комплекс ремесленных мастерских и торговых складов; "Дом у городских ворот" – административное здание при въезде в столицу; разрез городского вала; загородный раскоп... И везде тысячи самых разнообразных находок – орудия, оружие, украшения, монеты, печати с древнемонгольскими надписями, вплоть до уникальной деревянной печати с фигурой льва на спинке и надписью ("квадратным письмом") императрицы на рабочей части. Полумифический ранее город стал яркой реальностью, предстал перед исследователями как крупный ремесленно-торговый центр, обеспечивавший снабжение монгольской армии, связанный с самыми различными культурными центрами, с самыми отдаленными землями. Стратиграфия раскопов, на разработку которой С.В. Киселев постоянно обращал особое внимание, позволила наметить конкретные этапы жизни города, дала ценные сведения по его политической истории. Особенно важно, что свидетельства семиметрового культурного слоя Кара-Корума позволили воссоздать ряд ключевых моментов его истории: основание Чингис-ханом в 1206 г., разграбление в 1295 г. и окончательное разрушение войсками Минской династии освободившегося Китая в 1368 г.

Так был открыт Кара-Корум, на сей раз открыт окончательно. Отождествление исследованного городища с древнемонгольской столицей было подтверждено и общим характером памятника, и многими специфическими находками, и замечательным соответствием открывшейся после раскопок картины описаниям В. Рубрука и Плано Картини.

Кара-Корум – отнюдь не исключение. Подобные же городища эпохи создания древнемонгольского государства обследованы Сергеем Владимировичем и в других местах – у Чин-Тологоя, Хадасана и т.д. Правильность постановки проблемы и плодотворность ее разрешения были полностью доказаны. Исследовались и более древние города, расположенные в тех же районах и построенные древнетюркскими племенами, прежде всего древнеуйгурская столица Хара-Балгас. Все это позволило наметить хронологические этапы развития городов и выявить глубокие корни городской жизни на территории Монголии.

Ареал подобных памятников был заметно расширен во второй половине 1950-х годов исследованиями С.В. Киселева и его ученика и последователя Л.Р. Кызласова на обширных территориях Забайкалья и Тувы. Особенно результативными были масштабные раскопки большого города XIII в. в низовьях р. Хирхира, связанного с именем Исунка (Киселев и др., 1965. С. 23–58) и городища начала XIII в. в Ден-Терек в Туве (Кызласов, 1965. С. 59–119). Их многообразные яркие материалы явились весьма существенным вкладом в обоснование рассмотренной выше сформулированной С.В. Киселевым теории существования и достаточно широкого распространения монгольских (центральноазиатских) городов (Киселев, 1958).

Я кратко остановился на основных проблемных направлениях поразительной по активности, плодотворности и общей значимости для отечественный археологии и исторической науки в целом исследовательской деятельности Сергея Владимировича Киселева. Но необходимо упомянуть и столь же плодотворную и многолетнюю организационную его работу на посту заместителя директора нашего Института и заведующего сектором неолита и бронзового века в нелегкие годы послевоенной реорганизации, а также ученого секретаря Президиума РАН.

С 1949 г. и вплоть до своей кончины Сергей Владимирович был главным редактором всемирно известного академического журнала "Вестник древней истории". И на этом посту ярко проявились широкая эрудиция ученого, профессиональное восприятие им основных проблем древней истории, умение с предельной оперативностью, разносторонностью и глубиной отразить их состояние на страницах ВДИ. При этом он неизменно расширял тематический охват журнала, соответственно привлекая к его деятельности крупнейших специалистов по самым различным тематическим направлениям древней истории как авторов, консультантов, рецензентов, участников многочисленных дискуссий, инициированных им. Особое внимание уделялось при этом новым отраслям науки о древнем мире, связанным с наиболее значительными последними (для первой половины XX в.) принципиально важными открытиями, такими, как шумерология, хеттология, алфавитное письмо Угарита, последовательность культур Алалаха, древняя история Китая, письменность и развитие микенского общества, тексты горы Мук и надписи Нисы и пр. При совершенно закономерном внимании к огромным достижениям в археологии древнейшего Востока С.В. Киселев и ВДИ не оставляли без внимания ни одного крупного открытия ни в одном из прочих регионов древнего мира. Журнал превратился тогда в важнейшего координатора всестороннего его исследования, беспрецедентного по своей полноте и оперативности.

Особо следует подчеркнуть заслуги С.В. Киселева как профессора Исторического факультета МГУ, где он работал с момента создания там в 1939 г. кафедры археологии (Кызласов, 1975). Широчайшая археологическая и историческая эрудиция сочетались у него с подлинным талантом лектора. Образность его лекций буквально завораживи-

вала слушателей, говорил ли он о сибирских курганах, древнейших земледельческих культурах Месопотамии или Кносском дворце. Наряду с блестящим, предельно насыщенным, общим курсом археологии, охватывавшим всю Евразию (автор этих строк имел счастье слушать его в военные годы по возвращении с фронта), он создал ряд глубоко оригинальных, впервые введенных в программу кафедры, курсов – "Археология Сибири", "Археология Монголии", "Археология Китая" и др. Это были фактически готовые уже главы задуманного С.В. Киселевым огромного труда "Энеолит и бронзовый век Старого Света".

Неожиданная и безвременная смерть замечательного ученого 8 ноября 1962 г. не дала осуществиться этим планам. В известной мере судить о том, что потеряла при этом наша наука, позволяют сохранившиеся в архиве Института археологии РАН рукописи названных выше немногих разделов или отдельных их частей.

Отмечу основные из них:

Курс лекций "Бронзовый век" – 422 стр. (фонд 12, № 94);

Курс лекций "Железный век" – 235 стр. (фонд 12, № 95);

Курс лекций "Бронзовый век Китая" – 295 стр. (фонд 12, № 96);

"История Монгольской Народной республики" – 296 стр. (фонд 12, № 86).

Полагаю, что необходимо проявить должное внимание к этим – пусть недовершенным – рукописям. Использование их, безусловно, может пополнить печатное наследие одного из виднейших археологов нашей страны, вклад которого в свершения российской исторической науки огромен, а образ навсегда останется вдохновляющим примером для многих поколений исследователей, и прежде всего тех, увы! уже немногих, – кто имел счастье знать Сергея Владимировича Киселева, работать с ним, учиться у него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Киселев С.В. Поселение // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. Вып. 2. М., 1929.

Киселев С.В. Монголия в древности // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. Т. IV. № 4. М., 1947.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА. 1949. № 9.

Киселев С.В. Древние города Забайкалья // СА. 1958. № 4.

Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Мерперт Н.Я. и др. Древнемонгольские города. М., 1965.

Кызласов Л.Р. Городище Ден-Терек // Киселев С.В., Евтюхова Л.А., Мерперт Н.Я. и др. Древнемонгольские города. М., 1965.

Кызласов Л.Р. Учитель // Вестн. МГУ. 1975. № 1.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 156–160

ИСТОРИЯ НАУКИ
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.В. КИСЕЛЕВА

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КИСЕЛЕВ (1905–1962 гг.) И ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА ЕВТЮХОВА (1903–1974 гг.)

© 2005 г. Л. Р. Кызласов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В нашей археологической среде существовало немало семейств, в которых и муж, и жена были преданы общему делу и разделяли не только труды по всестороннему анализу, но и тяготы добывания основных первоисточников – полевые работы. Одна из таких замечательных археологических пар старшего, уже ушедшего в историю поколения, особенно близка мне. Ныне, по прошествии года столетия Лидии Алексеевны Евтюховой и с наступлением года столетия Сергея Владимировича Киселева уместно вновь вспомнить о них. Вспомнить о супругах вместе – как о людях, не разделявших ни свои устремления и труды, ни судьбу свою… (фото)

Осень 1956 г. Хакасия. С.В. Киселев и Л.А. Евтюхова в лагере на раскопках Большого Салбыкского кургана.

О Сергее Владимировиче Киселеве и мне, и другим его ученикам и коллегам уже приходилось писать неоднократно[1]. О Лидии Алексеевне Евтюховой прочесть можно значительно меньше. Посему на этих страницах я хочу коснуться лишь того, что, как мне думается, не полностью осознается в трудах и жизненных установлениях С.В. Киселева. А Л.А. Евтюхову, напротив, вспомнить в тех специфических чертах ее характера, которые, смею думать, некогда привлекли и долгие годы привлекали к этой самобытной женщине Сергея Владимировича.

ПАМЯТНЫЕ ЧЕРТЫ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КИСЕЛЕВА

Как бы по-официальному, сухо ни звучали эти слова, не приходится сомневаться в том, что С.В. Киселев, действительно, являлся одним из основателей советской археологии, теоретиком и крупным организатором науки, выдающимся педагогом и практиком.

Родился он в г. Мытищи 17 июля 1905 г. Поступив по окончании гимназии в Московский университет в 1923 г., Сергей Владимирович сразу решил посвятить свою жизнь изучению исторического прошлого народов дорусской Сибири, начиная с древнейших времен. Он выбрал себе двух наилучших учителей: старейшего археолога профессора В.А. Городцова и крупнейшего знатока эпохи русского завоевания и дальнейшей колонизации Сибири, известного историка, профессора С.В. Бахрушина. В семинарах корифеев исторической науки молодой Сергей Владимирович глубоко освоил методики археологических и исторических исследований, изучил приемы критики как археологических, так и исторических источников. Выбор начинающим ученым для своих исследований огромных просторов неведомой Сибири свидетельствует, что уже с юности С.В. Киселеву была присуща крупномасштабность научных интересов и увлечений. Большая личностная цель, поставленная в начале жизни, формирует Личность.

Когда он сам приступил в 1939 г. к преподаванию в Московском университете, то сразу прославился тем, что стал единственным в СССР профессором, читавшим начальный огромный полуторагодичный курс "Бронзовый век Старого Света". Читал Сергей Владимирович у большой карты Евразийского материка, с демонстрацией диапозити-

[1] См.: Кызласов, Левашева, 1965; Кызласов, 1983; 1995; 1997. С. 19–26; Мерперт, 1995; Формозов, 1995.

вов, наглядных таблиц, рисунков и схем. Лектор начинал рассказ с энеолитической культуры колоколовидных кубков, распространенной вдоль побережья Атлантики на западе, затем описывал многие десятки медно-бронзовых культур Европы и Азии, медленно продвигаясь на восток. Особое внимание он уделял странам Ближнего Востока, Кавказа, Двуречья, Ирана, Афганистана и Индии, не забывая Великий пояс степей, Туркестан и Центральную Азию. Путь глубокой исследовательской мысли профессора приводил слушателей на тихоокеанское побережье Китая и Кореи.

Каждый студент, слушавший этот курс С.В. Киселева, забыть его не сможет. Потрясала колоссальная эрудиция, большая сила внутренней убежденности, филигранная отточенность подготовки лектора. Впервые мы видели гигантский срез истории нашего мира на уровне бронзового века – такой красочный и разнообразный, благодаря динамике исторического развития отдельных регионов. Впечатление неожиданного участия в путешествии по бескрайней стране знаний вызывало у молодых слушателей большой подъем и устремление к овладению тайнами науки.

С.В. Киселев был редким, разносторонне талантливым ученым широкого кругозора: историк, археолог и востоковед, занимавшийся тюркской филологией. Его труды резко выделялись среди сочинений немногочисленных археологов-сибиреведов 1920–1940-х годов. В то время некоторые ученые еще строго придерживались эволюционистского направления и занимались классическим вещеведением. История народов Сибири их мало интересовала. С.В. Киселев стал одним их первых ученых-новаторов, кто перевел сибирскую археологию в разряд исторических наук. Только ему в те времена удалось в энциклопедически точном труде впервые создать цельный сплав данных археологической и исторической наук – доподлинную "Древнюю историю Южной Сибири" (Киселев, 1949; 1951). За эту книгу в 1950 г. автор был удостоен Сталинской премии 2-й степени.

Еще своими работами 1928 г. С.В. Киселев (1928; 1929) наполнил полноценными материалами, дополнил и обосновал точными исследованиями сухую схему эволюции культур Хакасско-Минусинской котловины, опубликованную в 1927–1929 гг. С.А. Теплоуховым (1927; 1929). Сейчас, 75 лет спустя после почти одновременного появления первых классификационных работ С.А. Теплоухова и С.В. Киселева, неверно и несправедливо писать, как это делают некоторые историографы, что С.А. Теплоухов один создал хронологическую классификацию минусинских культур эпохи металла. Эту классификацию Теплоухов и Киселев создали вдвоем.

Применив типологический метод, чего не делал Теплоухов, молодой аспирант С.В. Киселев еще в 1927 г. впервые научно обосновал внутреннюю хронологию тагарской культуры, присвоив ей общепринятое ныне название. Он опубликовал тагарскую классификацию в 1928 г., на год раньше появления неудачной классификации "минусинской курганной культуры" С.А. Теплоухова (Киселев, 1928; Кызласов, 1979). Талант молодого С.В. Киселева ярко проявился в наше время, когда в 2001 г. А.В. Субботин в Санкт-Петербурге защитил кандидатскую диссертацию "Динамика развития тагарской культуры". Выяснилось, что, несмотря на огромное количество новейших материалов и на появление иных технических возможностей для их оценки, все основные выводы и заключения работы С.В. Киселева 1928 г. полностью подтвердились. Выделились те же 3 стадии развития тагарской культуры, с той же датировкой каждого этапа (Субботин, 2001). Строгий типологический метод, примененный Киселевым на сравнительно небольшом материале 75 лет назад, показал: археология и тогда, и теперь была и осталась точной наукой.

Материалами раскопок 1928 г. С.В. Киселев доказал, что могильники афанасьевской и карасукской культур, которые он сразу же стал называть по-теплоуховски, распространены и на енисейском правобережье Минусинской котловины. Там же им были выявлены памятники тагарской, таштыкской культур и средневековые могилы. Сергей Владимирович рассказывал, что именно С.А. Теплоухов предложил разграничить их полевые исследования руслом Енисея. На правобережье Енисея Теплоухов работать не предполагал.

С.В. Киселев покорял студентов азартом разведчика, кипучей энергией добытчика опорных фактов, жизнерадостной, глубокой верой в науку и творческое бессмертие. Любил столкновение характеров, поощрял споры, а затем, перехватив инициативу, продолжал дискуссию своим густым громогласным баритоном.

Он отличался галантностью в общении с дамами и добротой к чужим детям – своих не имел. Носил задорный чубчик и всегда был гладко выбрит. Имел скульптурные черты узкого лица, с вертикальными складками (почти каннелюрами!) на щеках, крупный нос и спокойные серые глаза. Не уважал полузнаек, ценил целеустремленных и упорных в достижении цели. Он был прост в обращении с учениками. Помогал и, случалось, спасал от беды своих и чужих аспирантов (например, М.А. Итину и Н.Я. Мерперта), не взирая на препятствия и не опасаясь высоких инстанций. Это был рыцарь чести. С.В. Киселев был ученым, который никогда не забывал, что он действует в Великой Российской науке. И внутреннюю убежденность он передал ученикам. Киселев – ученый-новатор, указавший многие новые направления для воссоздания подлинной истории коренных народов Северной и Централь-

ной Азии. Это был гуманист и интернационалист от природы, человек большого ума и доброго щедрого сердца, жизнерадостный и надежный.

Как и другой его учитель в Московском университете (1923–1926 гг.), профессор С.В. Бахрушин, Киселев любил малочисленные народы Сибири. Он считал, что русская наука в большом долгу перед коренными сибиряками, оставшимися в XX в. народами без собственной истории. Поэтому С.В. Киселев дорусскую историю Сибири не просто изучал, а бережно восстанавливал. Он собственными трудами, путем раскопок, добывал первоисточники в нелегких полевых условиях. Он был необыкновенно удачлив и совершил выдающиеся открытия многих десятков редчайших памятников, значение которых для истории Сибири и Центральной Азии трудно переоценить. При этом он всегда исследовал те памятники, которые приобретали ключевое значение для выяснения поворотных периодов древней и средневековой истории сибирских аборигенов.

Профессор С.В. Киселев работал для просвещения малых народов и для приобщения их к высотам цивилизации. Среди его учеников были люди разных национальностей. И не только граждане СССР, но также китайцы, корейцы, вьетнамцы, монголы, а из европейцев – венгры. Благодаря неистощимому трудолюбию, Сергей Владимирович постоянно публиковал статьи в местных русскоязычных и национальных газетах и журналах, выступал с чтением докладов и беседовал с посетителями на раскопках, обращался к населению по радио. Всюду он, воистину, сеял "разумное, доброе, вечное". Он любил свой русский народ, но никогда ни малейшим намеком не выделял его среди братских народов страны и всегда подчеркивал, что с древнейших времен Россия была многонациональным государством.

Сергей Владимирович, работавший заместителем директора ИИМК, заместителем Главного ученого секретаря АН СССР, заведующим сектором неолита и бронзы в Институте археологии АН СССР, был избран членом-корреспондентом АН СССР (1958 г.). Он давно начал готовить свой новый большой труд "Энеолит и бронзовый век Старого Света". Основная идея этой книги (или серии книг) просматривалась уже в читавшемся им, как говорилось выше, общем курсе "Бронзовый век Старого Света". Он хотел положить на весы истории синхронные культуры Европы и Азии. В своем курсе он уже обнаруживал и раскрывал перед слушателями то культурно-историческое равновесие, которое устанавливалось на гигантских просторах Евразийского материка в синхронно развивавшихся сообществах людей энеолитического и раннебронзового периодов. Этот процесс происходил независимо от различия человеческих рас и их языковых семейств. Кроме того, Киселев обнаруживал "широкие возможности внешних связей, которые не могли не способствовать ускорению технического, социального и культурного прогресса..." (1965. С. 20).

Наблюдения над процессом общественного развития значительной части человечества в древности подкрепляли природные гуманистические наклонности С.В. Киселева. Он, дитя Европы, отчетливо осознавал, что любой азиат имеет не менее великое прошлое, чем любой европеец. И долгом образованного европейца, по мнению С.В. Киселева, является обязанность содействовать уравнению в правах человека всех людей, живущих на Земле. А каждый народ имеет право знать истоки своего происхождения и свою историю. С.В. Киселев являл собой лучший образец талантливого русского интеллигента, истинного друга всех честных людей труда и доброй воли. Его девизом мог бы стать: "Поиск ради долга". Он был Человеком с большой совестью, со страстным отношением к науке, с добрым сердцем и состраданием к простым людям, ради блага которых только стоит жить и работать.

Тюрки, историю и археологию которых с особым интересом изучал профессор С.В. Киселев, говорят: "Человек умирает – имя остается".

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ С Л.А. ЕВТЮХОВОЙ

В первый раз мне довелось увидеть Лидию Алексеевну в городском саду г. Абакана[2]. Это произошло в конце жаркого лета 1940 г. Был я в то время еще старшеклассником и отчетливо помню, как однажды случайно увидел на уличном стенде афишу, извещавшую, что московский профессор С.В. Киселев прочтет в Зеленом театре публичную лекцию с удивительным летописным названием: "Откуда есть пошла Хакасская Земля. История хакасского народа".

Оценив дарованную судьбой приятную неожиданность, я прибежал в горсад задолго до начала лекции и в его тенистой аллее застал оживленную группу счастливых молодых людей: смеющийся мужчина густым баритоном рассказывал нечто веселое двум хохочущим женщинам. Одну из них я сразу узнал – это была археолог Минусинского музея Варвара Павловна Левашёва, за два года до этого производившая раскопки курганов в черте нашего степного городка. Мы, школьники, помогали Варваре Павловне расчищать древние захоронения.

Второй женщиной оказалась Лидия Алексеевна Евтюхова, самая удачливая по научной и материальной ценности сделанных ею открытий из

[2] Основой текста послужило выступление на встрече, посвященной 100-летию Л.А. Евтюховой и состоявшейся в научно-методическом кабинете Государственного Исторического музея в Москве 23 декабря 2003 г.

всех женщин-археологов XX в. Она прославилась как первооткрывательница царских сокровищ, созданных высокоискусными мастерами средневековых хакасов, обитавших в VIII – начале IX в. в Южной Сибири. Это произошло летом 1939 г. на "золотом" Копёнском чаатасе, когда Л.А. Евтюхова являлась начальником Саяно-Алтайской экспедиции Государственного Исторического музея (Евтюхова, Киселев, 1940). Поэтому все найденные ею золотые и серебряные кувшины, блюда и тарелки, а также принадлежности сбруи из драгоценных металлов и по сей день хранятся в Золотой кладовой ГИМ.

Все три названных выше археолога участвовали в завершающем этапе работ на том же чаатасе в 1940 г. Закончив к середине августа раскопки последних четырех курганов, исследователи прямо из урочища Копёны прибыли в г. Абакан. Предполагаю, что окончание удачных работ, удивительное открытие Лидии Алексеевны и свой отъезд домой, в Москву, профессор С.В. Киселев решил ознаменовать публичной лекцией, своеобразным отчетом ученых перед жителями Хакасии. Но о сенсационных находках обоих сезонов экспедиции, естественно, не было сказано ни слова[3]. Позже появилась его статья в местной газете.

Итак, при первой встрече 1940 г. Лидия Алексеевна запомнилась совсем еще молодой (37 лет), стройной и статной, очень величественной дамой, с округлым миловидным лицом, с ясными, широко раскрытыми глазами. В своем спортивном белом платье с оборками и короткими рукавами, с раскрытым над головой белым зонтиком от солнца, на фоне зеленой листвы кустов, она выглядела скульптурно и очень эффектно.

Настоящее же мое знакомство с Лидией Алексеевной состоялось только после Отечественной войны, в мае 1946 г., когда я, после госпиталя, вновь став студентом 2-го курса кафедры археологии МГУ и учеником Сергея Владимировича Киселева, пришел к ним домой на улицу Грановского, неподалеку от бывшего дома князя Мещерского (ул. Герцена, д. 5/7), в котором размещался тогда Исторический факультет. Перед тем мой научный руководитель, профессор С.В. Киселев, объявил, что летнюю археологическую практику я должен проходить в Саяно-Алтайской экспедиции: в июле будет работа по доследованию дома гуннского наместника на р. Ташебе под г. Абаканом (Кызласов, 2001), а в августе – рекогносцировочная поездка в Туву и разведка по Хакасии.

У них в доме я должен был упаковать экспедиционное снаряжение и продукты в ящики для сдачи в багаж. Войдя в квартиру, я застал Лидию Алексеевну за занятием, удивительным для меня: сидя на табурете в рабочем фартуке и зажав между колен сапожную "лапу" с овальным железным концом, она деловито прибивала новые кожаные подметки на походные полевые ботинки. Кивнув мне, она указала на свой рот, в котором были зажаты сапожные гвозди, и я понял: в доме я уже свой. В соседней комнате стучал второй молоток. Это Сергей Владимирович, также зажав несколько гвоздей губами, уже азартно работал, забивая дорожные ящики. Тут и я, схватив третий молоток, бодро застучал. А потом пили чай по-московски, с баранками и сахаром вприкусу. В стране только в следующем, 1947 г., отменят продуктовые карточки.

Лидия Алексеевна была всесторонне развитым человеком, и все ее увлечения и занятия опирались на разнообразную специальную, вполне профессиональную подготовку, обширные знания, богатый личный опыт и жизненную смекалку. Они определялись широтой ее интересов и пристрастий. Л.А. Евтюхова была воистину кадровым археологом божьей милостью. Прирожденная художница, она прекрасно рисовала не только красками, маслом и акварелью, но и слыла отличным графиком; снимала слепки, лепила фигурки из глины и пластилина. И она же чертила чертежи, схемы и карты, мастерски фотографировала любые объекты, вела топографическую съемку, водила любые автомашины. В Москве Сергей Владимирович всегда был для нее пассажиром.

В свободное время, где-нибудь в сибирской глуши, она умела наловить на уху для всей экспедиции рыбы разных пород. И еще – очень любила охоту, стреляла из дробовика навскидку и всегда без промаха. Добывала пролетающих диких уток и гусей или бегающих по холмам тяжелых дроф – "степных куриц". Лидия Алексеевна, и все это на моих глазах, спокойно проходила по щебнистой осыпи, ползущей по склону горы, переплавлялась с помощью шеста на утлом самодельном плотике через бурную горную речку, разжигала костер во время ливня и грозы и т.п. Все она умела делать чисто и хорошо, выполняла молчаливо и решительно.

Всюду она была очень аккуратной, гладко причесанной, всегда в отглаженной спецодежде – и на раскопках, и во время походов. Она руководила полевой практикой археологической молодежи, охотно беседовала с начинающими, делилась навыками полевых исследований и многими профессиональными секретами. Со студентами-практикантами и стажерами была очень выдержанной и ровной.

Я и сам в 1946–1949 гг. прошел под руководством Лидии Алексеевны не только полевую, но и музейную практику. Готовя курсовые работы,

[3] Супруги любили вспоминать, как в 1939 г., возвращаясь с поля, Лидия Алексеевна, куда бы ни выходила из гостиницы, постоянно носила под одеждой туго прибинтованную к груди золотую тарелку VIII в., а Сергей Владимирович повсюду не расставался с саквояжем, скрывавшем четыре золотых курганных сосуда и прочие драгоценные находки: посещая почту, ресторан, кинотеатр, усаживаясь на московский поезд.

первые свои статьи для "Кратких сообщений ИИМК", а затем в аспирантские годы, трудясь над кандидатской диссертацией, приходилось часто работать в Археологическом отделе Исторического музея. Помнится большая комната, за длинным столом которой рядком сидели в своих рабочих креслах замечательные ученые: Е.И. Крупнов, Л.А. Евтюхова, К.Ф. Смирнов, А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс и др. Тишина там стояла рабочая и уважительная. Студентам и аспирантам – всем давались научные коллекции древних вещей, хранящиеся в ГИМе. Многие научные сотрудники помогали молодым постигать основы науки.

Но для меня основными учителями в науке остались три незабвенных руководителя: Варвара Павловна Левашева, Лидия Алексеевна Евтюхова и Сергей Владимирович Киселев. Они всегда со мною, всегда памятны и любимы.

В настоящее время мы обязаны поставить в единый ряд первооткрывателей южносибирской цивилизации, наряду с именем Д.Г. Мессершмидта – открывателя енисейской рунической письменности (1721 г.), высокочтимые имена Л.А. Евтюховой, В.П. Левашёвой и С.В. Киселева – археологов, открывших прекрасные художественные произведения ювелирного и прикладного искусства раннего средневековья Енисея, раскрывшие целый, неведомый дотоле новый культурно-исторический мир в центре Североазиатского континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаатас у с. Копены // Тр. ГИМ. Вып. XI. М., 1940.

Киселев С.В. Тагарская культура // Тр. секции археологии РАНИОН. Т. IV. М., 1928.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Мартьянова. Т. VI. Вып. 2. Минусинск, 1929.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА. 1949. № 9.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М., 1951.

Киселев С.В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М., 1965.

Кызласов Л.Р. Итоги и задачи изучения тагарской эпохи // Проблемы скифо-сарматского культурно-исторического единства. Тез. докл. конф. Кемерово, 1979.

Кызласов Л.Р. Обретение пути в науку // Путешествия в древность. М., 1983.

Кызласов Л.Р. С.В. Киселев – Учитель учителей // РА. 1995. № 4.

Кызласов Л.Р. Портреты учителей – создателей советской археологии // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1997. № 4.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001.

Кызласов Л.Р., Левашёва В.П. Сергей Владимирович Киселев // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. М., 1965.

Мерперт Н.Я. С.В. Киселев в Монголии // РА. 1995. № 4.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. Л., 1927.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929.

Субботин А.В. Динамика развития тагарской культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

Формозов А.А. С.В. Киселев – советский археолог 1930–1950 гг. // РА. 1995. № 4.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.А. Масленников. ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЯНЫЕ ПОГРАНИЧНО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА. М., 2003. 280 с., илл.

Изучение древних "валов" в восточной части Крымского полуострова имеет свою длительную историю и обширную историографию. По меньшей мере, дважды они упоминаются древними авторами непосредственно как фортификационные сооружения (Herod., IV, 12; Strabo., VII, 4, 6). О рве – канале в северной части Крымского полуострова – и о границе, существовавшей в восточной части Крыма, сообщает Константин Багрянородный (Const. Parph., 42, 121; 53, 195–196). Первое из его свидетельств может быть, в соответствии с контекстом, связано с Перекопом, второе же указывает на установку в период "боспоро-херсонесских" войн пограничных знаков близ Киберника. В Кибернике исследователи, как правило, видят Киммерик, у которого начинался один из восточно-крымских валов. Многочисленные описания крымских рвов и валов принадлежат русским и европейским путешественникам. Почти все они рассмотрены в рецензируемой работе. Однако перекопский пласт от феодосийско-керченского следует отделять по двум причинам. Во-первых, автор книги, посвященной погранично-оборонительным сооружениям Керченского полуострова и района Феодосии, обращается к Перекопским укреплениям лишь в частных случаях. Во-вторых, до сих пор отсутствуют достоверные археологические свидетельства о времени сооружения и периодизации Перекопского рва и вала.

По-иному, во многом благодаря многолетним полевым работам экспедиции А.А. Масленникова, обстоит дело с изучением земляных укреплений на востоке Крымского полуострова. Здесь неоднократно проводились раскопки на Узунларском рубеже, осуществлены достаточно информативные археологические зондажи так называемых Тиритакских и иных валов, лежащих в восточной части Керченского полуострова. С привлечением картографических материалов XIX в. и современных аэрофотосъемок выполнены археолого-топографические исследования многочисленных линейных фортификационных сооружений Феодосийской зоны и Керченского полуострова, получены удовлетворительные результаты датировки некоторых древних валов естественно-научными методами. Настало время для развернутой публикации и интерпретации результатов археологических работ. Именно у А.А. Масленникова, проводившего работы в соответствии с тщательно спланированной программой, эти результаты оказались наиболее значимыми. Их обобщение привело к появлению первой монографии, посвященной валам Восточного Крыма.

Описанию линейных укреплений Восточной части Крымского полуострова автор книги посвятил первую и самую обстоятельную главу с хорошо продуманной внутренней рубрикацией, используя практически все доступные материалы. Во второй главе основное внимание уделено хронологии и исторической интерпретации памятников в тех случаях, когда она возможна. Послесловие же своеобразно, однако, это одна из форм проявления научной интуиции, какой бы ни была ее природа (Масленников, 2003. С. 259).

Необходимо отметить и следующую важнейшую особенность труда А.А. Масленникова. В монографии постоянно сочетаются два информационных плана: первый – выполненный на высоком уровне археолого-историографический очерк. Второй представлен картографическими произведениями и аэрофотоснимками. Сразу же оговорюсь, на сегодняшний день это единственная в археологии европейского Боспора работа с приемлемым качеством воспроизведения таких источников. Но следует отметить, что возможности их использования реализованы далеко не полностью. Причины этого заключаются в том, что еще недавно на крупномасштабные карты распространялся секретный режим, следовательно, все мы не имели и пока не имеем солидной практики работы с картографическим материалом. Поэтому хочу поделиться с автором и заинтересованным читателем некоторыми соображениями. Например, масштабная "Географо-административная карта Керченского полуострова" (Масленников, 2003. Рис. 1), при продуманном выборе уменьшения и чистке от малозначительных деталей современной ситуации, могла бы послужить основой для достаточно точного сводного изображения всех линейных укреплений Восточного Крыма, в частности, древних земляных сооружений близ Старого Крыма и в акмонайско-феодосийской зоне, в средней части Керченского полуострова и на пространствах, прилегающих к Керченскому проливу. Изображения же памятников на сводных схематических планах (Масленников, 2003. Рис. 7; 8; 95) имеют обычный для таких иллюстраций изъян, они схематичны и оторваны от рельефа.

Некоторые "критические точки" ярко проявились бы при совмещении на единой топооснове данных, взятых с карт и аэроснимков. Приведу лишь один пример – трасса северного участка Акмонайского вала на масштабной схеме А.В. Гаврилова (Масленников, 2003. Рис. 2; 8; ср.: Гаврилов, 2001. Рис. 1) и дешифрованном А.А. Масленниковым аэрофотоснимке (Масленников, 2003. Рис. 11) в частностях не совпадают. Изображение вала на масштабной схеме А.В. Гаврилова выполнено, как сообщает исследователь, по результатам полевой фиксации (Гаврилов, 2001. С. 15). Оно довольно близко начертанию некоего реального, но не интерпретированного объекта, отмеченного русскими картографами в первой пол. XIX в. (Масленников, 2003. Рис. 4), располагавшегося между южной оконечностью Сиваша и деревней Кой-Асан. Одной линией на карту наносились полевые дороги, но линия на Акмонае толще тех, которыми изображены проселки. Аналогичную конфигурацию имеет линия на карте-верстовке 1855–1857 гг. Здесь присутствует одна новая деталь: с восточной стороны "дороги" короткими штрихами показан склон или откос. Изображение обрывается у Сиваша. Может быть, военные топографы нанесли на карту вал или дорогу, скорее всего, местами совпадавшую с участком Акмонайского вала между южным Сивашом и Парпачским гребнем. Объект, интерпретируемый как Акмонайский вал, на аэрофотоснимке, приведенном А.А. Масленниковым, выглядит иначе. Здесь трасса имеет несколько иную конфигурацию. Следовательно, перед нами либо два варианта начертания плана одного укрепления, либо планы двух разных укреплений. В таких случаях преимущество отдается аэрофотоснim-

ку, но при этом причины разночтения определяются натурными исследованиями.

К сожалению, ярко и интересно описанный автором на основе личных наблюдений вал и ров, перекрывавший западный вход в Старо-Крымскую долину (Масленников, 2003. С. 30), не попал на схему валов. Из-за отсутствия сводной карты не завершена картина трех валов, представлявшихся ранее единым Тиритакским рвом и валом.

Замечания к иллюстративной части книги нередки, впрочем, они подтверждают лишь то, что монография отражает необходимый, но не завершающий этап исследования. Безусловно, работы над картами и аэрофотоснимками должны быть продолжены. Лучшим вариантом издания картографических произведений, снимков и результатов работы с такими источниками, не зависящим от строгих рамок книжного формата, было бы создание электронного приложения, записанного на CD-R. Пока же советую читателю, в случае необходимости, при работе с книгой пользоваться электронным сводом крымских карт, недавно изданным в виде компакт-диска (Смекалов, 2004).

Несколько слов необходимо сказать и об интерпретации письменных источников. Они обстоятельно и неоднократно рассмотрены в книге. Несомненно, Геродот знал о существовании в Скифии неких киммерийских стен или укреплений (Herod., IV, 12). Их А.А. Масленников в соответствии с текстом, в котором присутствуют и Киммерийская область, и киммерийские переправы, и Боспор Киммерийский, связывает с восточной частью Крымского полуострова, где расположено несколько древних валов. В пользу такой интерпретации свидетельствуют и рассуждения С.Р. Тохтасьева и А.Е. Кислого (Тохтасьев, 1999; Кислый, 1999). Однако возможны и другие выводы. Например, севернее, в районе древних озер и заливов Западного и Центрального Присивашья, также могли существовать укрепления, воспринимавшиеся греками в легендарном киммерийском контексте, например, укрепления Перекопского перешейка. Еще более сложны в локализации древние переправы, которые, несомненно, существовали на многих реках Скифии. Следовательно, из всего названного Геродотом уверенно определяется только Киммерийский Боспор, остальные же объекты могут быть связаны с восточным Крымом гипотетически, независимо от того насколько велика вероятность такой локализации. В настоящее же время, как показывают работы исследователей крымских валов, мы идем по пути исключения отдельных фортификационных сооружений из числа возможных "киммерийских" укреплений.

Более конкретен "отец истории" в упоминании рва потомков слепых, тянущегося от Таврических гор до Меотийского озера (Herod., IV, 3, 2). Подобное сооружение, если строго следовать источнику, может быть локализовано только в восточной части Крымского полуострова, между Феодосийским низкогорьем и современным южным Сивашом, бывшим в древности частью Меотиды. При этом существенно то, что этот ров упоминается Геродотом уже в собственно скифском контексте. А.А. Масленников подробно рассмотрев источники и археолого-топографические характеристики валов, лежащих между Старым Крымом и Акмонайским перешейком, склоняется к определению в качестве оборонительного сооружения потомков слепых Акмонайского вала. Действительно, Акмонайский ров и вал как нельзя лучше соответствуют описанию в источнике. Однако следует обратить внимание на детали. Акмонайский вал, дешифрованный на аэрофотоснимке, весьма своеобразен. Его трасса проведена не по кратчайшему расстоянию (ср.: Масленников, 2003. С. 202). По кратчайшему расстоянию между естественными преградами, которыми являются берега двух морей, ров и вал от Парпачского гребня должны бы пойти на юг или юго-юго-восток, вероятно, оставляя к западу оз. Ачи и Тюрекское болото. В реальности картина совершенно иная. За Парпачским гребнем укрепление, судя по дешифровке, поворачивает на Феодосию. Оно прослежено на аэрофотоснимке до северной окраины поселка Береговое. Завершение же его пока не обнаружено. Возможно, укрепление, обходя древний город, шло к Феодосийскому низкогорью. Однако вероятно и то, что, не доходя до Феодосии, оно выходило к Черному морю. В этом случае следует обратить внимание на участок некоего, возможно, того же, вала. Изображенный на схеме А.В. Гаврилова, он начинается примерно там, где обрывается дешифровка А.А. Масленникова (2003. Рис. 13), и примыкает к морю у пос. Береговое (Масленников, 2003. Рис. 8). Если это так, то памятник становится еще более загадочным. Однако в любом случае возникает вопрос: что, кроме Феодосии или каких то связанных с ней пространственных структур, могло привести к повороту трассы укрепления от Парпачского гребня на юго-запад. Удовлетворительного ответа пока нет. Настораживает и другой факт. Во второй пол. 1980-х годов Северо-Крымская экспедиция произвела зондаж Акмонайского вала в Присивашье. Результаты были примерно такими же, как и у А.А. Масленникова, но с одним отличием. В насыпи вала, профиль которой зачищался по оросительной траншее, был обнаружен фрагмент гончарного сосуда. Лежал он несколько ниже современного пахотного слоя. Конечно, на одном обломке, найденном в сильно поврежденном валу, серьезных выводов основывать не стоит. Однозначных заключений пока не следует делать вообще, здесь я полностью согласен с автором монографии. Однако не исключено, что из приведенных выше наблюдений последует отнесение нижней хронологической границы сооружения Акмонайского вала ко времени не ранее появления Феодосии. Нечто подобное допускает и автор монографии, когда ищет причины поворота рва и вала по направлению к этому городу (Масленников, 2003. С. 21). Общепринятым является время основания древней Феодосии в рамках середины – второй пол. VI в. до н.э., хотя некоторые исследователи поднимают эту дату (Кузнецов, 1991. С. 33; Petropulos, 2003. P. 54). В частности, И.И. Вдовиченко, любезной консультацией которой я воспользовался, вслед за Джоном Бизли и В.Д. Кузнецовым считает, что в феодосийской коллекции, опубликованной Э.Р. Штерном, присутствует расписная керамика, появляющаяся еще в во 2-ой четверти VI в. до н.э.

Вновь вал, некогда располагавшийся на Таврическом полуострове, упоминает Страбон, связывая его с оборонительными мероприятиями Боспора, предпринятыми в правление Асандра (Strabo., VII, 4, 6). Его локализация по письменному источнику противоречива, однако последние работы А.А. Масленникова, обнаружившего и раскопавшего близ вала башни этого времени, свидетельствуют в пользу соотносения стены Асандра с Узунларским валом. Вероятность такой интерпретации отчасти подтверждается сообщением Страбона (XI, 2, 5), в котором некий Киммерик прямо связан с укреплением, замыкавшим перешеек. Расчет протяженности оборонительной линии с включением в нее не только Узунларского рва и вала, но и Кояшского вала и береговых линий озер, недавно выполнен В.К. Голенко, определенное им расстояние, при различных подсчетах колеблющееся от 51.6 до 56 км, весьма близко 360 стадиям, скорее всего, эратосфеновым (56.7 км), приведенным Страбоном (Голенко, 2004. С. 41–43). При таком подходе стена Асандра разместится на перешейке между Казантипским заливом и г. Опук, а заключение о создании боспорянами оборонительной системы с несколькими последовательно

расположенными линейными укреплениями потребует дополнительной аргументации. Добавлю, что при интерпретации источника придется отказаться и от локализации стены Асандра на севере Крымского полуострова, по крайней мере, до появления надежных археологических датировок Перекопских укреплений.

Вполне понятны сомнения А.А. Масленникова в отношении информации, приведенной у Константина Багрянородного (2003. С. 214). Завершая географическими сведениями, рассказ о единоборстве Савромата и Фарнака, император прямо не назвал укреплений, говоря лишь о пограничных столбах и знаках у (либо в области) Киберника (Const. Parph. 53, 195). Но указание на оборонительную линию, как совершенно справедливо замечает А.А. Масленников, может присутствовать здесь в скрытой форме. Столбы и знаки рационально располагать не в одном месте, а по меже, а ей как нельзя лучше соответствует Узунларская линия, лежавшая между Киберником (Киммериком?) и Меотидой. Реальный Фарнак некогда высадился у Феодосии с целью подчинения Боспора. Скорее всего, он попал в херсонесский источник через несколько столетий, в результате компиляции, учитывавшей цель и направление движения. Например, в тексте Аппиана (Mithr., 120) сначала упомянута Феодосия и лишь затем Пантикапей. Вообще овладение Феодосией, как показывает Керченско-Феодосийская операция 25 декабря 1941 – 2 января 1942 г., является важнейшим условием захвата Восточного Крыма в случае высадки десанта с моря. Легендарный же Фарнак после победы оставил боспорянам земли протяженностью в 40 миль. Суть в том, в каком направлении повернуть эти 40 миль. Если в широтном, то следует считать от Пантикапея по суше или по условному корабельному ходу; если в меридиональном, то мы найдем необычное, но допустимое решение. Указанные 40 миль (59.1 км), явно приведенные с округлением до десятка, близки 360 стадиям стены Асандра (в данном случае важен принцип исчисления, а не реальная протяженность объекта).

Возможно, в сочинении Константина Багрянородного есть и другие данные об истории Боспора послемитридатовского времени. В контексте же изучения боспорских валов достаточно вывода о том, что некоторые сведения, приведенные в этом сочинении, могут оказаться связанными не с обобщенной античной географической традицией, восходящей к Геродоту, а с данными о вполне реальном пограничном-оборонительном рубеже Боспора.

Перейдем к конкретным рвам, валам и стенам, придерживаясь направления с запада на восток, избранного автором книги. История их изучения рассмотрена самым обстоятельным образом и представляет собой добротный образец источниковедческого и археолого-историографического анализа. Весьма интересно описание вала и рва перекрывающего вход с запада в Старокрымскую долину. Автором книги допускается вероятность его сооружения в средневековое время. Действительно, вне связи с укреплениями Солхата или какой-то иной системой, возможно, более древней, подобное сооружение необъяснимо. Взятое само по себе, оно может рассматриваться как противотанковый ров на дороге из Симферополя в Феодосию, но этому противоречит и рельеф, и покрывающая его лесная растительность. Для объяснения данного феномена необходимо определить датировку памятника путем зондажей или раскопок какого-либо узлового объекта.

Интересно свидетельство П.С. Палласа, который отметил остатки вала к северо-востоку от Старого Крыма за деревней Кара-Гоз, однако направления и протяженности этого вала не определил (Паллас, 1999. С. 116). Что увидел здесь академик, неясно, однако, если двигаться от Феодосии или Арабатской крепости к поселению, существовавшему тогда в западной части Старокрымской долины, то в соответствии с направлением тракта можно заметить оборонительные сооружения Солхата на отроге горы Малый Агармыш, и только через несколько верст попасть в Старый Крым.

Акмонайский ров и вал и вопросы, возникающие при их интерпретации, рассмотрены выше. Можно добавить лишь, что вал, по словам информаторов П.С. Палласа, идущий по направлению к Сарыголу и Аджикале, в общих чертах соответствует участку вала, дешифрованному А.А. Масленниковым к югу от Парпачского гребня. Надежную датировку этого сооружения можно получить, проводя зондажи в местах пересечения его трассы с иными археологическими памятниками.

Обратимся к укреплению, предположительно проходящему по Парпачскому гребню и охарактеризованному А.В. Гавриловым (Гаврилов, 2001. С. 12–15), существование которого допускает и А.А. Масленников. Если это ров и вал (а сомнения в таком определении, возникшие в свое время (Бабков, 1957) и в какой-то степени и сейчас имеющиеся у исследователей, видимо, не подтверждаются разведками А.В. Гаврилова), то указанное укрепление, идущее в широтном направлении, может быть связано с Феодосией. Кроме древнего города, его округи или же более поздней области Кафа, имевшей наместником в начале IV в. н.э. Аврелия Валерия Сога (КБН, 1965. С. 71–73. № 64) других объектов в этой части Таврического полуострова в античное время не было. Что представляет собой линия развалин, состоящая из "...последования возвышенностей или куч обломков", зафиксированная П.С. Палласом на Парпачском гребне, не ясно. Это могут быть и курганы с каменными конструкциями, и остатки стены и башен, и естественные скальные выходы. Программу будущих исследований объекта стоит строить, исходя из представлений о всей трассе укрепления (Гаврилов, 2001. С. 13). Тогда памятник, если он существует, найдет свое место в системе рвов и валов Восточного Крыма. Итог же изучения древних валов Старокрымско-Акмонайского района можно сформулировать следующим образом: археолого-топографические работы пока не завершены, разведки еще не дали надежных результатов для определения относительной и абсолютной хронологии памятников, раскопки узловых объектов не производились. Следовательно, ясной картины в настоящее время нет. Любые исторические реконструкции пока основываются на предположениях, что вполне справедливо отмечает и А.А. Масленников.

Совершенно по-иному выглядят результаты археологических исследований Узунларского вала и рва. Этот памятник благодаря работам экспедиций А.А. Щепинского, В.А. Колотухина, А.А. Масленникова, С.Б. Ланцова, С.Г. Колтухова и их коллег предстает перед читателем в обстоятельном историко-археологическом контексте. Достаточно полный перечень исследователей и раскопанных участков, представленный автором в первой главе рецензируемой монографии, можно дополнить лишь разрезом вала и рва, выполненным Северо-Крымской экспедицией в 1975 г. Раскоп находился несколько севернее шоссе Феодосия–Керчь, неподалеку от более поздних разрезов 1984 г.

Узунларский вал и ров, судя по результатам многочисленных раскопок, возник не ранее IV в. до н.э. Однако мы определили археологическими методами только нижнюю хронологическую границу, ранее которой вала не существовало. Заключение же о сооружении вала в первых десятилетиях III в. до н.э. остается предположением, хотя и наиболее вероятным

(Масленников, 2003. С. 210; Колтухов и др., 2003. С. 180). Во время Асандра, судя по сообщению Страбона, укрепление было воссоздано в роли стратегической линии обороны Европейского Боспора, близкой по структуре и назначению римским лимесам. Основным препятствием являлся ров, за ним был отсыпан вал, за которым находились наблюдательные посты, располагавшиеся в башнеобразных постройках, некоторые из которых были обнаружены и исследованы экспедицией А.А. Масленникова. Их маленькие гарнизоны, исходя из интерпретации находок, могли состоять из военных поселенцев. Данная система постов, в соответствии с выводами А.А. Масленникова, прекратила существование в последней четверти I в. до н.э. в связи с событиями военного характера. Автор монографии предполагает, что произошло это в результате действий Полемона I, утверждавшегося в это время на Боспоре (Масленников, 2003. С. 212). Однако в такой интерпретации событий может присутствовать внутреннее противоречие. Полемон, конечно, мог захватить Узунларскую пограничко-оборонительную линию в том случае, если его основной операционной базой была Феодосия. Однако он вряд ли был заинтересован в разорении и ликвидации Узунларской системы, так как на этом рубеже Боспор, который следовало подчинить и поставить в русло римской политики, противостоял отнюдь не Риму и его союзникам. Поэтому нельзя исключать того, что гибель башен связана не с действиями Полемона, а с варварами, обрушившимися с запада на европейскую часть государства, погрязшего в усобицах. Похоже, что только через несколько десятилетий Аспургу удалось восстановить влияние Боспорского государства на Таврическом полуострове (Колтухов, 1999. С. 95, 96).

Не менее интересный период истории Боспорского царства характеризуют материалы раскопа "Стена" (Масленников, 2003. С. 63–75), расположенного в приазовской части Узунларского укрепления. Здесь в ходе раскопок вскрыта часть каменных фортификационных сооружений, заново возведенных, скорее всего, у древнего прохода в оборонительной линии и датированных А.А. Масленниковым началом II в. н.э. В плане понимания исторического контекста работ по усилению или возрождению оборонительной линии могут быть интересны сообщения лапидарных источников о победах над скифами, одержанных Савроматом I и его преемником Котисом II. Похоже, реальная война, или войны, велись с переменным успехом, а победы над "скифами" дались нелегкой ценой. Узунларская линия обороны не утратила своего значения и позднее. Так, по мнению автора книги, при Савромате II в центральной части линии было построено Новониколаевское городище, предположительно Савроматий (Масленников, 2003. С. 104). Действительно, это укрепление может претендовать на роль своеобразного лагеря в линии, обитатели которого взяли на себя охрану центрального участка рва и вала. Охрану северного и южного флангов могли осуществлять жители Белинского городища и Киммерика. Демаркационной линией Боспора Узунларский ров и вал, безусловно, мог вновь послужить и в позднеантичное время.

Об остальных линейных укреплениях, расположенных к востоку от этого вала, сказать нечто большее, чем то, что уже сказано в монографии, сегодня нельзя. Важен сам факт описания и характеристики Семеновского, Чокракского, "Тиритакских", Чурубашского и Кыз-Аульского валов. Не исключено, что исследователи располагают дополнительными данными, кроме уже изложенных в книге, но, похоже, пока они весьма далеки от их уверенной интерпретации. Видимо, характеристика укреплений, лежащих в востоку от Узунларского вала, сейчас вряд ли возможна в большем объеме, чем у А.А. Масленникова. В восточной части Керченского полуострова, так же, как и в старокрымско-акмонайской зоне, необходимо продолжение хорошо продуманных и последовательных полевых работ.

В целом, монографию А.А. Масленникова нужно считать необходимым и своевременным археологическим сводом линейных укреплений Восточного Крыма. На многие вопросы, поставленные в работе, или на вопросы, возникающие при знакомстве с материалом, сегодня еще нет однозначных ответов. Впрочем, в поисках способов разрешения недоуменных ситуаций состоит одна из сильных сторон новой книги, а предложение автора – совместно "поразмышлять и поработать над решением этих загадок" – ответственная оценка состояния проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабков Н.И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Гаврилов А.В. О валах на Акмонайском перешейке // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь, 2001.

Голенко В.К. Еще раз о локализации вала Асандра (Strabo, VII, 4, 6) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Матер. II Судакской междунар. науч. конф. Ч. 1. Киев; Судак, 2004.

КБН. М.; Л., 1965.

Кислый А.Е. Феномен античной письменной традиции: Боспор Киммерийский, киммерийская культура на Боспоре // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. Матер. междунар. науч. конф. СПб., 1999.

Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.

Колтухов С.Г., Труфанов А.А., Уженцев В.Б. Новые материалы к строительной истории Узунларского рва и вала // Древности Боспора. Т. 6. М., 2003.

Кузнецов В.Д. Ранние греческие апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204.

Масленников А.А. Древние земляные пограничко-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999.

Смекалов С.Л. Крым. Crimea. Taurica на картах XVIII–XX столетий. Крымский полуостров на картах XVIII–XX веков. СПб., 2004.

Тохтасьев С.Р. ΒΟΣΡΟΡΟΣ // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. Матер. междунар. науч. конф. СПб., 1999.

Petropulos E.K. Problems in the History and Archaeology of the Greek Colonization of the Black Sea // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. V. I. Thessaloniki, 2003.

Крымский филиал
Института археологии
НАН Украины,
Симферополь

С.Г. Колтухов

А.В. Курбатов. КОЖЕВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ТВЕРИ XIII–XV вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.

По причине скудости письменных документов и изобразительного материала основным источником для изучения истории отечественного кожевенно-сапожного производства являются археологические коллекции. При этом особую ценность имеют не единичные вещи, а весь объем находок. Во влажном, насыщенном органикой слое русских средневековых городов северо-западной и центральной России "археологическая кожа", в особенности детали кожаной обуви и обрезки от ее раскроя, встречаются достаточно часто. В отдельных случаях их количество достигает десятков тысяч экземпляров. Однако специфика этой категории археологических находок (сложная технология обработки кожи, разнообразие приемов раскроя и сборки) вызывает серьезные затруднения при их описании и систематизации. Знакомство с отчетами показывает, что в лучшем случае в них приводится приблизительная статистика вещей, найденных в пласте (слое), без указания на форму предмета и типы соединительных швов. Обрезки от раскроя и отходы кожевенного производства, как правило, не описываются вовсе. В результате из научного оборота исключается важнейшая информация о развитии кожевенно-сапожного ремесла, а также других сторон человеческого существования.

Проблема описания и систематизации изделий из кожи (в особенности кожаной обуви) отчетливо проявилась в 50-е годы прошлого века, в связи с началом широкомасштабных городских раскопок. Ее пытались решать различными способами. Так, в Москве для описания кожаных изделий, собранных при раскопках в "Зарядье", пригласили сотрудников кафедры технологии обуви Московского технологического института легкой промышленности, которым удалось выявить характерные способы раскроя, пошива и декорировки средневековой обуви. Отдельные образцы были подвергнуты экспериментальному тестированию и химическому анализу (Зыбин и др., 1952). Впоследствии физико-механический и химический анализ образцов средневековой кожевенной продукции из других городов проводили Г.В. Штыхов, О.Н. Левко и В.Е. Соболь (Штыхов, 1975. С. 72, 73; Левко, 1984. С. 99, 100; Соболь, 1988. С. 18).

В Новгороде Великом обработка коллекции кожаных изделий Неревского раскопа была выполнена сотрудником Новгородской археологической экспедиции С.А. Изюмовой, которая впервые в отечественной историографии провела типологическое членение обуви, проследила ее конструктивное изменение и способы орнаментации. Кроме того, в обширной статье была рассмотрена технология сапожного производства, способы реализации продукции, места расселения ремесленников и другие вопросы (Изюмова, 1959).

Дальнейшее накопление коллекций археологической кожи потребовало разработки специальной методики систематизации массовой продукции кожевенно-сапожного производства и создания универсальной схемы обувного конструирования. Такие попытки были предприняты на материалах норвежского поселения в Боргунде (Larsen, 1970. С. 127) и коллекций кожаной обуви польских городов (Wiklak, 1969. S. 475–517).

В советской археологической литературе нашла широкое применение технолого-типологическая классификация, разработанная Е.И. Оятевой (Оятева, 1970; 1973). Выделяя признаки, определяющие материал, технологию изготовления и функциональное значение обуви, Е.И. Оятева выстроила разнообразные обувные конструкции в единую схему эволюции. Однако систематизация, предложенная исследовательницей, создавалась для раннесредневековой обуви мягких конструкций (т.е. обуви без поднаряда, жесткого задника и каблука). Для описания разнообразного ассортимента моделей жестких конструкций, включающих большое количество основных и дополнительных деталей, исходная схема требовала дальнейшего развития.

С появлением компьютерных технологий задачу сохранения и систематизации максимально большого объема информации пытались решить с помощью формализованного описания с использованием компьютерных программ. Впервые такие попытки были предприняты на Западе, где компьютеры внедрялись быстрее. В частности, методикой системного описания находок, ориентированной на специфику кожевенного материала, занималась М. Милевска (Milewska, 1980). Подобные исследования проводились и в Англии. Специальные матрицы с отражением известных и вероятных признаков для каждой детали были разработаны О. Губитсом (Goubits, 1984).

В 80-е годы прошлого века универсальную классификацию обувных конструкций предложил голландский исследователь В. Грёнман ван Ваатеринге. Разработанная им схема видов и фасонов обуви, способов ее крепления на ноге, вариантов декора представлена на широком историческом фоне (Groenman-van Waateringe, 1984). В России для описания и классификации обувных коллекций была создана специальная методика, организованная по принципам системного подхода (Осипов, Лихтер, 2004).

Кроме обуви, специалисты обращались к описанию и систематизации других кожаных изделий. Атрибуции футляров, ранее принимавшихся за кошельки, посвящена статья Е.А. Рыбиной (1993. С. 153–161). Типология кожаных ножен, найденных при раскопках Великого Новгорода, была разработана Т.С. Варфоломеевой (1993. С. 162–167).

Со второй пол. 90-х годов XX в. проблема изучения истории отечественного кожевенно-сапожного производства прочно связана с именем А.В. Курбатова. С самого начала, в целях повышения информативности коллекций "археологической кожи", автор ставит задачу обработки всего объема находок, включая обрезки от раскроя, формулирует принципы создания эталонных коллекций и представляет схемы их описания (Курбатов, 1991, 1994). В 1997 г. А.В. Курбатов защитил кандидатскую диссертацию по теме "Кожевенное производство в городах северо-западной России в XV–XVII вв." (1997).

Книга "Кожевенное производство Твери XIII–XV вв.", вышедшая в октябре 2004 г., является дальнейшим развитием его научных изысканий. Она рассчитана на историков, археологов и тех, кто интересуется ремеслом и культурой средневекового города. Это первое в нашей стране монографическое исследование, посвященное изучению предметов из кожи, отражающее весь спектр средневекового городского кожевенного ремесла Великого Тверского княжества. Исключительное по объему собрание кожаных предметов, превышающее 82 тыс. единиц, было получено в результате многолетних раскопок на территории Тверского кремля. Но территориальные рамки рецензируемой монографии гораздо шире, чем они определены в названии. В работе в массовом количестве использован материал, собранный автором в Пскове, Новгороде, Старой Ладоге, Ивангороде и других городах. То же

можно сказать и о хронологических рамках данного исследования.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения (выводов). Она включает 15 статистических таблиц, 153 графических и фотоиллюстраций, а также обширный каталог с описанием представленных находок. Для лучшего усвоения материала в книге имеется терминологический словарь.

Во введении описан широкий спектр использования животного сырья и абсолютная утилизация отходов средневекового кожевенного производства. Упоминая разнообразные способы выделки средневековой кожи, А.В. Курбатов полемизирует с утвердившимся в современной научной литературе представлением о высоком уровне развития технологии выделки кож в древнерусское время. В частности, автор справедливо замечает, что данные современного тестирования образцов археологической кожи не могут служить основанием для характеристики древней технологии, поскольку долгое пребывание кожи в земле существенно меняет уровень содержания в ней жирующих веществ, таннидов и пр.

Проведенная реконструкция средневековой технологии кожевенного производства и анализ существовавших наименований кожевенного товара приводят А.В. Курбатова к следующим выводам:

– в древнерусское время различные названия для кожи, скорее всего, не были связаны с профессиональным разделением по ее сортам и способам выделки;

– в основе использования разных названий лежат региональные разделения;

– специальными можно считать только термины "деланая" и "неделаная" кожа;

– профессиональная терминология распространяется в деловой речи только с XVI в.

Во второй главе изложены методы полевой фиксации и камеральной обработки археологического материала. Опираясь на собственный опыт, автор формулирует принципы отбора эталонной коллекции:

– коллекция должна включать абсолютно все кожаные предметы, а также другие категории находок, связанные с кожевенным производством.

– она должна содержать несколько тысяч единиц находок;

– в площадь раскопок должны попасть один или несколько производственных участков, связанных с занятием кожевенным ремеслом;

– стратиграфически и ситуационно привязываемые блоки материала должны иметь относительно узкие хронологические рамки накопления.

В настоящее время, по мнению автора, указанным критериям соответствуют лишь две археологические коллекции: из раскопок Ивангорода и Тверского кремля.

Отмечая отсутствие единой схемы описания кожаных предметов, А.В. Курбатов предлагает свой метод, базирующийся на опыте регистрации находок российскими и западноевропейскими исследователями. Сам автор использует два основных вида описания: вербальное и графическое, отдавая предпочтение последнему, поскольку вербальное описание, в его представлении, сводится к формальному обмеру. Однако, на наш взгляд, вербальное описание можно использовать гораздо шире. Это демонстрирует разработанная нами методика системного описания и классификации кожаной обуви, построенная по принципам системного подхода (Осипов, Лихтер, 2004). Используя словари-классификаторы, можно описать все многообразие кроя обувных деталей и выявить направленный процесс развития форм обуви, изменение технологии ее изготовления и повышение качества выделки сырья.

Представленная А.В. Курбатовым методика описания рассчитана, прежде всего, на специалиста, хорошо знакомого с технологией выделки кожи, приемами раскроя и сборки изделий. На сегодняшний день таких специалистов крайне мало. Даже при завидной работоспособности самого автора, описавшего и опубликовавшего коллекции Твери, Ивангорода, Пскова, Мангазеи и других городов, нет возможности охватить весь объем находок, накапливающийся за один полевой сезон в различных регионах нашей страны. Кроме того, сохранение большого объема массового материала, необходимого для создания эталонной коллекции, требует специального музейного хранения.[1] Нам представляется, что для сохранения информации, которую содержит массовый материал, требуется методика, доступная рядовым сотрудникам камеральной лаборатории, ориентированная на создание компьютерной базы данных. Заполнение соответствующих параметров, организованных в виде матриц, позволит сохранять необходимую информацию в электронном виде, не загружая музейные фонды.

В третьей главе дается статистическая оценка тверской коллекции, насчитывающей 82554 единицы. В целях расширения потенциальных возможностей статистического анализа массовый материал поделен на группы: обрезки от раскроя; обрезки деталей различных изделий (в том числе детали обуви); детали обуви; детали других изделий; войлок; обувные подковки, которые распределены по пластам.

Планиграфия и стратиграфия находок дает возможность автору сделать важные выводы, характеризующие кожевенно-обувное производство Твери в исследуемый период. В частности, скопление обрезков позволяет локализовать профессиональные кожевенные (разрядка моя – *Д.О.*) мастерские. В этой связи хотелось бы обратить внимание, что наличие обрезков от раскроя характерно для сапожных мастерских[2], тогда как кожевенные мастерские определяются по скоплениям золы, шерсти, наличию дубильных чанов и пр. Эта характерная для автора оговорка имеет место и в других его работах. Вопрос о времени дифференциации кожевенного и сапожного ремесел представляется нам достаточно важным, поскольку в отечественной литературе на эту тему высказывались различные точки зрения. В обширном труде Б.А. Рыбакова "Ремесло древней Руси", надолго определившем фундаментальные положения по организации средневекового ремесла, в частности, утверждалось, что выделка кож и шитье обуви производились в одной мастерской вплоть до начала XV в. (1948. С. 402). Эту же дату называли и другие исследователи (Рабинович, 1964. С. 100). Тем не менее С.А. Изюмова считала возможным говорить о разделении труда кожевников и сапожников уже в XII–XIII вв. По ее мнению, поводом к такому разделению послужило увеличение спроса на кожевенную продукцию, вынудившее кожевников сосредоточиться на выделке сырья (Изюмова, 1959. С. 118).

Следы мастерской того же времени были зафиксированы при раскопках в Москве, на мысовой части Боровицкого холма (Владимирская, 1985. С. 4). Среди обнаруженных там обломков сапожных инструментов и многочисленных обрез-

[1] Здесь следует учитывать, что кожа, извлеченная из влажного грунта без должной обработки, очень быстро высыхает и разрушается.

[2] Как правило, сапожные мастерские занимались не только шитьем и ремонтом обуви, но и изготовлением других предметов из кожи (рукавицы, сумки и пр.).

ков от раскроя обувных деталей о скоплении золы и шерсти не упоминается.

Четвертая глава, являющаяся продолжением предыдущей, характеризует коллекцию по горизонтам. В пределах конца XIII – первой пол. XV в. автор выделяет девять узкодатированных горизонтов. Анализ планиграфии построек и концентрации находок позволяет выявить взаимосвязь "фона" с конкретными сооружениями. В одном случае это свидетельствует о поддержании чистоты в зонах общего пользования – на улицах и переулках – в других указывает на малоинтенсивное "домашнее" производство или работу профессиональной мастерской.

В пятой главе описаны виды сырья, служившего для выделки кож в средневековой Руси. В данном случае автор убедительно показывает, что прямой связи видового состава костей, собранных в культурных напластованиях различных городов, с сырьем, использовавшимся для кожевенного производства, не существует.

Соотношение кож мелкого рогатого скота (МРС) и крупного рогатого скота (КРС), использовавшихся для изготовления изделий из кожи, прежде всего зависит от развития технологии выделки шкур. Свиная кожа, несмотря на обилие костных останков этого животного, вообще употреблялась эпизодически. Непригодность этого вида сырья объясняется структурой волосяного покрова свиной шкуры и высоким содержанием жиров, выведение которых требует дополнительных трудозатрат.

Для определения видовой принадлежности шкуры животных А.В. Курбатов использует визуальный (органолептический) метод, основанный на индивидуальных признаках гистологии различных пород млекопитающих. Следы снятого в процессе выделки волосяного покрова, имеющего индивидуальное расположение и форму волосяных каналов, сохраняются на мерее выделанной кожи. В качестве наглядного примера в книге использованы крупномасштабные фотографии участков поверхности шкур различных животных.

Шестая глава посвящена описанию самих находок, основная часть которых относится к кожаной обуви – самой массовой категории кожаных предметов. В исследуемый период в Твери бытовали следующие виды обуви:

– поршни (в том числе "ажурные");

– туфли различных фасонов, многие из которых украшены расшивкой.

– мягкие полусапожки;

– сапоги мягкой конструкции;

– домашние или рабочие тапки;

– сапоги жесткой конструкции.

Первостепенным показателем различия видов обуви автор считает технические особенности конструирования и соединения верха с подошвой, поэтому из всех обувных деталей здесь описаны лишь подошвы. На их примере прослежена динамичная смена основных форм обуви, произошедшая в Твери в середине XIV в. Мягкая конструкция уступает место жесткой, предусматривавшей наличие толстой однослойной подошвы и ряда дополнительных деталей (поднаряд, карман задника, подпяточные подкладки), делавших обувь более износоустойчивой и влагонепроницаемой.

В этом случае отчетливо просматривается взаимосвязь между улучшением качества материала (выделка толстых кож), освоением новой технологии сборки (использование потайного шва) и усложнением конструкции (поднаряд, карман задника, подпяточные подкладки). Эти макроэволюционные изменения необратимы и потому могут использоваться в качестве хронологического репера.

Далее представлена информация о половозрастной градации обуви[3]. Для многих подошв по характеру стертости установлена их принадлежность к правой или левой ноге[4]. Значительный процент тверских подошв свидетельствует об органических поражениях стоп их владельцев. Диагностирование ортопедических заболеваний по характеру износа подошв дает ценную информацию для антропологов. Кроме палеопатологии[5] изучение подошв может способствовать определению метрических характеристик населения и исследованию процесса акселерации (Осипов, 2003. С. 210).

Большое внимание уделяется сапогам – самому многочисленному виду обуви в рассматриваемый период. Кроме сапог, в тверской коллекции имеется множество туфель, различавшихся по конструкции и декоративному оформлению. К наиболее распространенным способам декорировки тверских моделей относятся:

– расшивка носка и боковин цветной растительной нитью;

– продержка по оси носка;

– тиснение кожи "под овсянку", "чешую" или "сеточку".

Кроме обуви в шестой главе описаны и другие категории кожаных изделий, принадлежащих к деталям одежды: рукавицы-голицы, ремни и пояса, наплечники. В книге представлено описание этих изделий, приведены формы кроя, указано время их существования.

Целый ряд бытовых кожаных изделий, включающий вместилища различного назначения, объединены автором под древнерусским словом "влагалища". К ним принадлежат чехлы для ножей, кошельки, сумки, а также футляр для ложки и другие изделия. В работе дается описание этих предметов, указывается их датировка, приводятся аналогии из других городов. Отдельные группы предметов, назначение которых ранее считалось неопределенным, впервые получили свою атрибуцию. К ним относятся кожаные наперстки, детали пращи и др.

Большое количество узлов и петель систематизировано автором в зависимости от способа вязки узла, его местонахождения и вероятного употребления. Отдельно выделены игровые изделия.

Самую многочисленную группу находок составляют обрезки от раскроя. В своих работах А.В. Курбатов неоднократно отмечал, что отходы сапожного производства дают возможность определить профиль мастерской, доказательно представить рациональное использование материала, следы ученической деятельности.

Внимательный отбор находок позволил автору выявить в массе находок несколько предметов западноевропейского производства. К ним относятся мягкая туфля с вытянутым и заостренным носком, фрагмент кожаных ножен, клапан кошелька и несколько пуговиц. Примечательно, что все эти вещи были найдены в пределах одной усадьбы XIV–XV вв., принадлежавшей, по мнению автора, новгородским купцам.

В конце главы описаны обувные подковки из более поздних перекопов, а также сапожные инструменты (шилья, но-

[3] В средневековье не существовало конструктивных различий между мужской и женской обувью.

[4] В России асимметричные подошвы, выкроенные под правую и левую ногу, появляются в XVIII в.

[5] Обширная область биологии, изучающая проявление измененной или нарушенной жизнедеятельности (Давыдовский, 1969. С. 611).

жи, иглы, обувная колодка), имеющие многочисленные аналогии в других древнерусских городах.

Высказанное автором мнение по поводу отсутствия гвоздей на подошвах, изготовленных ранее XV в., противоречит данным, полученным при раскопках других городов. Подошвы, подбитые гвоздями, зафиксированы в Коломне, в закрытом комплексе второй пол. XIV в. (Осипов, в печати). Сапожные гвозди найдены на городище Ростиславль, в заполнении ям второй пол. XIV в., что исключает их попадание из верхних напластований (Коваль, 2003. С. 24, 29, 91).

В седьмой главе изложены выводы, полученные при обработке тверской коллекции. Смена качества сырья, развитие технологии производства и характер распространения продукции получают здесь исторические интерпретации. В частности, определенные особенности тверской обувной моды формируются, согласно А.В. Курбатову, под влиянием присоединения Твери к Московскому княжеству. Вместе с тем с отдельными положениями рецензируемой монографии согласиться довольно сложно. Так, резкое сокращение численности находок и изменение форм обуви автор связывает с восстанием тверичей против татарского посла Чолхана (Шевкала), завершившимся поголовным истреблением городского населения карательной экспедицией монголо-татар зимой 1327–1328 гг. Можно согласится, что сокращение численности находок является следствием разгрома, в результате которого погибла большая часть городских жителей. Однако смену форм обуви (распространение сапог) с ним связывать не стоит. В середине XIV в. такая смена происходит во всех древнерусских городах, что А.В. Курбатов убедительно показал в своей кандидатской диссертации (1997). Трудно согласится с заключением исследователя, видящего своеобразие традиций тверского ремесла в небольшом количестве целых деталей, оставшихся в заполнении культурного слоя. Это скорее свидетельствует об экономии сырья и практике вторичного использования деталей, широко распространенной и в других городах.

Вызывает интерес суждение автора о том, что в условиях унификации производства кожаных изделий (особенно обуви) и стандартизации их пошива региональные различия лучше всего видны по декоративной отделке. Сам орнамент и техника его нанесения (особенно для изделий раннего средневековья) гораздо более консервативны, чем изменчивая технология обработки материалов и конструирование вещей, обусловленные стремлением к постоянному совершенствованию.

Говоря о локализации мастерских, А.В. Курбатов совершенно справедливо указывает, что индикатором месторасположения сапожной мастерской является большое скопление обрезков от раскроя и наличие характерных инструментов (потерянных, сломанных или сработанных), тогда как свидетельства кожевенного производства ограничены зольниками и деревянными чанами, в которых дубили кожи. К этому можно добавить, что выделка кож – водоемкий процесс, поэтому кожевники (в отличие от сапожников) были "привязаны" к проточной воде. Как правило, кожевнические слободы расположены вдоль низкого берега реки или большого ручья, поэтому для локализации кожевенной мастерской большое значение имеет ее местоположение.

Итогом работы является периодизация процесса развития техники и технологии кожевенного ремесла в средневековой России, который автор делит на три этапа.

1. Древнерусское время – до конца XIII в.

2. XIV – середина XVI в.

3. Вторая пол. XVI–XVII в.

Первые два этапа различаются очень существенно. В кон. XIII – первой пол. XIV в., благодаря восточным заимствованиям, русские кожевники осваивают новую для себя технологию выделки кож и технику сборки обуви. Под влиянием Востока существенно изменяется внешний вид одежды и обуви. На смену низким формам приходят сапоги, в которых ходит все городское население.

Третий этап автор связывает с усилением западного влияния. Однако серьезные изменения техники и технологии кожевенно-сапожного производства, сопоставимые по масштабу со вторым этапом, происходят, на наш взгляд, значительно позже. Действительно, распространение западноевропейского влияния начинается в России задолго до реформ Петра Великого, но массовой "европеизации" российского кожевенно-сапожного ремесла, за исключением нескольких городов, попавших под власть шведской короны, все же не происходит. Впрочем, желание поспорить с автором лишь подогревает интерес к рецензируемому изданию. Хотелось бы надеяться, что публикация этой книги послужит примером другим исследователям, чьи научные интересы связаны с историей кожевенно-сапожного ремесла. Будем ждать появления таких работ и, прежде всего, новых книг Александра Валентиновича Курбатова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варфоломеева Т.С. Кожаные ножны XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993.

Владимирская Н.С. Археологическое изучение северной части Соборной площади Московского Кремля // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985.

Давыдовский И.В. Общая патология человека. М., 1969.

Зыбин Ю.П., Шестакова И.С., Богданов Н.А. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи // Архив ИА РАН. 1952. Ф-I. № 555.

Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

Коваль В.Ю. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль в Озерском районе Московской области // Архив ОПИ ИА РАН. 2003.

Курбатов А.В. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания. Вып. 3. Л., 1991.

Курбатов А.В. Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.

Курбатов А.В. Кожевенное производство в городах северо-западной России XV–XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

Левко О.Н. Витебск XIV–XVIII вв. Минск, 1984.

Осипов Д.О. Информационные возможности коллекций кожаной обуви (по материалам раскопок в Москве) // РА. 2003. № 2.

Осипов Д.О. Кожаная обувь из раскопок средневековой Коломны // Археология Подмосковья. Мат. науч. семинара в печати.

Осипов Д.О., Лихтер Ю.А. М. Системное описание и классификация кожаной обуви. (Методические рекомендации). М., 2004.

Оятева Е.И. Кожаная обувь из средневековых городов Польши (краткий обзор публикаций) // АСГЭ. 1970. Вып. 12.

Оятева Е.И. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. 1973. Вып. 15.

Рабинович М.Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М., 1964.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948.

Рыбина Е.А. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993.

Соболь В.Е. Минск XIV–XVIII вв. (по материалам археологического изучения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

Штыхов Г.В. Древний Полоцк. Минск, 1975.

Groenman-van Waateringe W. Die Lederfunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumunster. 1984. Bd. 21.

Goubitz O. The drawing and registretion of archeological footwear // Studies in conserwation. 1984. V. 29.

Larsen A.J. Skomatrialet fra utgrawningene i Borgung pa sunnmare 1954–1962 // Ardor jor universitetet I Bergen (Humanistik serie). № 1. Bergen; Oslo, 1970.

Milewska M. A method of recording late medieval footwear finds // Archeologia. W. XIX. Poland, 1980.

Wiklak H. Polskie obuwie wczessnosredniowieczne z VIII–XIII w. na podstawie wykopalisk // Materialy Wczesnosredniowieczne. T. VI. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1969.

Институт археологии РАН,
Москва

Д.О. Осипов

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Журнал "Вестник археологии, антропологии и этнографии" основан в 1997 г. в Институте проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень) и начинался как сборник, посвященный проблемам этногенеза древнего и современного населения Евразии. Уже в первом выпуске наряду с сибирскими специалистами на его страницах выступили такие известные археологи, как Т.М. Потемкина и В.А. Могильников (ИА РАН), биологи из Екатеринбурга П.А. Косинцев и Н.Е. Бобковская (Ин-т экологии растений и животных УрО РАН). С выпуска 2 территориальная проблематика статей журнала расширилась за счет Восточной Сибири и ближнего зарубежья (Казахстан). Появились и зарубежные авторы: Э.Р. Усманова из Карагандинского гос. ун-та, А.Ф. Санько из НАН Белоруссии. Все чаще в журнале публикуются сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск): А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков и др. Наряду с науками, вынесенными в заголовок, в нем появился раздел "палеоэкология", к "антропологии" добавилась "палеодемография". Расширяется информационное поле основных разделов журнала. В самом большом разделе "археология" кроме неолита и раннего металла, с чего начинался журнал в 1997 г., появляются статьи, посвященные позднему и древнему (среднеплейстоценовому) палеолиту. В разделе "хроника" кроме сибирских событий обсуждается деятельность международных научных организаций (статья С.А. Лаухина в вып. 3) и международные конгрессы (статья Н.П. Матвеевой в вып. 4).

С 1997 по 2004 г. в 5-ти выпусках журнала "Вестник археологии, антропологии и этнографии" опубликовано более 130 статей и заметок авторов из десятков российских и нескольких зарубежных научных организаций. Приведем краткий обзор основных публикаций по разделам журнала.

Раздел "археология" составляет около половины объема журнала. Большая часть статей посвящена неолиту и раннему металлу, хотя диапазон интересов раздела гораздо шире: от раннего палеолита Приенисейской Сибири до позднего средневековья Прииртышья и Барабы. С выпуска 2 наибольшее внимание авторы уделяют вопросам культурной атрибуции древностей (статьи А.В. Матвеева, А.А. Ткачева и др. в вып. 2; В.И. и Н.К. Стефановых в вып. 3; А.В. Епимахова, М.С. Титова, А.Б. Шамшина и др. в вып. 4; Н.П. Матвеевой и Е.А. Зайцевой в вып. 5). В выпуске 1 были опубликованы материалы памятника "Поселение, 8-й пункт на Андреевском озере", которые лежат в основе периодизации неолита юго-запада Сибири (В.А. Зах, Н.П. Матвеева) в выпуске 5 – материалы могильника Бозенген, имеющие огромное значение для решения проблем культурогенеза андроновской общности (В.В. Евдокимов, А.А. Ткачев, Н.А. Ткачева). Статьи, посвященные Малому Гоньбинскому Кордону 1 и Карагай-Аулу 1 (А.Л. Кунгуров, О.Ю. Зимина и др. в вып. 3 и 5), раскрывают механизм трансформации культур поздней бронзы в культуры начала раннего железного века. Обсуждаются вопросы методики археологических работ, особенно с позиций применения естественно-научных методов, и результаты комплексных междисциплинарных исследований (статьи В.А. Заха в вып. 2; С.А. Лаухина и З.Н. Гнибеденко в вып. 3 и др.). В серии выпусков (2, 3, 4) опубликованы фундаментальные разработки в области выявления культурных и технологических особенностей металлургического производства племен эпохи бронзы (А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых, О.В. Шуваева и др.). Рассматриваются такие мало разработанные вопросы археологии, как художественные образы и локальная специфика литья, причины поликультурного состава материалов энеолитических памятников, эсхатологические концепции древнего населения, определение длительности обитания на поселениях (Е.Н. Волков, В.А. Зах, А.С. Борисенко, Ю.С. Худяков, А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.С. Поклонцев, Т.Н. Троицкая и др.). Обстоятельные статьи И.В. Стасюка, Е.В. Акимовой и др. (вып. 4) посвящены позднему палеолиту Дербинского археологического района в Восточном Саяне. Приведены данные о хроностратиграфии и магнитохронологии палеолита Денисовой пещеры на Алтае (С.А. Лаухин, З.Н. Гнибеденко в вып. 3). Определенную специфику журналу придает интерес его авторов к арктической археологии (исследования В.А. Заха, А.Г. Брусницкой и др.)

В разделе, посвященном физической антропологии и палеодемографии, публикуются статьи, подготовленные на основе результатов изучения оригинальных палеоантропологических и близких к современности краниологических и остеологических источников. В 5-и выпусках опубликовано 11 статей, охватывающих временной отрезок от эпохи бронзы до современности; затронуты проблемы расогенеза, антропологического состава, механизмов и закономерностей формиро-

вания, направлений и интенсивности расогенетических связей, поло-возрастной структуры, палеодемографических характеристик древних и современных популяций Евразии.

Ряд работ посвящен палеоантропологии и демографии различных популяций эпохи бронзы (Д.И. Рыжов, А.В. Епимахов, А.А. Ткачев, Н.А. Ткачева, вып. 5). Авторы приходят к выводу о том, что многочисленность детских погребений в эпоху бронзы можно истолковать как отражение вспышек инфекционных заболеваний, источником которых было почитаемое животное – корова; сакральность объекта или характер протекания эпизоотии могли стать веским основанием для почитания умерших детей. По особенностям погребального обряда в среде андроновских групп выявлены связи между особенностями погребения и социальными стратами, среди которых – предки-родоначальники, жречество, главы больших семейных групп, военные вожди, рядовые члены общества.

Серия публикаций посвящена палеоантропологии раннего железа. В статье А.Н. Багашева (вып. 1), посвященной краниологии сармат Оренбуржья, рассмотрен их антропологический состав и выделены несколько компонентов, имеющих различный генезис. В статьях М.П. Рыкун (вып. 1, 2, 4) впервые проанализированы репрезентативные краниологические и остеологические выборки из могильников каменской культуры Северного Алтая раннего железного века. В частности, для данной популяции характерна средняя массивность при хорошей выраженности рельефа костей, свидетельствующая о характере физических нагрузок. В расовом отношении носителям этой культуры присущ европеоидный облик, хотя имеется и монголоидная примесь. Европеоидный компонент автор связывает по происхождению с протоевропеоидным пластом, преобладавшим в составе населения андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы. Монголоидная же примесь неоднородна. Фиксируется две различных линии генезиса: таежная западносибирская и центральноазиатская. По характеру расогенетических связей отмечается родство населения каменской культуры с саками, саргатскими группами, а также с племенами Центральной и Восточной Тувы скифского времени. В статьях Н.П. Матвеевой (вып. 1, 3) рассмотрены проблемы демографического состояния саргатского и каменского обществ эпохи раннего железа, сделан вывод о большой плотности и организованности лесостепного саргатского населения, а минимальная общая численность саргатских насельников определяется в 16–20 тыс. человек. Относительно населения каменской культуры автор пишет о росте числа и кровопролитности военных конфликтов на юге Западной Сибири в конце I тыс. до н.э. Ослабленное постоянными войнами население каменской культуры оказалось неспособно сопротивляться ассимиляции саргатцам и в Кулунде и Барабе, а кулайцами и в долине Оби.

Палеоантропологии средневекового населения Томско-Нарымского Приобья посвящена статья А.Н. Багашева (вып. 3). Показано, что средневековые и близкие к современности кранеологические коллекции из Нарымского Приобья, а также выборки материалов раннего железного века и эпохи бронзы представляют в несколько различающихся вариантах одну и ту же комбинацию антропологических признаков. В сформировавшемся виде эта комбинация фиксируется в середине II тыс. до н.э., но истоки ее удается проследить еще в неолите. Территорию Томско-Нарымского Приобья предлагается рассматривать как особый очаг расообразования, в котором как минимум с неолита протекало сложение весьма своеобразного комплекса антропологических черт и расовых признаков, которые в настоящее время обуславливают физический тип сохранившейся части южносамодийского этнического массива. В иследовании К.Г. Карачарова и Д.И. Ражева (вып. 4) прослеживается обычай скальпирования у таежных аборигенов Западной Сибири в средние века. Техника скальпирования, восстановленная по следам на черепе, полностью соответствует типичному процессу скальпирования у североамериканских индейцев.

В статье, посвященной антропологии современного культурного населения Западной Сибири (А.Н. Багашев, вып. 2), впервые вводится в научный оборот серия материалов по западным манси. Особенности строения их черепов свидетельствуют о ряде отличий их физического облика от типа, характерного для северных манси. В составе последних заметно влияние северных хантов. Однако основу антропологического типа пелымских манси составляют черты, характерные для обских угров Западной Сибири.

В разделе "этнография" было опубликовано 19 статей. В них рассмотрен широкий круг проблем этнографии в целом и разных сторон культуры, хозяйства, социальной организации, обычного права, мировоззрения, демографии, традиционных знаний и т.п. народов Западной Сибири: хантов, манси, лесных и тундровых ненцев, русских, коми-зырян, селькупов и татар. Методологические основы изучения вопросов естественно-научных знаний традиционного общества обсуждаются в работе Е.И. Максимовой (вып. 3). где подчеркивается необходимость комплексных исследований в этноботанике, этнозоологии, этноастрономии и др. В статье М.А. Зенько (вып. 1) приведен историографический обзор этнографической литературы XVIII–XIX вв. и характеристика нормативных документов XVIII–XIX вв., отражающих отдельные аспекты обычного права коренных народов Сибири, дан анализ основных подходов, применяемых в российской этнографии к его изучению. Значительная часть материалов раздела посвящена современной этнической ситуации и этническим процессам в среде коренного и пришлого населения Западной Сибири (публикации А.П. Зенько, Н.А. Повод, Е.А. Волжаниной и др.). На основе анализа брачных сысков, метрических книг, исповедных росписей и других архивных источников рассмотрена этническая история ижемской группы коми Северного Зауралья (вып. 4). Исследованы процессы брачных взаимоотношений коми-ижемцев и населения Северного Зауралья в середине XIX–XX в. В статье Ю.Н. Квашнина (вып. 3) рассмотрено происхождение, состав и процесс формирования родов гыданских ненцев.

Исследования по традиционному мировоззрению и современным культовым традициям народов Западной Сибири отражены в статьях Иг.В. Белича и Ир.В. Белич, Т.А. Исаевой, Л.А. Пара, В.П. Клюевой. Выявлена большая сакральная значимость мусульманских мавзолеев в районе Искера (вып. 1). Показаны особенности взаимоотношения с духами-предками в погребальной обрядности восточных хантов (вып. 1). Обсуждаются проблемы межконфессиональных взаимоотношений между православными и мусульманами в XVII–XVIII вв., показано существование межличностной толерантности различных конфессий на территории Западной Сибири (вып. 5). В статьях А.А. Богордаевой (вып. 2, 3, 4) анализируются знаковые и культурно-генетичнские аспекты традиционной одежды обских угров; определяются локальные особенности комплекса традиционной одежды восточной группы манси и южной группы хантов и выявляются параллели с одеждой народов Поволжья, Средней Азии, Южной Сибири.

Раздел "палеогеография и палеоэкология" отличается широкой мультидисциплинарностью публикаций. На страницах этого раздела активно обсуждаются результаты не толь-

ко археологических, но и геологических, изотопных, палеонтологических, педологических и других исследований. Новый взгляд на многие аспекты жизни древних людей развивается в публикациях Н.П. Матвеевой, С.Н.Лариной, И.Ю. Чикуновой, А.С. Поклонцева и др., которые на основе химического анализа костных тканей, нагаров на посуде, остеологических исследований, изучения функциональных особенностей кухонной посуды представили уникальные реконструкции традиций саргатского населения. Интерпретация полученных данных с позиций оценки состояния здоровья, воссоздания условий жизнеобеспечения, механизмов приспособления древнего населения – одно из наиболее перспективных направлений исследований в мировой науке; оно активно развивается в публикациях названных авторов. Обобщение археологических, остеологических и палеокарпологических материалов позволило А.В. Матвееву существенно уточнить представления о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения на Урале, юго-западе Сибири и в Казахстане. Большой интерес представляют публикации о связях между изменениями природной среды и этапами заселения южных районов Сибири. На основе геолого-палеонтологического изучения стоянки Усть-Ижуль 1 (Северо-Минусинская котловина) сделано предположение о возможности существования загонной охоты еще в конце среднего плейстоцена (С.А. Лаухин, Е.В. Акимова, Н.Д. Оводов и др., вып. 2). Палинологические исследования культурных слоев разновозрастных археологических памятников (Т.Г. Семочкина, Н.Е. Рябогина, С.И. Ларин, Л.А. Орлова, Н.П. Матвеева и др.) позволили точно определить характер растительности в ряде регионов и рассчитать палеоклиматические показатели условий, в которых обитали древние люди. Археологическая палинология – сравнительно новое направление в науке. Оно активно развивается как в России, так и за рубежом. К востоку от Урала исследования в этом направлении пока что малочисленны, но результаты их отражаются в журнале "Вестник археологии, антропологии и этнографии", пожалуй, наиболее полно и наиболее часто по сравнению с другими российским научными журналами.

Рубрики "итоги экспедиционных исследований" и "хроника" имеют традиционное для таких разделов содержание, и здесь нет возможности подробно остановиться на их обсуждении.

Журналу "Вестник археологии, антропологии и этнографии" всего восемь лет, но, учитывая темпы его роста, есть основания считать, что потенциал его далеко не исчерпан. Остается поздравить читателей и главного редактора А.Н. Багашева с таким бурным ростом этого издания и пожелать ему дальнейшего успешного развития.

Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева

Н.И. Дроздов

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 3, с. 172–185

ХРОНИКА

XXIII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (Москва, 2004)

С 15 по 19 марта 2004 г. в г. Москва и пос. Удельная Московской обл. состоялась Международная конференция "Древний Кавказ: ретроспекция культур" – XXIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Она была подготовлена сформированным на базе ИА РАН Оргкомитетом (председатель – д.и.н. Л.Т. Яблонский) при участии Постоянного координационного совета Международных научных конференций по археологии Северного Кавказа "Крупновские чтения" (председатель – к.и.н. И.М. Чеченов) и поддержке РГНФ и семьи Крупновых. Конференция была посвящена 100-летию со дня рождения одного из выдающихся основателей отечественной школы кавказоведения, лауреата Ленинской премии доктора исторических наук Евгения Игнатьевича Крупнова.

К началу форума был издан сборник тезисов 103 заявленных докладов и сообщений. В работе конференции приняли участие археологи, этнографы, историки, антропологи, палеозоологии, ученые ряда других естественно-научных направлений (почвоведы, геофизики, химики), представлявшие научные, научно-культурные (музеи) и образовательные учреждения (23 городов России, Азербайджана, Южной Осетии, Абхазии, Украины, ФРГ).

Участниками конференции заслушано и обсуждено 66 докладов и сообщений (включая 5 постеров), посвященных древней и средневековой археологии и истории Северного Кавказа, его ближних и отдаленных контактных регионов и областей. Фактически были затронуты все основные вопросы, изучением которых при жизни занимался Е.И. Крупнов.

Открывая пленарное заседание, с приветственным словом к участникам форума обратился директор ИА РАН д.и.н., чл.-корр. РАН Н.А. Макаров. Перед этим председатель Оргкомитета ИА РАН Л.Т. Яблонский предложил присутствующим почтить вставанием память скончавшихся за прошедший со времени предыдущей конференции период известных кавказоведов М.Г. Гаджиева и М.П. Абрамовой.

Пленарное заседание было посвящено оценке большого научного и общественного вклада Е.И. Крупнова в развитие отечественного кавказоведения. Было заслушано 4 доклада.

Ученик Е.И. Крупнова д.и.н., чл.-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (Москва) в докладе "Жизнь и деятельность Е.И. Крупнова" остановился на основных вехах жизни исследователя, его вкладе в изучение различных регионов Северного Кавказа. Особо было отмечено значение личностных качеств Евгения Игнатьевича в решении многих научных проблем археологии Кавказа, в воспитании целого поколения ученых.

В.И. Козенкова (Москва) в докладе «Межрегиональные (ныне международные) конференции по археологии Северного Кавказа – "Крупновские чтения": основные итоги работы (1971–2004 гг.)», подготовленном совместно с И.М. Чеченовым (ИИФЭ КБНЦ РАН), указала, что основным итогом 33-летнего существования конференции стала публикация почти 1050 тезисов докладов, из которых заслушаны и обсуждены более 900 докладов и сообщений. Автор изложила этапы становления конференции, подчеркнула ее влияние на формирование научного климата, становление и упрочение археологических учреждений в ряде республик Северного Кавказа, ее консолидирующее значение, ощутимо проявившееся в последние 10–15 лет. В.И. Козенкова выразила общую благодарность за многолетнюю организационную деятельность председателям Оргкомитета "Крупновских чтений" В.А. Кузнецову и И.М. Чеченову.

С.Н. Савенко (Кисловодск) в докладе «Вклад Е.И. Крупнова, "крупновцев" и "Крупновских чтений" в изучение памятников Кавминвод» остановился на истории изучения региона Е.И. Крупновым и его учениками. Им была отражена также роль общественности Кавминвод в деле поддержки систематического проведения конференции в городах Кавминвод (Кисловодске, Железноводске, Ессентуках). В год столетия Е.И. Крупнова, подчеркнул докладчик, есть все основания надеяться, что конференция будет жить и ученые продолжат разработки известного кавказоведа, в том числе и по изучению богатого археологического наследия Кисловодской котловины и Пятигорья.

М.М. Герасимова (Москва) в докладе "Е.И. Крупнов и палеоантропология Северного Кавказа" отметила, что этногенетические построения составляют существенную часть научного творчества Е.И. Крупнова, причем среди привлекаемых им источников не последнюю роль играли антропологические данные. Высказанные и разработанные Е.И. Крупновым идеи об общности происхождения кавказских народов, восходящей к эпохе неолита, о переднеазиатских импульсах в развитии майкопской культуры, о местных корнях кобанской культуры и проникновении в кавказскую среду скифского и сарматского "иранства" получили подтверждение и развитие в новых палеоантропологических материалах, накопленных за прошедшие 40 лет после выхода в свет его основополагающей работы "Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность".

На открытии конференции выступил сын Евгения Игнатьевича *А.Е. Крупнов*, который выразил благодарность ученикам Е.И. Крупнова, оргкомитету и жителям Кавказа, хранящим память о его отце. Он сообщил, что за неделю до конференции он был приглашен на родину исследователя в г. Моздок (Северная Осетия), где был открыт памятник Евгению Игнатьевичу, и передал на память оргкомитету календарь с изображением скульптуры ученого.

Второй день конференции был посвящен докладам по проблемам палеолита, эпохи бронзы, раннего железного века, а также современным методам в разведках, раскопках и обработке археологического материала. Было прослушано и обсуждено 15 докладов.

Г.Е. Афанасьев (Москва) в совместном с *А.В. Кисловым*, *А.В. Чернышевым* докладе "К оценке биопродуктивности землепользования в раннем средневековье на Северном Кавказе" представил результаты компьютерного моделирования экологии и хозяйственной деятельности в эпоху раннего средневековья в Кисловодсвой котловине.

Сообщение *А.Б. Белинского* (Ставрополь) «Комплексные охранные исследования ГУП "Наследие" в Ставрополь-

ском крае» отражало схему проведения современных спасательных работ, разработанную ГУП "Наследие" (директор А.Б. Белинский) и предполагающую широкое использование методов дистанционного зондирования и геоинформационных систем на начальном этапе археологических работ.

В.П. Любин в совместном с *Е.В. Беляевой* (Санкт-Петербург) и *Б.Ж. Мальсаговым* (Назрань) докладе "Разведки палеолита на Сунженской равнине в Ингушетии" остановился на проблеме поиска памятников палеолита в данном регионе. Комплексные исследования показали, что в рассматриваемый период на Сунженской равнине находилась долина р. Терек. Терек выносил на равнину камень, пригодный для изготовления древнейших орудий труда, чем и объясняются находки здесь палеолитических артефактов и следов их производства.

А.Л. Нечитайло (Киев, Украина) в докладе "Искусственная трепанация в эпоху энеолита (по материалам погребений Северного Кавказа)" проанализировала известные энеолитические погребения со следами искусственной трепанации на черепе с территории Предкавказья и всей степной полосы Европы. Ею прослежены истоки перфорации с использованием скребковой техники кремневыми инструментами. Мотивы трепанации объясняются по-разному. Подчеркивается, что данный аспект исследования способствует раскрытию новых сторон духовно-психологической сферы населения эпохи энеолита Северного Кавказа и соседних регионов.

С.Н. Кореневский (Москва) в совместном с *А.А. Калмыковым* (Ставрополь) докладе "Древнейшие подбои и катакомбы Предкавказья" рассмотрел более двух десятков погребений в разных могильниках степной зоны понто-предкавказских равнин, включая степное Поволжье. Некоторые из них имели радиокарбонные даты и содержали керамику майкопско-новосвободненской общности. Ранние погребения в подбоях и катакомбах засвидетельствованы на юге Восточной Европы с периода Триполье-В1, а на севере Предкавказья доживают до эпохи раннего бронзового века.

Н.Л. Моргунова (Оренбург) и *М.А. Турецкий* (Самара) выступили с сообщением "Происхождение и этапы развития ямной культуры южно-уральских степей на фоне окружающей среды". На материалах Шумаевских курганов, изученных в Оренбуржье как археологическими методами, так и методами естественных наук с использованием радиоуглеродного датирования, авторами рассматриваются проблемы происхождения, периодизации и хронологии ямной культуры Волго-Уралья.

Р.А. Мимоход (Донецк) и *Н.И. Шишлина* (Москва) в докладе "Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных захоронений могильника Манджикины-1 и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы северо-западного Прикаспия" привели абсолютные даты ряда погребений лолинской культуры финала средней бронзы в северо-западном Прикаспии. В соответствии с ними лолинская культура в целом датируется в пределах XXII–XVII вв. до н.э. и разделяется на этапы. Радиоуглеродные данные по сопредельным культурным образованиям и относительные привязки позволяют синхронизовать лолинскую культуру на раннем этапе развития с поздним периодом культуры Гинчи, первым и вторым этапами бабинской культуры, на позднем – с позднебабинскими комплексами, памятниками покровского типа и каякентско-харачоевской культурой.

В совместном докладе *Н.В. Панасюк* (Москва) и *Р.А. Мимохода* "Поздние курильницы восточноманычской катакомбной культуры" (ВМКК) на основании анализа морфологии и орнаментации курильниц были выделены признаки, характеризующие типы ритуальных чаш, которые были отнесены к позднему этапу ВМКК. Эти типы в дальнейшем могут быть использованы в качестве критериев для относительной датировки погребений указанной культуры.

В коллективном докладе *Е.И. Гака* (Москва), *А.Н. Егорькова* (Санкт-Петербург) и *Н.И. Шишлиной* (Москва), совместившем два заявленных сообщения "О древнейших латунях Евразии" и "Могильник Ергени в Калмыкии: латунь в бронзовом веке", были освещены дискуссионные вопросы появления, распространения и производства медно-цинковых сплавов на ранних этапах развития металлургии. Представлены новые данные об использовании латуни носителями катакомбных культур среднего бронзового века степного Предкавказья, которые основываются на результатах химических анализов 11 предметов из погребений Ергенинского курганного могильника в Калмыкии.

О.А. Брилева (Москва) в докладе "Бронзовая антропоморфная пластика Колхиды" проанализировала известные сведения о 25 статуэтках IX–IV вв. до н.э. и выделила специфические черты их стиля.

Е.Е. Васильева (Санкт-Петербург) в докладе "К проблеме интерпретации бронзовых зооморфных крючков кобанской культуры" остановилась на проблеме смыслового значения этих изделий. В литературе они известны как пряжки, однако использование одной петли (шпенька) для крепления к поясу характерно, по мнению исследовательницы, скорее для так называемых колчанных крючков скифо-сарматских культур. Для кобанских пряжек наличие одной петли не свойственно. Параллели с предметами с крючком и петлями показали, что кобанские зооморфные крючки с одной петлей (шпеньком) были застежками, скорее всего, одежды, хотя не исключена их трактовка в качестве пряжек ритуального характера. Вряд ли возможно считать кобанские крючки местными подражаниями скифо-сарматским экземплярам.

В докладе *С.Л. Дударева* (Армавир) "Об этнокультурной принадлежности памятников юго-восточной части бассейна р. Терек конца II – начала I тыс. до н.э." была представлена историография вопроса об интерпретации археологических объектов с территории юго-восточной Чечени конца II – начала I тыс. до н.э. Автор рассмотрел ее в контексте сформулированной им концепции кобанско-харачоевского (постхарачоевского) синтеза, результатом которого и был этнокультурный облик местных памятников изучаемого периода. С.Л. Дударев выделил два уровня синтезных процессов: для равнинно-предгорной и горной зоны рассматриваемой территории, отличающихся различной степенью интенсивности и удельным весом составлявших синтез элементов.

В.И. Козенкова (Москва) в докладе "Об уточненных границах кобанской культуры" впервые проанализировала все точки зрения и версии, касающиеся ареала кобанских племен. По мнению исследовательницы необходимо рассматривать контуры зоны расселения носителей этой культуры в динамике. Границы ее компактного ядра, скорее всего, были пульсирующими. Их сжатие или расширение отражалось на демографической и историко-культурной ситуации в контактных зонах и формировало общий контур ареала данной крупной археолого-этнографической общности.

И.Г. Равич, А.А. Малышев, В.Р. Эрлих (Москва) посвятили свой доклад "Протомеотские бронзы – традиции и инновации" результатам изучения бронзовых изделий протомеотской культуры. Металлографический и спектральный анализ предметов конской узды, деталей упряжи и наконечников копий из могильников Фарс, Пшиш и Николаевский показал, что часть вещей близка по составу изделиям Центрального Кавказа и Закавказья, а часть – образцам степного Причерноморья. Наиболее ранние изделия (Николаевский) выполнены

в традициях прикубанского очага металлургии. Более поздние предметы из Фарса и Пшиша изготовлены по рецептам лигатур на основе олова, характерным для Закавказья.

Во время дискуссии были отмечены доклады Г.Е. Афанасьева, А.Б. Белинского, С.Л. Дударева, В.И. Козенковой, А.А. Малышева, В.Р. Эрлиха и И.Г. Равич, а также постерный доклад *А.В. Шишлова, А.В. Колпаковой, Н.В. Федоренко*, посвященный новым данным по археологии Северо-Западного Кавказа, полученным в результате археологических раскопок могильника раннего железного века под г. Новороссийском. Могильник существует с раннекелермесского времени до V в. до н.э. и синхронен Нартанскому могильнику. Материалы памятника заполняют лакуну VI в. до н.э. Кроме того, оживленное обсуждение вызвал доклад Е.И. Гака, А.Н. Егоркова и Н.И. Шишлиной.

На третий день конференции было заслушано 20 докладов и сделано 2 постерных сообщения, освещавших проблемы археологии Кавказа от периода эпохи бронзы до раннего средневековья.

С.А. Рагуленко (Владикавказ) выступил с сообщением "Структуры зооморфных изображений кобано-колхидских топоров". По его мнению, композиции на бронзовых топорах связаны с мифологическими представлениями носителей указанных культур. Выделенные докладчиком 12 композиционных групп объединены в 5 изобразительных семантических блоков, каждый из которых отражает один из аспектов мифологической модели мира, а зооморфные образы являются кодовыми единицами в них.

В докладе *А.Ю. Скакова* (Москва) "Некоторые проблемы и перспективы изучения колхидской культуры" было проанализировано современное состояние изучения данной общности, в том числе в отечественной историографии. Критическому анализу подвергнуты как "длинная", так и "короткая" хронологические схемы колхидских древностей. По мнению автора, для уточнения хронологии памятников Колхиды необходимо создание временных шкал для каждого из вариантов культуры, попытка выделения которых представлена в докладе. При корреляции хронологических схем различных вариантов, с точки зрения А.Ю. Скакова, выявляются интенсивность и направления межкультурных связей в рамках кобано-колхидской общности.

А.П. Мошинский (Москва) в выступлении "Кобанская культурно-историческая область и горная Дигория" представил совершенно новый подход к терминологии, обозначающей эту культуру и ее локальные варианты. В силу территориальной обширности ареала кобанских памятников и большой специфики ряда их групп (в том числе и дигорской) докладчик предлагает не использовать терминологию, несущую этническую нагрузку, например, определения типа "этнокультурная" или "культурно-историческая" общность.

Совместный доклад *Д.С. Бжания* и *З.Г. Хондзия* (Сухум, Абхазия) "Новые археологические реликвии с. Куланырхуа" был посвящен исследованному в 2003 г. погребальному комплексу у с. Куланырхуа (Абхазия), датирующемуся серединой VIII в. до н.э. Здесь вместе с характерным для колхидской культуры бронзовым погребальным инвентарем обнаружены редкие находки: керамический штамп и сферическая бронзовая пряжка, инкрустированная изображением шестилучевой звезды.

Живейший интерес вызвал доклад *С. Райнхольд* (Институт преисторической археологии, Берлин, Германия) "Где же кобанские женщины?". На основе комплексов женских могил исследовательница рассмотрела этническую картину Северного Кавказа. Она отметила, что инвентарь из женских погребений четко фиксирует локальные особенности материала, а инвентарь из погребений мужчин более гомогенен и отражает связи с предгорными регионами. Анализ женского и мужского инвентаря выявляет различные картины контактов между регионами. Изучение деталей женского костюма позволяет выстроить более стройную систему хронологии, что на сегодняшний момент является актуальной проблемой исследования кобанской культуры.

М.Н. Погребова (Москва) в подготовленном совместно с Д.С. Раевским докладе "Образцы поэтики звериного стиля в раннескифских древностях Прикубанья" изложила взгляд обоих исследователей на скифский звериный стиль "как явление, обладавшее специфической поэтикой и прагматикой". На примере материалов раннескифского времени из Прикубанья было показано, что выполненные в зверином стиле образы могли трактоваться как изобразительные аналогии вербальных гимнов, известных, например, по Ригведе.

А.Р. Канторович (Москва) в докладе "Еще раз о проблеме прародины восточноевропейского скифского звериного стиля" высказал мысль о том, что механизм формирования звериного стиля – процесс обособленный, имеющий свою внутреннюю логику, отличную от логики формирования раннескифской культуры. Образы восточноевропейского звериного стиля возникли в результате сочетания автохтонных и пришлых традиций.

М.Д. Сагитова (Махачкала) в сообщении "Культовая гора Кидилишавни: новые находки" познакомила слушателей с новым культовым памятником в высокогорном Цунтинском районе (Дидо), откуда происходят более 1000 бронзовых статуэток. Эти вещи традиционно датировали второй пол. I тыс. до н.э. Автору удалось зафиксировать связанный с ними обряд, бытовавший еще в середине XX в.

В.Р. Эрлих (Москва) выступил с докладом "Вооружение и конское снаряжение из некрополя 2-го Тенгинского городища", в котором изложил результаты археологического исследования трех курганов-святилищ IV в. до н.э. и синхронных им грунтовых погребений. Эти комплексы содержат предметы вооружения, защитного снаряжения, великолепную конскую узду, многие детали, которой выполнены в зверином стиле, с элементами сильной и сложной трансформации.

А.А. Гольева в подготовленном совместно с *А.Н. Геем* и *А.А. Малышевым* (Москва) докладе "Некоторые результаты комплексных археологических исследований на полуострове Абрау" изложила итоги раскопок на побережье Черного моря. Здесь открыты многочисленные бытовые и погребальные памятники разных периодов. Предложена концепция о естественных условиях воздействия на систему расселения и хозяйствования в районе Мысхако, Цемесской долине, Лобановой щели и других обследованных пунктах.

В коллективном докладе *В.В. Бжания, А.Н. Габелия* и *А.С. Агумаа* (Сухум, Абхазия) "Новые материалы Диоскуриады" определены главные проблемы возникновения этого древнегреческого города и его взаимоотношений с местным населением. На основе материала последних археологических исследований, картографирования всех находок античного времени обосновывается тезис о том, что значительная часть древней Диоскурии расположена на территории, занятой современной застройкой г. Сухум.

А.А. Малышев в подготовленном совместно с *А.В. Дмитриевым* и *М.Б. Медниковой* (Москва) докладе "Широкая балка в античную эпоху: территория и население", продолжая начатую тему об исследовании полуострова Абрау, остановился на результатах многолетнего исследования Широкой балки в районе Новороссийска. Здесь выявлены памятники автохтонного населения с эпохи бронзы до раннеримского времени (I в. до н.э. – I в. н.э.).

Ю.А. Прокопенко (Ставрополь) в докладе "Этническая история населения Центрального Предкавказья в III в. до н.э. (историография вопроса)" изложил длительную историю изучения материалов сарматского времени на Северном Кавказе, рассмотрев все версии и концепции, разработанные с конца XIX в. по современный период. В докладе дана оценка вклада в изучение разных аспектов сарматской тематики многих исследователей, а также собственная точка зрения автора на протекавшие процессы.

Р.Х. Гаглойти (Цхинвал) в сообщении "Античный импорт на территории Южной Осетии" детально проанализированы древние связи населения Южной Осетии, начиная с доскифского периода и кончая позднеантичным. Особенно ярко представлен в докладе период первых веков нашей эры, памятники которого содержат многочисленные предметы италийского, египетского, парфянского происхождения. Автором выявляется три вектора проникновения импорта на территорию Южной Осетии – на Северный Кавказ, побережье Черного моря, в западные области Восточной Грузии.

В.Ю. Малашев и *Т.А. Габуев* (Москва) в докладе "Погребальные памятники ранних алан в Северной Осетии", изложили результаты работ Северо-Осетинской экспедиции РАН, Музея народов Востока и Института истории и археологии СОГУ на курганном могильнике у Брутского городища в 2002–2003 гг. Исследовано 45 комплексов от II до начала VII в. н.э. Полученные данные свидетельствуют о непрерывном функционировании Брутского некрополя.

А.А. Кудрявцев (Ставрополь) в докладе "Дербент как раннехристианский центр Кавказа" остановился на материалах, свидетельствующих о существовании христианства в городе в V–VIII вв. Это 2 памятника культовой архитектуры: сооружение, крестообразное в плане, раскопанное в 70-х годах XX в., и Джума-Мечеть, базиличный храм, перестроенный в начале VIII в. в мечеть.

В.Б. Ковалевская (Москва) в докладе "Историко-археологические свидетельства разработки серебро-свинцовых руд горной Осетии в раннем средневековье" остановилась на имеющихся данных (состав стекла бус, и т.п.) о ранних разработках серебра в Центральном Предкавказье, скорее всего Садонско-Мизурских месторождений. Доклад сопровождали более чем 50 электронными картами.

Важным с методической точки зрения был доклад *И.А. Аржанцевой* (Москва) и ее соавторов *А.А. Сычева, И.В. Туровой, М.А. Бронниковой, М.Я. Кац* и *И.Н. Модина* «Комплексные исследования аланской крепости "Горное эхо" и ее окрестностей». Представленная ими методика предполагает предварительное изучение археологических памятников с помощью магнитной разведки, а также – в дополнение к археологическим работам – исследование поселений и прилежащих территорий почвоведами, с целью реконструкции палеоклимата. Большая работа проведена по музеефикации остатков каменных сооружений крепости "Горное эхо".

А.М. Илюшин (Кемерово) в сообщении "Археологические аналоги Северного Кавказа и Верхнего Приобья в эпоху раннего средневековья" рассмотрел материалы юга Западной Сибири, свидетельствующие о сходстве некоторых артефактов в одновременных памятниках двух указанных регионов (украшения, амулеты с солярной символикой). По мнению докладчика, это может объясняться не столько связями, сколько сходством мировоззренческих представлений древнего населения Северного Кавказа и Западной Сибири.

Подлинной сенсацией оказался доклад *Д.В. Белецкого* и *А.Ю. Виноградова* (Москва) о результатах новейших обследований росписей Сентинского храма в ущелье р. Теберда. Выделено четыре этапа росписи, последний из которых следует датировать концом XI в. На поверхности штукатурки, соответствующей самому раннему этапу декорации, была обнаружена уникальная надпись на греческом языке, повествующая о строительстве храма в 965 г. В надписи упоминаются имена византийского императора Никифора II Фоки, аланского эксусиократора Давида и его жены Марии, а также митрополита Алании Федора.

С.М. Саканиа (Сухум, Абхазия) в докладе "Хронологические проблемы Лыхнынского и Северного Зеленчукского храмов" обосновал новый подход к датировке этих объектов. На основе анализа комплекса источников докладчик относит время возведения храмов к концу IX в.

В постерном докладе *Г.Н. Вольной* (Владикавказ) "Находки из памятников скифской культуры в Северной Осетии" картографированы вещи с территории Северной Осетии, относящиеся к скифскому времени. Многие из них впервые введены в научный оборот. Анализ находок позволяет определить характер взаимодействия скифской и кобанской культур в VII–IV вв. до н.э. Второй постерный доклад *А.И. Джопуа* (Сухум, Абхазия) озаглавлен "Поселение эпохи бронзы и ранней античности на холме Верещагина в с. Эшера". Представлена информация о последних археологических исследованиях многослойного поселения, в котором зафиксированы культурные отложения эпохи ранней, средней и поздней бронзы, а также материалы VI–III вв. до н.э.

Оживленную дискуссию вызвал доклад *С. Райнхольд*. Положительно оценивая своеобразный подход С. Райнхольд, С.Л. Дударев, В.И. Козенкова, А.А. Иерусалимская, А.В. Мастыкова указали на некорректность использования этнографических данных в реконструкции костюма и необходимость более представительной археологической базы для социологических построений.

18 марта прозвучало 18 докладов по проблемам периода раннего средневековья и естественнонаучным методам в археологии.

М.С. Гаджиев (Махачкала) в докладе "Археологические реалии мифологического образа" проследил на отдельных фактах албано-сарматского периода особый ритуал помещения под голову погребенных разных категорий вещей, в основном железных острых предметов. Используя ретроспективный метод и привлекая данные современной этнографии, докладчик предполагает, что появление подобной детали погребального обряда связано с охранительной функцией таких вещей в религиозном мировоззрении древнего населения Дагестана периода перехода его от первобытности к цивилизации.

А.В. Мастыкова (Москва) в сообщении "Гривна с медальоном инкрустированного стиля эпохи Великого переселения народов из могильника Клин-Яр" предприняла попытку определить социальный статус захороненной в V в. женщины, исходя из анализа погребального инвентаря, в частности, золотой гривны.

Ф.Х. Гутнов (Владикавказ) в докладе "Рим и аланы в начале нашей эры" остановился на исторических источниках о контактах римлян и кавказцев на рубеже двух эр. Анализ обеих версий так называемой "Армянской билингвы", недавние археологические находки в Апсаре и в Абеле (Италия) позволили предположить существование контактов римлян и алан в I–II вв. в зоне Центрального Кавказа.

Т.М. Кармов (Нальчик) в докладе "Военная знать Западного Предкавказья в первых веках н.э." рассмотрел аристократические погребения I–III вв. н.э., содержавшие предметы вооружения, защитного снаряжения и украшений мест-

ной военной знати, в могильниках, находившихся в сфере влияния Боспорского царства и собственно сарматов.

А.К. Швырева (Ставрополь) в докладе «О животноводстве и охоте по остеологическим материалам из поселения "Энергетик" на Пятигорье» познакомила слушателей с результатами изучения остеологических коллекций, полученных в ходе работ 2001 г. в окрестностях г. Иноземцево (руководитель Я.Б. Березин). Анализ дает представление не только о составе стада и его возрастных группах, но и о хозяйственном использовании домашних животных, в том числе и о селекции. Полученные данные важны для реконструкции палеогеографической обстановки в районе Пятигорья в первые века н.э.

В.М. Косяненко (Ростов-на-Дону) представила доклад "Гончарная керамика Центрального Предкавказья из могильников и поселений округи Танаиса первых веков нашей эры". Автор выделила три группы сероглиняной гончарной керамики – производства Кубани, Подонья и Центрального Кавказа. Для центрально-кавказской посуды определены основные формы, состав глиняного теста, выделяющие ее микродетали. В ходе исследования устанавливается пик распространения ее в Подонье – II – первая пол. III в. н.э. – и подчеркивается ее наибольшее количество в Танаисе.

И.А. Бакушев (Махачкала) в докладе "Конь в погребальной обрядности населения Дагестана албано-сарматского времени" проанализировал имеющиеся данные о конских захоронениях эпохи раннего железа в контексте мировоззрения древних насельников региона.

Н.А. Тихонов (Нижний Архыз) в докладе "Аланские погребения V–VII вв. на Нижне-Архызском городище" остановился на результатах обследования некрополей вокруг этого памятника. Обнаружение на территории Нижне-Архызского городища аланских погребений V–VI вв. изменяет границы расселения алан в раннем средневековье и значительно изменяет время существования одного из крупнейших городищ средневековья.

В докладе *А.А. Иерусалимской* (Санкт-Петербург) «"Аланское золото" в собрании Эрмитажа: информация о начальном этапе работы над каталогом» были представлены неопубликованные раннесредневековые коллекции золотых украшений Северного Кавказа из хранения Эрмитажа, представляющие большую ценность для науки.

Ф.К. Джигунова (Майкоп) в докладе "О половозрастной и социальной градации раннесредневекового общества по материалам погребений на территории Закубанья" на основе исследования материалов более двух десятков могильников региона делает предположения об основных особенностях погребального обряда и предлагает выводы о наличии двух половозрастных групп. Около 10% погребенных обладали высоким социальным статусом.

З.В. Доде (Ставрополь) в докладе "Социально-ценностная прогматика костюмов средневекового населения Северного Кавказа" продолжила знакомить научную общественность с результатами многолетней работы по реконструкции костюма древнего населения региона. Ею подчеркнута роль костюма как полноценного исторического источника в ретроспективном аспекте.

Доклад *Д.С. Коробова* (Москва) "Картографирование древних террас в Кисловодской котловине" отразил результаты исследований 2001–2003 гг. по выявлению древних земледельческих террас. Работы проводились с привлечением аэрофотосъемки и ГИС-технологий. Автором высказаны предположения об урожайности участков и количестве населения, использовавшего эти участки.

А.В. Пьянков (Краснодар) в докладе "Народ касоги и страна Каса (к этнополитической ситуации на Северо-Западном Кавказе в VIII–X вв.)" остановился на материалах эпохи Хазарского каганата. Вслед за А.В. Гадло докладчик продолжил углубленное изучение письменных источников X в. по указанной теме. Сопоставляя их с археологическим материалом, он пришел к выводу о возможности тюркского происхождения касогов.

Н.А. Фонякова (Санкт-Петербург) в исследовании "Этапы развития прикладного искусства Хазарии второй пол. VIII – начала X вв.", опираясь на результаты комплексного источниковедческого анализа всех категорий салтовского художественного металла, выделила 3 этапа развития художественной металлообработки в Хазарии второй пол. VIII – начала X в. Первый этап – ее зарождение и появление первых художественных мастерских в конце VIII – начале IX в. Второй этап – расширение ремесленного производства и формирование самобытной салтовской традиции художественной металлообработки в середине IX в. Третий этап – прекращение развития художественного ремесла в Хазарии во второй пол. X в.

Доклад *С.В. Васильева* (Москва) "Антропология населения Кавказа эпохи неолита" познакомил участников конференции с антропологическими данными о расселении человека на Кавказе с ашельской эпохи до верхнего палеолита. Вся территория Кавказа, по мнению докладчика, входила в обширный евроазиатский регион эволюции гоминид, но со своей спецификой, заключавшейся в существовании местных или переходных форм.

Ю.В. Зеленский (Краснодар) в сообщении "Археологическая карта Кубанской области Е.Д. Фелицина как источник по определению половецких кочевий степного Прикубанья и Восточного Закубанья" проанализировал данные по половецким изваяниям на археологической карте исследователя конца XIX в. и внес в нее существенные дополнения, позволившие сделать более доказательным вывод о том, что изучаемые районы входили в состав Дешт-и-Кипчак (Половецкие земли).

Е.А. Армарчук (Москва) в работе "Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв." проанализировала материалы памятников от Анапы до Геленджика, главным образом, грунтовых и курганных могильников. Кроме трех главных критериев выявления дружинного сословия (вооружение, снаряжение коня и снаряжение всадника) на основе местного инвентаря выделены еще три, позволяющие ставить вопрос о внутрисословной дифференциации: сопровождающие захоронения боевых коней; высокий процент всадников; характер сопутствующего инвентаря.

А.А. Цуциев (Владикавказ) в докладе "Некоторые черты сходства в погребальной обрядности средневековых алан и современных осетин" предпринял попытку ретроспективного анализа материалов, позволяющих с достаточной долей убедительности говорить о сходстве в обрядах похоронного цикла алан и осетин.

В ходе обсуждения докладов развернулась дискуссия о возможности использования этнографического материала в археологических реконструкциях, а также методике расчета численности древнего населения. Было отмечено, что вопросы реконструкции крайне сложны и имеющиеся в арсенале исследователей подходы обладают определенными недостатками. Тем не менее более объективных подходов пока не выработано.

19 марта было прослушано 5 докладов и представлено 2 постера.

В.А. Бабенко (Ставрополь) в докладе "Погребальный обряд населения г. Маджара (по материалам раскопок на городском кладбище)" остановился на истории изучения древнего города и его округи, но главным образом на результатах охранных раскопок кладбища в 1989–1991 гг. Выявлено шесть типов погребальных сооружений. Такое многообразие погребальных конструкций сближает его с золотоордынскими кладбищами Царевского и Селитренного городищ.

Е.И. Нарожный (Армавир) в докладе "В.Н. Татищев и золотоордынские памятники Северного Кавказа" изложил свои изыскания об изучении многих примечательных памятников Северного Кавказа, в частности, Маджара российскими любителями древностей конца XVIII в.

Доклад *М.Х. Багаева* (Грозный) "К вопросу о нахско-дагестанской общности" посвящен проблеме единства древнего населения горных районов Чечни и Дагестана. Исследователь полагает, что сформулированная Е.И. Крупновым гипотеза о кавказской общности применительно к обозначенным районам находит подтверждение при ретроспективном подходе к материальной культуре.

В докладе "Еще раз к вопросу о строителях кавказских пирамидальных башен горной Ингушетии" *М.Б. Мужухоев* (Назрань) вновь обратился к великолепному каменному зодчеству горцев Кавказа. Исследователь отнес время возникновения пирамидальных башен к первой пол. XIV в. и подверг критике некоторые некомпетентные суждения об этих шедеврах средневековых ингушских мастеров.

Особый интерес вызвал доклад "Дерматоглифика и расогенез населения Кавказа", сделанный *Г.Л. Хить* (Москва). Автор обобщила данные о кожных узорах кисти практически всех этнических групп Кавказа. Сделан вывод о том, что население региона в целом представляет переход от южных (Передняя Азия) к северным (Европа) вариантам европеоидов. Отмечена неоднородность кавказских выборок и их дифференциация в соответствии с вектором Север-Юг. Южноевропеоидный компонент слабее всего выражен у подавляющей массы абхазо-адыгов, картвельских и тюркоязычных групп, сильнее всего – в Южном Дагестане, Южной и горной Грузии. Многомерным анализом данных дерматоглифики и соматологии выделена абхазо-адыгская группа выборок, что может указывать на максимальную древность появления ее предков в регионе.

Н.В. Ениосова, В.Б. Ковалевская, З.Х. Албегова (Царикаева) (Москва) представили постер "Средневековые литые зеркала из Юго-Восточной Европы", в котором рассматривалась технология изготовления и химический состав аланских раннесредневековых зеркал. Отмечено, что состав зеркал в различные хронологические периоды отличается. Постерный доклад *И.А. Сапрыкиной* (Москва) "Технология изготовления римских провинциальных фибул типа Авцисса" посвящен серии фибул этого типа, происходящих с территории Центрального Кавказа. Выделены два способа изготовления фибул, рассмотрен вопрос вариаций химического состава металла на территории от Британии до Израиля.

В заключение конференции были обсуждены организационные вопросы. Местом проведения очередных "Крупновских чтений" был выбран г. Нальчик.

Было решено вывести из состава Постоянного координационного совета: Ловпаче Н.Г. (Майкоп) и Цокур И.В. (Краснодар), избрать в состав Постоянного координационного совета Джигунову Ф.К. (Майкоп), Косяненко В.М. (Ростов-на-Дону), Пьянкова А.В. (Краснодар), Албегову З.Х., Зиливинскую Э.Д., Эрлиха В.Р. (Москва).

На конференции отмечались хорошая организация и обеспечение полноценной работы форума, осуществленные всем составом московского Организационного комитета, сотрудниками ИА РАН: Л.Т. Яблонским, З.Х. Албеговой, Э.Д. Зиливинской, В.Ю. Малашевым, В.Е. Масловым, Д.С. Коробовым, В.И. Козенковой. Особо была подчеркнута роль заместителя директора Института по науке доктора исторических наук Г.Е. Афанасьева. В связи с указанными обстоятельствами участники конференции выражают искреннюю благодарность и признательность дирекции ИА РАН и РГНФ. Участники поблагодарили С.Н. Савенко за прекрасно выполненную работу в качестве координатора форума.

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Козенкова,
З.Х. Албегова

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РАДИОУГЛЕРОДНОМ ДАТИРОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ (ОБЗОР ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИЙ 2002–2003 гг.)

Труды 18-й Международной радиоуглеродной конференции, 1–5 сентября 2003 г., г. Веллингтон, Новая Зеландия (Proceedings of the 18-th International Radiocarbon Conference, September 1–5, 2003, Wellington, New Zealand). Radiocarbon, 2004. V. 46. № 1–2, 1017 pp.
Труды 9-й Международной конференции по ускорительной масс-спектрометрии, 9–13 сентября 2002 г., г. Нагоя, Япония (Proceedings of the 9-th International Conference on Accelerator Mass Spectrometry (AMS-9), September 9–13, 2002, Nagoya, Japan). Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms, 2004. V. 223, 224, 878 pp.

Важность и необходимость радиоуглеродного датирования объектов археологии очевидна. Для более детального ознакомления российских ученых с тематикой исследований и современными результатами, достигнутыми в этой области, ниже представлено обозрение опубликованных докладов двух последних крупных международных конференций, прошедших в 2002–2003 гг. Данный обзор продолжает серию подобных публикаций, ставших уже традиционными (Кузьмин, 2001; 2003).

Двухтомник трудов 18-й Международной радиоуглеродной конференции включает значительное число работ по ар-

хеологической тематике. Их можно сгруппировать по нескольким направлениям: 1) датирование костей животных; 2) прямое датирование изделий из железа и чугуна, а также керамики; 3) определение и применение "поправки на эффект резервуара"; 4) высокоточное датирование важных событий в археологии и исторических объектов.

Датирование костей является одной из наиболее часто обсуждаемых проблем в геоархеологии. Существует скептическое мнение о достоверности радиоуглеродных дат по костному материалу, полученных, например, для палеолита Сибири (см.: обзор Vasil'ev et al., 2002). В связи с этим данное направление представляется весьма важным. *К. Бронк Рэмзи* (C. Bronk Ramsey) и соавторы сообщают об улучшенной методике извлечения коллагена из костей, разработанной в лаборатории Оксфордского университета (Великобритания). Подчеркивается, что применение фильтрации с размером пор фильтра 1 микрон (0.001 мм) позволяет очистить коллаген от "молодых" загрязнителей; при этом, как правило, возраст коллагена удревняется по сравнению с непрофильтрованными образцами. Важной характеристикой, с точки зрения надежности дат, является выход коллагена из кости – при его содержании ниже 5% (в свежей кости содержание коллагена около 20%) достоверность полученных результатов существенно снижается. Данная методика была опробована на образцах с известным возрастом – костях, полученных с корабля Генриха VIII "Mary Rose" (затонул в 1545 г.) и из раскопок лагеря викингов в Англии (873 г.).

В статье *Т. Хайема* (T.F.G. Higham) и соавторов подробно рассматривается проблема датирования в Новой Зеландии костей тихоокеанской крысы (Rattus exulans). Она, как считается, прибыла на острова вместе с людьми, и даты по ее остаткам можно использовать для изучения хронологии колонизации архипелага. Датировались два вида материала – коллаген и профильтрованный желатин. Показано, что фильтрование и желатинизация позволяют очистить образцы от белкового загрязнения. Полученные по желатину даты хорошо согласуются с датами по углю, а также костям рыб и птиц. Авторы считают, что им удалось в целом решить проблему датирования костей крысы, которая поедала как наземные, так и морские организмы, в результате чего коллаген костей некоторых особей "унаследовал" более старый радиоуглерод из водной среды (см. ниже о "поправке на эффект резервуара").

Одним из наиболее современных достижений радиоуглеродного метода является возможность датирования с помощью ускорительных масс-спектрометров (английская аббревиатура – AMS) чрезвычайно малых образцов (начиная от 0.1 миллиграмма углерода). В настоящее время появились способы напрямую датировать недоступные ранее материалы: железные изделия, керамику с органической примесью. В таких исследованиях важнейшим является вопрос – каков источник углерода для датирования? Известно, например, что вплоть до позднего средневековья при производстве чугуна и стали использовался древесный уголь, т.е. обугленная древесина, заготовленная непосредственно перед плавкой. Такой уголь имеет радиоуглеродный возраст, практически равный времени плавки, что и позволяет датировать железные изделия. Углерод (чаще всего в виде примеси травы или навоза) иногда добавлялся древними гончарами в керамическое тесто перед обжигом для придания керамике прочности и уменьшения веса сосуда. Этот углерод, частично сохранившийся в тесте, напрямую соответствует времени изготовления керамики и может служить объектом датирования.

А. Шарф (A. Scharf) и соавторы усовершенствовали методику извлечения углерода из железных изделий. В целом следуя М.К. Чон с соавторами (см.: Кузьмин, 2003), они применили очистку образцов от консервантов с помощью сокслета (прибор для удаления примесей путем последовательного кипячения в органических растворителях). Подчеркивается, что использование стальных сверел для отделения кусочков железа от изделия приводит к сильному загрязнению и удревнению возраста образца; рекомендуется использовать образцы целиком, без разделения на части. Для изделий с содержанием углерода более 1% (чугун) возможно прямое впрыскивание измельченного железа в ускорительный масс-спектрометр, без его химической обработки.

Х. Энами (H. Enami) и соавторы, предложили методику выделения углерода из железных изделий с помощью нагревания их в высокочастотной индукционной печи в условиях тока кислорода. Был проделан ряд экспериментов по контролю загрязнения в ходе плавки железа (существенного загрязнения не выявлено) и по определению степени замещения углерода в исходной "руде" углеродом древесного угля (происходит практически полное замещение).

В работе *С. Михара* (S. Mihara) и соавторов представлены результаты прямого AMS датирования органики в дзёмонской керамике Японии (с примесью травы в тесте) и "черной керамики" Филиппин (с темной поверхностью, созданной техникой "дымления"; датировался углерод из травы, которой покрывали сосуд после обжига, перед операцией "дымления"). Извлечение углерода из керамики проводилось по традиционной схеме сжигания при высокой (850°C) температуре, что отличается от разработанной нами методики (см. обзор статьи Ж. О'Малли и др.: Кузьмин, 2001). Полученные результаты в целом совпадают с археологическим возрастом.

Увеличение точности радиоуглеродного метода и калибровка дат в настоящее время позволяют получить данные о возрасте, по точности сравнимые с историческими документами. При этом необходимо учитывать, что датирование образцов из морской или пресноводной среды для корректной калибровки требует знания "поправки на эффект резервуара", как это было в случае с датированием Кенневикского (Kennewick) человека (Кузьмин, 2003). *А. Байлисс* (A. Bayliss) и соавторы сообщают о находке на берегу р. Темзы в пределах Лондона женского скелета, рядом с которым были обнаружены керамика и каменные орудия неолита. AMS-датирование, однако, позволило определить возраст скелета всего около 420 радиоуглеродных лет назад (далее – л. н.); содержание стабильных изотопов углерода и азота свидетельствовало о том, что половину рациона данного индивидуума составляла пища морского происхождения. В результате введения поправки возраст скелета был определен около 1650–1800 гг. н.э.

Исследование *К. Бонсэлла* (C. Bonsall) и соавторов посвящено выявлению структуры питания населения района Железных Ворот на Дунае с мезолита до средневековья (9000–300 л. н.). При датировании погребений людей необходимо введение "поправки на эффект резервуара", составляющей около 540 лет. Было выяснено, что в мезолите доля речной пищи местного населения составляла более 60%, в неолите и энеолите она упала до 20–40%, а в римское время и средневековье существенно возросла роль проса (наряду с традиционными пшеницей, рожью и ячменем).

М. Фонтунье (M. Fontugne) и соавторы получили данные об изменении "эффекта резервуара" на юге Перу в голоцене по результатам параллельного датирования раковин морских моллюсков и залегавших в них небольших угольков. Как известно, в этом регионе Тихого океана постоянно происходит подъем глубинных вод (так называемый апвеллинг), имеющих достаточно древний возраст и обедненных радиоуглеро-

дом; моллюски потребляют этот "древний" углерод и тем самым становятся значительно старше своего реального, "наземного" возраста. Выяснилось, что за последние 8000 лет наблюдаются значительные колебания величины "эффекта резервуара" – от 700–1230 лет примерно 8000–4000 календарных лет назад (далее – кал. л. н.) до 480–680 лет после 4000 кал. л. н.; подчеркивается, что недоучет изменения данной величины может привести к ошибке в определении возраста до 500 лет. Сходную работу по определению "поправки на эффект резервуара" на северном побережье Шотландии провели Ф. Аскоу (P. Ascough) и соавторы, датируя пары образцов (раковина морского моллюска – зерна культурных злаков) из памятников железного века, около 2000 кал. л. н. Выяснилось, что в это время величина указанной поправки была на 80 лет больше, чем сейчас.

Как упоминалось выше, сегодня специалисты по радиоуглеродному датированию стремятся получить данные о возрасте объектов с точностью до нескольких десятков лет. В статье *К. Бронк Рэмзи* (C. Bronk Ramsey) и соавторов представлен детальный анализ вопроса о том, когда произошло катастрофическое извержение вулкана Санторин в Средиземном море, что является одной из важнейших проблем археологии региона. На основе критического рассмотрения 102 радиоуглеродных дат, в том числе новой серии AMS-измерений возраста короткоживущих образцов (фрагменты деревьев с хорошо сохранившимися годичными кольцами, обугленные семена растений), с применением метода бейесианской статистики (см. детали, например, Бородовский и др., 2003) было установлено, что извержение Санторина произошло в период с 1663 по 1599 гг. до н.э. (с вероятностью 95%). Этот вывод требует некоторого пересмотра традиционной хронологии древнего Египта.

Исследование *А. Свейнбьёрнсдоттир* (A. Sveinbjörnsdóttir) и соавторов посвящено ответу на вопрос – когда была заселена Исландия? Согласно сагам, это произошло в 874 г., однако полученные в последние годы радиоуглеродные даты примерно на 100–150 лет древнее. Анализ 8 пар образцов "уголь березы – семена ячменя" с поселения в центре г. Рейкьявик показал, что даты по углю систематически (на 100 лет) древнее дат по зерну, которые наиболее точно отражают время проживания человека на стоянке (так как собственный возраст зерна редко превышает 1 год, тогда как возраст березы в Исландии может достигать 100 лет). Даты по зерну подтверждают время заселения острова по письменным источникам – конец IX в. н.э.

В работе *Х. Ода* (H. Oda) и соавторов дано определение возраста древних рукописей Японии X–XIV вв. (кохицугире, Kohitsugire); получен ответ на вопрос об их принадлежности перу того или другого выдающегося каллиграфа эпох Хейян (794–1192 гг.) и Камакура (1192–1333 гг.). Показано, что с помощью радиоуглеродного датирования можно ответить на вопрос, является ли данная рукопись подлинной или представляет собой позднюю копию, созданную в эпоху Эдо (1603–1867 гг.).

Серия работ посвящена вопросам хронологии древних культур различных регионов Европы и Азии. Статья *Л.А. Орловой* и соавторов содержит новые данные по хронологии уникального местонахождения костей мамонтов и верхнепалеолитической стоянки Луговское близ г. Ханты-Мансийск. Это пока единственный известный палеолитический памятник в центре Западно-Сибирской равнины. Здесь найдено редчайшее для палеолита Сибири прямое свидетельство охоты на мамонта – грудной позвонок женской особи (возраст – около 25 лет) с отверстием, сделанным копьем, с остатками каменных вкладышей; радиоуглеродная дата позвонка – около 13500 л. н.

А. Паздур (A. Pazdur) и соавторы на примере трех наиболее изученных памятников мезолита Польши, для которых получено 84 радиоуглеродные даты, попытались связать интенсивность заселения территории, отражающуюся в количестве дат (возрастание активности людей ведет к увеличению количества стоянок и, как следствие, количества образцов и радиоуглеродных дат), с изменениями природной среды. Авторам удалось показать, что потепления климата сопровождались повышенной активностью человека. С помощью детального пространственного анализа датированных образцов на стоянке Гланув 3 (Glanów) было определено смещение зон деятельности человека во времени.

Е.М. Вильд (E.M. Wild) и соавторы провели датирование 15 скелетов людей, найденных на памятнике Шлец (Schletz) культуры линейно-ленточной керамики (Linearbandkeramik) на севере Австрии. Здесь имеются защитные сооружения в виде рва. Необычность памятника в том, что во рву найдены кости не менее 100 человек (в основном молодых мужчин) со следами насильственной смерти. Задачей исследователей было определить, является ли скопление костей одновременным; получен положительный ответ. Массовая гибель людей произошла здесь в конце неолита, около 5100 г. до н.э. Существует еще по меньшей мере два памятника этой же культуры на западе Германии, где обнаружены скопления костей людей со значительными травмами, относящиеся примерно к этому же отрезку времени. Вероятными причинами усиления конфликтов в конце неолита в Центральной Европе предложено считать кризис экономической системы, климатические изменения и миграцию чуждого населения, вызванную изменениями природной среды.

Б. Обелич (B. Obelić) и соавторы приводят новые данные по хронологии позднеенеолитической культуры Сопот в восточной Хорватии, тесно связанной со многими древностями сопредельных регионов Центральной Европы. В целом она датируется около 5500–3800 гг. до н.э.; при этом ее наиболее ранняя фаза пока не имеет радиоуглеродных дат. Авторы приходят к выводу, что культура Сопот древнее ряда хорошо известных общностей Среднедунайской равнины – Винча, Винча-Тордош, алфёлдской линейной керамики, Тиса и Лендьел. Ранее (см., например: Археология Венгрии, 1980. С. 320, 321, 408) считалось, что памятники круга Сопот, напротив несколько моложе перечисленных культур.

В работе *С. Бурке* (S. Bourke) и соавторов на основе датирования методом AMS остатков культурных растений на энеолитической стоянке Телейлат Гассул (Teleilat Ghassul) близ Мертвого моря в Иордании проведена ревизия хронологического определения границы энеолита и раннего бронзового века Леванта. Установлено, что эта граница может быть датирована около 3800–3700 гг. до н.э., т.е. примерно на 300 лет ранее, чем считалось до сих пор.

Два сообщения *Г.И. Зайцевой* с соавторами посвящены хронологии скифской эпохи южной Сибири. В первом из них на основе изучения озерных осадков Минусинской и Уюкской котловин палинологическим и геохимическим методами и радиоуглеродного датирования основных археологических комплексов дана реконструкция климата эпох бронзы и раннего железа рассматриваемого региона. Подчеркивается, что увеличение влажности в IX в. до н.э. положительно повлияло на динамику заселения обоих районов, где в это время появились кочевые скифские племена (комплекс Аржан 1). При этом отмечается, что в северу от Саянских гор не выявлено такой четкой связи изменений климата и динамики заселения. Во втором сообщении предложена детальная хронология нового "царского" кургана Аржан 2 в Уюкской котловине (Тува), от-

крытого в 2001 г. На основе серийного датирования хорошо сохранившейся древесины с "привязкой по зубцам" (см. детали методики в: Кузьмин, 2001; Бородовский и др., 2003) было определено время рубки деревьев, из которых изготовлена камера, вмещавшая богатейшее погребение двух человек. Это время – середина-конец VII в. до н.э. AMS-даты по текстилю, коже, зернам злаков, дереву из "царского" погребения подтверждают этот вывод. Сооружение комплекса Аржан 2 относится ко времени относительно влажного и теплого климата.

Близкая по тематике статья *Я.В. Кузьмина* и соавторов посвящена хронологии кургана 1 могильника Уландрык 4 (пазырыкская культура Алтая). Высокоточное датирование серий годичных колец древесины из кургана, проведенное независимо в двух AMS-лабораториях с последующей "привязкой по зубцам" к калибровочной кривой показало практически идентичный возраст рубки дерева – около 312 г. до н.э.! Эта дата несколько отличается от предыдущей (Кузьмин, 2003) и позволяет утверждать, что пазырыкская культура в целом датируется концом IV – началом III вв. до н.э.

Две статьи посвящены хронологии археологических памятников Дальнего Востока России и сопредельных регионов Восточной Азии. В одной из них, написанной *Ч.Т. Килли* (C.T. Keally) с соавторами, рассматривается хронология древнейших керамических комплексов Восточной Азии (подробнее см.: Кузьмин, 2004). Установлено, что керамика появилась практически одновременно (около 13700–13300 л. н.) в трех регионах – на Дальнем Востоке России, в южном Китае и на Японских островах. В статье Я.В. Кузьмина и соавторов на основе 160 радиоуглеродных дат создана хронология археологических культур о. Сахалин. Поздний палеолит здесь датирован около 19500–17800 л. н., ранний неолит – 8800–7000 л. н., средний неолит (южно-сахалинская культура) – 6700–5800 л. н. В позднем неолите выделено две культуры, имчинская (ранний этап – 5900–4300 л. н., средний – 4100–3300 л. н., поздний – 2600–2500 л. н.) и седыхинская (3800 л. н.). Переход от неолита к палеометаллу зафиксирован тремя культурами: анивской (2800–2300 л. н.), сусуйской (2500–1600 л. н.) и северо-сахалинской (2900–1100 л. н.). В раннем железном веке выделены культуры товада (1600 л. н.) и охотская (1400–800 л. н.); в средневековье – айнская и нео-айнская (800–200 л. н.).

Ряд статей, имеющих прямое отношение к археологии, опубликован также в сборнике трудов 9-й Международной конференции по ускорительной масс-спектрометрии. Следует подчеркнуть, что принципиальная разница метода AMS по отношению к обычному, жидкостно-сцинтилляционному методу радиоуглеродного датирования (его используют все российские лаборатории) состоит только в том, что для метода AMS необходимо примерно в 500–1000 раз меньше материала (например, около 1–2 мг угля или 10–20 мг кости). Все остальные проблемы, такие, как загрязнение "молодым" радиоуглеродом, переотложение образцов, предел датирования около 45000 лет и др., при этом сохраняются и требуют решения.

В работе *М. Минами* (M. Minami) и соавторов описан метод выделения и очистки углерода из ископаемых костей, основанный на их обработке щелочью после удаления минеральной части, осуществляемого при помещении кости в слабый раствор соляной кислоты. Установлено, что при хорошей степени сохранности коллагена обработка щелочью дает удовлетворительный результат. При небольшом содержании коллагена после его выделения при помощи кислоты требуется дополнительная обработка очищенной смолой ХАД-2 (XAD-2). Заметим, что данная методика отличается от той, что широко применяется в российских лабораториях.

Я.В. Кузьмин и соавторы обсуждают новые AMS-даты трех скелетов из всемирно известного верхнепалеолитического памятника Сунгирь на Русской равнине. Даты, полученные в Университете Аризоны по коллагену, выделенному методом медленной деминерализации при низкой температуре (Сулержицкий, 1997), составили около 19200 л. н. для скелета № 1 (мужчина 55–65 лет) и 26200–27200 л.н. (средняя дата – около 26400 л. н.) для парного погребения подростков (скелеты № 2 и 3). Полученные в Оксфордском университете даты, коллаген для которых был выделен путем быстрой деминерализации в условиях тока раствора кислоты, сильно отличаются от этих определений – скелет № 1 датирован около 22900 л.н., а парное погребение – около 23800–24100 л. н. (средняя дата – около 23 900 л. н.). Причины такого значительного расхождения в настоящее время неясны.

Работа *М. Хюльса* (M. Hüls) и соавторов посвящена датированию железных изделий методом AMS. Углерод извлекался из очищенных от ржавчины кусочков железа путем их нагревания (в вакууме при температуре около 1000°C в течение 24 часов) с избытком окислов меди, служащих источником кислорода. В результате реакции образуется углекислый газ, использующийся для датирования в AMS-методе. Полученные даты изделий хорошо согласуются с археологическим возрастом.

К. Йошида (K. Yoshida) и соавторы представили результаты прямого датирования методом AMS дземонской керамики Японии с органическим отощителем. Это позволяет достоверно определить возраст керамики, так как собственный возраст отощителя в виде травы или навоза составляет не более 1–2 лет. Наибольшей проблемой является минимизация влияния "древнего" углерода, который содержится в керамическом тесте и может попасть в состав углерода, возраст которого измеряется AMS-установкой. Сочетание очистки обогащенной органикой керамики (содержание углерода в образцах около 0.7–3%) стандартным кислотно-щелочно-кислотным методом с дополнительной обработкой щелочью позволило удалить гуминовые кислоты, загрязняющие образцы.

В статье *А.П. Деревянко* и соавторов предлагается иная методика извлечения углерода из обогащенной органическим отощителем керамики – нагревание внутренней части в атмосфере кислорода при температуре 400°C (см. также: Кузьмин, 2001). Результаты прямого датирования керамики осиповской и громатухинской культур Приамурья (Дальний Восток России), проведенного в 1996–2002 гг., уверенно свидетельствуют о том, что данная керамика (возраст от 13300–12700 л. н. до 7300 л. н.) является одной из древнейших в Восточной Азии и в мире в целом.

Два сообщения связаны с проблемой "поправки на эффект резервуара". В статье *М. Йонеда* (M. Yoneda) и соавторов данная величина уточнена для одного из регионов Японии путем датирования отдельных видов морских животных и моллюсков "раковинной кучи" Китакогане (Kitakogane), расположенной на берегу залива Вулканический (Утиура) тихоокеанского побережья о. Хоккайдо. Выяснилось, что у коллагена морских котиков, часть времени проводивших на о. Тюлений в Охотском море, кажущийся возраст на 120–150 лет древнее, чем у моллюсков, калифорнийского морского льва и дельфина (морская свинья), которые обитают в основном в водах Вулканического залива. Определено, что величина поправки в данном районе составляет около 720 лет, тогда как, по предварительным данным, в Охотском море она может достигать 850–970 лет.

В статье *С. Михара* (S. Mihara) и соавторов ставится вопрос о корректности определения возраста погребений людей, ко-

торые широко использовали в пищу морские организмы. В частности, рассматривается хронология перехода от дземона к яёи на памятнике Отомо (Ohtomo) на севере о. Кюсю. Зная величину "поправки на эффект резервуара" для Японского моря, а также то, что доля морских ресурсов носителей культуры яёи составляла до 55% от общего рациона (на основе измерения соотношения стабильных изотопов углерода и азота в коллагене костей), возраст перехода от дземона к яёи был определен около 2600–2400 кал. л. н. (некорректированный возраст скелетов культуры яёи составляет около 2600 л. н., что соответствует календарной дате около 2750 кал. л. н.). Подчеркивается необходимость корректной калибровки возраста погребений людей, потреблявших в пищу значительное количество морских ресурсов.

Серия статей посвящена вопросам хронологии конкретных эпох, культур и памятников, а также важных природных событий, напрямую связанных с археологией. В сообщении *Й.Ч. Кима* (J.C. Kim) и соавторов приводятся новые данные по хронологии палеолита Южной Кореи с акцентом на датирование методом AMS погребенных почв в разрезах стоянок. Выяснено, что в условиях залегания культурного слоя в лессовидных породах (стоянки Хавакери (Hahwakeri), Янхунри (Janghungri), Нобонг (Nobong)) возраст гуминовых фракций на 7000–12000 лет моложе возраста древесного угля, найденного в культурных слоях. Для стоянок, залегающих в аллювиальных отложениях (Носанри (Nosanri) и Сорори (Sorori)), наблюдается хорошее соотношение возраста угля и почвенного углерода. Авторы объясняют различия тем, что в лессовидных породах происходит миграция растворенных гуминовых кислот и глинистых частиц, содержащих "молодую" биогенную органику. Следует добавить, что возраст угля из культурного слоя памятника Янхунри с развитой микропластинчатой техникой и многочисленными обсидиановыми орудиями равен около 24200–24400 л. н., что делает его древнейшим среди микропластинчатых комплексов Кореи и прилегающих регионов.

В статье *Т. Лима* (T. Lima) и соавторов приводятся новые данные о возрасте древнейших "раковинных куч" побережья Бразилии, расположенных в районе г. Рио-де-Жанейро. Установлено, что начало собирательства морских моллюсков относится ко времени около 7900 л. н. (калиброванная дата 8800–8500 кал. л. н.). Предполагается, что люди в это время перешли от собирательства пресноводных моллюсков, известного около 9000 л. н. в прилегающих районах материка, к эксплуатации морских ресурсов – моллюсков и рыбы.

В работе *У. Цоппи* (U. Zoppi) и соавторов сообщается о вкладе метода AMS в изучение археологии комплекса Ангкор в Камбодже. Установлено, что монументальный комплекс короля Лепер (Leper), послуживший основой столичного города Ангкор, был построен в X в. н.э. Выяснено также, что захоронения по обряду ингумации, существенно отличающиеся от принятой в индуизме кремации, практиковались здесь в I–II вв. н.э., и только позднее были замещены индуистским ритуалом.

Исследование *Х. Ода* (H. Oda) и соавторов посвящено определению возраста рукописи буддийской сутры, найденной при раскопках одного из средневековых памятников на о. Кюсю (Япония). Считается, что буддистская доктрина в Японии начала терять влияние около 1052 г. н.э., в результате чего для рукописей сутр появились специальные контейнеры "куозуцу" (Kuozutsu), в которых они погребались для обретения в будущем. Выяснилось, что возраст обугленной бумаги, изготовленной из молодой древесины, собственный возраст которой не более 5–10 лет, соответствует календарной дате первой половины XI в. н.э. Таким образом, данный памятник представляет собой один из наиболее ранних образцов "куозуцу". Данное исследование демонстрирует возросшую точность определения возраста памятников средневековья радиоуглеродным методом.

Интересное сообщение *В. Кречмера* (W. Kretschmer) и соавторов посвящено разгадке тайны мумии, найденной в Пакистане в 2000 г. Мумифицированное тело женщины, обмотанное льняными полотнами, было помещено в двойной гроб, на поверхности которого на древнеперсидском языке была сделана надпись о том, что в гробу покоится Рудуна, дочь царя персов Ксеркса (жившего в 518–465 гг. до н.э.). Поскольку это первая подобная находка, имеющая отношение к Древней Персии, было решено провести датирование мумии и покрывавшей ее ткани. Исследование показало, что активность изотопа ^{14}C в них выше современной, а значит, их возраст моложе 1950 г. Необходимо пояснить, что в результате ядерных испытаний в 1950–1960-е гг. содержание изотопа ^{14}C выросло примерно в 2 раза из-за высвобождения при взрывах большого количества нейтронов и бомбардировки ими атмосферного азота (так образуется изотоп углерода ^{14}C). В результате в атмосфере, а затем и во всех живых организмах оказалось приблизительно в 2 раза больше ^{14}C, чем должно быть при естественном ходе развития биосферы. Концентрация ^{14}C начала возрастать около 1955 г., достигла пика в 1964 г., а затем в результате запрета ядерных испытаний в открытых средах начала снижаться. Разница в содержании ^{14}C в костях (имеющих период оборота коллагена около 10 лет) по сравнению с кожей и мускульными тканями (оборот коллагена в течение 1–2 лет) в сторону более низкой концентрации ^{14}C в мягких тканях свидетельствует о том, что женщина умерла после 1964 г., в период уменьшения содержания ^{14}C в атмосфере, примерно в 1994–1996 гг. Таким образом, стало очевидно, что данная мумия является современной подделкой. Это исследование хорошо демонстрирует новые возможности радиоуглеродного метода по установлению возраста очень молодых объектов.

В работе *Й. Мийаири* (Y. Miyairi) и соавторов представлены новые данные по хронологии наиболее распространенной на Японских островах тефры (вулканического пепла) Айра-Тн (Aira-Tn, AT). В результате извержения вулкана Айра в вершине залива Кагосима на юге о. Кюсю пепел покрыл не только практически весь остров, но и прилегающие острова Сикоку и Хонсю, а также южную и центральную части Корейского полуострова. Для археологии Японии тефра AT является важнейшим стратиграфическим репером; новые данные позволяют определить время ее образования как 25120 ± 270 л. н.

Современному состоянию проблемы калибровки радиоуглеродных дат вплоть до 45000 л. н., т.е. фактического предела радиоуглеродного метода (о сути процедуры калибровки см., например: Бородовский и др., 2003) посвящен обзор *Х. ван дер Плихта* (J. van der Plicht). Сейчас надежная калибровка дат на основе серийного датирования древесных колец "абсолютных" дендрошкал возможна до 12060 кал. л. н., и далее по слоистым морским осадкам и кораллам до 15600 кал. л. н. Калибровка с меньшей степенью точности доступна вплоть до 24000 кал. л. н. (соответствует 20300 л. н.); все эти данные опубликованы в специальном выпуске журнала "Radiocarbon" INTCAL98 (1998), а также доступны в виде компьютерных программ Calib rev. 4.3 и Calib rev. 4.4.2 (адрес в Интернете: http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib). Выводы о соотношении радиоуглеродного и календарного возрастов для более отдаленных времен основаны на результатах датирования слоистых осадков озера Сугецу (Suigetsu) в Японии и спелеотемы на Багамских островах. Подчеркивается, что данные указанных двух опорных объектов хорошо соответствуют друг другу только до 25000 кал. л. н. и существенно расходятся после этого. Основное заключение автора – не существует калибровоч-

ной в полном смысле этого слова кривой древнее 15600 кал. л. н.; следовательно, говорить о надежной калибровке дат верхнего палеолита пока рано. Работа по составлению надежной калибровочной кривой успешно продолжается; новые данные представлены в одном из последних выпусков журнала "Radiocarbon" (2004 г., специальный том INTCAL04).

Итак, основными современными тенденциями в радиоуглеродном датировании археологических памятников являются: 1) прямое датирование ранее недоступных объектов (железных изделий, керамики); 2) высокоточное датирование короткоживущих материалов (например, семян растений) для определения возраста с точностью не менее 25–50 лет, иногда – до 2–3 лет; 3) вычисление и применение "поправки на эффект резервуара" для памятников побережий Мирового океана; 4) совершенствование методики обработки ископаемых костей.

В заключение хочу проинформировать коллег о том, что 19-я Международная радиоуглеродная конференция состоится 3–7 апреля 2006 г. в г. Оксфорд (Великобритания), а 10-я Международная конференция по ускорительной масс-спектрометрии – 5–10 сентября 2005 г. в г. Беркли (шт. Калифорния, США).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980.

Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В. и др. Хронология эпохи раннего железа Верхнего Приобья по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка 2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3.

Кузьмин Я.В. "Радиоуглерод и археология". Труды 3-го Международного симпозиума, Университет Клода Бернара-Лион 1, г. Лион, Франция, 6–10 апреля 1998 г. // РА. 2001. № 4.

Кузьмин Я.В. Труды 17-й Международной радиоуглеродной конференции, 18–23 июня 2000 г., г. Иерусалим, Израиль // РА. 2003. № 2.

Кузьмин Я.В. Возникновение древнейшей керамики в Восточной Азии (геоархеологический аспект) // РА. 2004. № 2.

Сулержицкий Л.Д. Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов Сибири и севера Восточной Европы (как субстрата для расселения человека) // Человек заселяет планету Земля. М., 1997.

Vasil'ev S.A., Kuzmin Y.V., Orlova L.A., Dementiev V.N. Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic in Siberia and its relevance to the peopling of the New World // Radiocarbon. 2002. V. 44. № 2.

Тихоокеанский институт географии
ДВО РАН, Владивосток

Я.В. Кузьмин

К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ГЛЕБОВНЫ МОШКОВОЙ

В 2004 г. отметила свой юбилей Марина Глебовна Мошкова, профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН.

Марина Глебовна родилась в Киеве. В 1952 г. она закончила исторический факультет МГУ, в 1955 г. – аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне – Институт археологии РАН) и постоянно работает в этом Институте с 1956 г. В 1956 г. она защитила кандидатскую диссертацию "Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья", а в 1989 г. – докторскую диссертацию на тему "Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности".

Основные научные интересы Марины Глебовны – археология ранних кочевников евразийских степей.

Со студенческих лет и по 1980 г. она принимала активное участие в различных экспедициях, работавших на Украине, в Дагестане, Нижнем Поволжье, Нижнем Подонье, на Южном Урале и в Казахстане. Она руководила отрядом в составе экспедиции К.Ф. Смирнова, а затем возглавляла Оренбургскую (впоследствии Южно-Уральскую), Западно-Казахстанскую, Цимлянскую, Багаевскую экспедиции. Огромный опыт полевой работы Марина Глебовна успешно использовала в своей научно-исследовательской деятельности. Она является автором более ста с лишним публикаций; среди них немалую долю составляют труды, которые еще на долгие годы останутся классическими в сарматоведении.

Первые самостоятельные исследования М.Г. Мошковой были связаны с памятниками савромато-сарматской эпохи Южного Приуралья. Смолоду Марине Глебовне удается исключительно плодотворно совмещать практику полевых изысканий со скрупулезным археологическим анализом различных категорий находок, деталей погребального обряда (Мошкова, 1960а; б; 1961; 1962а; б).

Главным итогом этого периода ее научной деятельности становится содержательная работа "Памятники прохоровской культуры" (Мошкова, 1963), которая и сегодня остается

настольной книгой исследователей ранних этапов становления сарматской культуры. Одновременно она работает над научным редактированием фундаментального труда своего учителя, К.Ф. Смирнова (Смирнов, 1964). Сам факт, что исключительно требовательный к себе и к другим ученый доверил главное, быть может, детище своей научной жизни именно Марине Глебовне, говорит о многом и не нуждается в дополнительных комментариях.

В конце 60-х и в 70-х гг. XX в. самостоятельно и вместе с К.Ф. Смирновым М.Г. Мошкова продолжает интенсивные полевые работы в Волго-Уральском регионе, в Зауралье и на территории Западного Казахстана (Мошкова, 1965; 1966; 1969; 1973; Мошкова, Смирнов, 1966; Мошкова и др., 1967). В начале 70-х гг. XX в. учеником и соратником на многие годы становится работавший в то время в Уральске Б.Ф. Железчиков, к которому до конца его дней Марина Глебовна относилась с особой теплотой (Мошкова и др., 1970). Это были первые работы исследовательницы с казахстанскими материалами. Опыт, приобретенный тогда, расширил знания М.Г. Мошковой в области археологии ранних кочевников казахстанского и среднеазиатского регионов. Этот опыт ей еще пригодится, когда на ее плечи ляжет тяжелая ноша ответственного редактирования тома "Археологии СССР", посвященного ранним кочевникам восточного ареала Евразийских степей (Степная полоса..., 1992).

История ранних кочевников Приуралья и в дальнейшем остается в центре научных интересов М.Г. Мошковой (1972а; б; 1974), но в начале 70-х гг. XX в. она обращается к полевой археологии Волго-Донских степей. Результаты этих работ обобщаются в специальных докладах и публикациях (Мошкова, Максименко, 1973; 1974; Мошкова, Шелов, 1974а). М.Г. Мошкова также принимает участие в редактировании тематических сборников, посвященных древностям Нижнего Подонья (Археологические памятники..., 1974а, б).

Яркий период в биографии М.Г. Мошковой – ее дружеские отношения и совместная работа с замечательным скифологом и человеком доброй души, А.И. Мелюковой, над проблемами звериного стиля (Скифо-сибирский..., 1976). Не случайно она становится ответственным редактором одной из лучших монографий Анны Ивановны (Мелюкова, 1979).

В конце 1970-х гг. начинаются раскопки Лебедевского могильника в Западном Казахстане. Этот памятник имеет особое значение в сарматской археологии – среди раскопанных там курганов целая серия относится к позднесарматскому времени. До раскопок Лебедевского могильника считалось, что области Южного Приуралья и прилегающие к ним степи Западного Казахстана практически не были заселены. Однако уже первые разработки М.Г. Мошковой показали, что и эти районы в первые века нашей эры не только входили в ареал культур позднесарматского типа, но и являлись областью расселения могущественных объединений (Мошкова, 1982; 1984а)[1].

В те годы Марина Глебовна могла бы сделать гораздо больше в развитии этой темы, но слишком много сил и времени отнимало у нее научное редактирование различных изданий. В первую очередь это касается последних трудов ее учителя, Константина Федоровича Смирнова, и сборника его памяти. Она выступала в этих изданиях в качестве редактора, автора предисловий и обобщающих статей (Древности Евразии..., 1984; Мошкова, 1984б; в; Смирнов, 1984). Практически одновременно она редактирует фундаментальные работы В.А. Иванова (1984), А.С. Скрипкина (1984). Всякий, кто знаком с тщательным стилем работы Марины Глебовны как над своими, так и над чужими трудами, знает, сколько сил, энергии, знаний и времени было затрачено для того, чтобы эти издания приобрели ту значимость, которую они, в том числе и благодаря ее заслугам, получили в отечественной археологии[2].

Основные же усилия исследовательницы в 1980-е гг. были направлены на подготовку двух томов "Археологии СССР", посвященных проблемам истории и археологии ранних кочевников Евразийских степей. Для "европейского" тома ею был написан большой раздел по археологии савромато-сарматской эпохи (Мошкова, 1989г) и (совместно с А.И. Мелюковой) предисловие (Мелюкова, Мошкова, 1989). М.Г. Мошковой было поручено ответственное редактирование "азиатского" тома (Степная полоса..., 1992), в котором она выступила также в качестве соавтора нескольких центральных разделов, в том числе теоретических (Мошкова, 1992а; б; Боковенко, Мошкова, 1992; Вайнберг, Мошкова, 1992; Боковенко и др., 1992). Данная работа впервые обобщила главные достижения археологии Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана и собрала вместе многочисленных авторов, имевших весьма разнообразные подходы к изучению древностей этого обширнейшего региона. Ее успешным завершением мы обязаны в первую очередь Марине Глебовне. Несомненно, и "европейский", и "азиатский" тома "Археологии СССР" на многие годы останутся актуальными для специалистов в области археологии позднего бронзового и раннего железного веков.

Практически одновременно с работой над этими двумя изданиями М.Г. Мошкова готовит защиту своей докторской диссертации, посвященной основным проблемам теории изучения скифо-сарматского мира, и успешно справляется и с этой задачей (Мошкова, 1989в). Являясь стойкой последовательницей концепции Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова о неразрывной культурно-исторической связи различных этапов развития культуры ранних кочевников Волго-Уральского региона, она дополняет эту концепцию новыми данными, подкрепляет ее с теоретической точки зрения. М.Г. Мошкова и сегодня принципиально и порой резко выступает против безответственных и бездоказательных попыток ревизии хронологии и периодизации этих культур (Мошкова, 2000в; 2001а; Клепиков и др., 2002).

Бережное сохранение памяти о своих учителях, об их вкладе в науку – одна из основ существования любой научной школы. Хорошо понимая это, Марина Глебовна в специальных публикациях подчеркивает их огромный вклад в строительство фундамента отечественной археологии (Мошкова, 1989а; 1990; 1997а; б; Гущина, Мошкова, 1999; Мошкова, Яблонский, 2003). Не случайно серия работ, посвященных историографии отечественного сарматоведения появляется сравнительно недавно. По-настоящему понять значение трудов предшественников может только ученый, который сам накопил огромный запас знаний в области теории и практики своего научного направления и именно поэтому может по достоинству оценить сделанное другими.

Марина Глебовна и сама сделала многое для развития теоретических подходов к проблемам истории и археологии ранних кочевников (Мошкова, 1988; 1989б; г; 1991; 1993; 1994;

[1] Позже эти предположения получили новые подтверждения – на территории Оренбургской области был исследован могильник Покровка-10, который дал большую серию сходных с лебедевскими курганов позднесарматской эпохи (Малашев, Яблонский, 2004).

[2] Сказанное можно в равной степени отнести и к более поздним работам, связанным с ответственным научным редактированием различных по тематике изданий (Корякова, 1988; Ковалевская, 1995; Итина, Яблонский, 1997; Евразийские древности, 1999; Абрамова и др., 2004).

2001а; Вайнберг, Мошкова, 1992). После широкомасштабных экспедиционных работ 70–80-х г. XX в. произошло количественное и качественное пополнение археологического материала. Потребовалось переосмысление теоретических подходов к его научной разработке. И М.Г. Мошкова становится инициатором специального совещания по теоретическим проблемам скифо-сарматской археологии, в котором приняли участие ведущие специалисты в этой области. Материалы данного совещания были вскоре опубликованы (КСИА. 1993. Вып. 207). Можно сказать, что это совещание стало вторым по значению событием после 1952 г., когда теоретические проблемы скифо- и сарматоведения обсуждались столь же обстоятельно (Вопросы..., 1952).

Являясь преданной ученицей и соратницей К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошкова на протяжении всей своей научной биографии последовательно развивает его идеи, и всеми силами поддерживает созданную им научную школу сорматоведения. Она много сделала для того, чтобы и сегодня исследования в этой романтичной области отечественной археологии продолжались не только в стенах родного для нее Института, но и в археологических центрах Поволжья, Приуралья, Подонья – везде, где теперь работают ее собственные ученики. М.Г. Мошкова стояла у истоков организации периодической международной конференции по проблемам сарматской истории и археологии, является общепризнанным лидером в этом важном направлении отечественной науки.

Сегодня Марина Глебовна продолжает активно разрабатывать конкретные вопросы сарматоведения (см., например: Мошкова, 2000а; б; 2001; 2004а; б). Но главным ее достижением в последнем десятилетии, безусловно, является издание трех корпусов, посвященных статистической обработке материалов сарматской эпохи (Статистическая обработка погребальных памятников..., 1994; 1997; 2002).

Помимо научной работы Марина Глебовна отдает много времени и сил научно-организационной деятельности. В 1993–2002 гг. она являлась заведующей Отделом скифо-сарматской археологии ИА РАН; ныне она – член Ученого совета ИА РАН и редакционного совета журнала "Российская археология". Кроме этого, М.Г. Мошкова входит в состав диссертационного совета кафедр археологии и этнологии истфака МГУ, является координатором секции археологии в РГНФ, членом постоянного оргкомитета конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". Марина Глебовна пользуется заслуженным авторитетом и уважением сотрудников Института, в котором она проработала всю жизнь. Не случайно именно она была избрана коллективом Института археологии в качестве представителя Института на общем собрании РАН.

От всего сердца хочется пожелать Марине Глебовне здоровья, творческого долголетия, новых успехов на поприще, которое стало делом ее жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Ранние кочевники Южного Приуралья (по материалам могильника Покровка-10) // Археологические памятники раннего железного века юга России. МИАР. № 6. М., 2004.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ М.Г. МОШКОВОЙ

Боковенко Н.А., Могильников В.А., Мошкова М.Г. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Боковенко Н.А., Мошкова М.Г. Природные условия и хозяйственные зоны Западной и Южной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Вайнберг Б.И., Мошкова М.Г. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Гущина И.И., Мошкова М.Г. Раскопки Б.Н. Гракова в Заволжье у сел Блюменфельд и Кано в 1925 г. // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Мошкова М.Г. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. 2002. № 1.

Мелюкова А.И., Мошкова М.Г. Предисловие // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Мелюкова А.И., Мошкова М.Г. Введение // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960а. № 78.

Мошкова М.Г. Сарматские памятники восточных районов Оренбургской области // Оренбургская историко-археологическая конференция. Тез. докл. Оренбург, 1960б.

Мошкова М.Г. Сарматские курганы Оренбургской области // КСИА. 1961. Вып. 83.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский могильник близ г. Орска // МИА. 1962а. № 115.

Мошкова М.Г. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. 1962б. Вып. 89.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Вып. Д1–10.

Мошкова М.Г. Новые сарматские памятники Заволжско-Оренбургских степей // Мат. сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тез. докл. Баку, 1965.

Мошкова М.Г. Работы Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции в 1964 г. // КСИА. 1966. Вып. 107.

Мошкова М.Г. Погребения VI–IV вв. до н.э. из Челябинских курганов // Древности Восточной Европы. МИА. 1969. № 169.

Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. 1972а. № 153.

Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. 1972б. № 153.

Мошкова М.Г. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. Вып. 170.

Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984а.

Мошкова М.Г. Предисловие // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984б.

Мошкова М.Г. Савромато-сарматская проблематика в работах К.Ф. Смирнова // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984в.

Мошкова М.Г. Понятие "археологическая культура" и савромато-сарматская культурно-историческая общность // Проблемы сарматской археологи и истории. Азов, 1988.

Мошкова М.Г. Вклад П.С. Рыкова в изучение сарматской археологии // Археология Восточно-Европейских степей. Саратов, 1989а.

Мошкова М.Г. Проблемы и достижения сарматской археологии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Ч. I. Запорожье, 1989б.

Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1989в.

Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Нижнем Поволжье // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989г.

Мошкова М.Г. Курганы у с. Харьковка в Заволжье (раскопки Б.Н. Гракова и П.С. Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

Мошкова М.Г. Основные проблемы сарматской археологии // КСИА. 1991. Вып. 204.

Мошкова М.Г. Заключение // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992а.

Мошкова М.Г. Предисловие // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992б.

Мошкова М.Г. Спорные вопросы концепции "скифо-сибирский мир" // КСИА. 1993. Вып. 207.

Мошкова М.Г. К вопросу о природе сходства и различия в культурах кочевников Евразийских степей в I тыс. до н.э. // ВДИ. 1994. № 1.

Мошкова М.Г. П.Д. Рау как один из создателей периодизации и культурной атрибуции археологических памятников раннего железного века Нижнего Поволжья // Междунар. науч. конф. "Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей". Саратов, 1997а.

Мошкова М.Г. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // ДД. Азов, 1997б. № 5.

Мошкова М.Г. Назначение каменных "жертвенников" и "савроматская" археологическая культура // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000а.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // НАВ. Вып. 3. Волгоград, 2000б.

Мошкова М.Г. Что такое III в. до н.э. в истории сарматов? // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 17. Азов, 2000в.

Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.

Мошкова М.Г. О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века Юга России. МИАР. М., 2004а. № 6.

Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004б.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Археологические исследования в Западном Казахстане // АО-1969. 1970.

Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона // КСИА. 1973. Вып. 133.

Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. II. М., 1974.

Мошкова М.Г., Попов С.А., Смирнов К.Ф. Раскопки в Оренбургской области // АО-1966. 1967.

Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф. Изучение сарматских памятников Приуралья // АО-1965. 1966.

Мошкова М.Г., Шелов Д.Б. Новые материалы к истории Нижнего Подонья // Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. II. 1974а.

Мошкова М.Г., Яблонский Л.Т. Отдел скифо-сарматской археологии // Сайт Института археологии РАН в интернете. 2003.

РЕДАКТИРОВАНИЕ

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака. Труды Дагестанской экспедиции. Т. Ш. МИАР. № 5 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 2004.

Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. I / Отв. ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М., 1974а.

Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. II / Отв. ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М., 1974б.

Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко, М., 1984.

Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. В.А. Башилов, А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М., 1999.

Иванов В.А. Вооружение лесостепных племен Прикамья / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1984.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1997.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1995.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири // Отв. ред. М.Г. Мошкова. Свердловск, 1988.

Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир // Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1979.

Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М., 1976.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / Отв. ред. М.Г. Мошкова. Саратов, 1984.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии / Отв. ред. В.В. Кропоткин, М.Г. Мошкова. М., 1984.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1994.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1997.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 2002.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1992.

Институт археологии РАН, Москва

Л.Т. Яблонский

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ

25 августа 2004 года ушел из жизни Александр Владимирович Виноградов.

Александр Владимирович родился 24 января 1931 г. в деревне Малое Иваньково Собинского района Владимирской области в семье рабочего-железнодорожника. С детства его отличала любовь к книгам. В 1948 г., сразу после окончания сельской средней школы, он поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, а затем – на кафедру археологии. Здесь в 1954 г. А.В. Виноградов был принят в аспирантуру со специализаций по каменному веку Средней Азии. Его научным руководителем и учителем стал С.П. Толстов. По окончании аспирантуры в 1957 г. Александр Владимирович поступил на работу в Институт этнографии АН СССР и стал сотрудником Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, с которой и связал навсегда свою творческую биографию. В том же году он успешно защитил кандидатскую диссертацию по археологии неолитической кельтеминарской культуры. В 1972 г. он стал старшим научным сотрудником, а в 1983 г. защитил докторскую диссертацию по уже опубликованной к тому времени монографии "Охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья" (1981), которая вышла в серии Трудов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Помимо активной полевой и научной работы А.В. Виноградов много времени и сил отдавал организационным вопросам, связанным с многотрудной деятельностью Хорезмской экспедиции. Вначале он выполнял обязанности начальника многочисленных полевых отрядов, позже занял должность заместителя начальника экспедиции (когда ее начальником была М.А. Итина), а затем (с 1986 г.) и начальника Хорезмской экспедиции, которая к тому времени еще вела полевые работы одновременно на территории Узбекистана, Туркменистана и Казахстана. В этой должности он оставался до выхода на пенсию в 1991 г.

Свой первый полевой выезд А.В. Виноградов совершил в 1949 г., будучи студентом кафедры археологии МГУ, и затем в течение 40 последующих сезонов участвовал в экспедициях С.П. Толстова. Он возглавлял различные археологические отряды, работая в исключительно сложных условиях пустынь Кызылкумы и Каракумы, на плато Устюрт – в районах, труднодоступных и представлявших собой белые пятна не только на археологических, но, подчас, и на географических картах.

Хорезмская экспедиция исследовала широкий круг археологических памятников: от первобытных до средневековых. Руководитель экспедиции, С.П. Толстов, в своих книгах и отчетах характеризовал их все. Ученики его занялись разработкой региональных материалов по отдельным эпохам. Наиболее ранними памятниками Южного Приаралья были стоянки кельтеминарской культуры, выделенной С.П. Толстовым в предвоенные и первые послевоенные годы, после раскопок стоянки в районе крепости Джанбас-кала 4 в низовьях Амударьи. Позже, отдавая дань своему учителю, А.В. Виноградов назовет этот памятник "Стоянкой Толстова".

Именно археологией кельтеминарской культуры и занялся А.В. Виноградов, начиная с дипломной работы, защищенной на кафедре археологии МГУ в 1953 г. Многолетние результаты изучения этой культуры были обобщены им в докторской диссертации, опубликованной под названием "Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья" (1981). Основные этапы изучения памятников каменного века Приаралья нашли отражение в предшествующих по времени монографиях "Неолитические памятники Хорезма" (1968), "Первобытный Лявлякан" (1975, в соавт. с Э.Д. Мамедовым), в десятках статей.

Эти исследования внесли в понимание особенностей кельтеминарской культуры целый ряд принципиально важных положений, не говоря об открытии большого числа неизвестных ранее стоянок и обследовании новых районов (Дарья-сай).

Во-первых, были найдены и охарактеризованы стоянки дарьясайского типа более ранние, чем у Джанбас-калы. Это поселения, которые содержали своеобразные геометрические орудия, – так называемые "рогатые трапеции", отсутствующие в материалах стоянки Толстова.

Во-вторых, А.В. Виноградов указал на ряд убедительных параллелей кельтеминарской керамики в комплексах древних земледельцев юга Средней Азии. Это позволило уточнить дату кельтеминарских поселений и выявить культурные связи кельтеминарцев не только с северным степным населением (о чем писали еще С.П. Толстов и В.Н. Чернецов), но и с южным земледельческим.

В-третьих, исследование, проведенное в Лявлякане совместно с палеогеографом Э.Д. Мамедовым, помогло реконструировать природную среду неолита Средней Азии. В науку было введено понятие "лявляканский плювиал", обозначающее влажный период с обильной тугайной растительностью, который благоприятно сказался на условиях жизни неолитических охотников и рыболовов.

В четвертых, А.В. Виноградов провел планомерные раскопки первого и единственного пока для северной зоны Средней Азии неолитического могильника Тумек-Кичиджик, интересного и тем, что по целому ряду признаков захоронения этого могильника оказались сходными с погребениями типа Съезжее в лесостепном Поволжье.

Наблюдения, сделанные при изучении памятников Средней Азии, А.В. Виноградов старался проверить и уточнить, находясь в зарубежных экспедициях, работая в качестве начальника полевых отрядов в составе советской археологической экспедиции в Египте (1962 г.) и Афганистане (1975, 1976, 1982 гг.). Используя накопленный им опыт археологических разведок в пустынях Средней Азии, он выявил на территории Афганистана множество стоянок каменного века, начиная от мустьерских и, главным образом, с орудиями микролитических типов. Описания и интерпретацию этих материалов А.В. Виноградов готовил до последних дней, будучи уже тяжело больным, но, к сожалению, так и не успел довести эту работу до конца. Во второй половине 80-х годов он неоднократно выезжал в длительные командировки в Кабул для обработки новых и новых археологических материалов, для того, чтобы оказать помощь сотрудникам Кабульского музея в организации специальной археологической лаборатории. Последние командировки Александра Владимировича в Афганистан проходили в условиях исключительно сложной военно-политической обстановки, сложившейся вокруг столицы этой республики и в самом Кабуле, но риск никогда не останавливал исследователя.

Итоги работ А.В. Виноградова в области первобытной археологии должны быть оценены как весьма значительные и перспективные для будущего отечественной археологии. В 60–70-е годы XX в. его исследования по каменному веку северных пустынных областей Средней Азии проводились комплексно, с использованием материалов по палеогеографии и палеопочвоведению. Специалисты, работавшие в этих областях знания, были его постоянными соавторами и в поле, и за письменным столом. В те годы исследования такого рода были новаторскими. Они не только ввели в научный оборот огромный массив данных, касающихся различных аспектов становления первобытного общества на пустынных ныне территориях. Они позволили ставить и решать проблемы древнейшего заселения огромного среднеазиатского региона, условий существования там человека от палеолита до энеолита, влияния изменений внешней среды, в частности климата, на систему расселения древнейших человеческих сообществ. Очень важным итогом этих комплексных работ стало выделение А.В. Виноградовым древнейших типов хозяйства, характерных для среднеазиатского региона, обусловленных развитием в конкретных экологических условиях.

Много сил А.В. Виноградов отдал научной координации со среднеазиатскими археологическими центрами и научными учреждениями, подготовке там собственных научных кадров. В течение длительного времени он являлся членом диссертационного совета Института археологии РАН. Он был всегда открыт для научного и человеческого общения и до конца жизни оставался приверженцем лучших традиций Хорезмской экспедиции, основных принципов ее работы, сформулированных С.П. Толстовым, который всегда оставался для него любимым и единственным Учителем.

Уход А.В. Виноградова из состава Хорезмской экспедиции, а затем и из жизни обозначил невосполнимую утрату в археологии – и не только археологии каменного века Средней Азии. Остается надеяться, что настанет время, когда опубликованные им научные труды, архивные материалы и результаты его полевых исследований еще станут мощным стимулом для развития того направления науки, которому А.В. Виноградов отдал всю свою жизнь.

Коллеги и ученики А.В. Виноградова, все, кому приходилось близко общаться с этим неординарным человеком, целеустремленным и талантливым ученым, навсегда сохранят память о нем в своих сердцах.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.В. ВИНОГРАДОВА

1. Неолитические украшения из створок раковин (по материалам раскопок в Северной Туркмении) // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 135–139.
2. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // СЭ. 1957. № 3. С. 24–45.
3. Кельтеминарская культура. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1957. 24 с.
4. Рец.: ТИИАЭ АН ТуркмССР. Т. II. Ашхабад, 1956 // СЭ. 1957. № 6. С. 73–76 (в соавт. с Н.Н. Вактурской).
5. Раннекельтеминарская стоянка Куняк 1 // КСИЭ. 1958. Вып. XXX. С. 16–22.
6. Рец.: Труды Хорезмской экспедиции. Т. I. М., 1952 // Вестн. истории мировой культуры. 1958. № 2. Стр. 197–202 (на англ. яз.).
7. Археологическая разведка в районе Аральска-Саксаульской // ТИИАЭ АН КазССР. Т. VII. Алма-Ата, 1959. С. 75–85.
8. Рец.: Труды ЮТАКЭ. Т. VII // СЭ. 1959. № 1. С. 158–165 (в соавт. с М.А. Итиной).
9. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. // МХЭ. Вып. 4. М., 1960. С. 63–81.
10. Советская археологическая экспедиция в Нубии // СЭ. 1962. № 6. С. 150–155.
11. Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6 / Отв. ред. М., 1963. 25 п.л. (совм. с С.П. Толстовым).
12. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры // МХЭ. Вып. 6. М., 1963. С. 91–102.
13. Могильники эпохи Среднего Царства в районе с. Курта // Древняя Нубия. М., 1964. С. 180–204.
14. По Нубии // Земля и люди. 1964. С. 160–166.
15. Раскопки могильников в районе селения Зап. Коштамна // Древняя Нубия. М., 1964. С. 205–228.
16. Себильская культура в районе Дакки // Древняя Нубия. М., 1964. С. 69–82.
17. Кызылкумская бирюза (из истории добычи и обработки) // СЭ. 1965. № 2. С. 114–134 (в соавт. с С.В. Лопатиным и Э.Д. Мамедовым).
18. На землях древнего орошения // Земля и люди. 1965. С. 207–209.
19. Неолитические памятники каракалпакского Устюрта. Ч. 1 // ВКФ АН УзССР. 1965. № 2. С. 46–57 (в соавт. с Е. Бижановым).
20. Неолитические памятники каракалпакского Устюрта. Ч. 2 // ВКФ АН УзССР. 1965. № 3. С. 63–70 (в соавт. с Е. Бижановым).
21. Комплексные археогеографические исследования в районе лявляканских озер (Внутренние Кызылкумы) // Тез. доклада на Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых исследований 1966 г. М., 1966. С. 10, 11 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).
22. Тысячелетия, погребенные пустыней. М. 1966. 186 с.
23. The Turquoise of the Kyzyl-Kum (from the History of its Quarrying and Processing) // Soviet Anthropology and Archaeology. V. IV. № 4. 1966. С. 11–28 (в соавт. с С.В. Лопатиным и Э.Д. Мамедовым).
24. К 60-летию Сергея Павловича Толстова // СА. 1967. № 1. С. 111.
25. Кызылкумы: по следам первобытного человека // Газета "Ленинский путь". Самарканд, 1967. № 234. С. 7.
26. Новые неолитические находки с Устюрта // ВКФ АН УзССР. 1967. № 2. С. 77–87.
27. Советские исследования в Кызылкумах (1917–1967) // ПОП. № 5. Ашхабад, 1967. С. 26–32.

28. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция // АО-1966. 1967. С. 303–307 (в соавт. с С.П. Толстовым, М.А. Итиной).

29. Археолого-географические исследования в Юго-Западных Кызылкумах // АО-1967. 1968. С. 333, 334.

30. Древние почвы Кызылкумов // Всесоюзная науч. конф. по проблеме пустынь. Тез. докл. Ашхабад, 1968. С. 11, 12.

31. История, археология и этнография Средней Азии / Отв. ред. М., 1968. 35 а.л. (совм. с М.А. Итиной, М.Г. Воробьевой и др.).

32. Комплексное археолого-географическое исследование во внутренних Кызылкумах // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1968. С. 38–45 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

33. Неолит Кызылкумов (к проблеме выделения локальных вариантов в неолите пустынь Средней Азии) // Проблемы археологии Средней Азии. Тез. докл. Л., 1968. С. 12, 13.

34. Неолит Устюрта // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 64–75.

35. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968. 180 с.

36. Рец.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966 // СА. 1968. № 1. С. 286–295 (в соавт. с М.А. Итиной).

37. С.П. Толстов. К 60-летию со дня рождения // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 5–8.

38. Археолого-географические исследования в районе Дарьясая (Юго-Западные Кызылкумы) // АО-1968. 1969.

39. Древние почвы в песках Кызылкумов // Почвоведение. 1969. № 3. С. 33–44 (в соавт. с Э Д. Мамедовым, И.Н. Степановым).

40. Караван на камнях (об открытии петроглифов в Кызылкумах) // Газета "Правда Востока". Ташкент, 1969. 2 сентября. С. 4.

41. Кызылнура 1 – первый мустьерский памятник в Кызылкумах // СА. 1969. № 1. С. 84–97 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

42. Палеогеография района возвышенности Джанбас и история его древнего освоения // Земли древнего орошения. М., 1969. С. 150–167.

43. Древние почвы Кызылкумов // ПОП. № 6. Ашхабад, 1970. С. 8–15.

44. Исследования в Юго-Западных Кызылкумах // АО-1969. 1970. С. 400, 401.

45. К палеогеографии Акчадарьи // КСИА. 1970. Вып. 22. С. 110–113 (в соавт. с А.С. Кесь, М.А. Итиной).

46. Литейные формы из Лявлякана // СА. 1970. № 2. С. 125–135 (в соавт. с Е.Е. Кузьминой).

47. Новые данные о неолите Западной Туркмении // КД. Вып. III. Ашхабад, 1970. С. 237–243.

48. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов // КСИА. 1970. Вып. 22. С. 31–36.

49. О характере почвообразования на разновозрастных поверхностях пустынных территорий Средней Азии // IV Всесоюзный делегатский съезд почвоведов. Тез. докл. Кн. 1. Алма-Ата, 1970. С. 17, 18.

50. Археолого-географические исследования в Бухарской области //АО–1970. 1971. С. 424, 425.

51. Археолого-географические исследования в Центральных Кызылкумах в 1971 году // АО-1971. 1972. С. 508, 509.

52. Кызылкумские ювелиры // УСА. Вып. 2. Ташкент, 1972. С. 43–45.

53. О распространении ранненеолитических комплексов дарьясайского типа (по материалам работ 1970 года) // УСА. Вып. 1. Ташкент, 1972. С. 32–34.

54. Петроглифы в Кызылкумах // Наука и жизнь. 1972. № 5. С. 11.

55. Стратиграфия четвертичных отложений низовьев Заравшана и Юго-Западных Кызылкумов в свете новейших геологических и археологических исследований // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 38. М., 1972. С. 142–148.

56. Итоги комплексных археолого-геоморфологических работ во Внутренних Кызылкумах (1965–1972 гг.) // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года. Тез. докл. и сообщ. Ташкент, 1973. С. 11–14 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

57. Новые первобытные материалы из Северо-Восточного Приаралья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 85–103.

58. The Settlement of Early Man in the Central Asian Deserts as Related to paleogeografic conditions // Prehistoric Man, his Industry and the Environment in the Pleistocene and Holocene. M., 1973. С. 59, 60 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

59. Гандж-Даре – новый неолитический памятник в Западном Иране // СА. 1974. № 2. С. 271–276 (в соавт. с С.А. Оленич).

60. Кызылкумы: галереи древних художников // Земля и люди. М., 1974. С. 114, 115.

61. Ландшафтно-климатические условия среднеазиатских пустынь в голоцене // ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1974. С. 32–44 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

62. Палеогеографическая обусловленность расселения древнего человека в пустынях Средней Азии // Материалы симпозиума "Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене". М., 1974. С. 290–295 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым, М.А. Итиной, А.С. Кесь).

63. Работа на могильнике Тумеккичиджик в Северной Туркмении // АО–1973. 1974. С. 500.

64. Работы в Северо-Западных Каракумах // АО–1973. 1974. С. 501 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

65. Могильник Тумеккичиджик в Северной Туркмении // АО-1974. 1975. С. 520, 521.

66. Первобытный Лявлякан (этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов). М., 1975. 278 с. (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

67. Работы Каракумского отряда // АО-1974. 1975. С. 521, 522 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

68. Работы Кызылкумского отряда // АО-1975. 1976. С. 543 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

69. *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н.э.) // ТХАЭЭ. Т. X / Отв. ред. М., 1977. 238 с.

70. Первые радиуглеродные даты для неолита Кызылкумов // СА. 1977. № 4. С. 267–269 (в соавт. с Э. Д. Мамедовым, Л.А. Сулержицким).

71. Раскопки стоянки Джанбас 31 // АО-1976. 1977. С. 525, 526.

72. Первые палеолитические находки с Юго-Западного Устюрта // АО-1977. 1978. С. 522 (в соавт. с Е. Бижановым).

73. Раскопки стоянки Толстова // АО-1977. 1978. С. 521, 522.

74. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. Т. II. М., 1979. С. 7–62.

75. Комплексные археолого-геоморфологические работы в Юго-Западных Кызылкумах // АО-1978. 1979. С. 547 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).

76. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 3–10.

77. Раскопки стоянки Толстова // АО-1978. 1979. С. 547, 548.

78. Этнография и археология Средней Азии / Отв. ред. М., 1979. 180 с.

79. Рец.: Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976 // СА. 1979. № 1. С. 281–294.

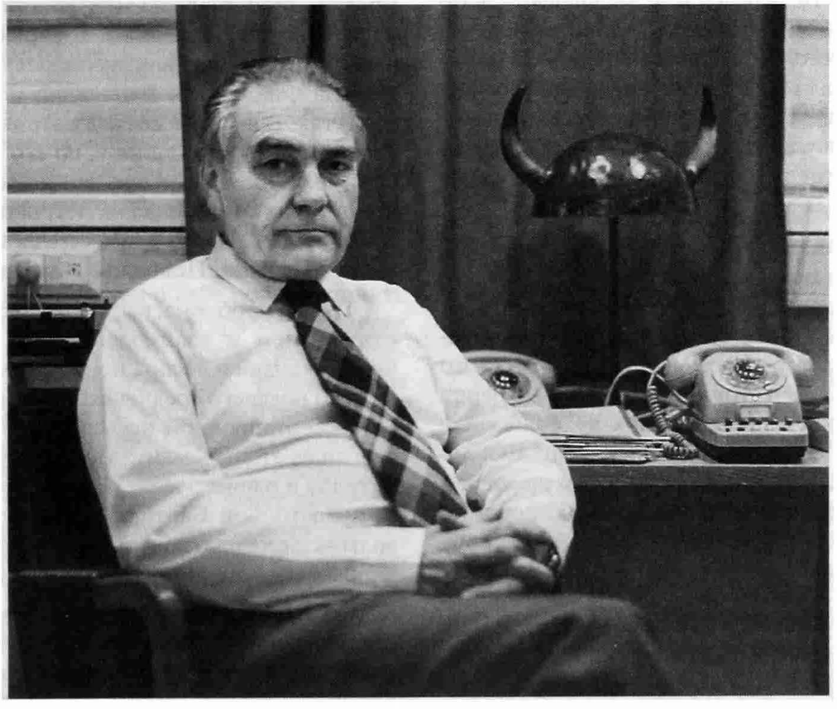
80. Раскопки стоянки Толстова // АО–1979. 1980. С. 446.

81. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. ТХАЭЭ. Т. XIII. М., 1981. 173 с.
82. Исследования на Джанбасском такыре // АО-1980. 1981. С. 447.
83. Новые материалы по периодизации и хронологии неолита Кызылкумов // Культура и искусство Хорезма. М., 1981. С. 88–98.
84. Работы Джанбасского отряда в 1981 году // АО-1981. 1982. С. 452.
85. Разведки палеолита в Юго-Западных Кызылкумах // АО-1981. 1982. С. 461 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).
86. Раскопки стоянки Толстова // АО–1982. 1983. С. 470.
87. Работы на стоянке Таджиказган 17 // АО-1983. 1984. С. 528 (в соавт. с Э.Д. Мамедовым).
88. Les culture de la fin d Γ Hindukush et le Pamir – Altai // L`avcheodo gie de la Bactviane ancienne. Paris, 1985. P. 63–76 (в соавт. с В.А. Рановым).
89. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование). ТХАЭЭ. Т. XIV. М., 1986. 200 с. (в соавт. с М.А. Итиной, Л.Т. Яблонским).
90. Новые данные о палеолите Афганистана // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Тез. докл. конф., посвященной 50-летию открытия Тешик-Таша. Ташкент, 1988. С. 20–22 (в соавт. с А. Юсефзаем).
91. La Periodisation de l'age de la pierre en Bactriane ancienne // L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines a l'age du fer. Mem. Dela mis. Archeologique Francaise en Asie Central. Paris, 1988. P. 49–51 (в соавт. с В.А. Рановым).
92. From heyday to crysis // Precirculated papers and abstracts of Sixth International Conference of Hunters and gathering societies. V. 1. Fairbanks, 1990. P. 429.
93. Изменение климата и ландшафтов междуречья Амударьи и Сырдарьи (по археологическим и палеогеографическим данным) // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., 1991. С. 66–75.
94. Памятники эпохи неолита и бронзы // Древности Южного Хорезма. М., 1991. С. 34–79 (в соавт. с М.А. Итиной, Э.Д. Мамедовым, С.А. Оленич, Л.М. Левиной, С.М. Коляковым, М.С. Лапировым-Скобло, М.Г. Воробьевой, А.Н. Гертманом).
95. Загадочный Кара-Камар // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск, 2004. С. 58–79.

Институт археологии РАН, Москва

А.А. Формозов, Л.Т. Яблонский

ПАМЯТИ КАРЛА ФРЕДРИКА МЕЙНАНДЕРА (1916–2004)



23 августа 2004 г. ушел из жизни старейшина финской археологии Карл Фредрик Мейнандер. Для всех, кто интересуется археологией севера Европы, это имя значит очень многое.

К.Ф. Мейнандер родился в Хельсинки 6 октября 1916 г. в семье выдающегося финского искусствоведа первой трети XX века Карла Конрада Мейнандера (1872–1933). Старший Мейнандер с 1900 г. был связан с Национальным музеем, сначала в качестве интенданта, а затем – руководителя исторического отдела Археологической комиссии (ныне Музейное ведомство). В 1934 г. Карл Фредрик стал студентом Хельсинского университета, однако учебу на историко-филологическом факультете пришлось прервать в 1939 г., с началом войны. К.Ф. Мейнандер участвовал в ней (1940–1944 гг.), получил легкое ранение. В 1943 г. для сдачи магистерского выпускного экзамена и получения степени кандидата философии ему был предоставлен отпуск. Защита прошла успешно и в необычной обстановке. К.Ф. Мейнандер и А.М. Тальгрен, руководивший его студенческой работой, выбрали для этой цели известный кафетерий "Ekberg".

Активная научная и педагогическая деятельность Мейнандера пришлась на 40–80-е годы XX в. В 1947–1970 гг. он – сотрудник, а затем руководитель Археологической комиссии (Музейного ведомства). В течение 27 лет К.Ф. Мейнандер преподавал на кафедре археологии Хельсинкского университета, сначала занимая должность доцента (1955–1970 гг.), а потом профессора (1971–1982 гг.). В 1954 г. вышли его первые монографии (Meinander, 1954a; 1954b). Книга "Die Bronzezeit in Finnland" явилась диссертационным исследованием Мейнандера, защищенным в том же году. Уйдя в 1983 г. на пенсию, ученый еще долго оставался действующей фигурой финской археологии. Он продолжал интересоваться новейшими работами своих российских коллег и даже включился в полемику, связанную с двумя актуальными проблемами: распространения постнеолитических памятников типа Волосово в лесной полосе Восточной Европы и в Финляндии (Meinander, 1984) и этнокультурного своеобразия Акозинского и Старшего Ахмыловского могильников, сложения и путей распространения меларских кельтов (Meinander, 1985).

К.Ф. Мейнандер был одним из последних учеников А.М. Тальгрена, внесшего неоценимый вклад в развитие археологии в России и СССР. В 1939 г. прервались все нити общения финских и советских ученых, включая переписку, но в 1940–1941 гг., в "окошке" между войнами, А.М. Тальгрен стремился через посольство в Москве получить все новые доступные издания по археологии СССР. О проблемах восточноевропейской археологии он писал даже в годы войны (Kivikoski, 1954a. P. 139). Его последняя публичная лекция (1944 г.) была посвящена эпохе палеолита в России (Kivikoski, 1954b. P. 119). А.М. Тальгрен, по сути, передал К.Ф. Мейнандеру эстафетную палочку, которую достойно пронесли многие поколения финских археологов, этнологов и лингвистов, всем своим научным творчеством связанных с изучением древних и современных культур, народов и языков Европейской и Азиатской России. Тальгреновский импульс определил глубокий интерес Карла Фредрика к древностям лесной полосы Восточной Европы, особенно бронзового и раннего железного веков.

К.Ф. Мейнандер был в числе тех финских ученых, кто преодолевал пагубный разрыв научных связей между Финляндией и СССР в результате войн 1939–1940 и 1941–1944 гг. Его первым корреспондентом в России стал А.Я. Брюсов – крупнейший в 1950-е годы знаток древностей Карелии и Русского Севера в целом. К.Ф. Мейнандер стоял у истоков организации регулярных советско/российско-финляндских археологических симпозиумов, которые явились весьма действенным и полезным форумом для обсуждения многих проблем древней и средневековой истории и археологии Финляндии и Северо-Запада России. В 1969 г. в рамках Финляндско-Советской комиссии по научно-техническому сотрудничеству была основана рабочая группа в области археологии (К.Ф. Мейнандер возглавлял ее в 1970–1985 гг.), а начиная с 1970-х годов стали проводиться совместные симпозиумы (Едгрен, 1984. С. 7, 8). Первый из них состоялся в 1976 г. в Ленинграде, последний – в минувшем году в Пушкинских Горах. К.Ф. Мейнандер (1979a. С. 5) – вслед за своими предшественниками и учителями И.Р. Аспелиным, А.М. Тальгреном, А. Хакманом, Ю. Айлио, А. Еуропеусом, К.А. Нордманом – понимал, что без изучения материалов Карелии, Восточной Балтики и в целом лесной полосы Европейской России в финской археологии вряд ли можно разрешить любую проблему.

Прошло уже более 20 лет с тех пор, как профессор К.Ф. Мейнандер отошел от активной научной и преподавательской деятельности. Однако все эти годы в СССР и в России не ослабевал интерес к тем его трудам, что непосредственно связаны с изучением ряда актуальных проблем отечественной археологии (Meinander, 1954a; 1954b; 1969; 1985; Мейнандер, 1974; 1979b; 1982).

Первая из них – проблема предыстории западных финно-угров. Реконструируемая К.Ф. Мейнандером археологическая модель ранних этапов этнической истории западнофинских народов опирается на предпосылку о том, что "северная зона хвойных лесов (Восточной Балтики и Фенноскандии. – *С.К.*) была для них исходной территорией и продолжала оставаться ею в течение девяти тысячелетий" (1974. С. 28). К.Ф. Мейнандер, как и многие его предшественники и последователи, считал, что данные археологии свидетельствуют о преемственности археологических культур, а соответственно – о доминанте внутреннего демографического развития населения этой области. При этом он отмечал проникновения восточных культурных элементов в данную область на протяжении каменного, бронзового и раннего железного веков, но полагал, что "исконная основа прафиннов от этого не изменилась" (Мейнандер, 1982. С. 30).

Вторая проблема – Биармия и биармы. В финской историографии легендарная страна биармов чаще всего локализовалась в районе Ладожского озера, а сами биармы отождествлялись с карелами. А.М. Тальгрен, одним их первых подошедший к изучению этой проблемы с позиций археологии (Tallgren, 1931), стоял перед выбором: Биармия – это Верхнее Прикамье с Пермью или Приладожье, но в итоге склонился во второму варианту. К.Ф. Мейнандер обратил внимание на находки так называемых "пермских" предметов в Финляндии и на севере Скандинавии (1979b. С. 36–39), полагая, что они могли быть оставлены торговцами или коробейниками, вероятнее всего, из Поволжья, которые в период раннего средневековья поддерживали активные контакты с партнерами в Южной Финляндии, Лапландии и в промежуточных лесных областях. Внимание исследователя привлекли также находки глиняных лап (являвшихся, по его мнению, таким же магическим средством, как и бронзовые лапчатые подвески), распространенных от Аландских островов до Ярославского Поволжья (1979b. С. 37). В итоге страна Биармия была локализована им в Верхнем Поволжье с центром в районе Ярославля.

Третья проблема, вернее, целый круг проблем связан с соотношением и взаимодействием археологических культур Фенноскандии и лесной полосы Восточной Европы – от мезолита до позднего средневековья. Еще 50 лет тому назад в своем диссертационном исследовании К.Ф. Мейнандер наметил основные этапы развития культур Финляндии в эпохи раннего металла и раннего железа, связал их с этапами культурогенеза в Восточной Балтике и выявил характер волго-окских и волго-камских этнокультурных проявлений в памятниках Финляндии и Карелии (Meinander, 1954b).

Особенно важна выдвинутая им гипотеза о принадлежности меларских кельтов Восточной Европы и Финляндии населению, оставившему памятники с ранней "текстильной" керамикой (Meinander, 1954a. S. 38, 39, 205, 207). Эта гипотеза, к сожалению, не вызвала отклика в советской литературе 1950–1970-х годов. Сказывался примат ананьинской принадлежности всех памятников Среднего Поволжья и Поочья, содержавших оружие этого типа (см. работы А.Х. Халикова, П.Н. Третьякова, В.С. Патрушева). Меларские кельты рассматривались тогда как одна "из наиболее своеобразных черт ананьинской культуры Марийского Поволжья" (Патрушев, 1975. С. 42). После того как гипотезу К.Ф. Мейнандера удалось подкрепить новыми доказательствами (Кузьминых, 1977; 1983; 1993; Kuz'minych, 1996), она завоевывает все большее число сторонников в России.

Сам К.Ф. Мейнандер не раз возвращался к проблеме интерпретации находок кельтов меларского и ананьинского типов и форм для их отливки вне ареала Среднего Поволжья (Meinander, 1969. S. 27–69; 1984. P. 29). В одной из своих последних статей он (вслед за Е. Боду) констатировал, что в Швеции меларские кельты не были найдены ни в могильниках, ни в кладах, что они не соответствуют внутренней скандинавской металлургической традиции. В то же время появление этого оружия в Волго-Камье рассматривалось им через призму торговли металлом ананьинского мира с культурами северо-западных районов Европы (включая "текстильные"), благодаря чему западный тип кельтов укоренился в ареале средневолжского ананьина (Meinander, 1985. S. 33).

К.Ф. Мейнандер оппонировал О.Н. Бадеру и А.Х. Халикову в понимании этнической принадлежности волосовской культуры, сомневаясь в том, чтобы "она могла включить в себя все языковое и культурное наследие финно-волжского периода" (1982. С. 28). Указывая на сходство керамики Волосова и памятников Фенноскандии и Восточной Балтики (группы Kierikki, Pyheensilta, Pöljä, Tamula, Jettböle), ученый видел за этим параллельное развитие племенных групп таежных охотников и рыболовов, которые понимали язык друг друга.

Не менее важно для нас понимание К.Ф. Мейнандером процессов культурогенеза в Финляндии и в Карелии в век "текстильной" керамики, представленной здесь памятниками типа Sarsa. Первоначально он относил их к охотничье-рыболовецкому населению и склонялся скорее к признанию этого населения прямыми потомками местных поздненеолитических групп. Но тогда же возникла дилемма: "если бы можно было доказать, что население Сарса знало земледелие и интенсивно пользовалось металлом, то это было бы очень веским аргументом в пользу миграции" (Мейнандер, 1982. С. 29). Вскоре появились палинологические данные о наличии подсечно-огневого земледелия в период существования памятников типа Sarsa, и К.Ф. Мейнандер согласился с тем, что они оставлены новым населением, владевшим агрикультурой и металлообработкой и пришедшим во внутренние районы Финляндии с территории, прилегающей к Ладоге (Meinander, 1984. P. 29).

Карл Фредрик Мейнандер оставил о себе добрую память как ученый и как личность. И если финские археологи иногда с юмором вспоминают о "чудачествах" своего старого профессора, то это свидетельства, прежде всего, человечности его натуры. В личном общении он оказался еще и весьма пытливым собеседником: К.Ф. Мейнандер не обошел стороной ни одного острого вопроса, связанного с загадочным распространением меларских кельтов, при обсуждении моего доклада в Хельсинкском университете в 1990 г. При этом его замечания – при всей их остроте – были содержательными и, что немаловажно в тот момент, благожелательными. Они мне очень помогли при подготовке доклада к печати (Кузьминых, 1993; Kuz'minych, 1996).

В последние годы я встречал К.Ф. Мейнандера все реже. В памяти запечатлелись узнаваемая, несколько сутулая фигура К.Ф. Мейнандера, идущего по коридору археологического отдела Музейного ведомства, и реакция моих финских коллег и друзей на его появление. Мною это воспринималось как шествие и торжество патриарха, заслужившего своим безупречным служением археологии уважение и почтение со стороны коллег и учеников. Кажется, все понимали, что с его уходом уйдет и целая эпоха в археологии Финляндии, оборвется та живая нить, что соединяет их с поколением И.Р. Аспелина и А.М. Тальгрена – отцов-основателей финской археологии.

Печально, что прервалась "осень" патриарха. К.Ф. Мейнандер ушел, но мне верится, что он все сделал для того, чтобы связующая нить поколений стала еще крепче. Остались его труды, идеи и гипотезы, которые стимулируют поиски его учеников и последователей. К.Ф. Мейнандер, безусловно, был и останется одной из знаковых фигур в финской археологической науке, которой он верно служил более полувека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Едгрен Т. Introduction – Введение // Iskos. T. 4. Helsinki, 1984.

Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань, 1993.

Мейнандер К.Ф. Проблема происхождения финно-угров по данным археологии // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974.

Мейнандер К. Вступительное слово // Финно-угры и славяне. (Докл. первого советско-финляндского симпоз. по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г.) Л., 1979a.

Мейнандер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне. (Докл. первого советско-финляндского симпоз. по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г.) Л., 1979b.

Мейнандер К. Финны – часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. Антропология. Археология. Этнография. М., 1982.

Патрушев В.С. Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья // СА. 1975. № 3.

Kivikoski E. The Bibliography of A.M. Tallgren // ESA. 1954a. Supplementary Volume.

Kivikoski E. A.M. Tallgren // ESA. 1954b. Supplementary Volume.

Kuz'minych S.V. Osteuropäische und fennoskandische Tüllenbeile des Mälartyps: ein Rätzel der Archäologie // Fennoscandia archaeologica. T. XIII. Helsinki, 1996.

Meinander C.F. Die Kiukaiskultur // SMYA. 1954a. T. 53.

Meinander C.F. Die Bronzezeit in Finnland // SMYA. 1954b. T. 54.

Meinander C.F. Dåvits // FM 1969.

Meinander C.F. Volosovo and the Baltic // Iskos. T. 4. Helsinki, 1984.

Meinander C.F. Akozino, Achmylovo och mälaryxorna // FM. 1985.

Tallgren A.M. Biarmia // ESA. 1931. T. VI.

Институт археологии РАН, Москва

С.В. Кузьминых

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия. М.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.).
АКР	– Археологическая карта России.
АС	– Археологический съезд.
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Екатеринбург.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВКФ АН УзССР	– Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Нукус.
ВСРПО	– Всесоюзное специализированное реставрационное производственное объединение.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра.
ГИМ	– Государственный Исторический музей.
ДД	– Донские древности.
ДТС	– Древнетюркский словарь.
ЗИ РАН	– Зоологический институт Российской академии наук.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. Петроград.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана.
ИКДР	– История культуры Древней Руси.
ИКУАК	– Известия Калужской ученой архивной комиссии.
КБН	– Корпус Боспорских надписей.
КД	– Каракумские древности.
КС	– Киевская старина.
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МГПИ	– Московский государственный педагогический институт.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России.
МХЭ	– Материалы Хорезмской экспедиции
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины.
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник.
НПЦ	– Научно-производственный центр.
ОПИ ИА РАН	– Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук.
ПОП	– Проблемы освоения пустынь.
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей.
РА	– Российская археология. М.
РА ИИМК РАН	– Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук.
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СИГТЯЛ	– Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук.
СЭ	– Советская этнография.
ТИИАЭ	– Труды Института истории, археологии и этнографии.
ТИЭ, НС	– Труды Института этнографии Академии наук СССР; новая серия. М.
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
УСА	– Успехи среднеазиатской археологии.
ФА ИИМК РАН	– Фотоархив Института истории материальной культуры Российской академии наук.
ЮТАКЭ	– Южнотуркменская археологическая экспедиция.
Am Ant	– American Antiquity, Sult Lake City.
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
FM	– Finskt Museum. Helsingfors.
JFA	– Journal of Field Archaeology. Chicago.
ÑP	– Ñawpa Pacha. Berkely.
RG	– mit Ringgarnitur = с кольцевой гарнитурой.
RGZM	– Römisch-Germanischen Zentralmuseum in Mainz.
RMN	– Revista del Museo Nacional. Lima.
SAP-J	– Société des Américanistes de Paris Journal. Paris.
SMYA	– Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.
SPÖG	– Schriften der Physik–Ökonomische Gesellschaft zu Königsberg. Königsberg.